

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 6 (61)
2006

ISSN 1991-9751

СЕРИЯ

«ЛИНГВИСТИКА»

Выпуск 3

Редакционная коллегия:

д.филол.н., профессор **О.А. Турбина** (*отв. редактор*)
д.филол.н., проф. **Л.Г. Бабенко**, д.филол.н., проф. **Е.В. Харченко**,
д.филол.н., проф. **А.П. Чудинов**, к.филол.н., проф. **Т.Н. Хомутова**,
к.филол.н., доц. **С.С. Голубева**, к.филол.н., доц. **Е.А. Филиппенко**,
Е.С. Жеребятьева (*отв. секретарь*)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии.....	3
ГРАММАТИКА И СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА	
БИНЬКОВСКАЯ М.В. Особенности семантики и функционирования непроезженных лексических предлогов, оформляющих родительный падеж (по материалам Государственного архива Челябинской области).....	5
ЗЕЙФЕРТ А.Д., ПЛЕЩЕВ Н.А. Структурные модели устойчивых словосочетаний в языке ток-писин (ТП)	14
ПИРОГОВ Н.А., ЗЕНЧЕНКО М.А. Бессоюзные сложные предложения русского и немецкого языков в сопоставительном плане (на материале художественной литературы)..	19
ПИРОГОВ Н.А., КОШКИНА Н.В. Структурно-семантическая классификация сложносочиненных предложений с союзом «und».....	24
ПОПОВА В.Б. Проблемы сопоставительного исследования наречий времени в чешском и русском языках	28
СТАНОВАЯ Л.А., ТКАЧЕВА А.Н. Статус французских глаголов типа <i>prétender</i> (<i>требовать</i>) / <i>prétender à</i> (<i>стремиться к чему-либо</i>).....	30

Содержание

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И ПЕРЕВОД

ЕРМОЛЕНКО С.И., СКОБЕЛЕВА М.Л. Эпиграммы М.Ю. Лермонтова: позиция лирического «Я» сквозь призму языковой игры	36
КЛОЧКОВ А.В., ПРОВОТОРОВ В.И. Русская разговорная речь в межъязыковом аспекте	41
ЛУТЦОВА Т.В., ИВАНОВА Е.А. «Черная кошка» Р.М. Рильке: проблема передачи элементов текстовидеологической перспективы при переводе на русский язык	44
ОЛИЗЬКО Н.С. Постмодернизм: к проблеме определения понятия	49
ТУРБИНА О.А., САВЕЛЬЕВА О.А. Принцип классификации текстовых связей.....	53
ХОМУТОВА Т.Н. Типология жанра: от теории к практике	60
ШЕМЕТОВ В.Б. ШАПКИНА Е.В. К вопросу о композиционной структуре руководств по эксплуатации к бытовым приборам	65

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

БУДАЕВ Э.В., ЧУДИНОВ А.П. Когнитивные и риторические истоки «Метафор, которыми мы живем»	68
ПЕРЕДРИЕНКО Т.Ю. Взаимодействие оппозиционных концептов « <i>god</i> » и « <i>devil</i> » в английской лингвокультуре	71
ПЛОТНИКОВА А.М. Когнитивные принципы организации внутрисловных и межсловных семантических парадигм	75
СУМИНА Е.С., КОУРОВА О.И. Категоризация толерантности в научной картине мира ...	78
ХАЛЯПИНА Л.П. О разработке методической системы формирования поликультурной языковой личности в процессе обучения иностранным языкам.....	84
ШУСТРОВА Е.В. Метафорическое моделирование афроамериканской художественной картины мира (на примере прозы Дж. Болдуина)	90

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

ДЕМИДОВА К.И., ЗЛЫДЕННАЯ Т.А. Особенности семантики глаголов с включенными актантами в литературном языке и говорах	95
ДЕМИДОВА К.И., ОВЧИННИКОВА Л.Н. Ситуация «человек и его речь» как фрагмент денотативного пространства сквозь призму диалектной глагольной метафоры	98

РЕЧЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ

УСАНОВА О.Г. О требованиях к речи педагога	101
ХАРЧЕНКО Е.В. Моделирование речевого поведения в профессиональном общении....	103

ФРАЗЕОЛОГИЯ

ДАВЫДОВА О.Л., ФЕДОРОВА В.П. Семантика интенсивности в структуре значения процессуальных фразеологизмов	107
ЗАВЬЯЛОВА Н.А., ПЫЛАЙКИНА В.П. Фрагменты лингвоцветовой картины японского языка на материале японских фразеологизмов с колоративным компонентом	111
КАЦЮБА Л.Б. Лингвокультурологические аспекты субъекта в поговорках	116
РАДЧЕНКО Е.В. Проявление устойчивости и динамичности личных форм процессуальных фразеологизмов	121

ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

- ВЛАСЯН Г.Р. Вопросительные предложения в свете теории речевых актов..... 125
- ЕРОФЕЕВА Е.В., ГАШЕВА О.В. Прямые и косвенные способы выражения речевого акта обещания в современном французском и английском языках..... 128

ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

- ГУЛЯЕВА Г.Е. Роль историко-культурного контекста в формировании концепта «солнце» (на материале творчества К. Кинчева) 133
- ДАЧКО Е.М. Модели эвфемизации теонимов в Пятикнижии Моисеевом 138
- СИНЕЛЬНИКОВА А.В. К вопросу о стереотипных единицах в фольклорном тексте (на материале итальянских народных сказок) 142
- СОКОЛОВА Е.Ю. Специфика образов языкового сознания в профессиональном общении 145
- СУРИНА А.В. Метафорические заглавия современных российских политических мемуаров: смысловой и прагматический аспекты 149
- ФРОСТ С.Г. Коннотация: лингвокультурологический подход 153
- ЮРОЧКИНА О.Н. Соотношение пропуска предложений при переводе и эмотивного смысла художественного текста (на материале романа С. Моэма «Театр» и его перевода на русский язык) 156

РЕЦЕНЗИИ

- ЧУДИНОВ А.П., НАЗИН А.С. Рецензия на монографию Н.М. Нестеровой «Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм» 159
- НЕСТЕРОВА Н.М., СОБОЛЕВА О.В. Рецензия на монографию А.П. Чудинова и Э.В. Будаева «Метаформа в политическом интердискурсе» 161
- СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ** 164

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Уважаемые читатели!

Предлагаем вашему вниманию третий выпуск серии «Лингвистика» Вестника ЮУрГУ. Материалы, отобранные редакционной коллегией для публикации в нем, распределены по нескольким тематическим разделам: «Грамматика и сопоставительная лингвистика», «Лингвистика текста и перевод», «Лингвокультурология и когнитивная лингвистика», «Диалектология», «Речевая коммуникация и специальные языки», «Фразеология», «Теория речевых актов».

Основным событием третьего выпуска является то, что, помимо традиционных тематических разделов, он открывает новую серию: «Зеленые страницы». Отныне на «зеленых страницах» Вестника ЮУрГУ редакционная коллегия будет

представлять материалы начинающих авторов из числа наиболее перспективных молодых исследователей в надежде открыть новые имена в науке. В данный выпуск вошли статьи аспирантов ведущих профессоров вузов Уральского региона (проф. Л.Г. Бабенко, проф. Ю.В. Казарина, проф. Л.А. Нефедовой, проф. В.И. Томашипольского, проф. А.П. Чудинова, проф. Л.А. Шкатовой) и Института языкознания РАН (проф. Е.Ф. Тарасова).

Завершает выпуск раздел рецензий.

Редакционная коллегия благодарит всех авторов, присылающих материалы для публикации, за плодотворное сотрудничество.

Со второго полугодия 2007 года на Вестник ЮУрГУ серии «Лингвистика» можно будет осуществить подписку через каталог подписных изданий Агентства Роспечати.

ГРАММАТИКА И СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

ББК Ш141.2-32+Ш141.2-0+Ш.103.2

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕПРОИЗВОДНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПРЕДЛОГОВ, ОФОРМЛЯЮЩИХ РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

М.В. Биньковская

В статье представлен подробный анализ семантики и функционирования лексических производных предлогов с родительным падежом, употребляющихся в деловых документах второй половины 18 века. Описана продуктивность синтаксических предложений, выражаемых с помощью исследуемых лексических производных предлогов. В статье представлена доказательная система групповых значений предлогов, дан подробный анализ семантики управляющих глаголов и управляемых имен существительных. Особое внимание уделено структуре и семантике устойчивых сочетаний, в состав которых входят предлоги.

Активное внимание к предлогу как части речи в русистике и в зарубежной лингвистике в конце XX века, несомненно, является следствием актуализации в теоретической лингвистике семантических исследований, связанных с отдельными концептами (пространство, время, отношение и др.), а также с поиском путей формализации анализа и соответственно применения экспериментальных методик.

Центром внимания в последние десятилетия стали и становятся очень узкие семантические группы («верх», «низ», «вперед», «позади»)¹. Помимо концептуально-когнитивного направления и развития теории релятивности второй импульс для развития нашей темы представляет углубление теории функционально-коммуникативной грамматики, особенно в работах Г.А. Золотовой². Нам созвучно утверждение А. Хупперц: «Валентность глаголов может служить моделью для исследования предлогов»³. Эта позиция перекликается с избранной методикой анализа с учетом синтаксиса в аспекте коммуникативной грамматики (по теории Г.А. Золотовой). Наша попытка связать предложную проблематику с описанием семантики падежей и семантико-синтаксической классификации глаголов и отглагольных образований – своего рода «мостик» для понимания динамики предлогов в XVIII веке.

Материал нашего исследования – тексты скорописных южноуральских деловых документов второй половины XVIII века, хранящиеся в Государственном архиве Челябинской области, а также ряд хронологически параллельных текстов цен-

тральных канцелярий, изданных в «Полном собрании законов Российской империи».

В деловой письменности второй половины XVIII века одну из самых продуктивных групп составляют лексические производные предлоги, оформляющие родительный падеж: *без/безо* (кого, чего); *для* (кого, чего); *до* (кого, чего); *из/изо* (кого, чего); *из-за* (кого, чего); *из-под* (кого, чего); *кроме/окромѣ* (кого, чего); *между/меж* (кого, чего); *от/ото* (кого, чего); *ради* (кого, чего); *с* (кого, чего); *у* (кого, чего).

Синтаксемы с предлогом *без* (кого, чего)

В изученных текстах деловых документов второй половины XVIII века синтаксема *без* + Р.п. обозначает п р и з н а к, отсутствие которого характеризует предмет, действие, ситуацию (83,7% от общего числа употреблений синтаксисом *без* + Р.п.). В большинстве случаев синтаксисом *без* + Р.п. сочетаются с глаголами в неопределенной форме, причастиями со значением принуждения, владения (передачи объекта), движения, а также с отглагольными именами существительными. Управляемые слова, как правило, отвлеченные имена существительные:

...взыскивать безъ всякаго послабленія (ПСЗ, т. XVI, с 163); .

...продать безъ принужденія... (ПСЗ, т. XVIII, с. 9); *протопопомъ никитой вахрушевымъ без дозволения его высокопреосщенства* отчислена... (И-50-1-149-1); ...получаютъ *оне отягощение и лишнюю без пользы работу*... (И-1-1-69-1); ...о переводе помещикамъ *крестьянъ безъ дозволения и без прозбы*... (И-172-1-54-5об).

Грамматика и сопоставительная лингвистика

В нашем материале отмечены случаи употребления непроизводного лексического предлога *без* + Р.п. в составе устойчивого сочетания без упущения, (16,3% от общего числа употреблений синтаксем *без* + Р.п.):

...дабы все то исполняемо было безъ упущения (ПСЗ, т. XVI, с. 136);

...поступать по силѣ состоявшихся на то указовъ безъ упущения (ПСЗ, т. XVI, с. 163).

Итак, лексический предлог *без* (кого, чего) в нашем материале выражает «объектно-обстоятельственные отношения» и употребляется при указании на отсутствие кого, чего-либо, немимеи чего-либо.

Синтаксемы с предлогом *для* (кого, чего)

В текстах деловых документов второй половины XVIII века дестинативная синтаксема *для* + Р.п. обозначает, во-первых, лицо или предмет, для которого назначается, предназначается какой-либо предмет или действие (24% от общего числа употреблений синтаксем *для* + Р.п.):

...того ради ннѣ для вышетенныхъ ротъ в Мяской крепости поставитъ сена (И-63-1-121 об).

Сочетается дестинативная синтаксема *для* + Р.п., Р.п. + *для* как правило, с глаголами речевой деятельности (речевого сообщения), владения (компенсированного приобретения), а также с неодушевленными конкретными именами существительными. Управляемые слова — конкретные и отвлеченные имена существительные:

...для остаточныхъ суммъ казначейство на лату сію уведомило (Троицкая таможня); ...как извѣстно, что здѣсь богадѣльни не учреждено, сего для духовное правленіе и разсудку къ содержанию людей не имѣющихъ пропитанія купить изъ церковной суммы домъ... (И-33-1-905-1); книга Приходная для збору с челябинскихъ Посадскихъ... (И-6-1-10).

В большинстве употреблений предлог *для* (кого, чего) входит в состав финитивной синтаксемы с семантикой цели, назначения действия (50,2%):

...прислать в правленіе *для* внесения в метрическую книгу.. (И-50-1-149-1); отсылать въ Военную Коллегію для опредѣленія... (ПСЗ, т. XVII, с. 236).

Финитивная синтаксема *для* + Р.п. сочетается с глаголами и причастиями со значением направленного перемещения, графической передачи информации, принуждения, определения а также с именами существительными, обозначающими предметы, предназначенные для названной цели. Управляемые слова при предлогах — отвлеченные отглагольные имена существительные или местоимения, их заменяющие:

...для отобранія от нее обстоятельнаго допроса истребовать от войсковыхъ длѣ депутата (И-33-511-1-1 об); ...и дабы онъ *для* того предназначен (И-50-1-10-1 об); ...для надлежащаго о семъ исполненія, ко онымъ послать указы (ПСЗ, т. XXI,

с. 342); писать и особые протоколы для поспѣшности (ПСЗ, т. XVI, с. 12)

...чтоб у всякаго казака были б сухари для внезапнаго походу в готовности... (И-63-1-796 об).

В ряде употреблений синтаксема *для* + Р.п. выступает как в текстах локального делопроизводства, так и в документах центральных канцелярий в групповом причинном значении, являющемся устаревшим для современного русского языка (14,7%), при «указании на причину, повод, основание какого-либо действия». Употребляется каузативная синтаксема *для* + Р.п., как правило, в указах и наставлениях местных деловых документов и в сенатских указах, опубликованных в «Полном собрании законов Российской империи»:

...какие ж имеются *для* представленных от тайноваго советника неплюева резонов... (И-63-1-358);буде ис казаковъ кто станутъ проситца на прежнія жилища *для* нужды оныхъ отпускат... (И-63-1-344 об); ...коимъ опредѣленіями Правительствующаго Сената *для* ихъ изнеможеніевъ до будущаго разсмотрѣнія прибавка уже учинена. (ПСЗ, т. XV, с. 471).

Следует отметить, что в печатных документах Сената и Синода продуктивным является употребление предлога *для* (кого, чего) в составе устойчивого сочетания *для* ведома в сочетании с глаголами перемещения объекта и речевого сообщения (11,1%):

...*для* ведома въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ сообщить (ПСЗ, т. XVI, с. 815); ...*для* ведома и непремѣннаго по тому исполненія въ Штатсъ-Контору съ приложеніемъ копій послать указы (ПСЗ, т. XVIII, с. 9).

Итак, лексический предлог *для* (кого, чего), во-первых, имея субкатегориальное значение «указание на объектные отношения», «употребляется при обозначении лица, предмета, в пользу которого что-либо делается, которому что-либо предназначается». Выражая субкатегориальное значение «указание на обстоятельственные отношения», данный предлог имеет грамматические значения «указание на цель действия», «указание на причину, основание, повод какого-либо действия».

Синтаксемы с предлогом *до* (кого, чего)

Довольно редкая для делового языка второй половины XVIII века директивная синтаксема *до* + Р.п. (2,7% от общего числа употреблений лексических непроизводных предлогов) обозначает, во-первых, пространственный предел до объекта назначения как конечную точку движения, направленного действия или как меру протяженности в пространстве (44% от общего числа употреблений синтаксем *до* + Р.п.). В этом значении синтаксема *до* + Р.п. управляется глаголами и причастиями движения, перемещения объекта (отвозить, дойти). Управляемые слова — конкретные имена существительные, как правило, обозначающие место:

...отвезень **до** петропавловской крепости (И-33-1-2-2об); ...и **до** настоящих выходовъ паче моего уже чаяния не дойдете (И-172-1-65-3об).

Во-вторых, в деловых документах второй половины XVIII века предлог **до** (*кого, чего*) употребляется в составе темпоративной синтаксемы **до** + Р.п., обозначающей конечную границу отрезка времени (41,4%). Сочетается эта синтаксема с глаголами и причастиями разнообразной семантики (поступка и поведения, перемещения объекта, движения, запрещения), а также с устойчивыми фразеологическими сочетаниями. Управляемые слова – преимущественно отвлеченные имена существительные темпоральной или процессуальной семантики:

...за чьей буде **до** весны первые отправлены не будутъ (ПСЗ, т. XVIII, с. 414); ...**до** будущаго впредь рассмотрения, ни какое рукомерство и рукодлїе не запрещать (ПСЗ, т. XVIII, с. 85); ...гдѣ таковыя полюбовныя межси учинены **до** приїзда Землемѣровъ... (ПСЗ, т. XXI, с. 850); ...**до** положеннаго срока не явится (ПСЗ, т. XVII, с. 1020); ...оная поручица **до** восполндованїя резолюциї отдана на поруки (И-33-1-2-3об).

В нашем материале отмечены случаи употребления предлога **до** (*кого, чего*) в составе квантитативной синтаксемы **до** + Р.п., обозначающей приблизительное количество предметов (14,6%). Управляется эта синтаксема глаголами в форме страдательного причастия со значением помещения, а также отглагольными именами существительными. Управляемые слова – количественно-именные сочетания:

...поселено крепостныхъ изъ ветлугскихъ вотчинъ людей обоого пола **до** 3447 душъ жительствующихъ въ 425 домахъ И-33-1-970-1);

...велено о вызове к поставке на казенную лосинную фабрику **до** десяти тысячъ козловыхъ кож... (И-28-1-4-136).

Характерной чертой делового языка печатных указов Сената и Синода, опубликованных в «Полном собрании законов Российской империи», является употребление лексического предлога **до** (*кого, чего*) в составе устойчивых фразеологических сочетаний *что касается до.....то; что принадлежитъ до.....то*:

Что жъ касается **до** перваго мѣста, гдѣ симъ выходцамъ судомъ и расправою вѣдомымъ быть, то къ тому назначить можетъ онъ же президентъ коллегіи графъ Румянцовъ (ПСЗ, т. XVIII, с. 38); ...что же принадлежитъ **до** портовой и пограничной съ товаровъ пошлины, то оное оставляется на основаніи манифеста... (ПСЗ, т. XVIII, с. 65).

Итак, лексический предлог **до** (*кого, чего*), выражая субкатегориальное значение «указание на обстоятельственные отношения», имеет следующие групповые значения:

- «указание на пространственный предел»;

- «указание на временной предел действия, состояния».

Выражая субкатегориальное значение «указание на объектно-определятельные отношения», предлог **до** (*кого, чего*) имеет групповое значение «указание на приблизительное количество кого, чего-либо».

Синтаксемы с предлогом **из/изо** (*кого, чего*)

В деловой письменности второй половины XVIII века данная синтаксема имеет ряд значений.

Самое частотное значение предлога **из** (*кого, чего*) в составе синтаксемы **из** + Р.п. — пространственное (57% от общего числа употреблений синтаксем **из** + Р.п.). Частотность этой модели объясняется тем, что она входила в состав начального штампа многих актовых документов⁴.

Директивная синтаксема **из** + Р.п. обозначает исходную точку движения или перемещения предмета:

Указъ **изъ** оного городового магистрата... (И-16-1-16-7);

...получено **изъ** челябинскаго городского магистрата (И-1-1-79-8).

В подавляющем большинстве случаев синтаксема **из** + Р.п. (директив) сочетается с отглагольными именами существительными, обозначающими жанровую разновидность документа (указ, сообщение, доношение и другие), а также с глаголами поступательного и однонаправленного движения субъекта, отчуждения и другой семантики. В качестве управляемого слова с предлогом **из** (*кого, чего*) употребляются имена существительные – названия учреждений, названия места, топонимы:

Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссийской **изъ** государственной военной коллегии (И-44-2-115-2); ...**изъ** Златоустовской западной канторы доношеніе (И-33-1-970-1); ...бежал **изъ** оренбургской губернской канцелярии (И-63-1-650); ...отсель **изъ** города не отлучились... (И-231-1-13-133); ...и **изъ** главной Полиціймейстерской Канцелярии въ надлежащїя мѣста подтвердить указами (ПСЗ, т. XV, с. 500).

Следующая по количеству употреблений – генеративная синтаксема **из** + Р.п., характеризующая лицо, предмет по принадлежности к некоторой категории, совокупности лиц, предметов (24%). Сочетается эта синтаксема в основном с конкретными одушевленными именами существительными. Управляемые слова – имена существительные, характеризующие принадлежность субъекта к среде, категории лиц:

Кишкаръ **из** служилыхъ татаръ фабрикантъ манасыпъ абдрешитовъ челобитьемъ объявилъ... (И-28-1-4-130); ...переведенныхъ кастромскаго намѣстничества **изъ** ветлугскихъ вотчинъ людей обоого пола **до** 3447 душъ... (И-33-1-970-1).

В редких случаях в анализируемом материале синтаксема **из** + Р.п. употребляется для обозначе-

ния источника информации как целого, из которого выделяется, извлекается часть (сурсив) (5,3%):

Выписка изъ докладовъ лесного департамента при адмиралтействе коллегии... (И-112-2-18-1об).

В нашем материале отмечены случаи употребления синтаксемы *из* + Р.п. для обозначения причины, цели, оснований, в связи с которыми что-либо делается (13,7%). Эта синтаксема сочетается с глаголами речевого общения и соединения, управляемые слова – отглагольные существительные:

...и велѣтъ оную женку по ее желанію изъ заблужденія к церкви православной соединить (И-33-1-511-10об); ...которые изъ дружбы къ ему ихъ пригласили... (ПСЗ, т. XVIII, с. 184).

Итак, лексический предлог *из* /*изо* (*кого, чего*), выражая субкатегориальное значение «указание на обстоятельственные отношения», имеет следующие групповые значения:

- «указание на пространственные отношения»;
- «указание на причину, цель, основание, в связи с которыми что-либо делается».

Выражая объектно-атрибутивные отношения, предлог *из* /*изо* (*кого, чего*) употребляется при характеристике лица, предмета по принадлежности к некоторой категории, совокупности лиц, предметов.

Синтаксемы с двойными предлогами *из-за* (*кого, чего*), *из-под* (*кого, чего*)

Как в текстах южноуральской деловой письменности второй половины XVIII века, так и в печатных документах Сената и Синода этого же периода представлены единичные случаи употребления синтаксем с предлогами *из-за* (*кого, чего*), *из-под* (*кого, чего*) (0,05% от общего числа употреблений лексических производных предлогов).

З.Д. Попова⁵ отмечает, что лексический производный предлог *из-под* (*кого, чего*) является довольно редким и в русском литературном языке XVII века.

Предлог *из-за* (*кого, чего*) употребляется при этом в составе директивной синтаксемы, обозначающей направление движения, ориентиром которого служит преодолеваемое в начале пути препятствие, названное в синтаксеме *из-за* + Р.п. Сочетается эта синтаксема с отглагольными существительными и с глаголами движения:

Впускать какъ сухимъ путемъ, такъ и водою въ Имперію нашу изъ- за границу Французов... (ПСЗ, т. XXIII, с. 404); ...о выступленіи владѣніями своими изъ-за границу бывшихъ по 1765 годъ... (ПСЗ, т. XVIII, с. 173).

Предлог *из-под* (*кого, чего*) также употребляется в составе директивной синтаксемы, обозначающей направление движения, ориентированного действия:

...и вывозимая исподъ домни шлаку телеги обе починены... (И-172-1-70-7об).

Вторым значением синтаксемы *из-под* + Р.п. является значение освобождения, выхода субъекта из положения социальной зависимости.

Сочетается эта синтаксема с глаголами движения, разрешения; управляемые слова – отглагольные имена существительные:

...бежалъ из Оренбургской губернской канцеляріи изъ под караула... (И-63-1-650); ...для свободной продажи и закладу недвижимости ихъ имѣнія изъ подъ запрещенія разрѣшить... (ПСЗ, т. XIX, с. 334).

Таким образом, лексический предлог *из-за* (*кого, чего*) в нашем материале входит в субкатегорию «обстоятельственные отношения» имеет одно грамматическое значение – пространственное.

Выражая различного вида «обстоятельственные отношения», лексический предлог *из-под* (*кого, чего*) «употребляется при указании направления движения», а также «употребляется при обозначении какого-либо состояния, положения, от которого кто-, что-либо освобождается». Это и есть оттенок релятивной семантики.

Синтаксемы с предлогом *кроме* (*кого, чего*) / *окромѣ* (*кого, чего*)

По происхождению этот предлог восходит к имени существительному *крома* в местном падеже единственного числа без предлога. Второй вариант развился на основе первого с предлогом *о*. Существительное *крома* в картотеке XI-XVII вв. не зафиксировано. В древнерусском языке лексема зафиксирована как омонимичное предлогу наречие в значении *прочь, вдали, в стороне* и предлог с Р.п. – *кроме, без, вон*⁶. В ходе истории языка омонимия с наречием и многозначность были утрачены. Предлог в XVIII веке сохранил лишь элементы генетического значения *края, исключения*.

В местных текстах деловых документов второй половины XVIII века и в документах центральных канцелярий предлог *кроме / окромѣ* в составе синтаксемы *кроме / окромѣ* + Р.п. имеет, во-первых, значение за исключением, не считая кого-, чего-либо (52% от общего числа употреблений синтаксем *кроме* + Р.п.). В данном значении предлог *кроме* (*кого, чего*) чаще всего сочетается с глаголами получения в свое распоряжение, собрания. Управляемые слова – существительные, обозначающие лицо, синтаксически цельные словосочетания и субстантивированные причастия:

...получить мне все ряженное число сполна кроме только шести рублей... (И-119-1-2); собрать с числившихся городовыхъ жителей разнаго званія числа окромѣ купцовъ, мѣщанъ и цѣховыхъ... (И-1-1-78-2об); ...окромѣ с того города и уѣзда собираемыхъ, и въ ономъ городѣ и округѣ находящихся не коснется... (ПСЗ, т. XX, с. 292).

Предлог *кроме* (*кого, чего*) употребляется в местных деловых документах и в значении «сверх кого-, чего-либо, вдобавок к кому-, чему-либо» (48%). В большинстве случаев синтаксема *кроме* + Р.п. в этом значении сочетается с глаголами собрания, речевого сообщения и другими. Управляемые слова при предлоге – конкретные и отвлечен-

ные имена существительные и местоимения, их заменяющие:

...*кроме* месячных репортов верно хотя коротко съ ясностию о провозах уведомлять меня (И-172-1-65-6); ...*чтобъ* посланные наши служители *кроме* прошлогодняго старых долговъ сколько бы нибудь собрали (И-172-1-54-13); ...и *кроме* оныхъ долженъ разнымъ кредиторамъ немалую суммую... (И-1-1-23-17).

Итак, выражая субкатегориальное значение «указание на объектные отношения», лексический предлог *кроме / окромѣ* (кого, чего), имеет групповые значения исключения и включения, расширения.

Синтаксемы с предлогом между / меж (кого, чего)

В XVIII веке уже нет отмеченных в ранних памятниках вариантов *между / межю / между*⁷.

Синтаксема *между* + Р.п. является продуктивной в деловой письменности второй половины XVIII века (0,4% от общего числа употреблений синтаксем с лексическими неизпроизводными предлогами). Употребляется локативная синтаксема *между* + Р.п. при указании на положение предмета среди других предметов или на то, что действие совершается в окружении каких-либо предметов, а также при обозначении явлений, событий, в промежуточное время между которыми что-либо происходит. Эта синтаксема сочетается с глаголами и причастиями собирания, помещения, принуждения:

...*чтобъ* имъ поселитца *между* техъ местъ где пустаго разстояния больше... (И-63-349); ...*между* прочаго повелѣно... (ПСЗ, т. XX, с. 529); ...для возвращенія в здѣшнюю думу употребленныхъ изъ оной денегъ съ *между* себя собрали какъ то (И-1-1-78-3).

В последнем случае предлог *между* употребляется с родительным падежом на месте позже утвердившегося в этом значении творительного падежа (собрали между собой).

В единичном случае в местных текстах встречается устаревший предлог *промежду* (кого, чего), употребляющийся при указании на то, что действие совершается в окружении, посреди каких-либо объектов, лиц:

...или няшу вычерпать глубоко *промежду* помянутыхъ свай (И-172-1-69-11об); ...земля ровная и горь весьма мало, *промежду* оногo имѣется только одна деревня... (И-44-2-124-1).

Еще в XVI-XVII вв. было устойчивое сочетание *межу себе / межю собою*, которое в нашем материале не отмечено.

Итак, в исследуемых текстах лексический предлог *между / меж* (кого, чего), выражая субкатегориальное значение «отношение к обстоятельству», употребляется для обозначения пространственных отношений. Выражая субкатегориальное значение «указание на объектные отношения», данный предлог «употребляется при обозначении

лиц, предметов, взаимосвязанных или выступающих во взаимодействие друг с другом».

Синтаксемы с предлогом от (кого, чего)

Самую многочисленную группу составляют синтаксемы *от* + Р.п., имеющие компонент со значением субъекта-отправителя, владельца отчуждаемой информации, знаний, навыков (36,5% от общего числа употреблений синтаксем *от* + Р.п.). В этом значении синтаксема *от* + Р.п. сочетается, как правило, с именами существительными со значением жанровой разновидности документа, а также с краткими причастиями. Управляемые слова – имена существительные, обозначающие лиц определенной должности, а также существительные – названия учреждений, личные местоимения:

...*да и впредь отъ* партикулярной канторы сообщения не принимать (И-33-1-970-3); *от* вышесписаннаго челябинскаго уезднаго казначейства доношение (И-112-2-3-18); ...получено марта 7го 1800 года *отъ* действительнаго статскаго советника (И-1-1-78-12); *техъ* записокъ и понне *от* васъ не прислано (И-50-1-149-2); ...*от* сего суда рапортомъ донесено октября 16го дня 1789 года (И-112-2-1-6); *от* всехъ прихожанъ покорное доношение (И-50-1-10-1об).

Следующей по количеству употреблений является синтаксема *от* + Р.п. — темпоратив даты, обозначающий дату документа при нескольких именах (письмо, приказ, указ, протокол и под.) (26%):

Почтеннейшее писание Вашего превосходительства *отъ* 19 октября имель я честь исправно получить (И-236-1-1); ...слушали *от* 26 го числа указ (И-16-3-5-228); ...указ из тобольской духовной консисторіи *отъ* 9 минувашаго іюля (И-33-1-511-1-121).

Для актовой письменности употребление этой модели особенно продуктивно: Она входила в состав обязательного штампа⁸. Употребляется, как правило, в начальной части документа.

В деловых документах второй половины XVIII века нами отмечен предлог *от* (кого, чего) в составе синтаксемы *от* + Р.п. (потенсив), обозначающей нежелательное или угрожающее действие, явление, в сочетаниях с ограниченной группой глаголов каузативно-отложительного значения (с общим смыслом предотвратить потенциальную угрозу), а также в сочетаниях с ограниченной группой модально-отложительных глаголов (с общим смыслом «отвергнуть нежелательное явление» (22%).

Сочетается эта синтаксема с глаголами каузативно-отложительного и модально-отложительного значения (освободиться, защищаться, обороняться, отказаться и др.), а также с отглагольными именами существительными. Управляемые слова при предлоге – отвлеченные имена существительные и местоимения:

...*от* всякихъ худыхъ дель удалится (И-50-1-100-1); ...ево антуганова брата отказавшагося

Грамматика и сопоставительная лингвистика

от наследства... (И-1-1-23-22об); ...освобождение *от* службы... (И-231-1-13-79); ...какимъ случаемъ ...принуждена была *отъ* нихъ убежать (И-33-1-512-1-3об); ...въ томъ освободить его *отъ* всякаго взысканія... (ПСЗ, т. XXIII, с. 474).

Менее продуктивным является употребление предлога *от* (кого, чего) для указания на причину, основание действия (6,3%).

Сочетается каузативная синтаксема *от* + Р.п. с глаголами получения в свое распоряжение, бытия-существования в определенном времени и пространстве и с отвлеченными существительными. Управляемые слова, как правило, – отглагольные имена существительные:

...*от* той болезни свободу получу... (И-50-1-100-3); ...в оную должность *отъ* лѣности или небреженія оставить... (ПСЗ, т. XVII, с. 111); ...смерть жене моей *от* ударов (И-117-1-11-78).

В текстах деловых документов второй половины XVIII века отмечен единственный случай употребления предлога *от* (кого, чего) для обозначения воздействующих на субъект явлений природы, различных обстоятельств, чужих действий и свойств (1,1%):

...удержать не могут сіи укрѣпленіи *отъ* силы прорыва наводнениемъ вѣшніи и лѣтней отъ дождевъ воды... (И-1-1-69-1).

В данном примере мы наблюдаем еще живущее в XVIII веке явление повтора предлогов при существительных.

В редких случаях предлог *от* (кого, чего) в составе синтаксемы *от* + Р.п. обозначает отправную точку меры расстояния, ориентированности пространства (3%). Управляющие слова при предлоге – глаголы движения, пространственной протяженности, имена существительные пространственной семантики; управляемые слова – имена существительные со значением места:

...*от* пригородка окупѣска растоініи... (И-50-1-9-193); ...состоитъ *от* карачевскаго форпоста въ 12 ти а *от* села Птичьева въ 20 ти верстахъ (И-50-1-149-1).

В деловых документах второй половины XVIII века встречается употребление предлога *от* (кого, чего) в составе синтаксемы, включающей компонент со значением опосредованного субъекта потенциального действия, связываемого с ним модальностью долженствования и выражаемого отвлеченным именем при модальных глаголах (2,1%). Управляемые слова – имена существительные – названия учреждений:

...истребовать *от* канцеляріи точное уведомленіе (И-33-1-2-1);

...и *отъ* Правительствующаго Сената Комиссія требовала апробаціи (ПСЗ, т. XVI, с. 136).

В единичном случае нами отмечена темпоративная синтаксема *от* +Р.п., обозначающая точку отсчета в движении времени (1%):

...другимъ бы никому *отъ* начатія имъ онаго завода до 10-лѣтняго времени не дозволять... (ПСЗ, т. XVIII, с. 7).

Следует отметить случаи употребления предлога *от* (кого, чего) равные творительному падежу без предлога в страдательных модификациях глагольных моделей (2%). Управляющие слова при предлоге – глаголы в форме страдательных причастий со значением поступка и поведения, управляемые слова – имена существительные, обозначающие действующее лицо:

...без остатку *от* известнаго злодея пугачева разграбленъ.. (И-28-1-4-131); ...живучи она с мужем *от* свекрови и вдовы казачьей жены мавры шелеховой и дочери ее дѣвки парасковьи и *от* мужа ее безъ всякой причины изгоняема и бита была (И-33-1-511-9).

Итак, в исследуемом материале лексический предлог *от* (кого, чего), входя в субкатегорию «обстоятельственные отношения», употребляется при обозначении пространственных, временных и причинных отношений.

Входя в субкатегорию «объектные отношения», данный предлог употребляется при указании на субъект, источник действия, явления, а также при указании на лицо, явление, действие, состояние и т.п., против которых, для предотвращения которых используется, служит что-либо.

Синтаксемы с предлогом *ради* (кого, чего)

Малочастотный в местных текстах, а также в документах центральных канцелярий предлог *ради* (кого, чего) (0,2% от общего числа употребленных лексических непроизводных предлогов) входит в состав финитивной синтаксемы *ради* + Р.п. со значением действия, направленного на достижение цели. Употребляется эта синтаксема при глаголах бытия, перемещения объекта, распространения информации, а также при отглагольных существительных. Управляемые слова, как правило, отвлеченные имена существительные:

...зачемъ ты блиновъ былъ въ Екатеринбургѣ надолго ль и *ради* какихъ дел... (И-172-1-65-11); ...и что оная женка находится при духовном правленіи тѣмъ же сообщеніемъ войсковымъ дѣламъ *ради* ведома дать знать (И-33-1-511-1-2); *ради* заведенія лучшаго порядка издать учрежденіе... (ПСЗ, т. XX, с. 231); ...какихъ *ради* причинъ, да и когда бь вовсе одному или другому новый планъ постановить потребно было (ПСЗ, т. XVI, с. 674); ...сборъ *ради* всякихъ казачьихъ нуждъ... (ПСЗ, т. XVI, с. 136).

В единичном случае отмечаем каузативную синтаксему Р.п. + *ради*, обозначающую причину действия:

...кто же болѣзни *ради* отсутствуетъ, тому о томъ дать знать Маршалу... (ПСЗ, т. XVIII, с. 189).

Характерной особенностью делового языка XVIII века является употребление предлога *ради* в

составе синтаксической скрепы в сложноподчиненном предложении (*чего ради, того ради, сего ради*). Это очень частотная модель. Она делит активный текст на значимые структурные части. Это скорее союзная структура, включающая устойчивое сочетание с предлогом и местоимением. О.В. Трофимова называет эту модель местоименно-соотносительной причинно-следственной скрепой⁹:

...в комисариатъ немедленно прислать рапорты, того ради в оренбургской губернской канцелярии определено об ономъ в реченную таможенно послать указъ (И-28-1-4-134); ...бургомистра ахматова отъ возложенной на него должности градскаго головы уволить чего ради челябинской градской думе предписать указомъ должность градскаго головы (И-1-1-79-14); ...сего ради сдѣлавъ нынѣ новое учреждение (ПСЗ, т. XVII, с. 208).

Итак, входя в субкатегорию «обстоятельства отношений», предлог *ради* (кого, чего) имеет групповые значения «указание на цель совершения действия», «указание на причину действия».

Синтаксемы с предлогом *с* (кого, чего)

В деловом языке второй половины XVIII века синтаксема *с* + Р.п. употребляется, во-первых, для обозначения исходной точки движения, направленного действия (8,9%). Директивная синтаксема *с* + Р.п. управляется глаголами движения, повреждения неодоушевленного объекта. Управляемые слова – имена существительные предметно-пространственного значения.

Исходная точка движения:

...отправляетесь съ слободы нижней верхноузелские кундравинскую и в лужнинские заводы (И-112-21-26); ...отправленномъ съ города Тоболска (И-44-2-115-2).

Предметно-пространственное положение, ориентированное относительно исходной точки:

...то с северной стороны весьма обвѣтшала (И-50-1-10-3).

Во-вторых, в деловых документах центральных канцелярий предлог *с* (кого, чего) употребляется в ряде случаев в составе темпоративной синтаксемы *с* + Р.п., обозначающей исходный момент процесса, состояния и включающей имена преимущественно темпоративной семантики (15,6%):

...а съ того времени и понынѣ таковых указовъ несобрано (ПСЗ, т. XVI, с. 161); ...имѣть считается со дня объявленія ему о выѣздѣ... (ПСЗ, т. XXIII, с. 404); ...мы съ самого вступленія на крестьянъ проникали во всѣ подробности... (ПСЗ, т. XVI, с. 693).

В нашем материале представлено довольно активное употребление синтаксемы *с* + Р.п. в конструкциях, сообщающих об изменении посессивных отношений (перемещение объекта владения к новому посессору) (38,3%). Данной синтаксемой, обычно от личного имени, назван прежний посессор, связанный с получателем юридической или моральной зависимостью. В качестве управляющих слов выступают глаголы и причастия со зна-

чением собирания, а также отглагольные имена существительные; управляемые слова – одушевленные имена существительные, субстантивированные причастия и местоимения:

...по частямъ слободъ собрать съ каждого а имянно: съ числившихся городовыхъ жителей разнаго званія съ отставныхъ казаковъ съ помещичьихъ крестьян, семь копѣекъ съ двухъ душъ, четырнатцать съ двухъ тысячъ восьмисотъ сорока душ... (И-1-1-78-2об); ...собираемые съ приходящихъ и отходящихъ кораблей... (ПСЗ, т. XVIII, с. 9); взятыя съ виноватыхъ пени всѣ отошлются въ Воспитательный домъ (ПСЗ, т. XVIII, с. 189); ...съ казачьихъ свойственниковъ десятикопѣечный сбор... (ПСЗ, т. XVI, с. 136).

Синтаксема *с* + Р.п. употребляется также для обозначения исходной точки, оригинала, образца для подражания, воспроизведения (29% от общего числа употреблений синтаксем *от* + Р.п.). Сочетается эта синтаксема с глаголами, как правило, графической передачи информации и с конкретными неодушевленными именами существительными. В состав синтаксемы входят имена существительные – названия документа:

...прислать доставленную къ нему при указе изъ оренбургскаго губернскаго правленія копию съ титула его величества (И-1-1-79-10);

...с сея же грамматы списать копию (И-50-1-10-13об); ...какъ зъ сего сообщенія усматривается... (И-1-1-38-68).

В анализируемом материале встречается устаревшее для современного русского языка употребление предлога *с* (кого, чего) в значении характеристики действия относительно предшествующего, закончившегося действия (5,1%). Управляющие слова при предлоге – глаголы восприятия, однонаправленного перемещения; управляемые слова – отглагольные существительные:

...с полученія сие письмо непременно и скоро самимъ караваннымъ тихону, герасиму, и мишаиле дать прочесть (И-172-1-65-3); ...с полученія указа немедленно при томъ же указе имъ сценно и церковнослужителямъ послать (И-33-1-2-181об).

В единичном случае в документах центральных канцелярий отмечаем употребление предлога *с* (кого, чего) в составе каузативной синтаксемы *с* + Р.п., включающей отвлеченные имена со значением волеизъявления другого лица, служащего основанием действия (3,1%):

Плотина прорвана водою не съ умысла и не съ прихоти чьей... (ПСЗ, т. XX, с. 822).

К. Агафонов в статье «О конструкции предлог *с* + генитив»¹⁰ сделал попытку описать некоторые употребления предлога *с* в сочетании с генитивом в разнообразных контекстах. Сопоставив с другими предлогами (*из, от, после*), имеющими близкое значение, исследователь подтвердил гипотезу о том, что основной семантической характеристикой предлога *с* является понятие источника. И это проявление релятивности.

Грамматика и сопоставительная лингвистика

Итак, предложно-именное сочетание с + Р.п. в исследуемом нами материале передает 6 значений, обусловленных разной сочетаемостью с управляющими глаголами или отглагольными именами.

Синтаксемы с предлогом у (кого, чего)

Многозначный предлог у (кого, чего) в составе синтаксемы у + Р.п. употребляется в деловых документах второй половины XVIII века прежде всего при обозначении места через пограничную близость с названным предметом (47% от общего числа употреблений синтаксисом у + Р.п.). Локативная синтаксема у + Р.п. употребляется преимущественно при глаголах и причастиях бытия-существования в определенном времени и пространстве, управляемые слова, как правило, конкретные и отвлеченные имена существительные и местоимения, их заменяющие:

...*стоящему у злодѣйской толпы...* (И-33-1-2-1);
...*жить у него одинъ годъ...* (И-119-1-1-27); ...*по нынешней последней и ревизіи у насъ остатца и зарабатывать за всехъ сполна* (И-172-1-65-1об);
...*где они находятся у размежеванія земель...* (ПСЗ, т. XVIII, с. 83).

Следующее значение предлога у (кого, чего) в составе синтаксемы у + Р.п. реализуется в моделях, предикативно характеризующих субъект посессивными отношениями с объектом, выраженным именем в И.п. (субъект посессивный) (34%):

...*у пономарей, у старосты фанзы малиновой одинъ аршинъ* (И-33-1-218-3); ...*остаточные денги состоят у ктитора хитрова* (И-1-1-79-2);
... *у него жена Соломея миронова дочь* (И-1-1-23-35); ...*у нихъ сынъ Иванъ* (И-1-1-23-35).

Предлог у (кого, чего) употребляется и в каузативных конструкциях, выражающих изменение посессивных отношений, — субъект-владелец отчуждаемого объекта (в рамках глагольных сочетаний с глаголами отчуждения) (6,1%):

...*взята у сержанта Мирона Кузнецова...* (И-1-1-23-75); *отнять у нихъ денегъ и прочаго на счетъ не ставить...* (ПСЗ, т. XVII, с. 427).

В нашем материале также встречаются случаи употребления предлога у (кого, чего) в конструкциях, выражающих получение информации (в рамках глагольных сочетаний с коммуникативно-когнитивными глаголами спрашивать, узнавать и др.) (7,3%):

...*спрашивал у меня...* (И-33-1-16-425);
...*спросить дозволенія у собранія...* (ПСЗ, т. XVIII, с. 190).

И предлог у (кого, чего) в синтаксеме, включающей компонент с двойным значением адресата каузирующего обращения и каузируемого субъекта действия, выраженного при глаголах просить, требовать (5,6%):

...*покорнейше прошу у помянутаго мѣщанина григорья сапожникова для платежа податей...* (И-1-1-79-13).

Итак, лексический предлог у (кого, чего) в нашем материале имеет субкатегориальные значения «указание на обстоятельственные отношения» и «указание на объектные отношения», реализуя при этом пять значений.

Итак, в исследуемых текстах деловой письменности второй половины XVIII века нами выделено 12 лексических непроизводных предлогов, оформляющих родительный падеж. Большинство лексических непроизводных предлогов с родительным падежом, отмеченных нами в деловом языке второй половины XVIII века, активно употребляются и в современном русском языке. Самым частотным оказался предлог *от/ото* (кого, чего) – 658 употреблений, что составляет 8% от общего количества употреблений лексических непроизводных предлогов, отмеченных нами в деловых документах второй половины XVIII века. Самыми непродуктивными, по нашему материалу, оказались непроизводные предлоги *из-за* (кого, чего), *из-под* (кого, чего) – 4 единицы (0,05% от общего числа употреблений лексических непроизводных предлогов), *между/меж* (кого, чего) – 6 единиц (0,06% от общего числа употреблений лексических непроизводных предлогов).

Как показал наш материал, все отмеченные синтаксемы с лексическими непроизводными и производными предлогами делятся на 3 группы в зависимости от субкатегориального значения предлога:

- синтаксемы с лексическими предлогами, содержащими субкатегориальную сему «указание на обстоятельственные отношения»;
- синтаксемы с лексическими предлогами, содержащими субкатегориальную сему «указание на объектные отношения»;
- синтаксемы с лексическими предлогами, содержащими субкатегориальную сему «указание на объектно-определятельные отношения».

Самыми частотными следует отметить употребление лексических предлогов в составе локативных, темпоративных, финитивных, дестинативных и каузативных синтаксисом (обстоятельственные отношения).

Яркой особенностью делового языка второй половины XVIII века является употребление лексических непроизводных и производных предлогов в составе устойчивых сочетаний, как правило, в указах Сената и Синода центральных канцелярий, а также в составе канцелярских формул, устойчивых трафаретных конструкций в местных указах, репортах, доношениях, журнальных записях, протоколах, в расспросных речах.

¹ Исследования по семантике предлогов. Сб. статей. М., 2000.

² Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

- Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
- ³ Исследования по семантике предлогов. Сб. статей. М., 2000. С. 70.
- ⁴ Викторова Н.В. Лингвотекстологический анализ переписки заводчиков Демидовых с приказчиками уральских заводов к. XVIII – н. XIX вв. (по материалам ГАЧО). Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1993. Выхрыстюк М.С. Деловые документы Тобольского мужского Знаменского монастыря второй половины XVIII века как лингвистический источник: Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1999. Новоселова Н.А. Лингвотекстологический анализ страдательных причастий в южноуральской деловой письменности последней трети XVIII века: Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1995.
- ⁵ Попова З.Д. Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII в. Воронеж, 1969.
- ⁶ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. М., 1958. Т. 1. С. 1328–1329.
- ⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1.24. М., 1975–1999. Т. 9. С. 74.
- ⁸ Шулежкова С.Г. Структурно-грамматические модели устойчивых словосочетаний южноуральских деловых документов XVIII в. // Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. III. Очерки по языку деловой письменности XVIII века / Под общ. ред. Л.А. Глинкиной. Челябинск, 2002. С. 122–159.
- ⁹ Трофимова О.В. Тюменская деловая письменность 1762–1769 гг.: Книга III. Тюменские рукописные деловые тексты 1762–1796 гг. в аспектах лингвистики и документоведения: Лингвистический анализ текста. Тюмень, 2002. С. 43.
- ¹⁰ Исследования по семантике предлогов. Сб. статей. М., 2000. С. 313.

СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ЯЗЫКЕ ТОК-ПИСИН (ТП)

А.Д. Зейферт, Н.А. Плещев

В статье предпринята попытка решить проблему разграничения сложных слов и словосочетаний в языке ток-писин. Исследование направлено на изучение особенностей лексических единиц в языке ток-писин, до сих пор рассматривающихся в научной литературе как сложные слова.

В лексическом корпусе языка ТП существует много единиц типа $X + Y$ и $X \text{ bilong } Y$, которые обычно определяют как сложные слова¹. Но, как известно, «при отсутствии четкого формального выражения» трудно определить тип лексической единицы².

В наших исследованиях мы отталкиваемся от научных достижений в этом вопросе применительно, в основном, к английскому языку, т.к. ТП является англо-креольским языком и, поэтому, должен характеризоваться во многих случаях теми же свойствами.

Некоторые исследователи указывают на то, что аналитизм стал настолько доминировать в системе языка, что более нет смысла решать проблему разграничения слова и словосочетания³.

Так, Г. Суит относит зависимое слово в ряд существительных, которое в определенном контексте (т.е. в описываемых случаях) начинает функционировать как прилагательное со всеми его морфологическими свойствами. Б.А. Ильин уточняет, что, приближаясь «к прилагательным в функциональном отношении, они (существительные) не перестают быть существительными».

Однако в трудах многих ученых мы находим попытку все же решить данную проблему.

О. Есперсен в своих исследованиях не проводит границы между сложным словом и словосочетанием, называя основным критерием сложного слова способность функционировать в качестве одной самостоятельной единицы⁴.

В связи с данной проблемой необходимо упомянуть понятие цельноформленности, употребленное впервые А. И. Смирницким⁵. Можно в рамках данной проблемы говорить о фонетической, семантической, графической и морфологической цельноформленности.

Согласно Н.С. Трубецкому, «любое слово представляет собой целостность, структуру; оно воспринимается слушателями как структура, подобно тому, как мы узнаем знакомых на улице по их общему шику»⁶. Эта идея нашла свое отражение в фонетическом критерии единства ударения для разграничения слова и словосочетания⁷. Л. Блумфилд⁸ утверждал, что в словосочетаниях ударение

падает на оба компонента. Однако он сам указал на несостоятельность данного критерия на примере сложного слова *ice-cream*.

Другие лингвисты опираются в своих исследованиях на критерий семантической цельноформленности сложного слова⁹. З.А. Потиха считает, что сложное слово – это «словарная единица, содержание которой более емко, чем значение отдельных компонентов»¹⁰, т.к. сочетание «обособлено по отношению к тем элементам, из которых оно состоит»¹¹. Эту же мысль сформулировал А.Р. Квирк другими словами: сложные слова «имеют значение соотносимое, но не всегда выводимое из значений их компонентов»¹².

В рамках семантического критерия Е.С. Кубрякова предлагает номинативный критерий, принимая во внимание когнитивные и психические процессы при построении высказывания. Она отождествляет единицу номинации со сложным словом, которое обладает определенным формальным выражением определенного словообразовательного значения¹³.

Между тем, Н.Г. Санников отметил, что, выбирая основным критерием семантический, ученые, тем самым, отождествляют структурно различные единицы – ФЕ и сложное слово¹⁴. А.И. Смирницкий указал на то, что неделимой семантикой могут обладать как слова, так и словосочетания¹⁵.

К вопросу о третьем типе цельноформленности, О.С. Ахманова¹⁶ и О. Д. Мешков высказывались о корреляции плана выражения и смысловой целостности: «Слитное написание отражает языковое сознание, согласно которому данная лексическая единица представляет собой тесное семантическое единство»¹⁷. О.С. Ахманова обращала внимание на то, что сложное слово – это результат соединения элементов слова (основ), а словосочетание – результат соединения самих слов¹⁸. Она пишет, что если первый компонент – существительное (его основа), то данные комплексы – сложные слова, если же первый компонент – прилагательное, то мы имеем дело со словосочетанием. В зарубежной литературе к сторонникам этого взгляда принадлежали А. Болл¹⁹, Н.Г. Гутерман²⁰, В. Фляйшер²¹, А. Фольке²² и др. Ю. Найда же напротив, полностью исключает использование графических при-

знаков в качестве критериев сложного слова²³, т.к. написание сложных слов варьируется.

Согласно морфологической цельнооформленности, сложные слова рассматриваются в сравнении раздельнооформленными синтаксическими конструкциями – словосочетаниями²⁴. Этот критерий под названием «критерий синтаксической неделимости» впервые встречается в трудах Л. Блумфилда, согласно которому компоненты сложных слов не могут участвовать в процессе фразообразования²⁵. Однако некоторые исследователи склонны полагать, что морфологический критерий применим к английскому языку только лишь потому, что, будучи аналитическим, он имеет неразвитую флективную систему²⁶ (Квеселевич 1983).

Профессор И.П. Иванова²⁷ полагала, что необходимо определить цельнооформленность путем замены элементов лексической единицы, выдвигая тем самым критерий дистрибуции. Его сущность заключается в том, что слово заменить легко, что нельзя сказать о морфеме.

Для получения более достоверных результатов многие лингвисты предпочитают учитывать все вышеперечисленные критерии в комплексе, например, семантический, морфологический, фонетико-орфографический, критерий дистрибуции и критерий непроницаемости, предложенные Е.С. Кубряковой²⁸.

Однако Н.Г. Санников отмечает, что данные лексические единицы должны относиться к какой-либо части речи и оставаться сложными словами во всех функциях, присущих данной части речи²⁹. Для этого они должны характеризоваться высокой грамматикализацией, лексикализацией или фразеологизацией, т.к. по одному только критерию раздельнооформленности мы не можем отнести данную единицу к словосочетанию³⁰.

Некоторые лингвисты находят невозможным подогнать данные комплексы под параметры слов или словосочетаний, поэтому во избежание двусмысленности и спорных моментов они предлагают ввести новые термины. Например, О.Н. Труевцева использует термин «номинативный бином»³¹.

А.И. Смирницкий верно заметил, что эта проблема «не имеет определенного решения в отношении основной массы таких образований»³², поэтому и возникает столько много противоречий при попытке разграничения лексической и синтаксической синтагматики.

В нашем исследовании мы придерживаемся традиционной точки зрения и отождествляем комплексы типа X + Y и (или Y belong X) с одной лишь только разницей, что считаем их не сложными словами, а словосочетаниями.

Согласно сложившейся точке зрения, лексические единицы, образованные по данным моделям следует относить к сложным словам, поскольку они не могут считаться ни метафорическими образованиями, т.к. язык, переполненный живыми

метафорическими образованиями, не может существовать в современном обществе; ни ФЕ, т.к. процент фразеологизмов окажется в несколько раз больше, чем в других языках; ни свободными словосочетаниями, т.к. компоненты не встречаются вне сочетаний в таком же значении.

Что касается первого аргумента, мы согласны, что такое изобилие живых метафор в языке исключается. Но мы также не видим смысла полностью отвергать идею метафоричности таких образований. Это метафоры, но не живые, непосредственно возникающие в потоке речи. Они существуют на уровне языка в качестве фиксированных единиц. Их можно было назвать живыми метафорами только тогда, когда они еще не были зафиксированы как лексические единицы языка, т.е. когда-то до креолизации языка, где процесс словотворчества происходил непосредственно в коммуникативном акте и определялся тем образным типом мышления, который был характерен для данных языковых общностей.

Также мы не отрицаем, что лексический состав языка не может изобиловать в такой степени словосочетаниями с фразеологически связанным значением, но также мы не видим причины не задуматься об особенностях ФЕ, характерных для ТП. Мы хотим отметить, что они не ФЕ в общепринятом смысле. ФЕ занимает промежуточную позицию между словом и словосочетанием (структура словосочетания, а функционирование слова). Точнее, в нашей работе мы не отходим от общепринятого представления о ФЕ, мы только лишь хотим немного расширить понятие словосочетания применительно к ТП. Что касается количества ФЕ в языке, оно не может быть регламентировано какими-то рамками. Необходимо лишь точно сформулировать, что мы понимаем под ФЕ в данном конкретном языке.

Возвращаясь к третьему аргументу, мы хотели бы привести некоторые положения в защиту того, что данные лексические единицы все же являются не сложными словами, а словосочетаниями.

Нам не совсем ясно, что значит широкое значение компонентов. Во-первых, вне данных комплексов компоненты все же имеют такие же значения (речь, конечно же, идет о дословном переводе комплексов, т.к., как ФЕ, единицы характеризуются несоответствием их значения и суммы значений их компонентов). Если имеется в виду изменение семантики слова, то ведь это изменение (сдвиг значения) является семантической деривацией, и данное значение актуализируется в каком-то определенном контексте, где «контекст» не следует ограничивать сложным словом. Также возможно допустить, что компоненты комплексов полисемантичны, и его значения реализуются во фразеологически связанном контексте.

А.А. Леонтьев утверждает, что данные модели не есть что иное, как модели словообразования в ТП, где предлог обладает значением possessивности. Мы же, в свою очередь, хотим заметить, что распространенность данной и подобных моделей «словообразования» говорит, скорее, не словообразовании как таковом, а является результатом того, что в ТП существует только два предлога *long* и *bilong*. Одной из главных черт аналитического языка является широкое употребление предлогов для обозначения отношений между объектами и для связи слов в предложении. Поэтому только с помощью предлога мы можем соединить ядро и зависимое слово в непредикативную синтагму.

Говоря о значении предлога *bilong*, образ строился на основе определения посредством описания места какого-либо денотата в окружающем мире для компенсации отсутствующих лексических единиц. Исключительный выбор предлога *bilong* в данных моделях служит неоспоримым доказательством того, что лагуны в лексической системе обуславливали образование данных конструкций, которое проходило путем определения места к-л. объекта в окружающем мире.

Более того, далеко не всегда предлогу *bilong* присуще значение possessивности: *man bilong traim* «tempter» («traim» to try, to tempt).

Также, что мы не случайно отошли от общепринятой традиции и выделили наряду с моделью *X bilong Y* другую, с обратным порядком слов - *Y bilong X*. Это объясняется тем, что модель *X + Y* нередко встречается в языке в виде вариантов, образованных как по модели *X bilong Y*, так и по модели *Y bilong X*: ср. *skindiwai / skin bilong diwai* ('skin' кожа + 'diwai' дерево → кора), или же *mausgras / gras bilong maus* ('maus' рот + 'gras' трава → борода).

А.А. Леонтьев противоречит сам себе, когда в некоторых случаях, не обособляя среди сложных слов, называет вариант типа *X bilong Y* свободным словосочетанием.

Другую проблему представляют другие «сложные» слова типа *solwara*, *mausgras* и *manmeri*, где в первых двух примерах элементы соединены подчинительной связью, а в последнем – сочинительной.

Нам трудно проследить этимологию элемента *sol-* – является ли он ассимилированным вариантом английского заимствования *salty* или *salt*. Если мы примем первый вариант, то разница структур первых двух примеров состоит в том, что, будучи атрибутивными, их зависимые компоненты выражены, соответственно, прилагательным и существительным. По сути дела, это является словосочетанием «соленая вода», орфографически оформленным слитно. Если согласимся со вторым, то разница между примерами *mausgras* и *manmeri* с грамматической точки зрения нивелируется, и у нас остается в этом случае только разная степень

образности, что в данном параграфе не является предметом исследования.

В доказательство нашей точки зрения хотим заметить, что компоненты данной единицы были заимствованы из английского языка как отдельные слова и использовались (мы повторяемся) для определения конкретного явления, т.е. бороды, в действительности вследствие отсутствия каких-то других лексических средств (процесс вторичной номинации).

Мы полагаем, что при исследовании данного языка было неучтено соотношение устной и письменной речи. Заимствование проходило в дописьменный период, когда ток-писин как креольский язык как таковой еще не сформировался. Как уже было сказано, креольские языки образуются из пиджинов, которые, в свою очередь, возникают как средство фасилитации общения между представителями разных этнических групп.

Эволюция письма заключается в том, что расчленение плана содержания должно перейти в расчленение плана выражения. Креольские языки образуются из пиджинов, которые, в свою очередь, возникают как средство фасилитации общения между представителями разных этнических групп. Известно, что устная речь первична письменной и лексика заимствуется, в основном, в процессе устного общения. Не зря Ф. де Соссюр с сожалением отметил, что со временем фонология отошла на второй план и уже не имела большого влияния на письменную речь, где сформировались свои законы написания. Звуковая форма несовершенна – она неустойчива во времени, поэтому письменная форма языка должна была это компенсировать. Значит, цельнооформленные единицы – результат этого процесса, но на самом деле они представляют этимологически разные слова.

Здесь вообще следует обратить внимание, что в лингвистических исследованиях долгое время ученые ограничивали себя сегментным уровнем, т.е. отношением языковых единиц внутри языка (Reifler 1953). Это и объясняет то, что большинство выводов было сделано, не принимая во внимание суперсегментного уровня. Во второй половине XX в. был признан приоритет звуковой формы над письменной, что послужило стимулом для новых исследований взаимоотношения устной и письменной речи.

Не случайно возникло такое направление в лингвистике как «лексикологическая фонетика» (Минаева 1974), или речеведение (*speechology*, *neo-macro-phonetics*), которое «концентрирует внимание на детальном изучении реальных произведений речи во всей их сложности и во всем их своеобразии». Форма слова не ограничивается сегментным рядом, поэтому мы склонны настаивать на том, что для нас не имеет значения, в какой форме зафиксировалась та или иная единица письменной речи. Мы считаем, что для нас должно

иметь значение интенция говорящего, стереотип его мышления.

К сожалению, сейчас невозможно однозначно сказать, что легло в основу формирования описываемых нами лексических единиц, но, однозначно, они являются продуктом сложения разных слов (именно слов как минимальных единиц коммуникации, а не основ, хотя эти единицы омонимичны в плане выражения), следовательно, состоят из единиц, лексически раздельных и семантически самостоятельных. Важнейшая особенность письма в эпоху его зарождения заключается в том, что оно отражает план содержания языковых единиц, а не звуковой план их выражения. Это наглядно иллюстрируется тем, что описываемые нами единицы обозначают одно понятие, т.е. они семантически близки к словам. Распространение письменности и увеличивающаяся социальная роль приводит к обособлению письма. Но Библия была переведена на сельский пиджин (*rural pidgin*), подвергавшийся минимальным влияниям английского языка. Значит, письмо к тому времени могло не пройти все ступени эволюции и графическое слово не всегда отображало звучащее слово.

В случаях, подобным *mausgras*, М.Я. Блох предлагает провести изоляционный тест, который сводится к перемещению первого определяющего элемента в конец сочетания, т.е. замене сочетания без предлога на сочетание с предлогом. Неожиданным результатом предложенного им изоляционного теста является вариант лексической единицы, представленный моделью *Y bilong X*. А в нашем случае, это не что иное, как словосочетание, описанное выше – *gras bilong maus*.

По словам самого А.А. Леонтьева, употребление подобных слов варьируется в языке – либо слитное написание, либо непредикативная подчинительная синтагма. Мы также полагаем, что не следует рассматривать лексические единицы типа *gras bilong maus* – *mausgras* как принадлежащие к разным видам и по-разному обозначающие объекты и явления, а именно: *gras bilong maus* = понятие 1 (смысл как таковой 1) + понятие 2 (смысл как таковой 2), *mausgras* = понятие (смысл как таковой). Но мы считаем, что привели достаточно аргументов для того, чтобы утверждать, что данные лексические единицы включают в свой состав минимальные единицы номинации – слова, тем самым, являясь словосочетанием.

Если мы сравним эти комплексы и такие как *manmeri*, их отличает только сочинительная связь между элементами структуры и первый элемент не является модификатором второго. Смысл всей единицы «люди» выводится из суммы смыслов каждого компонента в отдельности. Итак, мы опять имеем дело не со сложным словом, а с двумя разными словами, написанными слитно. Можно сделать вывод, что графический критерий для выделения слова неприменим к языку ток-писин.

Даже в самом английском языке далеко не всегда можно провести границу между сложным словом и словосочетанием: ср. *flower girl* и *flower-girl*.

С понятием слова данные модели сближает тот факт, что они выражают один денотат, в отличие от свободного сочетания слов. Но, в таком случае, мы склонны их рассматривать как сочетания, компоненты которых потеряли свою семантическую самостоятельность.

¹ Дьячков М.В., Леонтьев А.А., Торсуева Е.И. Язык ток-писин (неомеланезийский). М.: Наука, 1981. С. 38–39.

² Щерба Л.В. Что такое словообразование// Вопросы языкознания. 1962. № 2. С. 84.

³ Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. С. 344.

Жинкин Н.И. Механизмы речи. М., 1958.

Downing P. On the Creation and Use of English Compound Nouns. *Language*, 1977, Vol. 54. P. 840–842.

Leve J. The Syntax and Semantics of Complex Nominals. USA, 1978. P. 301.

⁴ Jespersen O. *Modern English Grammar on Historical Principles. Part IV. Morphology*. London: G. Allen and Unwin. Copenhagen: K. Munbesgaard, 1954. P. 134.

Ball A.M. *Compounding in the English Language*. New York: The H.W. Wilson Company, 1941. 226 p.

⁵ Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1956. С. 119.

⁶ Трубейской Н.С. Основы фонологии. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 43.

⁷ Koziol H. *Handbuch der Englischen Wortbildungslehre*. Heidelberg, 1937. P. 48.

Sweet P. *Short Historical English Grammar*. Oxford, 1924. P. 211.

Fleischer W. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: Bibliogr. Inst., 1974. P. 54.

Hill A. *Introduction to Linguistic Structures*. New York, 1958. P. 173–190.

Hochett Ch. *A Course in Modern Linguistics*. New York, 1959. P. 316.

⁸ Блумфильд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. С. 240.

⁹ Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 388–392.

Адмони В.Г. Строй современного немецкого языка. (На немецком языке). Л.: Просвещение, 1972. С. 55.

Jespersen O. Цит. соч. С. 137.

Kruisinga E.A. *Handbook of Present-day English*. Groningen, 1932. P. 72.

Warren B. *Semantic Patterns of Noun + Noun Compounds*. Göteborg, 1978. P. 137.

Henzen W. *Deutsche Wortbildung. 3. durchges. und errg. Aufl.* Tübingen, 1965. P. 40.

Левковская К.А. Словообразование. М.: Изд-во МГУ, 1954. С. 35.

Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. Л.: Наука, 1976. С. 692.

¹⁰ Потиха З.А. Современное русское словообразование. М.: Просвещение, 1970. С. 163.

¹¹ Пауль Г. Цит. соч. С. 390.

¹² Quirk R. *A Grammar of Contemporary English*. London, 1973. P. 1020.

¹³ Кубрякова Е.С. Что такое словообразование. М.: Наука, 1965. С. 4.

- ¹⁴ Санников Н.Г. О критериях определения сложного слова в английском языке // Иностранные языки в высшей школе. 1963. Вып. 2. С. 80.
- ¹⁵ Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М.: Изд. лит. на иностр. яз. 1956. С. 190.
- ¹⁶ Ахманова О.С. О разграничении слова и словосочетания. М., МГУ, 1954. С. 57.
- ¹⁷ Мешков О.Д. Словосложение в современном английском языке: Учеб. пособие для ин-тов и фак. ин.яз. М.: Высш. шк., 1985. С.179.
- ¹⁸ Ахманова О.С. Цит.соч. С.57.
- ¹⁹ Ball A.M. Compounding in the English Language. New York: The H.W. Wilson Company, 1941. P. 226.
- ²⁰ Гутерман Н.Г. Сложные слова в современном английском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. Л., 1955. С. 16.
- ²¹ Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: Bibliogr. Inst., 1974. P. 361.
- ²² Foulke R. English for Everyone. New York, 1964. P. 62.
- ²³ Nida I. Morphology. The descriptive Analysis of Words. University of Michigan, 1946. P. 149.
- ²⁴ Смирницкий А.И. Цит. соч. С. 33.
- Adams V. An Introduction to Modern English Word-formation. London: Longman, 1973. VIII. P. 2–8.
- Павлов В.М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования; Отв. ред. В.Г. Адмони. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1985.
- Санников Н.Г. О критериях определения сложного слова в английском языке // Иностранные языки в высшей школе. 1963. Вып. 2. С. 79–88.
- ²⁵ Блумфильд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. С. 251.
- ²⁶ Квеселевич Д.И. Интеграция словосочетания в современном английском языке. Киев, 1983.
- ²⁷ Иванова И.П. О характере сложного слова типа gain-bow в английском языке // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. Вып. 1 С. 3–10.
- ²⁸ Теоретические основы словосложения и вопросы создания сложных лексических единиц. Межвуз. сб. науч. тр. Пятигор. гос. пед. ин-т иностр. яз.; (Редкол.: Е.С. Кубрякова (отв. ред.) и др.) Пятигорск: ПГПИИЯ, 1988.
- ²⁹ Санников Н.Г. Цит. соч. С. 88.
- ³⁰ Зернов Б.Е., Емельянова О.В., Хомякова Е.Г. и др. Спорные вопросы английской грамматики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. С. 10–11.
- ³¹ Труевцева О.Н. Английский язык: особенности номинации; Отв. ред. Е.А. Рейман; АН СССР, Каф. иностр. яз. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1986. С. 28.
- ³² Смирницкий А.И. Цит. соч. С. 131.

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Н.А. Пирогов, М.А. Зенченко

В статье дается краткая характеристика бессоюзных сложных предложений в современном русском и немецком языках в сопоставительном плане. Задачей является выявление их структурно-семантических сходств и различий методом сопоставления. На основе сопоставительного исследования делается вывод о том, что в русском и немецком языках полностью совпадают выделяемые типы бессоюзных сложных предложений и их основные структурные характеристики, а некоторые расхождения фиксируются в частотности употребления и отчасти в структуре отдельных типов бессоюзных комплексов.

В данной статье мы хотели бы дать краткую характеристику бессоюзных сложных предложений (далее: БСП) в современном русском и немецком языках в сопоставительном плане (на материале художественной литературы).

Под БСП мы понимаем сложное предложение, состоящее из двух компонентов, грамматически оформленных по законам данного языка и связанных без помощи союзных средств (союзов и относительных местоимений). Значение БСП не сводится к сумме значений его компонентов, а соответствует типу отношений между ними. БСП функционирует в качестве самостоятельного типа сложного предложения.

Обращение к данной теме обусловлено недостаточной изученностью семантических свойств БСП как в русском, так и в немецком языке. Хотя структура БСП описана довольно хорошо (Ср.: В.А. Белошапкина 1977; Н.С. Валгина 1991; В.М. Глухих 1996; Е.А. Земская 1981; Н.С. Поспелов 1950; И.П. Распопов, А.М. Ломов 1984; Д.Э. Розенталь 1995 и др.), до сих пор не было предпринято целостного исследования БСП ни российскими, ни германскими лингвистами. Сопоставительный анализ бессоюзных комплексов немецкого и русского языков также оставался вне круга внимания русистов и германистов.

Несмотря на то, что бессоюзный тип связи между компонентами сложного предложения рассматривается в трудах большинства русских и немецких лингвистов, занимающихся проблемами синтаксиса сложного предложения, вопрос о месте БСП в системе сложного предложения окончательно не решен и остается одной из дискуссионных проблем синтаксической теории. Условно можно выделить три основных подхода к БСП в истории их разработки в русистике и германистике.

1. Лингвисты традиционного направления рассматривают БСП как бессоюзное сочинение и бессоюзное подчинение, т.е. считают БСП вариантом союзного сложного предложения. Данный

взгляд на бессоюзие отражен в трудах таких русских лингвистов, как А.И. Гвоздев, А.М. Пешковский, А.Г. Руднев и др., а также в работах германистов и немецких лингвистов: В.Г. Адмони, Л.Р. Зиндер, Е.И. Шендельс, О.И. Москальской, J. Erben, W. Jung и др.

Мы не можем согласиться с данной точкой зрения, поскольку в БСП, части которых оформляются как самостоятельные предложения, отсутствуют обязательные формальные показатели сочинения и подчинения – союзы и союзные слова. А так как союзы являются неотъемлемым элементом структуры союзного предложения, в чем и состоит основное различие между союзными (ССП и СПП) и бессоюзными предложениями, объединить их в один структурно-семантический тип не представляется нам возможным.

2. Представители второго направления, получившего развитие во второй половине XX века, рассматривают БСП как самостоятельный структурно-семантический тип сложного предложения, не дифференцированный с точки зрения сочинения и подчинения. В большинстве описаний БСП разделяются на предложения однородного и неоднородного состава, что предполагает отказ от сочинения и подчинения в сфере бессоюзия. Недостаток этого направления мы видим в том, что без внимания остается семантика БСП. Данный подход к БСП представлен в работах В.А. Белошапкиной, Н.С. Валгиной, Н.С. Поспелова и др.

3. Многие современные российские лингвисты выделяют БСП в самостоятельный тип сложного предложения, обладающий своими специфическими чертами, отличающими его от ССП и СПП. Тем не менее, в рамках данного подхода не разработана единая и непротиворечивая классификация БСП. К представителям этого направления в изучении БСП относятся такие русисты, как В.В. Бабайцева, С.Е. Крючков, Л.Ю. Максимов, Д.Э. Розенталь и др.

Кроме того, актуальной остается проблема сопоставительного исследования БСП в русском и немецком языках: до сих пор русские и немецкие БСП не были описаны в сопоставительном плане. На наш взгляд, это во многом объясняется различной степенью изученности данного типа сложного предложения в русском и немецком языках: в отличие от русской лингвистической традиции, в немецких грамматиках БСП не являются отдельным объектом изучения и описания, т.к. они рассматриваются в качестве варианта союзного предложения. В связи с этим актуальным становится определение тех критериев, на основе которых возможно было бы описать БСП в русском и немецком языках и провести их сопоставительный анализ. Для решения данной проблемы необходимым является, прежде всего, создание единой классификации БСП в русском и немецком языках, на основе которой возможным стало бы последовательное сопоставление количественных, структурных и функциональных характеристик БСП в рассматриваемых языках.

В нашем сопоставительном исследовании БСП в современном литературном немецком и русском языках мы исходим из положения, что БСП наряду с гипотаксисом и паратаксисом выступает как третий равноправный структурно-семантический тип сложного предложения.

За основу анализа синтаксических связей между предикативными единицами в БСП мы берем функциональную классификацию сложных предложений, опирающуюся на соотношение функций составных частей сложного предложения с синтаксическими функциями членов предложения.

Материалом для исследования послужила картотека из 10.010 примеров БСП, собранная методом сплошной выборки из произведений русского и немецкоязычных авторов последней трети XX века и начала XXI века. Всего проанализировано 5006 БСП в русском и 5004 БСП в немецком языке.

Анализ языкового материала показал, что как в русском, так и в немецком языке БСП выражают следующие смысловые отношения:

1) субъектные (*Смуцало одно: нигде поблизости не было ничего похожего на стол. Es ist wahr, ich bin zu lahm*);

2) предикативные (*А это значит: на каждого в день приходится немногим более двухсот граммов. Das heißt, es ist der Besitzer des Zoogeschäfts...*);

3) объектные (*Она осталась недовольна, я это понимал. Ich wusste, die Kochtöpfe standen unten im Schrank*);

4) атрибутивные (*Обожгла новая догадка – немцы потащили Савушкина к себе! Und ich hatte sogar das Gefühl, du hast es verstanden*);

5) обстоятельственные отношения:

- времени (семантика одновременности: *Висят карты, лежат папки с фотографиями. Olivias Hand berührte etwas Kaltes, im selben*

Augenblick durchzuckte sie ein stechender Schmerz; семантика следования действий во времени: *Ствол обматывают тросом, танк, взревев, тянет, кедр трещит, рушится... Ich schreibe den Absatz zu Ende, dann mache ich den Computer aus*; противительная семантика: *Он ни на кого не смотрит, он смотрит в сырую ночь, где летит с моста Джейн... Er will nicht sie schonen, er schont sich*);

- причины и следствия (*И уже знал, что в этом город никогда не вернусь – слишком больно. Ich muss eingeschlafen sein, alle Knochen tun mir weh*);

- условия (*Понадет она к нам – мы сумеем ее зацумить и поставит в свои ряды. Hält jemand, den wir mögen, unsere Fehler nicht aus, sind wir dadurch in Frage gestellt*);

- уступки (*Говорила же Анна – не послушал. Der Satz klingt plausibel, in Wahrheit klärt er nichts und lässt mich ratlos zurück*);

- образа действия (*Один раз я уже спасал человечество – я просил сделать бомбу. Er betrog sie manchmal: er las ihr erregt ein Gedicht vor, von dem er behauptete, es lange mit sich herumgetragen, aber jetzt erst niedergeschrieben zu haben*).

Средствами бессоюзия не могут быть переданы обстоятельственные отношения сравнения, ограничения и места, находящие свое выражение только в гипотаксисе, а также разделительные отношения, свойственные лишь паратаксису.

Сопоставительный анализ БСП не выявил семантических различий между бессоюзными комплексами русского и немецкого языков.

Расхождения наблюдаются в количественной представленности тех или иных типов БСП в обоих языках. Так, самым распространенным типом БСП в русском языке являются темпоральные БСП со значением одновременности (занимающие второе место в немецком языке), а в немецком языке – объектные БСП (пятое место в русском языке). В обоих языках широко представлены также БСП со значением времени (последовательности), причины и следствия, атрибутивные БСП. Наименее употребительными в русском и немецком языках являются уступительные, условные, предикативные БСП и обстоятельственные БСП с семантикой образа действия. Результаты статистического анализа БСП в русском и немецком языках сведены в табл. 1.

С точки зрения структуры, БСП русского и немецкого языков делятся на предложения открытой (темпоральные БСП) и закрытой структуры (субъектные, предикативные, объектные, атрибутивные, противительные, причинно-следственные, уступительные, условные БСП и БСП образа действия).

БСП с предикативными, атрибутивными, уступительными, условными отношениями и обстоятельственными отношениями образа действия характеризуются фиксированным расположением компонентов в обоих языках. При этом компонент

Таблица 1

Частность синтаксических отношений, выражаемых БСП в современном русском
и немецком языках

Тип синтаксической связи	Русский язык		Немецкий язык	
	Абсолютное количество	%	Абсолютное количество	%
1. Субъектное БСП	155	3	189	3,8
2. Предикативное БСП	3	0,07	46	0,9
3. Объектное БСП	397	8	1228	24,5
4. Атрибутивное БСП	555	11	450	9
5. Обстоятельственные БСП:				
5.1.1. Темпоральное БСП со значением одновременности	1651	33	1187	23,7
	141	2,8	146	3
5.1.2. Противительное БСП	946	19	791	16
5.1.3. Темпоральное БСП со значением следования во времени	1036	20,7	758	15
	6	0,13	98	1,9
5.2. Причинно-следственные БСП	13	0,3	23	0,4
5.3. Уступительное БСП	103	2	88	1,8
5.4. БСП образа действия				
5.5. Условное БСП				
	5006	100	5004	100

БСП, функционирующий в качестве обстоятельства уступки и условия, стоит на первом месте в сложном предложении. А часть БСП в функции предикатива, атрибута, обстоятельства следствия и образа действия занимает второе место в бессоюзном комплексе. Как в пре-, так и в постпозиции могут находиться компоненты БСП, выполняющие синтаксическую функцию подлежащего, дополнения и обстоятельства причины. Данные структурные характеристики совпадают в сопоставляемых языках.

Как в русском, так и в немецком языке могут использоваться синтаксические и лексико-грамматические показатели связанности частей БСП. К ним относятся:

- особый порядок слов (инверсия изменяемой части глагола-сказуемого в условных БСП: *Послушаешь меня, получишь не один, а два куска хлеба. Hätte ich es früher gewusst, hätte ich mit Babette nach Indien fliegen können*);

- согласование временных форм глаголов;

- сказуемых (в темпоральных БСП со значением следования действий во времени: *Деревья почти все уснули, на земле лежат мертвые листья. Mir war der Hörer aus der schweißnassen Hand geglitten, er lag auf meinen Knien*);

- анафорические элементы: личные, притяжательные или указательные местоимения, соотнося-

щиеся с существительным в одном из компонентов БСП (в атрибутивных БСП: *Растет основание реактора, диаметр его около восьми метров. Und dann gibt es Dinge, die gehen die Eltern gar nicht an*);

- корреляты, соотносящиеся со всей первой или второй частью БСП (в предикативных и субъектных БСП: *Вот это в ней было очень ценно – она никогда не выспрашивала. А это значит: на каждого в день приходится немногим более двухсот граммов. Auch das stimmte: Tote sehen wächsern aus. Es heißt natürlich, alle Säufer hätten ihre Gründe*);

- глаголы неполной предикации и существительные, требующие своего распространения вторым компонентом (в объектных БСП: *А мне сказали: ты из самолета вынал. Er hatte gehofft, der See sei unendlich*; в атрибутивных БСП: *Тем не менее я утвердился мыслью: родник надо спасти.. Ich hatte schon Angst, dich hätte man zerquetscht*);

- наречия соответствующей семантики (в причинно-следственных БСП: *Мороз по утрам стоял лютый, поэтому иногда ребята приходили в класс обмороженными, с белыми пятнами на щеках. ...ihre Stiche auf dem Stoff gerieten ihr oft krumm, sie wählte daher lieber einfache Muster beim Stricken...; в темпоральных БСП: *Сначала на лице ее появилась улыбка..., потом озорно заблестели глаза, и она засмеялась. Wir tranken noch eine Tasse Kaffee, dann**

Грамматика и сопоставительная лингвистика

verabschiedeten wir uns; и в русском языке в БСП образа действия: *Главная из них (проблема) ...решалась на диво просто: приезжал Аркадий Семенович и отвозил маму в театр*).

Различия между русским и немецким языком обнаруживаются лишь в некоторых структурных и количественных характеристиках отдельных подгрупп БСП. Так, в субъектных БСП немецкого языка обязательным является использование коррелятов *es* и *das*, тогда как в 70% русских субъектных БСП позиция подлежащего в одном из компонентов остается незамещенной. Ср.: *Wäre es nicht besser, du würdest dich scheiden lassen und wieder deinen Mädchennamen annehmen?* и *Мне кажется, ты хороший товарищ*. Это связано с тем, что для немецкого синтаксиса в целом не характерны предложения с незамещенной позицией подлежащего. Те компоненты субъектных БСП, в которых коррелят не употреблен, представляют собой пассивную конструкцию с обратным порядком слов (т.е. с препозитивным расположением второстепенного члена предложения), в которой опущение слова, соотносящегося со вторым компонентом, выражающим подлежащее, является грамматически правильным: *Und jetzt, auf einmal, wurde beschlossen, Oma kommt zu uns nach Berlin*. И лишь в шести примерах мы наблюдаем конструкцию с незамещенной позицией подлежащего в первом компоненте БСП, характерную для разговорной речи: *Am besten ist (es), ich werde zu meiner alten Formel zurückhalten*; *(Es) Stimmt aber – gutes Werkzeug macht die halbe Arbeit*.

В беспредложных объектных БСП русского языка употребление местоимений, соотносящихся со вторым компонентом БСП возможно только в предложениях с препозицией компонента, функционирующего в качестве дополнения (*Она осталась недовольна, я это понимал*; *Впрочем, сегодняшняя робость была иного свойства – он понял это, вдохнув в себя запах нагретого пластика и кожи...*), тогда как в немецком языке местоимения употребляются в предложениях как с пре-, так и с постпозицией части БСП, выступающей в функции объекта (*Pragmatisch kann man gerade nicht mit ihr umgehen, das weißt du*; *Man spürte es, die beiden Männer waren deutlich bemüht, sich korrekt zu verhalten*).

Кроме того, в немецком языке предложные объектные БСП с местоименным наречием, например: *Der muss dein Quix vom Taschengeld bezahlen, damit ist er gestraft genug*, встречаются в два раза чаще, чем эквивалентные им БСП с сочетанием «предлог+местоимение» в русском языке (*Стульчик и впрямь был любимым местом замесительницы, все об этом знали*).

В атрибутивных БСП русского языка возможно употребление местоимения *такой/такая* в первом компоненте БСП, что не характерно для немецкого языка: *Можно представить такую комбинацию: Зотов в Луисбурге наводит на проблемы, здесь же разворачивает Винтер; У Стеллиной матери было*

такое вот полезное хобби: она любила готовить.

БСП с обстоятельственными отношениями образа действия в русском языке более разнообразны: в них могут описываться действия, совершаемые либо одним, либо разными субъектами: *Заметно свежело, и при этом как бы обновлялись запахи цветов – они становились чище, прозрачнее* (один субъект); *Лауэ соблюдает осторожность совершенно иначе: голос его не снижается, он разговаривает так, как будто они продолжают обсуждать свои дела* (два субъекта). В русских БСП данной группы могут также использоваться лексические маркеры (наречия образа действия). Кроме того, эти БСП не имеют эквивалентов среди сложных предложений в русском языке.

Количественные расхождения наблюдаются в группе БСП с условными отношениями между компонентами: в немецком языке одинаково представлены БСП с реальным и ирреальным условием (по 50%), тогда как в русском языке преобладают условные БСП с реальной модальностью (85%). Ср.:

– реальное условие:

Будешь кормить, заботиться – все будет хорошо.

...рано женишься – скорее подмога будет.

Wuchs das Gras zu hoch, verwehrte es ihm die Sicht auf die Dahlien am Gartenzaun.

Begegnete Lisa etwas, klappte gleich ein Fächer von Möglichkeiten in Lisas Kopfauf...

– ирреальное условие:

Будь на моем месте Жанна или Ленка – я бы тоже себя так вела. Был бы в городе металлургический или машиностроительный – он бы учился бы на металлурга или механика.

Hätte er gewusst, wie man „Patience“ schreibt, er wäre weniger human gewesen.

Wäre er Schlosser oder Maurer oder Hilfsarbeiter, dann hätte sie mir erklärt, dass du kein Umgang für mich bist.

Итак, сопоставительное исследование БСП в современном русском и немецком языках показало, что в рассматриваемых языках средствами бессоюзия выражаются одинаковые смысловые отношения. Структурно-семантические характеристики предикативных, темпоральных, причинно-следственных и уступительных БСП полностью совпадают. Субъектные, объектные, атрибутивные, условные БСП и БСП образа действия имеют некоторые расхождения в своей структурной организации, а также в распространенности тех или иных подтипов БСП.

Из вышесказанного следует, что при полном совпадении семантических особенностей типов БСП в русском и немецком языках обнаруживаются лишь некоторые различия, касающиеся в большей степени частотности употребления отдельных типов БСП и отчасти их структуры (табл. 2).

Таблица 2

Результаты сопоставительного исследования БСП в немецком и русском языках
(на материале художественной литературы)

Тип БСП в немецком и русском языках	Совпадение структурно-семантических характеристик БСП	Расхождения в структурных характеристиках БСП	Расхождения в количественных характеристиках БСП
1. Субъектные БСП	–	+	–
2. Предикативные БСП	+	–	+
3. Объектные БСП	–	+	+
4. Атрибутивные БСП	–	+	+
5. Темпоральные БСП			
•Одновременность	+	–	+
•Противопоставление	+	–	–
•Последовательность	+	–	–
6. Причинно-следственные БСП	+	–	+
7. Уступительные БСП	–	–	+
8. Условные БСП	–	+	+
9. БСП образа действия	–	+	+

Таким образом, сопоставительный анализ БСП в современном русском и немецком языках (на материале художественной литературы) позво-

ляет сделать вывод о том, что в области синтаксиса бессоюзных конструкций в рассматриваемых языках преобладают черты сходства над чертами различия.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С СОЮЗОМ «UND»

Н.А. Пирогов, Н.В. Кошкина

Сложное предложение можно изучать с разных точек зрения. Определяющими позициями являются структурная (формальная) организация предложения и семантическая (содержательная) организация сложного предложения, а также их взаимодействие и влияние друг на друга. Союз «und» в немецком языке и союз «и» в русском языке имеет очень широкое и отвлеченное значение, он выражает лишь общую идею рядоположенности тех явлений, о которых говорится в частях сложного предложения. В зависимости от того или иного лексического наполнения частей, сложносочиненные предложения с союзами «и», «а» в русском языке могут иметь различный смысл и выражать различные синтаксические отношения.

Анализ теоретической литературы свидетельствует о том, что сложное предложение имеет два характерных грамматических свойства: оно состоит из частей, каждая из которых построена по той или иной формуле простого предложения и обладает предикативностью; вместе с тем, сложное предложение является таким объединением, которое, во-первых, имеет своё собственное строение, вследствие чего части сложного предложения могут включать связочные средства или иметь другие структурные особенности, определяемые строением сложного предложения как целого; во-вторых, имеет значение, не сводимое к сумме значений частей, обладает смысловой цельностью и, таким образом, составляет структурное и семантическое единство, функционирующее как одна коммуникативная единица.

Сложное предложение можно изучать с разных точек зрения. Определяющими позициями в нашей работе являются структурная (формальная) организация предложения и семантическая (содержательная) организация сложного предложения, а также их взаимодействие и влияние друг на друга.

В современной лингвистике различают два вида классификаций: структурная и семантическая. Структурная классификация (или формальная) учитывает следующие признаки сложносочинённых предложений:

- открытость/закрытость структуры (потенциальное количество элементарных предложений в составе сложного предложения);
- расположение элементарных предложений относительно друг друга;
- союзы, участвующие в соединении элементарных предложений в составе сложного.

Семантическая классификация учитывает следующие характеристики сложносочинённого предложения: синтаксические связи между элементарными предложениями в составе сложного.

Значительная часть имеющихся терминов не отражает сути синтаксических отношений между частями сложного предложения (например, соединительная, разделительная, пояснительная связь). Так как синтаксические отношения в сложносочинённых предложениях в основном аналогичны синтаксическим отношениям в сложноподчинённых предложениях, то представляется целесообразным использовать термины, общепринятые при классификации придаточных предложений в составе сложноподчинённого предложения.

Данные, полученные нами в ходе работы, представлены в таблице.

Таблица

Название отношений	Кол-во (шт.)	Процентное соотношение
1. Субъектные	60	9,8
2. Объектные	45	7,4
3. Предикативные	15	2,5
4. Атрибутивные	80	13,1
5. Обстоятельственные:		
времени	222	36,4
причины и следствия	153	25,1
условия и следствия	25	4,1
6. Уступительные	10	1,6
	610	100%

В соответствии с вышеприведёнными данными среди сложносочинённых предложений с союзом «und» в немецком литературном языке выделяются предложения, выражающие следующие синтаксические отношения:

- субъектные (9,8%);
- объектные (7,4%);
- предикативные (2,5%);
- атрибутивные (13,1%);
- уступительные (1,6%);
- обстоятельственные:
- времени (36,4%);
- причины и следствия (25,1%);
- условия и следствия (4,1%).

Согласно процентному соотношению наиболее частотными в немецком литературном языке являются сложносочинённые предложения, выражающие обстоятельственные синтаксические отношения времени (36,4%). В современной немецкой литературе довольно часто встречаются причинно-следственные (25,1%) и атрибутивные (13,1%) предложения. Сложносочинённые предложения, выражающие субъектные и объектные синтаксические отношения, встречаются в немецком литературном языке не так часто, их процентное соотношение 9,8% и 7,4% соответственно. Самыми редким и менее употребляемыми предложениями являются сложносочинённые предложения, выражающие предикативные и уступительные отношения. Они составляют 2,5% и 1,6% соответственно.

Как мы видим, сложносочинённые предложения с союзом «und» могут выражать не только отношения формального соединения, но и различные синтаксические отношения, которые мы попытаемся описать в нашей работе с помощью определения структурно-семантических особенностей того или иного предложения.

Предложения с «und» являются собственно соединительными, которые Н.Н. Холодов определяет как такие предложения, где семантика компонентов подаётся как в каком-то отношении одинаковая, сходная по отношению к некоему единому для них общему значению. Союз «und» имеет чрезвычайно широкое и отвлечённое значение, он выражает лишь общую идею «рядоположенности, совместности и сосуществования» тех явлений, о которых говорится в частях сложного предложения. В зависимости от того или иного лексического наполнения частей, сложносочинённое предложение с союзом «und» может иметь различный смысл, что мы и попытаемся доказать в нашей работе.

Союз «und» стоит в середине предложения и соединяет первую и вторую части сложного предложения. Для сложносочинённых предложений с союзом «und» в немецком языке характерен фиксированный порядок слов, кроме тех случаев, когда в предложении выражаются одновременные отношения. Сложносочинённые предложения, выражающие отношения одновременности, являются предложениями открытой структуры. Например:

Er hatte etwas getan, und sie hatte etwas getan, es reichte aus... (R.D. «K»)

Er merkte, dass er weinte, und ein anderer stand ausser ihm und schaute. (P.H. «J»)

Das war die Freude, und das war auch die Angst. (S.L. «E»)

В таких предложениях выражается одновременность двух или нескольких действий, явлений, событий. Значение одновременности обычно передаётся путём совпадающих временных форм глаголов-сказуемых в простых предложениях,

входящих в состав сложного. Иногда глагольные формы в этих случаях не совпадают. Например:

...gewollt habe ich es nie, und deine Mutter wird dasselbe meinen.

Временные отношения, выражаемые в предложениях открытой структуры, являются одним из наиболее часто встречающихся в современном немецком языке.

Другой вид временных отношений в сложносочинённых предложениях – последовательность во времени действий или состояний, выражаемая порядком частей и видовременными глагольными формами. Данные предложения образуют группу сложносочинённых предложений, относящуюся к предложениям закрытой структуры. Например:

...Sedlatschek haben sie vergessen, und Janek stimmte ihnen zu. (P.H. «J»)

Die Mittagsglocken waren in seiner Vorstellung gerade erst verklungen, und doch mussten seitdem Stunden vergangen sein. (P.H. «N»)

Unsere Mutter war mit 39 Jahren gestorben, und einenhalb Jahre nach ihr starb der Grossvater... (A.W. «H»)

В предложениях открытой структуры, выражающих временные отношения, могут также после союза «und» стоять наречия «dann, daran, danach, zuletzt, bald». Например:

Es ist als ob irgendwo Druck abgelassen wird, und dann fällt ihre Handtasche zu Boden... (H.B. «L»)

Wie ich da den Schutt und Schmutz wegräumte, fing der Mann an mich zu loben, und bald kam er auf mich zu... (A.W. «H»)

Sie folgen ihm einfach, und der Bürgermeister selbst sagt kein einziges Wort..., und zuletzt hat er alle Männer des Dorfes hinter sich. (S.L. «E»)

В таких предложениях к значению временной последовательности может присоединяться оттенок значения следствия. Частотность употребления данных предложений в немецком языке достаточно велика.

Среди сложносочинённых предложений с союзом «und» имеются субъектные предложения. Первый компонент, содержащий определённое утверждение, соединяется со вторым компонентом при помощи союза «und» и коррелируется с местоимением «das» (или «es») во второй части сложносочинённого предложения. Местоимение компонентов строго фиксировано. Например:

Es musste etwas Derartiges sein, und es war sie neben ihm... (R.D. «K»)

Er las und hörte Musik, wie immer, und er hatte das auch getan, als er noch ein Zimmer bei ihm in der Wohnung hatte... (R.D. «K»)

Mehr konnte das gar nicht für sie bedeuten, nicht mehr sein als eben das, und das war so, nicht anders... (R.D. «K»)

В объектных сложносочинённых предложениях первый компонент объединяется со вторым посредством союза und, коррелируется с место-

Грамматика и сопоставительная лингвистика

имениями *das, die, der* и другими и несёт функцию дополнения. Например:

Die Blöcke schimmerten, und ich fand sie durchaus geeignet für ein Spiel. (S.L. «E»).

... eine dichte Masse aus Geruch und Bewegung ballte sich zu Stichworten, und er versuchte, sich daraus zu befreien.

Расположение компонентов в таких предложениях фиксировано.

В ходе описания сложносочинённых предложений с союзом *und* необходимо отметить способы, которые помогают нам определить те или иные синтаксические отношения между компонентами сложносочинённого пря. К таким способам относятся:

определение управления глагола, к которому относится вторая часть предложения;

постановка вопроса к одной из частей сложного предложения, которые соединены союзом *und*;

метод трансформации сложносочинённого предложения с *und* в сложноподчинённое или бессоюзное предложение, при сохранении значения синтаксических отношений, которые выражаются в сложносочинённом предложении.

Следующий тип отношений, который мы выделяем в нашей работе – это атрибутивные отношения.

В таких предложениях первый компонент связан со вторым посредством союза *und*, коррелируется с указательными местоимениями *das, der*, притяжательными местоимениями, неопределёнными местоимениями *beide, alle* или с местоименными наречиями. Второй компонент сложносочинённого предложения несёт функцию определения. Например:

eine Kabine für sie allein, in die nur er hinein konnte, und sie wäre da ausgestreckt im Dunkeln. (R.D. «K»).

Als Getreide nahmen wir Spitzwegerich, Breitwegerichblätter waren unser Geld, und alle möglicher guasser hatten ihre Bedeutung. (A.W. «H»).

...Lautes und Leises wechselten in unendlicher Reihe und beides zermürbte einen gleichermassen. (G.K. «J»).

Eine halbe Drehung des Rumglases genügt, und alle diese Eigenarten sind nicht mehr zu entdecken. (S.L. «E»).

В некоторых случаях определительные отношения обусловлены лексическим наполнением компонентов частей сложносочинённого предложения. Порядок компонентов в предложении строго фиксирован.

Между компонентами сложносочинённого предложения может иметь место и причинно-следственная связь. Положение компонентов строго фиксировано. В первой части содержится указание на причину, во второй – на следствие. Например:

Die Nonnen lobten ihn, und er lernte gut. (P.H. «J»).

Aber auf der winterlichen Seepromenade waren Leute zu erkennen, und wir nahmen Kurs auf sie. (S.L. «E»).

Ich will Erich den Ledergürtel reichen, und ich hänge den Gintel wieder an den Haken. (S.L. «E»).

Практически все сложносочинённые предложения, выражающие причинно-следственные отношения, являются обратимыми, т.е. способными к трансформации. Например:

Die Nonnen lobten ihn, deshalb lernte er gut. Или: Er lernte gut, weil die Nonnen ihn lobten.

Наиболее однозначно причинно-следственные отношения между компонентами сложносочинённых предложений выражаются в том случае, когда союз «und» сочетается с местоименным наречием *deshalb*, или словом *so*. Например:

...es machte ihnen Spass zu photographieren, und so photographieren sie mich wieder einmal. (H.B. «Z»).

Der Oberbefehlshaber kann sich an nichts erinnern, und deshalb drehe ich die Brause auf... (S.L. «E»).

В некоторых случаях причинно-следственные отношения определяются семантикой, т.е. лексическим значением компонентов сложносочинённого предложения. Например:

Ich konnte doch nichts dafür, es kamen Regentage, und die Wäsche trocknete nicht so schnell.

Причинно-следственные отношения определяются через постановку вопроса ко второй части сложного предложения (*warum?* – почему?). При этом первая часть должна являться ответом на вопрос. Сложносочинённые предложения, выражающие причинно-следственные отношения, всегда можно трансформировать в сложноподчинённые предложения:

Da es Regentage kamen, trocknete die Wäsche nicht so schnell.

При трансформации может меняться порядок компонентов сложного предложения, но значение остаётся неизменным.

В некоторых случаях причинно-следственные отношения могут сливаться в сложносочинённых предложениях с временными отношениями, что может быть обусловлено лексическим значением глаголов-сказуемых в простых предложениях, входящих в состав сложного:

...später wurde, er die Klappe öffnen und wir konnten einander durch die Lücke fühlen, betasten... (H.B. «Z»). (последовательность во времени).

Vorher hatte es geregnet, und dabei wirkt gleichzeitig alles weiter verschlissen und abgenutzt... (R.D. «K») (одновременность называемых действий).

Между компонентами сложносочинённого предложения могут иметь место и предикативные отношения. Они вводятся относительными местоимениями *was, wie* и некоторыми другими местоимениями на *w* и находятся всегда в постпозиции.

Например:

...ein Mensch sei er, zum zupacken geschaffen, und wie er heisse.

Положение компонентов такого предложения варьироваться не может.

В нашей работе мы также выделяем условно-следственную связь, которая может иметь место между частями сложносочинённого предложения строго фиксировано. В первой части указывается на условие, а во второй части, присоединённой с помощью союза und, указывается на следствие, например:

Ich brauche nur daran zu denken – und es tippte plötzlich wie von selbst... (М.Ф. «Н»).

Er kleicht wie ein Weib, und wenn er Josef spielt, kommt er mir vor wie ein Strizzi. (Р.Н. «J»).

При несоответствии причины и условия, и следствия и результата образуются отношения противоположности или уступки. Уступка – это обстоятельство, которое может мешать осуществлению действия, но не отменяет его. Части сложносочинённого предложения соединяются при помощи союзов und wenn, und doch и другими.

Например:

...es schwang ihn ein, und doch war, es nicht fassbar, geran nicht zur Gestalt.

Рассмотрев и проанализировав сложносочиненные предложения в немецком и русском языках, мы попытались определить синтаксические отношения, которые выражают сложносочиненные предложения с союзом «und» в немецком языке и их эквиваленты в русском языке. К таким отношениям относятся: субъектные, объектные, предикативные, атрибутивные, обстоятельственные времени, причины и следствия, условия и следствия, образа действия, уступительные/уступительно-противительные, противительные.

Союз «und» в немецком языке и союз «и» в русском языке имеет очень широкое и отвлеченное значение, он выражает лишь общую идею рядоположенности тех явлений, о которых говорится в частях сложного предложения. В зависимости от того или иного лексического наполнения частей, сложносочиненные предложения с союзами «и», «а» в русском языке могут иметь различный смысл и выражать различные синтаксические отношения.

ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НАРЕЧИЙ ВРЕМЕНИ В ЧЕШСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В.Б. Попова

Функционально-семантические соответствия наречий времени в переводах выявляются, используя приёмы сопоставительного изучения семантики и прагматики языковых единиц, относящихся к функционально-семантическому полю темпоральности и выявляют некоторые общие закономерности, касающиеся сочетаемости наречий с видо-временными формами глагола.

На протяжении десятилетий в отечественной и зарубежной филологии наблюдается постоянный интерес к изучению наречия как части речи, поскольку наречие – это часть речи, которая отличается структурной, смысловой и функциональной сложностью.

Сопоставительный анализ наречий времени в чешском и русском языках, выявляет общие и специфические группы наречий времени как компонентов функционально-семантического поля темпоральности в чешском языке и определяет их переводные функционально-семантические эквиваленты в русском языке, которые не приняты во внимание в переводных словарях.

Актуальность данной статьи обусловлена тем, что сопоставительный структурно-семантический и функциональный анализ наречий времени в русском и чешском языках и определение места этих наречий в функционально-семантических полях темпоральности представляет значительный интерес в плане более глубокого понимания механизмов функционирования семантических категорий.

Функционально-семантические соответствия наречий времени в переводах выявляются, используя приёмы сопоставительного изучения семантики и прагматики языковых единиц, относящихся к функционально-семантическому полю темпоральности и выявляют некоторые общие закономерности, касающиеся сочетаемости наречий с видо-временными формами глагола.

Многоаспектность анализа наречий времени в чешском и русском языках определяет использование сопоставительного метода, а также полевого метода системного описания и тематической группировки лексики, а также метод компонентного анализа, что позволяет выявить лексико-семантические группы, выделенные на основе совокупности интегральных и дифференциальных семантических признаков. Определение дифференцирующих сем позволяет уточнить синонимические ряды наречий времени.

Метод компонентного анализа выводит «семантические формулы» для каждого многозначно-

го наречия времени. В речи или в контексте реализуется одно из значений многозначных наречий *jednou, ted', nyní, dnes*, контекст же всегда снимает многозначность. Кроме того, в контексте наречие может приобретать дополнительные оттенки значения, так как актуализируются потенциальные семы, отражающие возможные признаки обозначаемого явления.

Компонентный анализ, применяемый в рамках устоявшегося понятия «семантическое поле», выявляет закономерность функционирования языковых единиц в конкретной речевой ситуации.

Понятие «семантическое поле» при изучении наречий времени позволяет произвести структурно-семантическую классификацию в чешском языке.

Так выявляются микрополя в составе функционально-семантического поля темпоральности, в которых выделяются свой центр и периферия. Наречия времени составляют ядро микрополя плана будущего, плана настоящего и плана прошедшего.

В основе анализа находятся дефиниции, взятые из толковых словарей, с тем, чтобы вывести сводную дефиницию каждого наречия. Таким образом, для всех значений в сводных дефинициях выявляется соответствующий переводной функционально-семантический эквивалент.

Рассмотрим ситуацию, когда наречия *ted', nyní, dnes* указывают на то, что действие происходит в данный момент, в данную минуту:

Pamatuji se jako dnes. Я помню как сейчас.

Nyni půjdeme na procházku. Сейчас мы пойдём на прогулку.

Pockejte, ted' nemá čas. Подождите, сейчас у меня нет времени.

Musi se to udelat hned ted'. Это надо сделать сейчас же.

Несмотря на то, что наречия *ted', nyní, dnes* в данной ситуации переводятся одним и тем же русским наречием *сейчас* и, казалось бы, могли быть взаимозаменяемыми, но, если в предложении вместо наречий *dnes* и *nyni* подставить наречие *ted'*, то предложение «*Ted' půjdeme na procházku*»

следует перевести таким образом: «Теперь пойдём на прогулку», так как наречие *ted'* противопоставляется наречиям *dnes* и *nyni* дополнительным семантическим признаком – «противоположение прежним обстоятельствам, условиям».

Замена наречия *ted'* другими наречиями возможна, но при этом теряется оттенок противопоставления прежним условиям, обстоятельствам. Наречия *dnes* и *nyni* могут иметь и имеют указанный оттенок. Но для этого нужен соответствующий контекст.

Наречие *сейчас*

Наречие сейчас на чешский язык переводится в словарях:

1. *nyni, ted'* (в настоящее время); 2. *hned, okamžite* (немедленно, сразу).

При анализе переводов на чешский язык выявляется, что оно может переводиться и *dnes, nyni, ted', hned, okamžite, v teto chvíli, najednou*.

Наречие *nyni*

Nyni переводится на русский язык в словарях наречием теперь с пометой «в настоящее время».

Проанализировав переводы, мы выявили, что данное наречие может переводиться наречиями *сейчас, ныне, недавно* и словосочетанием в *настоящее время*. Это и есть функционально-семантические эквиваленты наречия *nyni*.

Наречие *ted'* имеет следующие функционально-семантические эквиваленты:

- в настоящее время – сейчас;
- при сопоставлении что было раньше – теперь;
- с того момента, отныне – теперь;
- на этот раз в отличие от прошлого – теперь;
- с оттенками следствия, результата – теперь;
- в этом случае, при таких обстоятельствах – теперь;
- действие отнесено к ближайшему прошлому – только что.

В предложении *Tak ted' uz toho tam dost* (Мне это уже надоело) в русском языке наречие не используется, *mit dost* заменяется на глагол совершенного вида надоеть.

Наречие *davno* усиливает действие, которое еще не произошло, если при нем есть усилительная частица *jeste*, и глагол употреблен с отрицательной частицей *ne*. В таком случае функционально-семантическим эквивалентом является *далеко не, не вполне, отнюдь не*.

Сопоставительное исследование структурно-семантических и функциональных свойств наречий со значением времени в русском и чешских языках позволяет прийти к следующим выводам.

1. Система наречий, со значением времени в каждом из рассматриваемых языков представляет собой важную составляющую часть функционально-семантического поля темпоральности. Единство этого поля подтверждается не только общими семантическими компонентами в составляющих его разноуровневых языковых единицах, но и постоянным взаимодействием этих языковых единиц в речи. Наречия времени в чешском и русском языках передают семантику, сопоставимую с семантикой глагольных временных форм, однако в наречиях времени темпоральная семантика передается более детально.

2. Система наречий времени в каждом из сопоставляемых языков имеет отчетливо выраженную иерархическую организацию.

3. Анализ функциональных свойств темпоральных наречий в чешском и русском языках показал, что существуют определенные закономерности в сочетании рассматриваемых наречий с глаголами совершенного и несовершенного вида в формах настоящего, прошедшего и будущего времени.

4. Сопоставительное исследование оригинальных текстов и их переводов (а также изучение материалов переводных словарей) позволило выявить типовые переводные функционально-семантические эквиваленты для чешских наречий со значением времени в русском языке и для русских наречий в чешском языке.

5. Сопоставление функционирования наречий времени в сравниваемых языках позволило выделить несколько типов отношений: а) полное совпадение семантики сопоставляемых лексем двух языков: наречия *vcera, včera; zitra, завтра*; б) частичное совпадение семантики: *ted', теперь*.

6. Исследования такого типа позволят не только сопоставить системные и функциональные свойства наречий времени в русском и чешском языках, но и прийти к выводу о возможности использования рассматриваемой методики при подготовке целостного описания темпоральных наречий в языках восточных, южных и западных славян, а также при создании типологического описания наречий времени в различных языках.

СТАТУС ФРАНЦУЗСКИХ ГЛАГОЛОВ ТИПА *prétendre* (требовать) / *prétendre à* (стремиться к чему-либо)

Л.А. Становая, А.Н. Ткачева

В статье рассматриваются французские глаголы типа *prétendre* (требовать) / *prétendre à* (стремиться к чему-либо), различающиеся по форме (без предлога/с предлогом) и по лексическому значению. Общий список, полученный методом сплошной выборки из словарей современного французского языка, составляет 169 глаголов, из них: без предлога/с предлогом 'à' – 55 глаголов, 'de' – 46, 'sur' – 68. Проводится сравнительно-сопоставительный анализ глаголов в синхронии и диахронии; представляется и описывается предложенная авторами классификация глаголов: грамматические варианты/ лексико-грамматические варианты/ разные лексические единицы. Ставится вопрос о природе данного явления и о причинах образования разных по своему грамматическому и лексическому статусу языковых единиц. Высказывается предположение, что появление новых лексических единиц связано с действием принципа экономии (стремления системы к симметрии и равновесию) в организации лексической системы французского языка.

В современном французском языке есть глаголы, которые могут употребляться с предлогом или без него, причем с разным лексическим значением, например: 'dauber' – колотить / 'dauber sur' – злословить; 'connaître' – знать / 'connaître de' – быть компетентным; 'aviser' – замечать / 'aviser à' – думать; 'ruminer' – жевать / 'ruminer sur' – размышлять; 'rogner' – укорачивать / 'rogner sur' – урезать; 'tenir' – держать / 'tenir à' – дорожить; 'prêter' – одалживать / 'prêter à' – способствовать; 'conspirer' – замышлять / 'conspirer à' – способствовать чему-либо; и др.

Общий список, полученный методом сплошной выборки из словарей современного французского языка¹, составляет 169 глаголов, из них: без предлога/с предлогом 'à' – 55 глаголов, 'de' – 46, 'sur' – 68.

Анализ теоретической литературы выявил спорность в интерпретации таких употреблений. Так, грамматисты, например, О.И. Богомолова, Е.Д. Владимирова, В.Г. Гак, Л.И. Илия, Т.А. Репина, Г.А. Тер-Авакян, Н.М. Штейнберг, Г.-Д. Бешад, А. Блинкенберг, М. Гревисс, Ж. Гугенейм, Ж. и Р. Ле Бидуа, М. Ротемберг, Д. Уиллемс, и др. полагают, что употребление рассматриваемых глаголов без предлога грамматически эквивалентно их употреблению с предлогом, что свидетельствует о явлении грамматической вариативности.

Лексикологи, например, А.А. Андриевская, З.Н. Левит, Н.Н. Лопатникова и Н.А. Мовшович, И.Н. Тимескова и В.А. Тархова, Е.М. Чекалина и Т.М. Ушакова, Ш. Балли, С. Бейлон и П. Фабр, Ж. Пикош, М.-К. Ромеро-Лопес, М. Тутеску и др. определяют лексические значения глаголов с/без предлога вариациями одного значения и полагают, что речь идет о полисемии.

Таким образом, исследуемые глаголы рассматриваются обычно как грамматические вариан-

ты одной и той же многозначной лексической единицы. Однако наш анализ показал, что рассматриваемые глаголы существенно различаются между собой. Так, мы выделили:

1) **грамматические варианты** одной лексической единицы, например: 'délibérer' / 'délibérer sur' – обсуждать, 'disputer' / 'disputer de' – спорить, 'juger' / 'juger de' – судить; и др.;

2) **лексико-грамматические варианты** одной лексической единицы, например: 'accommoder' – приспособлять / 'accommoder sur' – наводить прибор, 'accroître' – умножать / 'accroître à' – увеличивать чью-то долю, 'empiéter' – захватывать / 'empiéter sur' – наступать на что-л.; и др.;

3) **разные лексические единицы**, например: 'compter' – считать / 'compter sur' – рассчитывать, 'virer' – поворачивать / 'virer à' – приобретать новое качество, 'mordre' – кусать / 'mordre à' – понимать; и др.

В нашей классификации мы руководствуемся наиболее распространенным в отечественном языкознании определением вариантов. Так, например, А.И. Смирницкий выделял две разновидности одного слова: формальные и лексико-семантические, считая, что лексико-семантические варианты одного слова должны обладать лексико-семантической общностью, а материальные варианты одного слова должны обладать материальной общностью: «Различие между вариантами, не являющееся различием грамматических форм, может быть либо лексико-семантическим, не выраженным во внешней стороне слова, либо, напротив, внешним, но тогда не выражающим никакого лексико-семантического различия»².

Первый тип вариантов одного слова является формальным: две формы выражают одно и то же значение. Второй тип вариантов одного слова является лексико-семантическим: два разных лексических значения выражаются одной формой.

Рассматриваемые глаголы имеют разные формы – без предлога и с предлогом. Это означает, что мы имеем дело с формальными, в данном случае грамматическими вариантами. Чтобы определить, имеют ли они разные или схожие лексические значения, мы обратились к анализу толковых и переводных французско-русских словарей, словарей синонимов и антонимов французского языка, анализу контекстов, компонентному анализу глаголов. Итогом этого анализа и стала предложенная нами классификация.

Рассмотрим подробнее выявленные типы вариантов.

I. Грамматические варианты – это глаголы, различающиеся только по форме – с предлогом / без предлога, и не различающиеся по значению. В нашем списке таких грамматических вариантов – 57, например: *'influencer' / 'influencer sur'* – влиять, *'économiser' / 'économiser sur'* – экономить, *'dominer' / 'dominer à'* – властвовать, *' méditer' / ' méditer sur'* – обдумывать, *'songer' / 'songer sur'* – думать, *'rêver' / 'rêver sur'* – мечтать, *'discuter' / 'discuter de'* – обсуждать, *'raisonner' / 'raisonner de'* – судить; и др.

Так, например, анализ глаголов *'hériter'* – наследовать / *'hériter de'* – наследовать показал их полное семантическое тождество:

– *Nous n'héritons pas la terre de nos parents, mais nous l'empruntons à nos enfants* (Le Figaro, № 18054, p. 3) – 'Мы не наследуем землю отцов, а берем ее взаймы у наших детей';

– ... *le président Lula a hérité d'un budget ficelé par le gouvernement précédent...* (Le Monde, 02.07.03, p. 2) – 'Президент Лула унаследовал бюджет, неважно состряпанный предшествующим правительством'.

О том, что глагол *'hériter'* без / с предлогом *'de'* имеет одно и то же лексическое значение, свидетельствуют такие лексикографические описания:

'hériter' – recevoir quelque chose ou quelqu'un par voie de succession (получить что-то и кого-то посредством наследования); / *'hériter de'* – recevoir quelque chose ou quelqu'un par voie de succession (получить что-то и кого-то посредством наследования) (Grand Larousse de la langue française 1973-1975, 3: 2411).

Переводы *'hériter'* и *'hériter de'* во французско-русских словарях также идентичны: *'hériter'* – «получить в наследство»; *'hériter de'* – «унаследовать»³.

Если мы попробуем трансформировать предложения, заменив одну форму на другую, общее значение контекста останется прежним:

– *Nous n'héritons pas la terre de nos parents, mais nous l'empruntons à nos enfants* = *Nous n'héritons pas de la terre de nos parents, mais nous l'empruntons à nos enfants* – 'Мы не наследуем землю отцов, а берем ее взаймы у наших детей';

– ... *le président Lula a hérité d'un budget ficelé par le gouvernement précédent...* = ... *le président Lula a*

hérité un budget ficelé par le gouvernement précédent... – 'Президент Лула унаследовал бюджет, неважно состряпанный предшествующим правительством'.

Поскольку две разные формы (*'hériter' ≠ 'hériter de'*) имеют одно лексическое значение (получить в наследство, унаследовать), то это – грамматические варианты одного слова.

II. Лексико-грамматические варианты – это глаголы, различающиеся по форме (с предлогом / без предлога) и по нюансам одного и того же лексического значения. В нашем списке таких грамматических вариантов – 46, например: *'chicaner'* – сутяжничать / *'chicaner sur'* – придирааться, *'croire'* – думать / *'croire à'* – верить в, *'jouer'* – играть / *'jouer de'* – играть на чем-либо, *'changer'* – заменить / *'changer de'* – изменить, *'dégouter'* – надоедать / *'dégouter de'* – вызывать отвращение, *'veiller'* – сидеть при больном / *'veiller sur'* – заботиться, *'songer'* – видеть во сне / *'songer à'* – думать, *'insulter'* – оскорблять / *'insulter à'* – надругаться, *'travailler'* – обрабатывать / *'travailler sur'* – работать над; и др.

Так, например, глаголы *'aider'* – помогать и *'aider à'* – содействовать:

– *On entend partout la même antienne: «Il faut aider l'Afrique»* (Le Figaro, № 18122, p. 19) – 'Повсюду назойливо повторяют одно и то же: «Нужно помогать Африке»';

– *A la Libération, Hellyette à 15 ans, éclaireuse de France, elle aide au retour des déportés* (Libération, 02.07.03, p. 17) – 'В период Освобождения, Хелиетта, французский скаут 15 лет, содействует возвращению депортированных'.

Тонкая разница значений *'aider'* и *'aider à'* представлена в таких описаниях: *'aider'* – appuyer (qqn) en apportant son aide (кому-либо помогать, предоставляя свою помощь); *'aider à'* – faciliter, contribuer à (облегчать, содействовать)⁴ и переводах: *'aider'* – помогать / *'aider à'* – помогать, содействовать, способствовать⁵.

Об отсутствии полного тождества лексических значений *'aider'* и *'aider à'* свидетельствуют разные синонимы: *'aider'* – 'seconder' (помогать) / *'aider à'* – 'contribuer à' (способствовать)⁶.

Антонимы *'aider'* и *'aider à'* одинаковы: *'contrarier'* (мешать) и *'nuire'* (вредить)⁷.

Если мы попробуем трансформировать предложения, заменив одну форму на другую, общее значение контекста останется почти тем же самым:

– *On entend partout la même antienne: «Il faut aider l'Afrique»* – 'Повсюду назойливо повторяют одно и то же: «Нужно помогать Африке»' = *On entend partout la même antienne: «Il faut aider à l'Afrique»* – 'Повсюду назойливо повторяют одно и то же: «Нужно помогать Африке»'; или станет несколько иным:

– *A la Libération, Hellyette à 15 ans, éclaireuse de France, elle aide au retour des déportés* – 'В период Освобождения, Хелиетта, французский скаут 15 лет, содействует возвращению депортированных' ≠

Грамматика и сопоставительная лингвистика

A la Libération, Hellyette à 15 ans, éclaireuse de France, elle aide le retour des déportés – ‘В период Освобождения, Хелиетта, французский скаут 15 лет, помогает в возвращении депортированных’.

Общий смысловый стержень очевиден, семантическая связь между значениями не нарушена, следовательно, речь идет о лексико-семантических и грамматических вариантах, иначе говоря, о лексико-грамматических вариантах, различающихся по форме (с / без предлога) и по нюансам лексического значения.

III. Разные лексические единицы – это глаголы, различающиеся как по форме (с предлогом / без предлога), так и по лексическому значению. В нашем списке таких грамматических вариантов – 66, из них:

– 28 без / с предлогом ‘à’, например: ‘aspirer’ – вдыхать / ‘aspirer à’ – стремиться; ‘tendre’ – натягивать / ‘tendre à’ – вести к чему-л.; ‘prétendre’ – требовать / ‘prétendre à’ – стремиться к чему-л.; ‘applaudir’ – рукоплескать / ‘applaudir à’ – одобрять; ‘couper’ – резать / ‘couper à’ – избегать; ‘entendre’ – слышать / ‘entendre à’ – согласиться; ‘réfléchir’ – отражать / ‘réfléchir à’ – размышлять; ‘regarder’ – смотреть / ‘regarder à’ – учитывать; ‘tirer’ – тянуть / ‘tirer à’ – вести к чему-л. и др.

– 26 без / с предлогом ‘sur’: ‘mordre’ – откусывать / ‘mordre sur’ – оказывать влияние; ‘peser’ – взвешивать / ‘peser sur’ – нажимать; ‘porter’ – нести / ‘porter sur’ – касаться, отягощать; ‘rouler’ – катить / ‘rouler sur’ – основываться на чем-либо; ‘chipoter’ – ощупывать / ‘chipoter sur’ – привередничать; ‘foncer’ – углублять / ‘foncer sur’ – стремительно нападать; ‘fondre’ – плавить / ‘fondre sur’ – обрушиться; ‘renchérir’ – надбавлять цену / ‘renchérir sur’ – перецегилять; ‘renifler’ – нюхать / ‘renifler sur’ – отказываться; ‘embrayer’ – соединять / ‘embrayer sur’ – воздействовать; ‘gratter’ – счищать / ‘gratter sur’ – экономить; и др.

– 12 без / с предлогом ‘de’: ‘trancher’ – отсекать / ‘trancher de’ – строить из себя, разыгрывать; ‘abuser’ – обманывать / ‘abuser de’ – злоупотреблять; ‘disposer’ – расставлять / ‘disposer de’ – распорядиться чем-либо, ‘démarrer’ – дать ход / ‘démarrer de’ – отказываться от чего-л.; ‘appeler’ – звать / ‘appeler de’ – обжаловать; ‘approcher’ – соединять / ‘approcher de’ – приближаться; ‘rabattre’ – откладывать / ‘rabattre de’ – уменьшать; ‘tâter’ – щупать / ‘tâter de’ – отпробовать; ‘trafiquer’ – подделывать / ‘trafiquer de’ – спекулировать; и др.

Лексическое значение таких глаголов различается кардинально, нет никакого общего смыслового стержня, никакой семантической связи между значениями, которые бы позволяли говорить о лексико-семантической вариативности, связанной с предложной или беспредложной формой одного и того же глагола. Мы видим, что глагол и предлог образуют новую лексическую единицу, отличную

от глагола без предлога не только по форме, но и по значению.

Обратимся, например, к глаголам ‘peser’ – взвешивать, обдумывать / ‘peser sur’ – нажимать, давить:

– *Hassan pèse le poids de deux enfants ensemble, puis de trois, puis de huit* (Chedid 2001: 106) – ‘Вначале Гасан *взвешивает* вес двух детей вместе, затем трех, потом восьмерых’;

– *Le ciel était déjà plein de soleil. Il commençait à peser sur la terre et la chaleur augmentait rapidement* (Camus 2003: 16) – ‘В небе уже всюду светило солнце. Оно начинало *давить* (= *воздействовать*) на землю, и жара быстро возрастала’.

Разница значений ‘peser’ и ‘peser sur’ отражается в толковых словарях: ‘peser’ – déterminer le poids, la masse de quelque chose par comparaison avec des poids, des masses connus (определить вес, массу чего-либо в сравнении с известными весами и массами) / ‘peser sur’ – constituer une charge pénible (представлять невыносимую ношу)⁸.

О существенном расхождении значения свидетельствуют разные синонимы: ‘peser’ – ‘balancer’ (взвешивать) / ‘peser sur’ – ‘appuyer’, ‘presser’ (опираться, нажимать)⁹ и разные антонимы: ‘peser’ – ‘déprécier’ (умалывать значение) / ‘peser sur’ – ‘écarter’ (раздвигать)¹⁰.

Если мы попробуем трансформировать предложения, заменив одну форму на другую, общее значение контекста станет абсурдным:

– *Hassan pèse le poids de deux enfants* ≠ * *Hassan pèse sur le poids de deux enfants*;

– *Le ciel était déjà plein de soleil. Il commençait à peser sur la terre et la chaleur augmentait rapidement.* ≠ * *Le ciel était déjà plein de soleil. Il commençait à peser la terre et la chaleur augmentait rapidement.*

Итак, две разные формы (‘peser’ ≠ ‘peser sur’) имеют два разных лексических значения (взвешивать ≠ нажимать), причем семантическая связь между значениями нарушена. Следовательно, речь идет о разных словах, различающихся как по форме (с / без предлога), так и по значению.

Компонентный анализ данных глаголов показал, что семантически они различаются как глаголы конкретные (без предлога) и абстрактные (с предлогом) (табл. 1).

Таблица 1

Значения	Глаголы без предлога	Глаголы с предлогом
Конкретные	61,3%	23,89%
Абстрактные	38,7%	76,11%

Согласно данным этимологических и исторических словарей¹¹, беспредложные глаголы образованы от соответствующих глаголов латинского языка, а предложные – образованы от соответствующих беспредложных глаголов французского языка. Это значит, что речь идет об эволюции собственно французской лексической системы, в данном случае

– о формировании абстрактной глагольной лексики французского языка.

Сравнительно-сопоставительный анализ глаголов с предлогами показал, что в них, в отличие от глаголов без предлогов, присутствует:

1) с предлогом *'á'*:

– либо сема движения или направления к кому-либо, к чему-либо, например:

Les Inuits du Nunavut aspirent visiblement à la vie moderne ... (Le Monde, 16.06.2004: 5) – ‘Эскимосы из Нунаву явно *стремятся* к современной жизни’ // Ср.: *Il aspira l'air en suffoquant* (Colette 2003: 81) – ‘Задыхаясь, он *вдохнул* воздух’;

– либо сема местонахождения, например:

Ensuite il m'a dit qu'il assisterait à l'enterrement et je l'ai remercié (Camus 2003: 14) – ‘Затем он мне сказал, что будет *присутствовать* на похоронах, и я его поблагодарил’ // Ср.: *L'idée habite la prose; mais assiste, surveille, guide la poésie*; – ‘Идея живет в прозе, но *помогает* поэзии, сохраняет и сопровождает ее’.

Важно отметить, что многие глаголы с предлогом *'á'*, имея разные основы, выражают тем не менее схожие значения, например:

'tendre á', *'aspirer á'*, *'prétendre á'*, *'viser á'* – стремиться к чему-либо;

'aspirer á', *'réfléchir á'*, *'tendre á'*, *'tenir á'*, *'pousser á'* – страстно желать;

'tendre á', *'inciter á'*, *'tirer á'*, *'pousser á'*, *'porter á'* – вести к чему-либо;

'pousser á', *'prêter á'*, *'conspirer á'* – способствовать чему-либо;

'peser á', *'porter á'* – воздействовать на что-либо.

2) с предлогом *'sur'*:

– либо сема направленности действия на что-либо:

Des militants ont déjà tiré sur la résidence du premier ministre (Le Monde, 16.06.2004, p. 22) – ‘Активисты уже *обстреляли* резиденцию премьер-министра’ // Ср.: ... *j'ai tiré le meilleur parti de cette idée* (Camus 2003: 114) – ‘... я *извлек* лучшую часть из этой идеи’;

– либо сема влияния или действия, направленного на что-либо и кого-либо:

Ce rapport, communiqué aux élus mais pas encore rendu public, porte sur la période 1997-2003 (Le Monde, 02.07.2003, p. 15) – ‘Этот отчет, сообщенный депутатам, но еще неопубликованный, *касается* периода 1997-2003 годов’ // Ср.: *j'ai vu qu'elle portait sous les yeux un bandeau qui faisait le tour de la tête* (Camus 2003: 7) – ‘я увидел, что она *носила* под глазами повязку, которая обхватывала всю голову’.

Отметим глаголы с предлогом *'sur'*, имеющие разные основы, но выражающие схожие значения, например:

'rouler sur', *'porter sur'*, *'mordre sur'*, *'peser sur'* – касаться чего-либо, затрагивать что-либо;

'rouler sur', *'porter sur'*, *'reposer sur'* – основываться на чем-либо;

'fondre sur', *'foncer sur'*, *'empiéter sur'* – кинуться на что-либо;

'mordre sur', *'peser sur'*, *'porter sur'*, *'embrayer sur'* – воздействовать на что-либо.

3) с предлогом *'de'*:

– сема инструментальности, или орудийности действия:

Parle, Caelio, mon cher enfant. Veux-tu de l'argent? Je n'en ai plus. Veux-tu des conseils? Je suis ivre. Veux-tu mon épée? Voilà une batte d'arlequin. Parle, parle, dispose de moi (Musset 2000: 13) – ‘Говори, Келио, мой дорогой ребенок. Ты хочешь денег? У меня их больше нет. Ты хочешь советов? Я пьян. Ты хочешь мою шпагу? Вот колотушка арлекина. Говори, говори, *распоряжайся* мной’ // Ср.: *J'ai disposé les choses de manière à tout prévoir* (Musset 2000: 51) – ‘Я *расставил* вещи таким образом, чтобы все предусмотреть’.

Глаголов с предлогом *'de'*, имеющих разные основы, но выражающих схожие значения, нет.

Было бы соблазнительно интерпретировать описываемое нами явление как новый способ словопроизводства, где предлог выполняет роль своего рода аналитического суффикса. Однако неясно, как тогда объяснить, почему в одном случае прибавление предлога не вызывает никакого изменения лексического значения, поскольку результатом такого прибавления являются грамматические варианты одной и той же лексической единицы; в другом случае прибавление предлога вызывает некоторые изменения лексического значения, поскольку образуются лексико-грамматические варианты одной и той же лексической единицы; и только в третьем случае прибавление предлога вызывает образование нового лексического значения и появление новой лексической единицы.

Можно было бы предположить, что разница в появлении той или иной единицы обусловлена хронологически: новая лексическая единица образуется постепенно, от развития многозначного слова и появления новой, вариантной формы глагола с предлогом, через выделение отдельных нюансов пока еще единого лексического значения и закрепления каждого из них за разными глагольными формами, до потери звеньев полисемичного слова и появления, наконец, разных слов с разными формами и значениями. Иначе говоря, можно было бы предположить, что речь идет о трех последовательных и хронологически разных этапах одного словообразовательного процесса, который схематически можно представить следующим образом:

грамматические варианты → лексико-грамматические варианты → разные лексические единицы.

Однако результаты проведенного диахронического исследования доказывают обратное. Так, многие предложные формы появляются уже в старофранцузский период, однако часть из них по-прежнему существует в виде грамматических (*'parler de'*; *'jurer sur'*; *'penser de'*; *'penser á'*) и лексико-грамматических ва-

Грамматика и сопоставительная лингвистика

риантов ('toucher à'; 'aider à'), тогда как многие новые слова появляются сравнительно недавно: 1911 г. ('pallier à' – улучшить); 1861 г. ('couper à' – избежать); 1834 г. ('retarder sur' – отставать); 1818 ('vire à' – приобретать новое качество) и др.

Анализ датировок первых фиксации беспредложных и предложных форм показал, что статус глагола не зависит от времени появления его предложной формы. Иначе говоря, образование нового слова не обусловлено более длительной эволюцией. Так, у большинства грамматических вариантов (30%), лексико-грамматических вариантов (38,9%), разных слов (42%) разница в появлении предложной и беспредложной форм составляет от 200 до 500 лет (табл. 2).

Таблица 2

Статус	до 100 лет	100–200 лет	200–500 лет	более 500 лет
Грамматические варианты	23,33%	26,67%	30%	0%
Лексико-грамматические варианты	33,34%	16,66%	38,88%	11,12%
Разные лексические единицы	18,42%	21,05%	42,11%	18,42%

Значит, временной фактор, т.е. больший или меньший период эволюции от грамматического варианта к новой лексической единице, не является решающим для статуса рассматриваемых глаголов. Следовательно, грамматические варианты, лексико-грамматические варианты, разные лексические единицы на самом деле не представляют хронологически разные этапы одного словообразовательного процесса.

О чем это свидетельствует? Несомненно, во-первых, о развитии аналитизма французского языка, выражающемся в вариативности способа глагольного управления (без предлога / с предлогом); и во-вторых, о развитии многозначности французских слов и увеличении абстрактной лексики. Однако вопрос о том, почему ряд глаголов имеет разное значение в предложной и беспредложной формах, остается открытым.

Одним из возможных решений может быть следующее. Анализ многозначности рассматриваемых нами глаголов показал, что выделенные типы глаголов различаются по количеству возможных значений и со-значений.

Так, для *грамматических вариантов* выделяется 1–3 взаимосвязанных значения, например: *influencer* влиять, оказывать влияние, (воз)действовать; *économiser* 1) сберечь, экономить, 2) управлять разумно, хозяйственно; *dominer* 1) господствовать, властвовать, владычествовать (над кем-либо, над чем-либо) 2) доминировать, преобладать (над чем-либо); влиять, иметь преобладающее влияние 3) возвышаться; *méditer* обдумывать, задумывать, замышлять, размышлять, медитировать; *songer* 1) мечтать 2) думать, помышлять 3) видеть во сне; и т.д.

Лексико-грамматические варианты обычно более многозначны, в словарях указывается несколько, не менее 2–3 взаимосвязанных значений, например: *chicaner* 1. 1) сутяжничать; 2) придирается к пустякам; 2. 1) придирается к кому-либо; 2) оспаривать. *Croire* 1. 1) считать, думать, полагать; 2) верить, доверять кому-либо, чему-либо; 2. 1) верить 2) верить в Бога, веровать. *Jouer* 1. 1) играть, сыграть; 2) показывать (в театре), строить, разыгрывать из себя кого-либо; 3) ставить на карту, рисковать; 4) разыгрывать, представлять, изображать, обманывать; 2. 1) играть, играть во что-либо, играть на чём-либо; спекулировать на чём-либо; 3) шататься, неплотно прилегаться, неплотно сидеть; иметь зазор; колебаться; корчиться, легко двигаться, колыхаться, мелькать; 4) быть в действии, действовать, пускать в ход, иметь значение, играть роль; 5) взрываться. *Dégouter* 1) приедаться, надоедать; внушать отвращение; быть противным; 2) вызывать отвращение; отбивать охоту, вкус к чему-либо; и т.д.

Разные слова не многозначны, они противопоставлены по одному существенному значению, например: *aspirer* 1. 1) вдыхать, всасывать, отсасывать, произносить с придыханием; 2. (à) желать, стремиться к чему-либо; *tendre* 1. натягивать, напирать, протягивать, вытягивать; 2. (à, vers) клониться, вести к, иметь склонность, склоняться к чему-либо; стремиться; *entendre* 1. 1) слышать, слушать, внимать, выслушивать 2) понимать; 3) желать, хотеть, намереваться, собираться; 4) подразумевать, иметь в виду; 5) знать, уметь делать, хорошо разбираться в... 6) выслушивать, заслушивать; 2. (à) соглашаться на...; *regarder* 1. 1) смотреть, глядеть, наблюдать, рассматривать, видеть (кого-либо в ком-либо), смотреть на что-либо (как-либо); оценивать 2) быть обращённым к...; 3) касаться кого-либо, чего-либо; 2. 1) (à) учиться; считаться с...; *abuser* 1. (de) злоупотреблять, не щадить; 2. обманывать; вводить в заблуждение; *chipoter* 1. 1) нехотя есть; привередничать; 2) мешкать, возиться; 3) торговаться; 2. 1) ошупывать; 2) раздражать, беспокоить; *fondre* 1. 1) плавить, растапливать, топить; 2) таять, растворяться, распускаться; оплывать; плавиться; 2. (sur) обрушиться, устремиться, броситься; набрасываться, кидаться, раздражаться; *pretender*; 1. требовать, хотеть, утверждать, настаивать; 2. (à) домогаться чего-либо; стремиться к чему-либо, иметь притязания, претендовать на что-либо; и т.д.

Видно, что семантическая структура слова может вмещать в себя, во-первых, ограниченное количество значений и только, во-вторых, ассоциативно связанных между собой. Для грамматических вариантов количество взаимосвязанных значений ограничено 1–3. Для лексико-грамматических вариантов это количество не превышает 6–7. Появление нового слова сопровождается ограничением значений до 1–3.

Мы видим в этом действие принципа экономии (стремления системы к симметрии и равновесию) в организации лексической системы фран-

цузского языка. Известно, что обычно о принципе экономии идет речь при анализе фонетической и грамматической систем языка. Здесь стремление системы к равновесию выражается в экономии различительных (дифференциальных) признаков в противопоставлениях элементов системы. Экономия различительных признаков выражается в поиске соответствия между формой и значением в структуре единицы. Изменения в системе, ее перестройка проходят таким образом, чтобы с помощью минимума различительных признаков обозначить максимум функциональных противопоставлений.

Когда количество различительных признаков превышает допустимый порог, система становится плохо организованной, ассиметричной, «перегруженной». Соответственно, ряд признаков сокращается, и система приобретает необходимое равновесие: так исчезают в процессе эволюции языка отдельные единицы, формы и целые категории¹² (подробно см.: Скредина, Становая 2001/2005).

В лексической системе должны действовать схожие языковые законы. В рассматриваемом нами случае речь идет о допустимом или недопустимом количестве значений и со-значений, которые может выражать одна лексическая форма. При превышении допустимого порога либо часть значений/со-значений должна исчезнуть, либо должна образоваться новая лексическая форма, которая возьмет на себя их выражение. Такой новой лексической формой во французском языке стала форма с предлогом.

Итак, прибавление предлога ведет к образованию нового слова только в том случае, когда количество значений/со-значений превышает допустимый для конкретной лексической системы порог. В этом случае нарушается и ассоциативная связь между значениями, и разрушается общность

семантической структуры слова. Безусловно, речь идет о глубинных грамматических и семантических процессах эволюции французского языка, для понимания и объяснения которых необходимо глубокое и всестороннее исследование рассмотренных нами глаголов в диахронии.

Источники

1. Camus A. *L'étranger*. М., 2003.
2. Chedid A. *Le sixième jour*. Р., 2001.
3. Colette. *Le blé en herbe*. М., 2003.
4. Duhamel G. *La passion de Joseph Pasquier*. Р., 1949.
5. *Le Figaro*, № 18054.
6. *Le Figaro*, № 18122.
7. *Le Monde*, 02.07.03.
8. *Le Monde*, 16.06.04
9. *Libération*, 02.07.03.
10. Musset A. de *Les caprices de Marianne*. Р., 2000.

¹ Caput J., Caput J.-P. *Dictionnaire des verbes français*. 1978. Р.13.

² Смирницкий А.М. *Лексикология английского языка*. М., 1998. С. 41

³ *Новый французско-русский словарь* / В.Г. Гак, К.А. Ганшина. 7-е изд. М., 2002. С. 536

⁴ *Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. 2003. Р. 53.

⁵ *Новый французско-русский словарь* / В.Г. Гак, К.А. Ганшина. 7-е изд. М., 2002. С. 28.

⁶ Dubois J., Lagane R., Niobey G. *Dictionnaire du français contemporain*. 1967. Р. 37.

⁷ *Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. 2003. Р. 53.

⁸ Там же. С. 1916.

⁹ Delas D., Delas-Demon D. *Dictionnaire des idées par les mots (analogique)*. 1986. Р.455.

¹⁰ *Le Nouveau*. Цит. соч. С. 1916–1917.

¹¹ См.: 10; 9; 7; 8.

¹² Скредина Л.М., Становая Л.А. *История французского языка*. М., 2001 (2005).

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И ПЕРЕВОД

УДК 882(09)(045)

ЭПИГРАММЫ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА: ПОЗИЦИЯ ЛИРИЧЕСКОГО «Я» СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

С.И. Ермоленко, М.Л. Скобелева

Статья посвящена одному из продуктивных, но недостаточно изученных комических жанров в лирике М.Ю. Лермонтова – эпиграмме. Лермонтовская эпиграмма рассматривается в лингвистическом ключе, а именно сквозь призму языковой игры, что позволяет обогатить существующее представление о динамике жанровой системы лирики поэта и ее стилевом своеобразии. Работа адресована специалистам-филологам как лингвистического, так и литературоведческого профиля.

Специфика эпиграмматического образа миропереживания обусловлена *игровой позицией лирического субъекта*, стратегия которого состоит во внезапном, предваренном «обманным маневром», разоблачении, «развенчании» «противника». Наблюдателем «срежиссированного» автором комического действия, игры лирического субъекта с адресатом (точнее, с образом адресата, отвлеченным или в известной степени конкретным) является читатель. От «посвященности» его в правила игры, знания «кода», позволяющего разгадать замысел художника, зависит успех эпиграммы и ее адекватное прочтение.

Канонический вариант эпиграммы с характерным для нее внезапным смысловым «поворотом» воплощен в стихотворении Лермонтова «К*» (Из Шиллера) (1829), вольном переводе эпиграммы Ф. Шиллера «An*» («Teile mir mit, was du weibst...»). Своеобразие интерпретации Лермонтовым шиллеровского текста отчетливо проявляется при сопоставлении «К*» с оригиналом:

Teile mir mit, was du weibst, ich werd es dankbar empfangen,

Aber du gibst mir dich selbst, damit verschone mich, Freund¹.

Делись со мною тем, что знаешь, я с благодарностью приму,

Но ты даешь мне самого себя, пощади меня, друг².

Изменения, внесенные Лермонтовым, касаются не только стиховой формы и стилистической окраски отдельных выражений. Эпиграмму обобщенно-философского плана Лермонтов переводит как сатирическую эпиграмму с персонально заостренной издевкой. Отсюда и совершенно иной характер лирического переживания. «Сдержанная ирония», полуулыбка мудреца уступает место сардонической, ядовитой насмешке.

Отношение к адресату выражается не путем дискредитации его образа жизни и черт характера. Сам уничижительный тон эпиграммы способен уязвить человека, против которого направлена исполненная пренебрежения и даже презрения отповедь.

«Поражающая сила» стиха увеличивается за счет эффекта обманутого ожидания. Первые три строки выдержаны в нейтральных тонах: «*Делись со мною тем, что знаешь, / И благодарен буду я. / Но ты мне душу предлагаешь...*». Конструкция с противительным союзом («... но...»), словно предназначенная для оформления некоего логического умозаключения, настраивает на философскую беседу, глубокомысленный разговор. И, «усыпив бдительность» «противника», лирический субъект внезапно бросает: «*На кой мне черт душа твоя!...*».

Эпиграмматическому пуанту соответствует стилистический и семантический слом: вместо нейтральной лексики появляется просторечное бранное «*на кой... черт*», спокойное и даже несколько отвлеченное рассуждение обрывается резким сатирическим выпадом против адресата.

Отстаивая суверенность своего внутреннего мира, лермонтовский лирический субъект облекает суждение в резкую, подчеркнута грубую форму, призванную оттолкнуть навязчивого собеседника, «предлагающего» свою «душу». За нарочитой, эпатажной грубостью скрывается ранимая душа лирического «Я», целомудренно чужающегося «сердечных излиятий». Таким образом, Лермонтов угадывает в шиллеровском двустишии возможность иронической трактовки темы, скрытой под маской философского раздумья, и, выдвигая на первый план мотив отказа от «диалога сердец», усиливает сатирическое звучание эпиграммы.

Итак, созданная уже в 1829 году эпиграмма отличается подчеркнутой «личностью» выраженного в ней мироотношения. Приводит ли это к актуализации каких-то иных, неканонических эпиграмматических стратегий? Рассмотрим эпиграмму 1830 года «Моя мольба»:

Да охранюся я от мушек,
От дев, не знающих любви,
От дружбы слишком нежной и –
От романтических старушек.

Уже название стихотворения субъективно окрашено. Речь идет не о лодских чаяниях вообще, а именно о его, лирического «Я», желании: «Моя мольба». Сентенция воспринимается как суждение, основанное на душевном опыте конкретного человека, на что указывает, в частности, вошедшее в художественную ткань произведения местоимение 1-го лица единственного числа, а также личная форма глагола («Да охранюся я от мушек»).

Благодаря присутствию лирического «Я», с его особым душевным складом и взглядом на жизнь, четверостишие звучит очень взволнованно, почти страстно. «Мольба» произносится как заклинание, своего рода словесный оберег («охранюся»). Эмоциональное состояние лирического субъекта передается через нагнетание однородных дополнений, «усиливаемое» анафорой («от мушек...», «от дев...», «от дружбы...», «от... старушек»), словно произносится «мольба» «на одном дыхании». Что-то сокровенное, сердечное проникает в стихотворение и с открывающим его словом «да» (в значении «пусть»; ср.: «Да святится имя твое»). И читатель невольно ожидает продолжения, исполненного воодушевления и молитвенного трепета.

Но, как выясняется, лирический субъект только «притворяется» воссылающим горячую просьбу ко Всевышнему, в действительности же *играет* «в мольбу». Ее сила и эмоциональность оказываются явно несоразмерны тому, о чем просит носитель переживания. За молитвенной формулой открывается *игровая многозначность*, «мерцание» смыслов.

Семантический ореол слова «мушки» весьма широк. По данным словаря В.И. Даля, в XIX веке лексема употреблялась в семи значениях, а именно: 1) «малая муха»; 2) «пластырь из шпанской мухи» (последнее толкуется как «зеленый жук, жужелица, коего порошок натягивает на живой коже пузыри»); 3) «пятнышко в узоре ткани, обоев; крапинка»; 4) «тафтяное наклейное пятнышко на лице, для красы»; 5) «шип, гранка, на дульной части огневого оружия, для прицела через мишень казенной части»; 6) «картежная игра»; 7) «черные точки, пятнышки, летучая рябь» («мушки в глазах»). Существенными оказываются и те значения, которые слово приобретает во фразеологических сочетаниях: «Убить муху – напиться допьяна», «пристает, как муха на сон грядущий», «как муха к меду льнет» и др.³

«Пространство» художественного текста организовано таким образом, что одновременно все значения «стягиваются» в смысловое поле эпиграммы, «выглядывают» друг из-за друга, усиливая тем самым иронический эффект (как известно, «при установке на языковую игру ассоциативный контекст слова моделируется с нарушением законов однозначной и стереотипной актуализации последнего в речи»⁴). И суть не только в том, что лексема «мушки» в данном контексте в максимальной степени раскрывает свой ассоциативный потенциал. Главное – каждое из этих значений «заигрывает» с соседними словами, «высвечивая» в них новые смысловые оттенки. Образ «дев, не знающих любви», неожиданно сопрягается не только с тафтяными «мушками», но и с мушкой ружья: они столь холодны и неприступны, что берут «под прицел» каждого, кто осмелится перейти пределы дозволенного. «Дружба слишком нежная» подобна назойливым «мушкам», от которых нигде нет спасения. Наконец, названные семантические параллели иронически «остраиваются» за счет других значений слова «мушки» и связанному с ними мотиву опасности (мушка ружья), рока, карточной игры, винного дурмана («убить муху»). Видимое сквозь мнимо серьезный план, осмеиваемое явление становится по-игровому обманчивым.

Лермонтов играет не только значениями, но и рифмой, которая еще больше «скрепляет» семантическую «спайку» слов. Возникающий вследствие переключки «мушки» – «старушки» комический эффект подчеркнут ритмически. Кольцевая рифмовка, нарушая читательские ожидания, создает ошутимое «напряжение поиска» следующего созвучия. Напряжение усиливает комически неожиданная рифма, соединяющая 2-ю и 3-ю строки: «любови... и». Вследствие резкого enjambement в конце третьего стиха возникает многозначительная пауза, разрешающаяся смехом-удивлением.

Благодаря игровому столкновению значений эпиграмма приобретает семантическую «объемность», стереоскопичность. Позиция лирического «Я» теряет одномерность, выявляется как бы «на стыке» разных смыслов и интерпретаций, «истинного» и «мнимого», комического и псевдо-серьезного.

Очевидно, что с проникновением в лермонтовские эпиграммы личностного, субъективного начала претерпевает определенные изменения игровая стратегия лирического субъекта.

В традиционной эпиграмме «обманный ход» носителя переживания рассчитан прежде всего на неожиданное разоблачение адресата. Заключительная острота утверждает одно единственно верное в данном случае прочтение всего текста. За игровой двойственностью значений – совершенно определенный подтекст, раскрывающий одноназначность лирического переживания, однозначность авторской оценки.

Несколько иное соотношение «зачина» и венчающей эпиграмму остроты можно наблюдать в ряде ранних лермонтовских эпиграмм, характеризующихся «смысловой подвижностью», *неоднозначностью отношения лирического «Я» к объекту осмеяния*, которое «колеблется» между положительным и отрицательным «полюсами». Пуант не «отменяет» множественности прочтений, а добавляет в «пучок смыслов» новый семантический акцент. «Энергия» эпиграммы не столько «устремляется к финалу» (В.А. Грехнев), сколько «пульсирует» («на стыке» «играющих» ассоциаций и значений, взаимодействующих, взаимоотражающихся, притягивающихся и отталкивающихся).

Вследствие усложнения позиции лирического «Я» по отношению к адресату, не приемлемого в канонической эпиграмме, оказываются востребованными так называемые *смешанные жанровые формы*.

Одна из промежуточных жанровых форм, привлечших внимание Лермонтова, – эпиграмма-мадригал. Взаимодействие эпиграммы и мадригала становится возможным «вследствие близости их жанровой природы». «Мадригал, не чуждый шутики, стремится преподнести комплимент в изысканно-галантной форме. Вот почему мадригал, как и эпиграмма, тяготеет к разного рода каламбурам»⁵, как, например, в стихотворении «Мадригал» (1829):

«Душа телесна!» – ты всех уверяешь смело;
Я соглашусь, любовью дыша:
Твое прекраснейшее тело –
Не что иное, как душа!..

Мадригал-эпиграмма строится на игре слов «душа телесна» – «тело... душа». Примечателен сам процесс «играния» словом как средство воплощения неоднозначного отношения лирического субъекта к адресату. Первая строка сразу же дискредитирует человека, к которому обращено четверостишие. Сам адресат наивно переводит серьезный философский вопрос из бытийного плана в бытовую, говоря не о «материальности», а о «телесности» «души», причем «смело» «уверяет» в этом «всех». Поэтому к восхищению лирического субъекта примешивается и доля иронии, прямая речь адресата несет в себе определенный «смеховой потенциал», постепенно высвобождающийся. Лирическое «Я», играя словами, раскрывает тот их смысл, который был заложен уже в утверждении «Душа телесна!», «поворачивает» его новой, забавной стороной, как бы меняя местами составляющие «тождества»: раз «душа телесна», значит, «тело» – это «душа»!

Неоднозначность позиции субъекта сознания выражается и на ритмическом уровне. Известно, что «сходство звучания» лексем может выступать «стимулом их игровой взаимообратимости или формально-смыслового сопоставления»⁶. В дан-

ном случае благодаря контекстуальному соотношению пар рифмующихся слов («дыша» – «душа», «смело» – «тело») раскрывается по-игровому двойственное отношение лирического «Я» к адресату. С одной стороны, носитель переживания принимает позу «вздыхателя», восторженного поклонника, который чуть «дышит» у ног своей возлюбленной. С другой – лирический субъект оказывается не таким уж «несмелым» и дерзает проявлять интерес не только к «душе» предмета своего поклонения, но и к ее «прекраснейшему телу», иронически оправдывая это тем, что оно «не что иное, как душа».

В «Мадригале», таким образом, сопрягаются разные оттенки чувств и настроений лирического «Я», что позволяет шутливо обыграть суждения адресата, «высветить» их скрытый комизм.

«Многотональность» отношения лирического субъекта к адресату отличает и стихотворение из цикла «Портреты», которое по своему звучанию сближается с юмористической эпиграммой. Уже с первых строк в произведение проникает дружеская шутка, добрая ирония: «Довольно толст, довольно скучен / Наш полновесистый герой». Лирический субъект как будто подыскивает слово более деликатное, необходимое (о чем свидетельствует смысловая избыточность используемого выражения и якобы «неуверенное» «довольно» в значении «до некоторой степени»), но не в силах скрыть очевидного и в очередной раз «проговаривается» («...*полновесистый герой*»). Слово-гибрид образовано по принципу фонетико-смысловой контаминации⁷ лексем «полновесный» и «увесистый». Благодаря совмещению значений уподобляемых близких по семантике лексем называемый признак словно возводится в энную степень и портретируемый оказывается как бы «вдвойне полным». Ирония кроется не только в лермонтовском неологизме. Само странное соседство «рукотворного» словечка «полновесистый» и «героя», влекущего за собой шлейф возвышенных и торжественных ассоциаций, выдает дружественно-насмешливое отношение лирического «Я» адресату.

В художественном мире стихотворения с игровой легкостью сталкиваются ставшие эмблемами мифологические образы и реалии, связанные с жизнью самого «портретируемого», который, в оценке лирического субъекта, приходит с ними в комическое несоответствие («смешон»): «Он добр, член нашего *Парнаса*, / Красавицам Москвы смешон, / На крыльях дряхлого *Пегаса* / Летает в мир мечтанья он». Через «заземление» мифологической образности, погруженной в «конкретику» литературного быта и иронически переосмысленной (эксплуатируемый со времен античности «*Пегас*», видимо, совсем «одряхлел» от частых «полетов» «в мир мечтанья», обремененный к тому же тяжелой ношей – «полновесистым героем»), отчетливо выражается оценка лирическим субъектом поэтических опытов товарища.

Иронически обыгрывается и другой знак «избранности», «бог вдохновенности» – «горящий» взор (ср. в первом стихотворении цикла – *«Но взор горит, любовь сулит»*). Глаза же «портретируемого», вопреки ожиданиям, оказываются не «горящими» и даже не «говорящими», а «говорливыми», и то «не слишком». Традиционная метафора, таким образом, «смещается» в область сниженных, по бытовому опрошенных толкований («говорливый» – «любящий поговорить, разговорчивый, словоохотливый»).

И – перепад тональности: «внешнее», стороннее наблюдение дается как бы чужими устами (не устами ли упоминаемых «красавиц Москвы?»). Лирический субъект словно снимает с себя ответственность за «чужое», отчетливо маркированное слово («А щечки – полнеенькие сливы, / Так говорит докучный свет»). Между тем приписываемая «свету» характеристика в определенной степени сближает с ним «портретируемого». Светский «господский» виден и в том, что герой «всегда по моде... одет». Также, по-видимому, неслучайно, что «портретируемый», подобно «докучному» (то есть наводящему скуку) обществу, часто бывает «скучен». «Включенность» объекта переживания в круговорот светской жизни окончательно снимает ореол избранничества, «геройства», сопутствовавший ему поначалу, комически «снижая» образ «члена... Парнаса».

Однако искрометный смех лирического субъекта не становится формой собственно обличения, развенчания: эпиграмма-портрет не содержит заключительной остроты. Сохраняющаяся до конца стихотворения смысловая двойственность не дает словесной «ловушке» «захлопнуться», выставив адресата на всеобщее обозрение и осмеяние, уводит от характерной для эпиграммы категоричности. «Портретируемый» является объектом лишь дружески-снискнительной иронии, а не «выстрела»-пуанта, сражающего наповал.

Подобная трансформация игровой стратегии лирического субъекта «расшатывает» «твердый каркас» эпиграмматического жанра, не предполагая неоднозначности позиции носителя переживания. В связи с этим в позднем эпиграмматическом творчестве Лермонтов уже не стремится к преодолению «консервации формы», но, напротив, создает подчеркнуто традиционные произведения.

Таковы, в частности, «<Эпиграммы на Булгарина, I, II>» (1837). Поводом для сатирического выступления Лермонтова послужила, как известно, деятельность самого Ф.В. Булгарина, писателя, журналиста и издателя, адресата многочисленных памфлетов и эпиграмм. Установлено, что в лермонтовской эпиграмме «Россию продает Фадей...» речь идет о выходе в свет многотомного труда Ф.В. Булгарина «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях» (1837), разрекламированного им же са-

мом на страницах «Северной пчелы» (30 и 31 марта 1837 года)⁸. Однако среди современников Лермонтова бытовало мнение, что «Ручная книга для русских всех сословий» написана вовсе не Булгариним, а сотрудником «Северной пчелы» кандидатом философских наук Н.А. Ивановым; Булгарин же беззастенчиво присвоил себе его работу. В эпиграмме угадывается и другой смысл. Литературная общественность еще помнила о том, что Булгарин, поляк по происхождению, в 1811–1812 году воевал на стороне французской армии, более того, принимал участие в походе Наполеона на Россию⁹. Наконец, под «продажностью» мог подразумеваться и коммерческий характер деятельности популярного журналиста, и его связь с III отделением, также известная современникам.

Но двусмысленность не является в данном случае знаком сложности, неоднозначности отношения лирического субъекта к объекту-адресату: оно выражено более чем определенно. Политическое ренегатство, предательская сущность Булгарина становятся предметом уничтожающей сатиры Лермонтова. Факт «продажности» «Фадея» уже не подлежит никакому сомнению, границу чести и бесчестья он давно перешел («Россию продает Фадей / Не в первый раз...»). На повестке дня теперь не сама возможность нарушить верность самому важному и дорогому в жизни («продает жену, детей», «совесть»), а вопрос «цены» предательства: «Он совесть продал бы за сходную цену...». Однако этот вопрос оказывается неактуальным: очередная «сделка», но уже не «с совестью», а в связи с продажей самой «совести», к досаде «Фадея», невозможна. Почему же? «Да жаль, заложена в казну». Для адресата эпиграммы «совесть» давно утратила свое значение и стала предметом торга. Уничтожающая оценка носит характер приговора, не подлежащего обжалованию.

Если в первой эпиграмме «диалогии» игра слов («Россию продает») все-таки несколько «стирается», теряется в пространстве шестистишия, то во второй эпиграмме – лаконичном и емком двустишии – найденный ранее каламбур выдвигается на первый план: «Россию продает Фадей / И уж не в первый раз, злодей». Перечисление-градация уступает место резкому смысловому слову: измена родине и финансовое предприятие получают один статус – статус очередной «сделки». И слово «злодей» здесь звучит даже не гневно, а как-то безнадежно-саркастически. Заключительное стихотворение «диалогии», таким образом, усиливает звучание первого.

Итак, анализ игровых стратегий лирического субъекта позволяет выявить специфику эпиграмматического образа миропереживания и показать направление его трансформации в лирике М.Ю. Лермонтова. В эпиграммах 1829–1831 годов Лермонтов идет по пути освоения жанрового потенциала. «Линия поведения» носителя сознания

Лингвистика текста и перевод

варьируется от традиционно эпиграмматического внезапного нападения-разоблачения до стратегии игры-импровизации. В последнем случае лирическое «Я» вводит объект осмеяния в «зеркальный» мир, область «всеобщей относительности» (М.М. Бахтин), где все предстает в двойном освещении: за похвалой видна ирония, за насмешкой – сочувствие.

«Театрализованный», «импровизационный» тип миропереживания, уводящий от однозначности отношения лирического субъекта к адресату, свойственной канонической эпиграмме, по сути обнаруживает предельные возможности жанра, последнюю степень его «растяжения», за которой произведение утрачивает жанровые очертания эпиграммы и соотносится уже с иным жанром, с другим типом «моделирования» образа миропереживания. Поэтому устремленность к выходу за «границы» жанра, сказывающаяся в ранних эпиграммах, уступает место очевидной традиционности эпиграмм второго этапа творчества.

Творческие поиски Лермонтова-эпиграмматиста не открыли новой страницы в истории жанра. Однако это не умаляет роли эпиграммы в лирике поэта. Опыт создания произведений в эпиграмматическом жанре, связанный с необходимостью в малое («тесное») текстовое пространство «вместить» виртуозно «выписанный» игровой «сюжет», стал для художника своеобразной школой поэтического мастерства, лаконичности и точности высказывания, тем пробным камнем, на котором оттачивался лермонтовский «железный стих».

чешском жанре, связанный с необходимостью в малое («тесное») текстовое пространство «вместить» виртуозно «выписанный» игровой «сюжет», стал для художника своеобразной школой поэтического мастерства, лаконичности и точности высказывания, тем пробным камнем, на котором оттачивался лермонтовский «железный стих».

¹ Schiller F. Sämtliche werke in 10 baenden. Bd. 1: Gedichte. Aufbau. Verlag. 1980. P. 347.

² Подстрочный перевод наш. М.С., С. Е.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2. М., 1998. С. 262–263.

⁴ Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996. С. 14.

⁵ Ермоленко С.И. Эпиграмма в поэтическом наследии М.Ю. Лермонтова // Проблемы жанра и стиля в русской литературе XIX века. Екатеринбург, 1997. С. 22–23.

⁶ Гридина Т.А. Указ. соч. С. 101.

⁷ См.: там же. С. 131.

⁸ Найдич Э. Эпиграммы // Найдич Э. Этюды о Лермонтове. СПб., 1994. С. 58.

⁹ См.: Рейтблат А.И. Ф.В. Булгарин и Польша // Русская литература. 1993. № 3. С. 72–82; Рейтблат А.И. Булгарин и Наполеон // НЛЮ. 1999. № 40. С. 87–93.

РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ В МЕЖЪЯЗЫКОВОМ АСПЕКТЕ

А.В. Клочков, В.И. Провоторов

В предлагаемой статье на основе сопоставительного анализа оригинала и переводов рассматриваются вопросы эквивалентного функционирования сказового повествования в межъязыковом аспекте. Главное внимание сосредоточено на прагматическом типе эквивалентности, т.е. на эмоционально-смысловом воздействии текста, что связано с такими понятиями как жанр и стиль произведения.

«Сказовая речь» как явление русской литературной традиции в межъязыковом аспекте несет в себе качества речевой безэквивалентности, которая объясняется отсутствием схожего литературного жанра в принимающей культуре. При таком условии «переводчики более тщательно сохраняют жанровые особенности оригинала»¹.

Данная статья написана в русле «критики перевода», ядром которой является метод сопоставительного анализа подлинника и перевода. Основная трудность такого анализа состоит в выборе основания сопоставления, с помощью которого можно оценить текст перевода, установить, в какой степени он адекватен оригиналу. В предлагаемой статье в основу межъязыкового сопоставления положена категория «переводческая норма»², которая выступает нормой создания текста оригинала, организации его понимания, с одной стороны, и регулятивом его перевода на другой язык, с другой стороны. Такое понимание нормы соотносится с категорией «способа повествования», который в сказовом произведении материализуется в образе «эпического повествователя». Образ «эпического повествователя» восходит своей сущностью исторически к устной повествовательной ситуации³.

В категории «образа автора» выделяют внутреннюю и внешнюю стороны. «С внутренней стороны образ автора предстает как определенная точка зрения, создающая единство самобытного нравственного отношения писателя к предмету, а с внешней образ автора связан с вопросами использования языка в литературном произведении. Эти две стороны связаны с двумя сторонами языкового оформления произведения: правилами этого оформления и функционированием языка произведения как носителя жанрово-прагматической и стилистико-эстетической функций»⁴.

Внутренняя структура эпического способа повествования, которая определяет внешнюю (языковую), связана с процессом создания художественного произведения, который включает в себя набор разных видов форм, объективирующих деятельность по созданию произведения на всех уровнях. К таким формам относятся композиционно-речевые формы (КРФ), архитектурно-

речевые формы (АРФ) и система тональностей (об этом подробнее см. Брандес М.П. *Стилистика текста. Теоретический курс*. М., 2004).

Сказ совмещает в себе два типа повествования – «от автора» и «от рассказчика». Специфику сказовой повествовательной формы определяет, прежде всего, характер отношений между рассказчиком и автором. Сказ вводится «ради чужого голоса, голоса социально-определенного»⁵, то есть сказовое повествование представляет собой двухголосое повествование, построенное по «принципу стилистического речевого контраста»⁶, в котором первый тип повествования («от автора») принципиально рассчитан на то, чтобы быть воспринятым как «написанное», другой же («от рассказчика») – на то, чтобы восприниматься как «рассказанное». Совмещение этих типов повествования в единое целое и обуславливает композиционно-речевое построение сказа, а само сказовое повествование является «формой сложной комбинации приемов устного, разговорного и письменно-книжного монологического речеведения»⁷.

Помимо рассказчика с ярко выраженной социальной маркированностью, необходимым компонентом сказовой формы повествования является сочувствующая, в той или иной степени активная аудитория («образ читателя»). Сказ – это не просто устный рассказ, а рассказ «для своих», т.е. негромкая беседа, что создает определенную тональность. Так, Е.Г. Мущенко, описывая связь рассказчика со слушателями в сказе, указывает на такой аспект как «потолок громкости», уловить который можно косвенно, ср.: «Думается, что такими косвенными приметами негромкости сказового повествования служит и разговорная интонация, и ритм ее»⁸.

Таким образом, речь эпического рассказчика в «Левше» представляет собой устный монолог повествовательного типа, негромкую беседу, характеризующуюся «балагурно-шутливой» (В.В. Виноградов) тональностью цехового сказителя с яркой социальной характерностью. Этот внешний облик рассказчика создают КРФ «эпическое сообщение» и АРФ «устный монолог с установкой на «чужое слово».

«Образ автора» выступает как цементирующая сила, которая связывает все стилистические средст-

ва в цельную словесно-художественную систему, являясь внутренним стержнем, вокруг которого группируется вся художественно-стилистическая система произведения⁹. Поэтому можно говорить о том, что сохранение «образа автора» в тексте перевода служит достижению адекватности перевода, и наоборот, изменения в «образе автора», даже при условии точной передачи содержания текста, приводят к нарушению нормы перевода жанра оригинала и лишают перевод адекватности¹⁰.

В качестве материала для межъязыкового анализа взяты пять переводов «Левши» на немецкий язык¹¹.

В некоторых переводах русской сказовой речи на немецкий язык наблюдаются изменения на композиционно-речевом уровне, что ведет к нарушению художественно-стилистической целостности произведения, а следовательно, к потере адекватности перевода. Так, для изображения художественной действительности с помощью эпического способа повествования наиболее характерны развернутые сложные предложения, целью которых является более полное описание события в особой манере – спокойной и размеренной. В переводах на немецкий язык нередки случаи, когда развернутые предложения разбиваются на более короткие, в результате чего сказовая эпическая тональность повествования подменяется бытовым рассказом, ср.:

«Сели опять в ту же двухсестную карету и поехали, и государь в этот день на бале был, а Платов еще больший стакан кислярки выдушил и спал крепким казачьим сном».

«Sie setzten sich in wieder in den zweisitzigen Wagen und fuhren davon. Der Herrscher ging an diesem Abend auf einen Ball. Platow aber leerte wieder auf einen Zug ein großes Glas Branntwein und entschlummerte eines Kosakenschlafes». (Перевод Р. Ханшманн)

Как отмечалось, прообразом сказовой речи является повседневная устная речь, поэтому в плане языкового оформления сказовое повествование также характеризуется ассоциативным характером следования частей высказывания. В следующем примере отражен просторечный синтаксис рассказчика, который проявляется в нарушении логико-семантической связи между частями предложения, ср.:

«Об этом, – говорит, – спору нет, что мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно преданные».

««Darüber ist nicht zu streiten», sagt er, «daß wir in den Wissenschaften nicht weit gekommen sind. Dafür sind wir aber unserem Vaterland treu ergeben»» (Т.М. Бобровски).

Разбиение целостного высказывания на два предложения у Т.М. Бобровски не передает того хода мыслей рассказчика, который отражен в оригинале, а использование местоименного наречия «dafür» создает логико-семантическую связь, от-

сутствующую в оригинале. На этом фоне перевод, выполненный Р. Ханшманн, представляется более удачным, ср.:

«Darüber lässt sich nicht streiten», sagte er, «daß wir der Wissenschaften nicht kündigt sind, sondern nur unserem Vaterland treu ergeben» (Р. Ханшманн).

Добавление мысли, возникшей непосредственно в момент говорения, также является следствием устно-разговорного характера речевого высказывания в сказе. Эта манера должна быть непременно отражена в переводе, однако не всем переводчикам это удается, ср.:

«Мы, – говорит, – к своей родине привержены, и тятенька мой уже старичок, а родительница – старушка и привыкли в свой приход в церковь ходить, да и мне тут в одиночестве очень скучно будет, потому что я еще в холостом звании».

«Wir hängen an unserer Heimat», sagte er, «mein Väterchen, ist schon ein alter Mann und meine Mutter ein altes Frauchen, und sie sind es gewohnt, in ihrem Sprengel zur Kirche zu gehen. Mir aber wird es hier allein langweilig werden, weil ich noch im Junggesellenstande bin» (Р. Ханшманн).

Союз «да и» в приведенном примере отличается от других союзов русского языка однозначностью, выражая только отношение присоединения. Тем самым предложения с союзом «да и» более четко выражают присоединительную связь, чем, например, немецкие предложения такого же содержания с «und». «К русскому союзу «да и» ближе стоит немецкий союз «und» в сочетании с «auch», которое уточняет присоединительное значение¹². Так переводят это предложение Т.М. Бобровски и Й. фон Гюнтер, ср.:

«Wir sind nämlich», so meinte er, unserer Heimat sehr zugetan, und mein Alterchen, der ist schon ein Greis, und meine Frau Mutter, die ist schon sehr alt und nun einmal daran gewöhnt, zur Kirche immer in ihrem Kirchensprengel zu gehen, und auch mir würde es hier in der Einsamkeit bald zu langweilig werden, da ich mich ja immer noch im ledigen Stande befinde» (Й. фон Гюнтер).

Кроме того, некоторые переводчики воспринимают союз «да и» как несвязанные между собой союзы «да» и «и», что приводит к ошибке в переводе вышеприведенной фразы, ср.:

«...und meine Erzeugerin eine alte Frau, die gewohnt ist, in ihrer Gemeinde zur Kirche zu gehen, ja, und ich selber werde mich hier in der Einsamkeit langweilen...» (Г. фон Шульц).

Сложность перевода сказовой речи заключается в том, что передать необходимо не только специфически устный характер сказа, но и особую манеру говорения рассказчика, характеризующуюся балагурно-шутливой тональностью, складывающейся из разговорных, просторечных и комических элементов на всех уровнях. Эта манера повествования вызывает наибольшую сложность в переводах на немецкий язык. Это подтверждают следующие примеры.

В предложении «И к Платову по-русски обращивается и говорит...» только у одного из переводчиков, Й. фон Гюнтера, находим воссоздание балагурной манеры, ср.: «und wendete sich auf Russisch zum Platon um und meinte...», в остальных же переводах речь рассказчика олитературируется, например: «er wandte sich an Platon und sagte ihm auf Russisch...» (Перевод Р. Ханшманн). Фраза «...тульского мастера на точку вида поставил...» (Платов) заменяется в переводе литературным выражением «j-n ins rechte Licht rücken» или «ins Gesichtsfeld visieren», а выражение «...будто мы даже государево имя обмануть сходственны...» (туляки) подменяется «wir wären fähig gewesen, den Namen des Herrschers zu benachteiligen...», которое отличается от оригинала не только своей литературностью, но и письменным характером. Тем самым снимается мотивированность сказа, который, как мы упомянули выше, вводится для «чужого голоса», голоса человека, социально маркированного.

Такие искажения в «образе автора» приводят к нарушениям на прагматическом уровне, что влечет за собой неадекватность в восприятии текста перевода.

¹ Toury G. In Search of a Theory of Translation. Tel-Aviv, 1980. P. 285.

² Брандес М.П., Провоторов В.И. Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков): Учеб. пособие. 3-е изд., стереотип. М., 2001. С. 6.

³ Kayser, Wolfgang. Das sprachliche Kunstwerk. Eine Einführung in die Literaturwissenschaft. 20. Auflage. Tübingen, 1992. S. 201.

⁴ Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 245–246.

⁵ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 4-е. М., 1979. С. 320.

⁶ Сепик Г.В. Особенности сказового построения художественного текста (на материале новелл и повестей Н.С. Лескова): Автореф.... дис. канд. филол. наук. М., 1990. С. 9.

⁷ Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. С. 18.

⁸ Мущенко Е.Г., Скобелев В.П., Кройчик Л.Е. Поэтика сказа. Воронеж, 1978. С. 31

⁹ Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 242.

¹⁰ Буц И.И. Некоторые вопросы текстовой безэквивалентности как проблема перевода (на материале перевода на немецкий язык рассказа В.М. Шукшина «Сельские жители») // Ученые записки РОСИ. Серия: Лингвистика. Межкультурная коммуникация. Перевод. / отв. ред. В.И. Провоторов. Курск, 2004. Вып. № 5. С. 166.

¹¹ Leskow, Nikolai. Der Linkshänder. М., 1989. S. 63 (перевод: Теа-Марианне Бобровски).

Leskow, Nikolai. Der Linkshänder. Berlin, 1949. S. 103 (перевод: Йоханнес фон Гюнтер).

Leskow, Nikolai. Der Linkshänder. Berlin, 1979. S. 121 (перевод: Герта фон Шульц).

Leskow, Nikolai. Der Linkshänder//Der Weg aus dem Dunkel. Erzählungen. Leipzig, 1980. S. 172–211 (перевод: Рут Ханшманн).

Ljesskow, Nikolai. Der stählernde Floh. Die Kampfbereite. Die schöne Asa. München, 1957. S. 9–44 (перевод: Карл Нётцель).

¹² Федоров А.В., Кузнецова Н.Н., Морозова Е.Н., Цыганова И.А. Немецко-русские параллели. М., 1961. С. 303.

«ЧЕРНАЯ КОШКА» Р.М. РИЛЬКЕ: ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ЭЛЕМЕНТОВ ТЕКСТОВИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Т.В. Луппова, Е.А. Иванова

Представленная статья посвящена одному из наиболее актуальных вопросов лингвистики – проблеме адекватности представления картины видения автора при переводе текстов на русский язык. Теоретико-методологической базой исследования является теория перспективы текста Н.Д. Маровой. Исследование проводится на материале поэтических текстов Р.М. Рильке в рамках сопоставительного анализа вариантов перевода этих текстов на русский язык. Результатом предпереводческого интерпритационного анализа текста становится выделение «визуализаторов» текстовидеологической картины мира, задающих определенную интерпритационную направленность текстовой перспективы.

Авторы данного исследования предприняли попытку сопоставления немецкоязычного оригинала и нескольких русскоязычных переводов поэтического текста на основании перспективистского подхода. Задача данного исследования – обнаружение допущенных переводчиками неточностей и анализ их влияния на текстовидеологическую перспективу. Материалом исследования является стихотворение австрийского писателя Райнера

«Черная кошка», как и многие другие тексты Рильке, относится к так называемым «стихотворениям-вещам» (Ding-Gedichte)¹. Эта необычная форма поэтического текста, лишенная лирического «Я», призвана максимально объективно передать читателю впечатления от объекта видения, «вещи», в данном случае кошки. Для наиболее точного понимания анализируемого текста приведем дословный подстрочник.

Schwarze Katze

1 Ein Gespenst ist noch wie eine Stelle,
dran dein Blick mit einem Klange stößt;
aber da, an diesem schwarzen Felle
wird dein stärkstes Schauen aufgelöst:

5 wie ein Tobender, wenn er in vollster
Raserei ins Schwarze stampft,
jählings am benehmenden Gepolster
einer Zelle aufhört und verdampft.

Alle Blicke, die sie jemals trafen,
10 scheint sie also an sich zu verhehlen,
um darüber drohend und verdrossen
zuzuschauern und damit zu schlafen.
Doch auf einmal kehrt sie, wie geweckt,
ihr Gesicht und mitten in das deine:
15 und da triffst du deinen Blick im geelen
Amber ihrer runden Augensteine
unerwartet wieder: eingeschlossen
wie ein ausgestorbenes Insekt².

Марии Рильке «Schwarze Katze» / «Черная кошка» (1907 г.). Этот стихотворный текст выбран не случайно. Известно, что Рильке особое внимание уделял процессу зрительного восприятия, наблюдению, стараясь изучить и визуально зафиксировать объект во всех его состояниях, постичь его суть и затем синтезировать его в стихотворный текст.

Черная кошка

1 Призрак еще только как место,
о которое со звоном ударяется твой взгляд;
но здесь, на этом черном меху,
твое самое сильное созерцание растворяется:

5 как буйно помешанный, когда он в полной
ярости топает в черноту,
внезапно на лишающей сил обивке
камеры прекращает бушевать и затихает.

Все взгляды, которые в нее когда-либо попали,
10 кажется, она так в себе скрывает,
чтобы за ними угрожающе и раздосадовано
присматривать и так спать.
Но внезапно обращает она, словно разбужена,
свой взгляд (свое лицо) и в центр твоего:
15 и тогда встречаешь ты свой взгляд в желтом
янгаре ее круглых глаз-камней
неожиданно вновь: заключенный,
как какое-то вымершее насекомое.

Для анализа переводческой проблематики нами выбраны варианты перевода Константина Богатырёва и Владимира Летучего – признанных переводчиков Рильке. Поэтическое наследие Рильке считается трудным для перевода, и любая попытка перевода его текстов на русский язык достойна уважения. Данное исследование не ставит задачу

подвергнуть критике переводные тексты. Здесь сознательно не затрагиваются проблемы передачи метрико-ритмической структуры, тем более, что в обоих переводах она максимально приближена к оригиналу. Для удобства перевод Богатырёва обозначим как текст ПЯ1, а вариант Летучего как текст ПЯ2.

Черная кошка (ПЯ1)

- 1 Даже призрак силою отдачи
твой со звоном отбивает взгляд.
Только эта черная кошачья
шерсть не возвратит его назад.
- 5 Так в обитой войлоком палате
бушевать перестает больной,
понапрасну сил своих не тратя
в тщетном состязаньи со стеной.
- Все в нее направленные взгляды
10 вобрала она в себя навеки,
словно бы во сне и всё же въяве,
нагоняя ужас без пощады.
Но внезапно, вся остервенясь,
на тебя тяжелым взором взглянет,
15 вновь раздвинув сомкнутые веки,
и перед тобой твой взгляд предстанет,
словно насекомое в оправе,
в желтом янтаре кошачьих глаз³.

Перевод К. Богатырёва

Текст «Черная кошка» обозначим термином «текстовидеома»⁵, имея в виду текст, авторская интенция которого направлена на создание визуального образа, передачу зрительных впечатлений от объекта видения. Структуру текстовидеома обуславливает «текстовидеологическая перспектива». Текстовидеологическая, то есть связанная, прежде всего, с визуальным восприятием объекта, представленного в тексте, с пространственно-временной организацией текста и содержащая в себе некий концептуальный уровень. Особую значимость для перспективной структуры текстовидеома имеют композиционные особенности текста, наличие или отсутствие в тексте «видимы», «визуализаторы», выбор «точки зрения».

Под «видимой» мы подразумеваем лексему, обозначающую изображенный в тексте объект видения. У Рильке видимы часто выносятся в заголовки, в данном случае – «кошка». Заглавия поэтических текстов Рильке часто выполняют функцию, сходную с названием произведения изобразительного искусства – это ключ к интерпретации и пониманию содержания⁶. Если анализируемое стихотворение лишит заглавия, то есть видимы, становится неясно, о чем текст и что описывается. «Кошка» в самой текстовидеома ни разу не называется. С уверенностью можно лишь констатировать, что рассматривается животное с черным ме-

хом (an diesem schwarzem Felle), с желтыми круглыми глазами (im geelen Amber ihrer runden Augensteine) и что оно может быть опасным (drohend). Заголовок является видимой и единственным названием объекта видения в текстовидеома. Именно поэтому добавление в текст ПЯ1 слов «кошачья» (3) и «кошачьих» (18), указываю-

Черная кошка (ПЯ2)

- 1 Взгляд, наткнувшийся на привиденье,
зазвенев, отскакивает; но
даже острое, как шпилька, зреньё
кануть в черный мех обречено:
- 5 так на стены черные бросает
свой безумный гнев больной,
гнев, который сразу угасает
на обивке камеры пустой.
- Все к ней прикоснувшиеся взгляды,
10 кажется, она в себя впитала,
чтобы задремать, свернувшись комом,
не скрывая злости и досады.
Вдруг, как будто оборвался сон,
на тебя уставилась спросонок:
15 и тогда ты поражен немало,
в тусклом янтаре ее глазенок
замечаешь взгляд свой: насекомым
вымершей эпохи вкраплен он⁴.

Перевод В. Летучего

щих на объект изображения, как нам кажется, искажает текстовидеологическую перспективу оригинала.

«Визуализаторы» – лексические и графические средства, передающие визуальную денотативную информацию, создающие картину мира в текстовидеома и способствующие возникновению визуальных ассоциаций при прочтении текста. К визуализаторам, анализируемым в данном стихотворении, отнесем лексику, моделирующую в тексте реальный /ирреальный мир, прежде всего, лексику со значением цвета и лексику со значением зрительного восприятия, а также графический знак «двоеточие».

В данной текстовидеома доминирует черный цвет. Прилагательное «schwarze» (черная) вынесено в заголовок и конкретизирует видеома. Оно дважды повторяется в тексте «an diesem schwarzen Felle» (3) и «ins Schwarze stampft» (6). Определение цвета с помощью субстантивации подчеркивает его значимость в восприятии объекта. Ассоциативно ощущение темноты, как нам кажется, поддерживается также «визуализаторами» «Gespenst» (призрак, приведение), так как призраки, по поверьям, обычно являются во мраке, и «Zelle» (келья, камера) – замкнутое, небольшое и часто плохо освещенное помещение. Первые двенадцать строк «погружены» в темноту, и лишь в

конец пятнадцатой неожиданно появляется желтый цвет глаз кошки: «geelen». Перевод лексики со значением цвета, казалось бы, не должен вызывать трудностей, так как имеются языковые соответствия в русском языке. Однако в обоих текстах ПЯ не раскрыто значение «ins Schwarze». В ПЯ2 сохраняется черный цвет, но только как цвет стен(5), в то время как у Рильке «чернота» в сочетании с пространственным предлогом «in» одновременно визуализирует пространство, в которое можно войти. Значение пространства имеет также слово «Zelle» (8), сохраненное в ПЯ2 в лексеме «камера». В ПЯ1 «ins Schwarze» полностью опускается, тем самым утрачивается значение черного цвета и частично пространственная семантика. Пространство передает слово «палата» как вариант перевода «Zelle», но «палата», скорее, ассоциируется с более светлым помещением, чем «камера». Поэтому семантику темноты во втором четверостишии ПЯ1 сохранить не удалось. Желтый цвет также претерпевает некоторые метаморфозы при переводе текста на русский язык. «Im geelen Amber» переводится в обоих текстах как «в янтаре», то есть внутри минерала желтого цвета. Тем самым ощущение цвета как пространства, в которое может быть «вкраплен» (eingeschlossen) какой-то предмет, сохраняется. В ПЯ2: «im geelen Amber» переводится как «в тусклом янтаре». То есть значение желтого цвета передается только именем существительным, но не именем прилагательным. Прилагательное же добавляет тусклый оттенок, отсутствующий в оригинале.

Важность процесса созерцания подчеркивается насыщенностью текста лексикой со значением зрительного восприятия. Всего в восемнадцати строках «Черной кошки», помимо слова «Blick» (взгляд), употребленного три раза, встречаются слова «zuzuschauen» (авт. Рильке, смотреть, быть зрителем), «Schauen» (созерцание), «Gesicht» (зрение) и «Augensteine» (глаза-камни). Эти лексемы, с одной стороны, являются визуализаторами, которые каждый раз обращают внимание читателя на процесс визуального восприятия, описанный в текстовидеоме. С другой стороны, при внимательном прочтении текста обнаруживается, что фактически объектом изображения здесь является взгляд. Такая особенность свойственна многим текстам Рильке, так как они «имеют целью не копирование объективной действительности, а конструирование предметов в процессе индивидуального восприятия и перевоплощение их в поэтические структуры»⁷. Этому подчинен весь текст.

Оригинал начинается с «затакта», как бы претворяющего процесс видения. Первое слово – «привидение, призрак» (ein Gespenst). Читатель лишь с трудом может представить себе это «невещественное явление». Перемещение в тексте ПЯ2 слова «призрак» и вынесение слова «взгляд» в начало текстовидеомы, нарушает перспективную направленность текста Рильке, то есть переход от

видения к внезапным зрительным впечатлениям: взгляд со звоном наталкивается (mit einem Klange stößt) на нечто незримо присутствующее в пространстве (wie eine Stelle).

Некоторые слова и выражения со значением видения вызывают трудности при переводе. Непростой задачей для переводчика является «alle Blicke trafен» (9). Слово «treffen» (попадать, поражать, встречать, настигать) в контексте у Рильке метафорически выражает важное взаимоотношение: объект видения – мишень, а взгляд наблюдателя острый как стрела. Вариант Летучего «прикоснувшиеся» (9) не передает остроты, проникновения, меткости попадания. Более удачное решение, как нам кажется, нашел Богатырёв, выбрав слово «направленные», так как слово «направить» (9) в русском языке семантически сочетается со словом «стрела», например, «направить стрелу в цель».

Одна из самых сложно переводимых лексем со значением видения в данном тексте «zuschauen» (12). Это подтверждается тем, что в обоих текстах ПЯ она выпущена. Слово «zuschauen» является изобретением поэта (оно не представлено в словарях немецкого языка). Авторский неологизм как бы скомпонован из трех слов и объединяет в себе их семы: «schauen» (смотреть, созерцать, рассматривать), «Zuschauer» (зритель) и «schauern» (дрожать, содрогаться). То есть кошка наблюдает, являясь со своей стороны зрителем, и дрожит или заставляет содрогаться других. В тексте ПЯ1 выражение «нагоняя ужас без пощады» (12) отражает одно из возможных значений слова.

Интересно переводческое решение, найденное для слова «Gesicht» (14). Часто переводчики Рильке берут первое в словарной статье наиболее часто употребляемое значение слова – «лицо» – и пренебрегают общим контекстом творчества поэта. Безусловно, Рильке употребляет слово и в этом значении тоже, но в его текстах почти всегда присутствует ныне стоящее в словарях с пометкой «устаревшее, высокое» значение «зрение». На этой двузначности строится текст. Так в нашем примере кошка поворачивается мордой к посетителю зоосады и одновременно включает его в свое поле зрения. В тексте ПЯ1 найден вариант «взор», в ПЯ2 существительное трансформируется в глагол «установилась». Это свидетельствует о внимательной интерпретации переводчиками текста Рильке, но значение «Gesicht» – «передняя часть головы» – в транслятах сохранить не удалось.

Однако вернемся к слову «взгляд» (Blick), потому что «протагонистами в этой разыгранной здесь драме являются взгляд наблюдателя и глаза кошки»⁸. Лексема «Blick» является основой для выстраивания перспективной структуры текста. Она встречается в самом начале, в середине и в конце оригинала и переводов. За счет повтора обеспечивается цельность и связность текста, кроме того, подчеркивается чрезвычайная значимость

взгляда. В единичном случае лексема «Blick» заменяется в оригинале словом «Schauen» (созерцание), не являющимся абсолютным синонимом слова «взгляд». Слово «Blick» обозначает зрительное восприятие, которое длится непродолжительный промежуток времени (ср. бросить взгляд – einen Blick werfen, взглянуть – kurz blicken). Взгляды исчисляемы. Слово «взгляд» также указывает на направление, в котором смотрят глаза (ср. den Blick sinken, потупить взор, опустить глаза) и выражение глаз (ср. sanfter Blick, мягкий взгляд). Взаимосвязь лексем «глаза» и «взгляд» делает слово «взгляд» привязанным к определенному субъекту. Отглагольное существительное «Schauen» обозначает процесс зрительного восприятия, удержания взгляда в определенном направлении (den Blick gerichtet halten)⁹. То есть кратковременный взгляд стороннего наблюдателя задерживается на предмете и начинается интенсивнейшее созерцание (stärkstes). Если «взгляд» в тексте Рильке – активно действующий субъект, то «созерцание» – несколько пассивное состояние, на что указывает пассивная конструкция «wird aufgelöst». Ее сложно точно передать средствами русского языка (например, «будет растворено», «растворяется», «сводится на нет» или даже «поглощается»). В тексте ПЯ1 лексема «Schauen» просто опускается. Тем самым переводчик фактически уравнивает две неравнозначные лексемы. Кроме того, полностью утрачивается имеющаяся в исходном тексте качественная характеристика «созерцания». В тексте ПЯ2 найден вариант перевода «зренье», а эпитет «stärkstes» разворачивается в метафору «острое, как шпилька», пассивность зрения передает слово «обречено».

Именно слово «взгляд» определяют притяжательные местоимения, указывающие на «точку зрения», то есть на наблюдателя в текстовидеоме. Уже в первой строке начинается напряженная работа глаз наблюдателя, находящегося внутри текстовой действительности и пытающегося разглядеть «призрак». Далее притяжательное местоимение «твой» (dein Blick) указывает на то, что этот человек наблюдает со стороны, а также позволяет автору отчужденно говорить о самом себе, отрицая свое присутствие в тексте¹⁰. Местоимение «Du» (dein) дает возможность обращаться к читателю в доверительном тоне и делать его сопереживающим, а в данном случае созерцающим. «Ты» имеет обобщающее значение: мысленно наблюдать изображенную черную кошку может любой читающий стихотворение человек. Обобщение усиливается также местоимением «все». «Alle Blicke» (все взгляды = все зрители, любой наблюдатель) – это генерализация и одновременное противопоставление зрителей и данного объекта видения, обозначенного в тексте с помощью личного местоимения «sie» (она). С появлением местоимения «sie» объект видения обретает конкретные очертания, но внезапно

происходит смена точек зрения: зрителем становится кошка, параллельно вновь появляется точка зрения стороннего наблюдателя, который видит отражение собственного взгляда внутри кошачьих глаз, то есть внутри описываемого в тексте объекта. Последовательность смены «точек зрения» в обоих переводных текстах приближена к оригиналу, но все-таки имеются некоторые неточности. В первом четверостишии ПЯ 2 опущено местоимение, определяющее позицию наблюдателя относительно наблюдаемого фрагмента действительности. Вначале не понятно, чей взгляд и откуда он взялся. Глагол «zuschauern» в тексте Рильке означает еще и смену перспектив. Переход от наблюдения за кошкой к точке зрения самой кошки. Из-за отсутствия данной лексемы в переводных текстах это изменение происходит намного позже. В переводе ПЯ1 в результате перемещения лексемы «Augensteine» (глаза-камни) «в янтаре кошачьих глаз» в конец текста теряется четко выстроенное в оригинале чередование точек зрения и погружение взгляда во взгляд. Рильке конструирует эффект зеркала, которым внешне становятся кошачьи глаза, когда наблюдатель вдруг видит в ее глазах отражение своего взгляда. Каждое неожиданное наблюдение пунктуационно выделяется двоеточием. Авторские знаки препинания полностью изменены в тексте ПЯ1. Однако знаки препинания в текстах Рильке – это не только интонационное и смысловое деление текста. Они также являются «визуализаторами», то есть важным средством создания текстовидеологической перспективы. Особое место занимает часто используемое поэтом двоеточие. В тексте «Schwarze Katze» оно встречается три раза. Двоеточие у Рильке – это всегда пауза. По своему значению оно редко указывает на дальнейшее пояснение – смысловое раскрытие содержания предыдущей части предложения. Чаще всего двоеточие используется поэтом для конструирования всей текстовой композиции. Оно может отделять одну часть текста от другой, как бы продолжающей ее, но являющейся уже другим планом изображения. Так, в оригинале «Черной кошки» второе четверостишие является продолжением первого и выделяется графически двоеточием. Здесь двоеточие наряду с прописной буквой, с которой начинается следующий абзац, является средством связи первого четверостишия со второй частью текста. Дается развернутая метафорическая характеристика взгляда, в которой еще более ясно прослеживается персонификация. Взгляд сравнивается с обезумевшим (wie ein Tobender), который глухо ударяется в полном бешенстве (in vollster Raserei stampft) об обивку (Gepolster).

Фрагменты текста, разделенные двоеточием, у Рильке часто неожиданно контрастны. Этот контраст содержания в сочетании с интонационной паузой и усиленный такими словами как

«jählings», «aber da», «und da» (внезапно, но тут, и вдруг) создает эффект неожиданности изменения перспективы. Моментальность является важнейшей особенностью временной характеристики текстовидеологической перспективы поэтического текста. Моментальная смена точек зрения, по нашему мнению, является спецификой текстов Рильке. Всё вышесказанное необходимо учитывать при переводе. Текст ПЯ2 сохраняет наиболее важные знаки пунктуации оригинала, тем самым переводчику удается передать отличительную черту текстовидеологической перспективы стихов Рильке.

В заключение стоит отметить, что проведенный нами сопоставительный анализ текстов на основе разбора элементов текстовидеологической перспективы рассматривает проблематику перевода текстов Рильке изолированно, без учета многих других факторов, позволяющих говорить о качестве перевода. Но обнаруженные искажения, допущенные при переводе на лексическом, синтаксическом и даже на графическом уровне, ведут к изменению текстовидеологической перспективы. Следствием этого являются иные визуальные ассоциации, иной прагматический эффект от прочтения русскоязычных текстов. Безусловно, многие выявленные нами неточности вызваны объективными причинами, в частности, они связаны с невозможностью передать особенности оригинала средствами другого языка, а также с необходимостью учитывать при переводе метрико-ритмическую структуру текста. Авторы данной статьи хотели только еще раз продемонстрировать применение перспективистского подхода на практике.

¹ О «стихотворениях-вещах» (Dinggedicht, Bildgedicht): Oppert, Kurt. Das Dinggedicht / DVjs 4, 1926. S. 747–783.

² Rilke, R.M. Sämtliche Werke. Hrsg. Ernst Zinn, Wiesbaden: Insel, Band I, 1955, S. 595.

³ Райнер Мария Рильке. Собрание сочинений в трех томах, Т. 2. Стихотворения 1906–1926. Москва: АСТ, Харьков: Фолио, 1999. С.420.

⁴ Райнер Мария Рильке. Избранные сочинения. Москва: Рипол классик, 1998. С. 432.

⁵ Терминология и методы, используемые в данной статье изложены в проводимом Е.А. Ивановой диссертационном исследовании, которое опирается на теорию перспективы текста Нины Дмитриевны Маровой: Марова Н.Д. Диалоги о перспективе текста (на материале немецкоязычных художественных текстов). Алма-Ата: КазГУ, 1989.

⁶ См.: Слесарева Е.А., О функциях заглавий с семантикой видения (на материале избранных текстов Р.-М. Рильке) // Перевод и межкультурная коммуникация: Материалы Третьей научно-практической конференции ИМС. Институт международных связей, Вып.2, Екатеринбург: Издательство АМБ, 2001. С. 54–56.

⁷ Müller, Wolfgang G. Rilke, Husserl und die Dinglyrik der Moderne // Rilke und die Weltliteratur. Hrsg. Manfred Engel und Dieter Lamping. Düsseldorf, Zürich: Artemis und Winkler, 1999. S. 232.

⁸ Wolf, Ernest M. Die Fensterrose: the Panther's Eye. / Stone in the Poetry: the Cathedral Cycle in Rainer Maria Rilke's Neue Gedichte. (Studien zur Germanistik, Anglistik und Komparativistik, Band 61), Hrsg. Arnold und Alois M. Haas, Bonn: Bouvier, 1978. S. 126.

⁹ Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 3.Aufl.: Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 1996.

¹⁰ О значении «Du» в поэтическом тексте: Frank, Horst J. Wie interpretiere ich ein Gedicht? Tübingen, 1991. S. 88.

ПОСТМОДЕРНИЗМ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

Н.С. Олизько

Постмодернизм – это понятие, описывающее существенные изменения в мышлении, происходящие в начале XX века. Определить место и время появления постмодернизма достаточно непросто. Сложность состоит и в вычлениении его отличительных особенностей, так как постмодернизм находит выражение в философии, искусстве, критике, литературе, архитектуре, истории и культуре. Постмодернизм стирает границы между высокими и низкими формами искусства, отрицает жесткие жанровые различия и акцентирует внимание на пастише, пародии, иронии и игре. Постмодернистское искусство (и мышление) развивает рефлексивность, самосознание, фрагментарность и дискретность (особенно в нарративных структурах), множественность и оперирование деструктурированными, децентрированными, дегуманизированными предметами.

Постмодернизм – это особое видение мира, сложившееся и оформившееся как главенствующее течение в искусстве второй половины XX века. Понятие постмодернизма, как известно, зародилось в архитектурных кругах (Ч. Дженкс «Язык архитектуры постмодерна»). Некоторые источники утверждают, что впервые термин «постмодернизм» появился на страницах журнала «Art in America» в 1971 году в статье Брайана О'Доуэрти «Что такое постмодернизм», другие связывают его появление с выходом в свет в 1976 году статьи И. Хассана «Post-modern literature». По наблюдениям М.А. Можейко, прилагательное «постмодерный» дебютировало еще в 1917 году в работе немецкого философа Р. Ранвица «Кризис европейской культуры»; в 1934 данный термин был использован у Ф. де Ониза для обозначения авангардистских поэтических опытов начала XX века, радикально отторгающих литературную традицию; с 1939 по 1947 в работах Тойнби было постулировано содержание понятия «постмодернизм» как обозначающего современную (начиная от Первой мировой войны) эпоху, радикально отличную от предшествующей эпохи модерна; в конце 1960–1970-х данное понятие использовалось для фиксации нотационных тенденций в таких сферах, как архитектура и искусство (прежде всего, вербальные его формы); начиная с 1979 (после работы Жана-Франсуа Лиотара «Постмодернистское состояние: доклад о знании») постмодернизм утверждается в статусе философской категории, фиксирующей ментальную специфику современной эпохи в целом¹.

Время возникновения постмодернизма как культурной формации определить достаточно трудно, и по этому поводу до сих пор происходят споры. Одни считают, что его истоки следует искать еще в XIX веке, другие называют постмодернизм «детисшем» XX века. По мнению известного искусствоведа Н. Маньковской, постмодернизм возник в конце 50-х – 60-х годах XX века – это так называемый модернистский постмодернизм, связанный с появлением новой фигуральности, осо-

бенно американской (поп-арт, ow-арт). На 70-е годы приходится расцвет так называемого неоконсервативного постмодернизма. В это время появляется интерес к наследию, к культурным корням, к традиционным ценностям, то есть пробуждается желание осмыслить все пространство культурно-исторического прошлого. В 80–90-е годы проявляется так называемый постмодернистский постмодернизм, утверждающий цитатность, гротескность, игровое начало и иронизм культуры².

В настоящее время постмодернизм оформился в самостоятельную систему взглядов практически во всех областях духовной жизни человеческого общества, однако дать конкретное определение данному направлению достаточно непросто. В культурологии постмодернизм символизирует конец западного господства в религии и культуре, в философии означает торжество постметафизики, пострационализма. Представители точных наук трактуют его как стиль постнеоклассического научного мышления. Психологи видят в постмодернизме симптомы тревожного состояния общества, тоску индивида и т.п. Этот список может быть продолжен. Что же объединяет все эти подходы?

Разные авторы вкладывают в понятие постмодернизма разный смысл и выделяют разные признаки феномена. Сложности с определением постмодернизма происходят от того, что это не какой-то конкретный стиль или художественное течение, а скорее противоречивое состояние искусства и жизни в постсовременную эпоху. Основная идея заложена в самом слове «постмодерн», которое означает «то, что состоялось (не состоится, а уже состоялось!) после настоящего (то есть в будущем), но имело место уже в прошлом». Другими словами, это явление, которое принадлежит современности, идет из прошлого, а исполняется постсовременным, но не будущим. Постмодернизм есть нечто виртуальное, симуляр – по определению Ж. Бодрийара, «копия того, чего нет»³. Более полную дефиницию дает Н. Маньковская. Это «образ отсутствующей действительности, правдоподобное подобие, лишенное подлинника, поверх-

ностный гиперреалистический объект, за которым не стоит какая-либо реальность. Это пустая форма, самореференциальный знак, артефакт, основанный лишь на собственной реальности»⁴.

Попытаемся вычленивать ряд отличительных примет постмодернизма и остановиться на характеристике таких его особенностей, как цитатность, принципиальная возможность различных интерпретаций, игровое начало, пародийность, ирония, хаотичность и другие.

Важнейшее отличие постмодернизма – размывание границ между массовым и элитарным искусством. Задача постмодернистского художника построить свое повествование таким образом, чтобы произведение было понятно всем и в то же время, будучи многомерным, могло удовлетворить изысканные вкусы так называемого «элитарного читателя». Для постмодернистского произведения характерна «двойная референция»: сюжет – для одного круга адресатов, ассоциации – для другого. При этом необходимо помнить, что нельзя понять конкретное произведение без культурного и исторического контекста. Каждый художник может и должен прочитываться в диахроническом аспекте, то есть в пространстве всей истории культуры⁵. Иначе говоря, читатель, чтобы интерпретировать конкретное произведение на фоне всеобщей интертекстуальной истории, должен быть высокообразованным. И все-таки многослойность постмодернистского произведения позволяет автору рассчитывать на самых разных реципиентов – не только подготовленных. Умберто Эко, один из родоначальников и теоретиков постмодернизма, прекрасно продемонстрировал это на собственной художественной практике. Его роман «Имя розы» стал бестселлером, являясь серьезным культурологическим исследованием. Вот пример того, как произведение может одновременно с интересом читаться и изучаться серьезными специалистами. Итак, постмодернистское произведение предполагает разные уровни понимания. Текст превращается в ребус, в загадку с множеством разгадок – в зависимости от фантазии и эрудиции читателя.

Пытаясь найти выход из элитарного мира литературы, философии, музыки в жизнь, постмодернисты сталкиваются с разнообразными текстами в многомерном пространстве культуры, что означает членение текста на фрагменты, новые интерпретации, перевод на язык условности, «двойное кодирование» (сопоставление разных стилей), пародии на шедевры, совмещение времен и стилей. Постмодернизм – это некая виртуальная реальность, в сознании художника она основывается на богатом опыте человечества. Это явление можно охарактеризовать как тенденцию к объединению в рамках одного произведения разных образных мотивов и художественных приемов, заимствованных у многих историко-культурных эпох. Постмодернизм говорит на языке прошлого и настоящего, который весьма пластично и адекватно вписывает-

ся в контекст современности. Оперирование готовыми формами, культурными кодами и клише позволяет использовать традицию в качестве строительного материала для новых конструкций.

Принципиально размытое и принципиально открытое постмодернистское пространство вбирает в себя максимальное число текстов, написанных в различные эпохи. Любое постмодернистское произведение может быть рассмотрено как место пересечения уже существовавших текстов – «нитей ризомы», то есть место преломления и переплетения всего многообразия текстов культуры. Ризоматичность находит воплощение в калейдоскопичности, мозаичности, «лоскутности» многочисленных образов постмодернистской эстетики, представленных в формах коллажа и пастиша. Поскольку современный мир человеческого бытия как бы «сшит» из различных «лоскутков» представлений, ценностей и взглядов, культурных кодов и следов, то коллаж в определенной степени является их отражением. В результате постмодернизм характеризуется принципом свободного компилятивного использования и переоценкой различных сложившихся форм искусства. По сути, происходит полное переосмысление истории культуры: цитирование приводит к воспроизведению традиционных произведений в новом контексте, радикально меняющим их смысл.

Еще одно из центральных понятий постмодернизма – постмодернистская чувствительность – заключается в представлении человеком мира как хаоса, в котором нарушена причинно-следственная связь и утрачены авторитеты. В сознании постмодерниста мир предстает как текст, лишенный структуры, иерархии и центра. Фрагментарность и неупорядоченность восприятия действительности порождает эпистемологическую неуверенность, сомнение в возможности рационального, научного постижения мира. Следствием подобного мироощущения современного человека выступают следующие признаки постмодернизма:

- обращение к Востоку, к «восточной мудрости» из-за дискредитации западной философии и культуры;
- недоверие к метарассказам, то есть к любому знанию, к науке, искусству, религии, философии, психологии, истории;
- дискретность и эклектичность;
- сомнение в существовании самого смысла произведения;
- включение в произведение уже готовых текстов;
- коллажирование и пастиширование.

В рамках постмодернизма как особого типа философствования под влиянием теоретиков структурализма и постструктурализма (Р. Барт, Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Деррида и другие), отстаивающих панъязыковой характер мышления, сознание человека отождествляется с письменным текстом как якобы единственным более или менее

достоверным способом его фиксации. В результате все рассматривается как текст: литература, общество, история, сам человек, что приводит к восприятию человеческой культуры как единого «интертекста», который в свою очередь служит как бы предтекстом любого вновь появляющегося текста⁶. Как отмечает Ж. Деррида, «постмодернистский текст ... имеет форму структуры толкований. Каждое предложение, которое уже само по себе имеет толковательную природу, поддается толкованию в другом предложении, – реально имеет место не интерпретационная деятельность субъекта, но моменты самотолкования мысли»⁷. Другими словами, мир как система «письменных» знаков предстает в качестве некоей последовательности комментариев к самому себе как к тексту с бесконечными отсылками к «следам» предыдущих текстов, которые, в свою очередь, отсылают к более ранним текстам, и так до бесконечности. По мнению М. Эпштейна, «мир мыслится как бесконечная перекодировка и игра знаков. Текст в свою очередь понимается «интертекстуально», как игра сознательных и бессознательных заимствований, цитат и клише. Личность, оригинальность, авторство рассматриваются как иллюзии сознания или условные конструкции, за которыми действуют механизмы знаковых систем, языка, бессознательного»⁸. Итак, в постмодернизме искусство становится жизнью, а жизнь искусством – исчезает грань, отделяющая художественный вымысел от реальности. Текст не отображает, а создает некую новую реальность. На первый план выдвигается не сама действительность как таковая, но язык, опосредующий взаимоотношения автора с реальностью.

Постмодернистское сознание своеобразно воспринимает время, как бы упраздняя хронологическую последовательность. Многомерные динамические наслоения событий отражаются друг в друге, прошлое реализуется в настоящем, а настоящее дает ключ для того, чтобы войти в прошлое. Всякое событие, находясь на пересечении множества различных систем, в каждой из которых оно может быть по-своему истолковано, приобретает значимость в момент не столько своего появления, сколько – повтора. Благодаря подобной концепции времени категории оригинала и копии теряют свое значение. В результате мы имеем дело с огромной «библиотекой» текстов, которые можно интерпретировать, комбинировать и редактировать.

Цитатность, или заимствование идей, образов, способов выражения мысли, настроений, эстетики, стиля, существовала с незапамятных времен. Вопрос лишь в том, как используется данный прием. В одном случае мы имеем дело с наглым плагиатом, а в другом – автор заимствует символику, образы, но придает им свой смысл, заново вдыхает в них жизнь, общается с реципиентом намеками, направляя его подсознание в нужную сторону. Постмодернизм стремится к тому, чтобы почерп-

нуть все самое лучшее из, казалось бы, несовместимых областей и эпох и создать на этой основе нечто новое и доступное каждому. Цитата становится инструментом выражения определенной степени свободы в творчестве.

Конструирование нового авторского произведения из свободно извлекаемых из «культурного слоя» и компонованных в произвольном порядке фрагментов возможно лишь в рамках условного пространства игры. Постмодернизм – это некая территория тотальной игры, в которой читатель, текст, контекст и сам автор занимают в идеале равноправные позиции. Автор не диктует и не может диктовать все те смыслы, которые порождает текст, а читатель заранее настраивается вычленив из текста гораздо больше, чем хотел сказать автор. Текст рассматривается как бесконечная вязь смыслов и ассоциаций, не все из которых были запрограммированы автором. Осознание отсутствия конечной истины и, соответственно, какого-то единого смысла художественного произведения и приводит к волонтаризму в отношении к культурным традициям, цитатности и ироничности, к приоритету игрового начала.

В качестве определяющего критерия отнесения того или иного произведения к разряду постмодернистских может служить отношение автора к своему тексту и к художественному творчеству вообще. Художнику-постмодернисту свойственен некоторый цинизм по отношению к своей персоне – он не питает иллюзий по поводу особого призвания творца, эксклюзивности своих идей и степени их влияния на окружающий мир. Выстраивая свое произведение, автор играет, примеряет на себя то одну, то другую маску. Размытость авторского начала выражается в том, что создатель произведения пользуется некими готовыми культурными блоками, культурными ассоциациями, чтобы выстроить что-то свое. Автор-постмодернист как бы «заключает в рамку» кусок действительности и создает какой-то текст, но восприятие этого текста рассчитано на то, чтобы читатель не ограничивался уровнем автора, а попытался иронически переосмыслить текст, то растворяясь в нем, то снова отстраняясь. Данный принцип восприятия связан с переходом от монолога к диалогу. Автор предлагает некую структуру, принципиально открытую и свободную, из которой читатель собирает какие-то собственные ассоциации, способные сложиться во что-то принципиально другое. Текст изначально богаче, чем то, что автор хочет сказать. Постмодернистский автор это осознает и отдается во власть текста, во власть культурной традиции и сложившихся образов. И все-таки, несмотря на то, что авторское начало может маскироваться за множественностью цитат и сложностью формы, индивидуальная характерность должна оставаться осязаемой, иначе произведение не может быть жизнеспособным.

Лингвистика текста и перевод

Завершая рассмотрение опознавательных признаков постмодернизма, отметим основополагающие из них:

- сближение элитарной и массовой культуры;
- активное смешение художественных языков, стилей и жанров;
- отношение к миру как к тексту;
- акцентированная поливариантность, волюнтаризм в отношении к культурным традициям;
- цитатность как художественный принцип;
- приоритет игрового начала в художественном творчестве;
- повышенная ироничность и скептицизм;
- пристрастие к пародии и гротеску;
- размытость авторского начала.

Данное течение в современном искусстве настолько многообразно, глубоко и все еще неизве-

данно, что возможно существование и других приемов постмодернистского толка.

¹ Цит. по Постмодернизм. Энциклопедия. М., 2001. С. 601.

² Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб., 2000. С. 89.

³ Цит. по Постмодернизм. Энциклопедия. С. 84.

⁴ Маньковская Н.Б. С. 220.

⁵ Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1997. С. 731.

⁶ Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. М., 2001. С. 384.

⁷ Цит. по Постмодернизм. Энциклопедия. С. 234.

⁸ Эпштейн М. Постмодерн в России: Литература и теория. М., 2000. С. 5.

ПРИНЦИП КЛАССИФИКАЦИИ ТЕКСТОВЫХ СВЯЗЕЙ

О.А. Турбина, О.А. Савельева

В настоящей статье авторы представляют собственную классификацию текстовых связей, используя работы известных лингвистов, изучавших текстовую связность. Анализ теоретических материалов выполнен в русле традиционной лингвистики текста. В качестве основного принципа классификации текстовых связей авторами статьи выделен принцип их первичной связующей функции. Разработанная классификация представляет собой основу для анализа текстов СМИ.

Представления ученых о типологическом характере текстовых связей различаются в зависимости от того, какой смысл вкладывается ими в понятие категории связности.

Как категория текста связность изучается в разном объеме. В узком понимании связность рассматривается на уровне формального соединения элементов текста. В этом случае в фокусе анализа оказываются, например, параллельные конструкции, эллипсис, местоименная связь и др. В частности, так описывали эту категорию М.А.К. Хэллидей и Р. Хасан, которые ввели для нее термин «когезия»¹.

В широком понимании категория связности включает как формально-логический, так и предметно-содержательный (семантический) аспекты текстовых элементов. Такого подхода придерживается большинство современных ученых, занимающихся разработками в области лингвистики текста.

Различие подходов к определению категории связности отражается и в существующих в настоящее время классификациях текстовых связей, основания которых варьируются от сугубо языкового выражения² до абстрагированных отношений или функций³. В ряде классификаций наблюдается совмещение этих принципов с акцентом либо на формальном, либо на содержательном компоненте⁴. Таким образом, среди существующих классификаций текстовых связей можно условно выделить три вида:

1) классификации по основанию языковых средств, выражающих определенные отношения или выполняющих связующие функции;

2) классификации по основанию отношений, выражаемых определенными языковыми средствами, связующей функции, которую они выполняют в тексте, или по основанию контекстуально обусловленных особенностей средств связи;

3) классификации смешанного типа.

Как показывают исследования ряда лингвистов⁵, принцип классификации текстовых связей по основанию языковых средств, которые их выражают, недостаточен по двум причинам. Во-первых, не всегда возможно установить точное и последовательное соответствие между типом связи

и функцией языковой единицы в конкретном тексте в силу того, что одни и те же языковые средства способны выполнять несколько разных функций, и наоборот, различные языковые средства могут выполнять одинаковую функцию. Во-вторых, не представляется возможным составить полную классификацию текстовых связей при изучении и сопоставлении категории связности в языках разных типов, где средства выражения связности отличаются. Таким образом, классификация текстовых связей по данному основанию будет во многом зависеть от типа исследуемого текста и от типа языка.

Однако *текстовая связность* по праву может быть причислена к разряду текстовых универсалий, поскольку представляет собой *систему отношений*, организованную на основе принципа эксплицитного и имплицитного объединения текстовых элементов, позволяющего реципиенту воспринимать текст как связный и получать из него полную информацию. Единицами текстовой связности являются *текстовые связи*, выявляемые на различных уровнях (лексико-семантическом, логико-грамматическом, синтаксическом и т.д.) между *единицами текста* (предложениями, сверхфразовыми единствами, далее – СФЕ). Текстовые связи реализуются при помощи *средств связи* – конкретных языковых единиц или имплицитных способов, выполняющих *связующие функции* в тексте. Совокупность средств связи и выполняемых ими связующих функций и формирует *текстовую категорию связности*. Иными словами, только *системный подход* позволяет наиболее полно охарактеризовать категорию текстовой связности.

Универсальный характер текстовой связности требует при классификации ее единиц руководствоваться принципом выявления *общего основания* текстовой категории связности. Анализ способов его реализации в различных текстовых связях и должен, по нашему мнению, составить основу их классификации.

Поскольку текстовая связность определяется как *система отношений*, объединяющая текстовые элементы различного уровня, универсальным основанием текстовой категории связности следу-

ет признать связующие функции. Н.В. Муравьева, мнение которой по основным положениям мы разделяем, в своем исследовании показывает, что, прежде всего, это они в организации текста являются универсальными для всех языков. Поэтому в качестве наиболее значимого при классификации текстовых связей Н.В. Муравьева принимает функциональный критерий⁶. Такой подход используют и другие ученые⁷; он представляется оптимальным и нам. Опишем в общих чертах его суть.

Все текстовые связи по характеру связующих функций делятся на **смысловые (понятийно-смысловые)** и **структурные (структурно-грамматические)**. Однако данное утверждение следует принимать с некоторым уточнением: указанное деление в определенном смысле **условно и относительно**. Дело в том, что любая единица языка (и речи) обладает обязательным свойством бинарности. В силу этого свойства, единица языка, независимо от уровня, к которому она принадлежит, имеет план выражения и план содержания, образующие нерасчленимое единство. Данное свойство языковых единиц и системы языка в целом универсально. Без него система языка утратила бы свойство семиотической системы и оказалась бы несостоятельной в функциональном отношении. Но следует принимать во внимание, что соотношение составляющих (понятийного и структурного; лексико-семантического и структурно-грамматического) внутри целого неравнозначно в разных единицах и существенно колеблется вплоть до полного поглощения одного другим (как, например, в нулевом знаке или в эллиптических конструкциях). Поэтому при подразделении текстовых связей на типы структурных и понятийных мы руководствовались принципом **первичной связующей функции**. В действительности же в любом типе связи реально различим как структурный, так и смысловой аспект, поскольку, с одной стороны, любой смысл должен быть тем или иным способом выражен, а с другой – любая форма употребляется ради выражения смысла.

1. Понятийно-мысловые связи

Смысловые связи условно подразделяются на **логико-семантические** и **межпонятийные**.

1.1. Логико-семантические связи

Логико-семантические связи строятся на представлении о существующих в реальности логических отношениях, которые проектируются на текстовое пространство и воссоздаются с помощью определенных языковых единиц.

Логико-семантические связи можно разделить по основанию выражаемых ими логических отношений, как представлено, например, в теории О.Л. Каменской, где в разряд логико-семантических связей включены *конъюнкция*, то есть отношение *аддитивности* событий; *дизъюнкция*, то есть *выбор*

одного из событий (объектов); *контраюнкция*, предполагающая *противопоставление* двух сосуществующих событий и *субординация*, определяющая зависимость одного явления от другого (причинная зависимость, временные отношения, возможность и т.д.)⁸

По мнению К. Кожевниковой, которая рассматривает связность как семиологическую категорию, логико-семантическая связь состоит в смысловом *зацеплении* частей текста, следующих друг за другом. *Смысловое зацепление*, как правило, локализовано (или его локализация мыслима) на стыке находящихся рядом частей и выражает (или подразумевает) логические взаимоотношения⁹.

Основными языковыми средствами выражения логико-семантических связей являются союзы и союзные слова, наречия времени и места, вводные слова, частицы, коннекторные конструкции и т.д. *Логический* характер данных средств определяется тем, что они, как точно подметил И.Р. Гальперин, «укладываются в логико-философские понятия – понятия последовательности, временных, пространственных, причинно-следственных отношений»¹⁰. Актуализируясь в тексте и принимая ту или иную текстовую функцию, единица языка сохраняет свои системные свойства. Поэтому в логических средствах связи (как, впрочем, и в любых других) наблюдается одновременная реализация языковой и речевой функций. И.Р. Гальперин именовал данные функции *«грамматической и текстообразующей»*¹¹.

1.2. Межпонятийные связи

Межпонятийные связи не локализованы и, по утверждению К. Кожевниковой, которая для их обозначения использует термин *смысловое перекрытие*, проявляются в полной или частичной идентичности каких-либо семантических компонентов.

Смысловое зацепление и смысловое перекрытие являются однако языковой манифестацией внутренней спаянности выражаемой мысли, которая в свою очередь отражает возможные связи явлений действительности. Можно сказать, что ни синтаксико-лексические скрепы, ни различные способы выражения полной или частичной идентичности семантического компонента содержания предыдущего текста (повторы, синонимы, паронимы, разные модификации, члены одного семантического поля, дейктические указатели и т.д.) не создают связности сами по себе, а только являются наиболее четко выделяемыми ее сигналами в плане выражения. К. Кожевникова показывает, что чем теснее содержание сообщения связано с фактами реальной жизни (или воображаемой как реальной), тем меньше оно нуждается в специальном подчеркивании или даже просто выражении их взаимосвязи. Отсюда вытекает принципиальная возможность базировать понятие связности текста на связях, заложенных в самих передаваемых яв-

лениях и фактах, т.е. на уровне референта речи¹². В этом смысле межпонятийные связи смыкаются с понятийно-смысловой *импликацией*¹³.

Внутри межпонятийного типа связи можно выделить **лексико-семантические** и **дейктические** связи, которые находятся на стыке с логическими.

1.2.1. Лексико-семантические связи

Важность **лексико-семантического** типа связи подчеркивает подавляющее большинство ученых, хотя отдельные исследователи¹⁴ не склонны рассматривать лексический тип связи, поскольку считают, что функция связывания для данного типа языковых средств является вторичной после функции выражения тематического содержания.

Другие исследователи, напротив, рассматривают слово в ряду наиважнейших текстовых единиц. В.А. Лукин, например, отмечает, что слово в тексте занимает такое же место, как и в языке – является его основной единицей¹⁴, а Ю.М. Лотман обращает внимание на одну важную особенность, состоящую в том, что установление всеобщих соотношений слов в тексте лишает их самостоятельности¹⁵.

Таким образом, **все произведение становится знаком единого содержания**. Это пронизательно почувствовал А.А. Потебня, высказавший в свое время показавшееся парадоксальным, но на самом деле чрезвычайно глубокое мнение о том, что **весь текст художественного произведения является, по существу, одним словом**¹⁶. А.Ф. Лосев по этому поводу писал: «Слово, если, конечно, оно взято не в словаре, а в живом языке, всегда связано с другими словами и несет на себе смысловую энергию того целого, куда это слово входит вместе с прочими...»¹⁷. Иными словами, **в целостной структуре текста именно уровень лексики является тем основным горизонтом, на котором строится все здание его семантики**.

Разработка этой темы современными исследователями сопровождается введением специальной и довольно разветвленной терминологии для описания системы и обозначения способов лексико-семантической связности. Так, например, Т.В. Милевская поясняет, что «каждый текст на уровне глобальной связности предстает как совокупность номинативных цепей (взаимосвязанных лексем) – своеобразная понятийная сеть, где существуют отношения различного порядка между элементами семантической структуры»¹⁸. При этом номинативная цепь определяется автором как особая текстовая скрепа – коннекторный ряд повторяющихся элементов¹⁹.

В системе лексической связности выделяют определенные **отношения**, хорошо описанные в работе Т.В. Милевской. Это:

- *отношения тождества/идентичности (полный повтор)*;

- *отношения включения (инклюзивности)*, которые по утверждению В.Г. Гака «обнаруживаются весьма часто и возможно, что в смысловой организации текста они играют еще более значительную роль, чем отношения тождества»²⁰; Т.В. Милевская к отношениям включения причисляет и *синонимию*;

- *гиперо-гипонимические отношения* – частный случай реализации отношений включения;

- *отношения эксклюзивности*, устанавливающиеся между взаимоисключающими сторонами тождественной самой себе сущности. В языковой системе это находит выражение в явлении *антонимии*, в первую очередь, лексической, которая, по определению Т.В. Милевской, является наиболее характерным выражением системной организации языка по принципу оппозиции²¹;

И.К. Кардович продолжает этот ряд отношениями:

- *смежности/сопринадлежности множеству*, когда несколько однородных элементов сообщения являются сочленами некоторого класса предметов;

- *обобщением* под которым понимается связь между предыдущим развернутым обозначением предмета сообщения, складывающимся из нескольких номинаций, и его свернутым завершающим обозначением²².

1.2.2. Дейктические связи

Дейктические связи создаются за счет использования языковых выражений, которые могут быть проинтерпретированы лишь при помощи обращения к координатам коммуникативного акта – его участникам, месту и времени. Соответствующие языковые средства именуются *дейктическими* выражениями или элементами. Обычно различается три основных вида дейксиса – персональный (личный), пространственный и временной. Центральные языковые единицы, соответствующие этим трем типам, – это, соответственно, местоимения 1, 2 и 3 лица, локативные и временные выражения²³.

Как известно, особенность дейктических знаков (иначе – индексальных) состоит в том, что они, указывая на референт, не характеризуют его, в силу чего их референтами могут быть различные объекты. В тексте индексальные знаки отсылают получателя к словам, предложениям и частям текста, превышающим предложение, но могут указывать и на внетекстовую действительность. Метатекстовая роль таких знаков состоит в том, чтобы помогать читателю ориентироваться в тексте посредством явного указания на связанные между собой его фрагменты. Однако неспособность дейктических знаков к характеристике собственных референтов обуславливает тот факт, что они не столько реализуют повтор содержания (изотопию), сколько помогают его выявлению. Последнее особенно актуально, когда возникают ситуации неопределенности, неясности семантического повтора²⁴.

Дейктические средства связности называют также *субститутами*, или «референционными средствами» (термин Н.В. Муравьевой), поскольку в их понятийном содержании восстанавливается понятийное содержание предшествующего элемента текста. К разряду субститутов (заместителей имен, в тексте – [имен-]антецедентов) относятся личные местоимения 3-го лица, местоименные наречия, прономинализованные прилагательные и причастия. Они обеспечивают связность текста совокупностью определенных семантических условий, при которых местоимение и его антецедент участвуют в синтаксическом согласовании последовательности предложений. Одним из таких условий является «семантическое отношение тождества между антецедентом и прономинализирующей группой, или референтом, в силу которого антецедент и референт должны иметь одно и то же денотативное содержание, следовательно, они должны быть кореферентны»²⁵.

2. Структурно-грамматические связи

Функция связей *структурного* типа обеспечивается, главным образом, особенностями *синтаксической формы* текстовых единиц и *грамматическими повторами*²⁶. Следует отметить, что в силу того, что структурно-грамматические связи выявляются в плане выражения, их описание состоит, главным образом, в классификации грамматико-синтаксических *способов* текстовой связности.

2.1. Синтактико-грамматическая связность

2.1.1. Грамматические повторы

Синтактико-грамматическая связность, рассматриваемая в разном объеме, включает у одних исследователей только *повторы определенных грамматических форм*²⁷, у других она также включает логические отношения между элементами текста, выражаемые союзами²⁸, местоимениями²⁹, которые считаются универсальным логическим средством выражения связности в тексте, и др.

Б.А. Маслов высказывает предположение, что предложения в тексте не просто пространственно соположены, то есть связаны друг с другом только по смыслу. Помимо этого, в тексте имеются формальные ограничения на сочетаемость предложений. При этом грамматическое оформление элементов структуры предложения детерминируется позицией данного предложения в структуре текста³⁰. Б.А. Маслов предлагает считать инструментом связи между предложениями в связном тексте взаимозависимую оформленность предложений по категориям наклонения, времени, вида, рода, лица, числа. В связном тексте, по его мнению, предложение не может реализовывать все свои парадигматические варианты, так как в связном тексте имеют место ограничения на сочетаемость. Определенная оформленность какого-либо предложения по вышеназванным категориям предопределяет оформленность взаимодействующего с ним предложения по тем же са-

мым категориям. Там, где прекращаются такого рода ограничения, и проходит граница между СФЕ³¹.

Аналогичное объяснение грамматической связности дает А.И. Новиков. Он утверждает, что некоторые категории в предложениях могут варьироваться, т.е. одна и та же ядерная структура предложения позволяет использовать разные формы наклонения, времени, вида и т.д. В этом случае данные категории называются свободными. Но могут существовать ограничения в выборе той или иной формы в данном предложении, т.е. ядерная структура предложения допускает только одну форму или наклонения, или времени и т.д. В таком случае данные категории считаются связанными.

В результате каждое предложение имеет совокупность свободных и связанных категорий, которые легко определяются в изолированном предложении. Но для предложения, находящегося в составе текста, характер свободных и связанных категорий зависит не только от ядерной структуры предложения, но и от окружающих предложений. Оказывается, что предложения связаны между собой в зависимости от оформленности их элементов по какой-либо категории или даже по нескольким категориям таким образом, что все связанные между собой предложения образуют единство, традиционно именуемое сверхфразовым. Граница сверхфразового единства проходит там, где кончается связь между грамматическими категориями отдельных предложений³².

Иными совами, в оформлении структуры предложения в тексте участвуют внутренние и внешние связи. Первые отвечают за организацию самого предложения как самостоятельной грамматической единицы, вторые – за органичное вложение данной единицы в структуру текста, причем из общего потенциала внутренних грамматических связей предложения при его актуализации в тексте реализуются те, которые функционально релевантны для структурной организации текста либо те, которые ей не препятствуют. Функционально релевантные для структурной организации текста связи и составляют основной корпус структурных текстовых связей.

2.1.2. Неполнота синтаксических конструкций

Еще один вид синтаксической связи, который выделяют ученые³³, это – *неполнота синтаксических конструкций*.

Неполные синтаксические конструкции (эллипсис, парцелляция, усечение, сегментация) осуществляют в тексте связующую функцию в силу того, что их «пустые» позиции актуализируются в соседствующих текстовых единицах (единствах), сплетая, таким образом, структуру текста в единое целое.

В частности, *эллипсис* понимается нами как разновидность грамматической имплицитности,

особенность которой состоит в том, что эллиптированный (опущенный) элемент либо актуализирован в предшествующем фрагменте текста, либо легко восстановим по контексту³⁴. Его импликация становится, таким образом, способом связи предложения, содержащего эллипсис, с окружающими его предложениями и включения данной конструкции в контекст. Иными словами, структура конструкции с эллипсисом, как, впрочем, и структура любого неполного предложения в тексте, обусловлена структурным контекстом. Особенно эксплицитно это проявляется в *диалогическом комплексе* или, в терминологии И.Р. Гальперина – *вопросно-ответном* построении.

2.2. Семантико-синтаксическая связность

Следует отметить, что все виды синтаксических связей, как верно подметил Вольфганг Дресслер, как правило, обусловлены семантикой текста, и надлежащим образом могут быть описаны только при ее учете. «В этом свете, – пишет он – получает подтверждение парадоксально сформулированное определение синтаксиса как "специальной формы семантики текста", данное Г. Вайнрихом...»³⁵. Поэтому большинством исследователей выделяется *семантико-синтаксический тип связи*, выявляющийся на стыке смыслового и структурного типов. В первую очередь, он реализуется посредством так называемых *пресуппозиций* и *импликаций*, которые служат для передачи неявно выраженных знаний³⁶, а также коммуникативными свойствами текстовой фразы – *актуальным членением предложения*.

2.2.1. Импликация

Следует обратить внимание на то, что при рассмотрении импликации исследователи не всегда соотносят с этим понятием эллипсис и ряд других неполных конструкций³⁷, которые, по нашему мнению, являют собой разновидности синтаксической импликации.

Дело в том, что вопрос изучения *лингвистической имплицитности* в настоящее время остается открытым и является одним из самых дискутируемых. В широком смысле импликации трактуются как выводы, которые делаются по большей части на основании внетекстовых и внеязыковых знаний. При этом указывается, что импликация, в отличие от пресуппозиции, в гораздо меньшей степени «лингвистична» и в большей мере основана на энциклопедических сведениях³⁸. Такой подход довольно часто используется исследователями. Он существенно раздвигает представление о границах имеющейся в тексте имплицитной информации, фактически ничем ее не ограничивая, и текстовая имплицитность, в таком понимании, охватывает все фоновые знания участников речевой ситуации.

Оставаясь в рамках лингвистической науки, приходится признать, что даже понимаемая в широком смысле, *импликация* – это *способ* представления информации, заключающийся в опосре-

дованном (непрямом) выражении фоновых смыслов и требующий активации как вербальных, так и невербальных каналов обработки данной информации. При этом не следует забывать, во-первых, что фоновые смыслы выявляются на всех уровнях, начиная от грамматики и заканчивая метатекстовой семантикой. Во-вторых, для верного понимания имплицитности как *лингвистической категории* важно учитывать то, что при имплицитном представлении информации невербальное восприятие опирается на вербальное, и что именно конкретные единицы текста (слова, синтаксические конструкции и их композиции) служат опорой при декодировании имплицитных смыслов, поскольку они их и кодируют, хотя основная (первичная) функция данных единиц может быть иной. Следовательно, *функция носителей (маркеров) имплицитной информации* – это, как правило, *вторичная, маргинальная функция текстовых единиц*. Импликация, как разновидность текстовой связи, по своей связующей функции может быть отнесена и к семантико-понятийному, и к структурно-грамматическому типу в зависимости от того, на каком уровне она рассматривается, и в силу того, что языковые носители (маркеры) имплицитной информации также выявляются в текстообразующих единицах разных уровней.

2.2.2. Пресуппозиция

Пресуппозицией, или презумпцией называются «такие компоненты высказываний, которые, судя по их оформлению, отправитель текста считает истинными и уже известными адресату»³⁹. Иными словами, это та часть высказывания, которая в содержательном отношении характеризуется самоочевидностью и тривиальной истинностью. Особенностью пресуппозиций и свидетельством их наличия в предложении является то, что они не попадают под отрицание: при отрицании высказывания его пресуппозитивная часть сохраняется неизменной⁴⁰. Носителем пресуппозитивной семантики может быть какая-либо часть предложения, в том числе и входящее в его состав придаточное предложение⁴¹.

По признаку неэксплицитного представления смыслов пресуппозиция обнаруживает сходство с импликацией, и по сути является разновидностью семантико-синтаксической имплицитности. Однако некоторые исследователи данные разновидности текстовой связности все-таки различают, особенно если понятие импликации ограничивают только текстовой семантикой. Например, Лукин в качестве релевантного признака импликации называет то, что она, в отличие от пресуппозиции, не сохраняется при трансформации высказывания из положительного в отрицательное, а также то, что импликация, по его мнению, «в гораздо меньшей степени «лингвистична» и в большей мере основана на энциклопедических сведениях»⁴². Последнее утверждение мы не разделяем, ибо, как

уже было отмечено выше, имплицитность, как явление лингвистическое, основана на употреблении в тексте определенных языковых единиц (слов, словоформ, словосочетаний, синтаксических конструкций и организованных ими композиций). В этом смысле синтаксическая имплицитность, выявляющаяся, например, в конструкциях с незаполненными синтаксическими позициями, не менее, а более «лингвистична», чем пресуппозиция.

2.2.3. Актуальное членение предложения

Семантико-синтаксическим средством обеспечения связности текста многие авторы считают также *актуальное членение предложения*⁴³. Актуальное членение представляет собой с этой точки зрения формальный способ включения в контекст, при котором содержание из темы или ремы предшествующего предложения переходит в тему или рему последующего (последующих), образуя, таким образом, структурно целостный коммуникативно-смысловой комплекс.

В заключение отметим, что текстовые связи понятийно-смыслового уровня, связующие функции которых подчинены формированию смыслового текстового пространства, в целом универсальны и выявляются в текстах, составленных на любом языке, достигшем стадии литературного нормирования. Их актуализация в значительной степени основывается на отношениях с внеязыковой действительностью.

Структурно-грамматические текстовые связи, напротив, предопределены типологией языка. Поэтому приведенная в данной статье классификация структурных связей относительна и применима в основном к языкам с номинативным строем предложения. Однако в пределах данной языковой типологии, перечисленные структурные связи, очевидно, являются универсальными и выявляются в текстах любого характера (художественных, публицистических, научных и т.д.).

Подчеркнем также, что четкую границу между понятийно-смысловыми и структурно-грамматическими текстовыми связями провести невозможно, поскольку, во-первых, в образуемой ими системе отношений оба плана функционально пересекаются, образуя корпус текстовых связей пограничного характера, а во-вторых, каждый из типов связи, независимо от уровня, к которому он принадлежит, имеет как план содержания, так и план выражения. Первый относит текстовую связь к смысловому, второй – к структурному уровню.

¹ См.: М.А. К. Halliday, R. Hasan. *Cohesion in English*. London, 1976.

² См., например: Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970; Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. М., 1999.

³ См.: Милевская Т.В. Связность как категория

дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты). Ростов-на-Дону, 2003; Н.М. Муравьева. Лингвистические выражение связности газетной речи: автореф. дисс. к. филол. н. Москва, 1980.

⁴ Например, в работах Бабенко Л.Г. и соавторов, Гальперина И.Р., Каменской О.Л.: Бабенко Л.Г., Васильев И.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, 2000; Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981; Каменская О.М. Текст и коммуникация. М., 1990.

⁵ См., например, вышеупомянутые работы Гальперина И.Р., Милевской Т.В.

⁶ Муравьева Н.М. Цит. тр., С. 7.

⁷ См. далее в тексте статьи.

⁸ Каменская О.Л. Цит. тр., С. 67.

⁹ Кожевникова К. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. М., 1979, С. 58.

¹⁰ Гальперин И.Р. Цит. тр., С. 78.

¹¹ Там же.

¹² Кожевникова К. Цит. тр., С. 59.

¹³ См. ниже. О лингвистической имплицитности см. также: О.А. Турбина. Принципы изучения лингвистической имплицитности // Вопросы лингвистики и методики преподавания языков в вузе. Челябинск, 2002.

¹⁴ См., например: Филимонов О.И. Скреп-фраза как средство выражения синтаксических связей между предикативными единицами в тексте. Дис. ... к. филол. н. Ставрополь, С. 31.

¹⁵ Лотман Ю.М. Структура художественного текста. 2000, С. 168.

¹⁶ Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.

¹⁷ Лосев А.Ф. Философия имени. Москва: Изд-во Моск. Университета, 1990. С. 32.

¹⁸ Милевская Т.В. Цит. тр., С. 118.

¹⁹ Там же, С. 173.

²⁰ Гак В.Г. Повторная номинация на уровне предложения // Синтаксис текста. М., Наука, 1979. С. 96.

²¹ Милевская Т.В. Цит. тр., С. 122–124.

²² Кардович И.К. Связность в научно-техническом тексте. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990, С. 6.

²³ См., например: «КРУГОСВЕТ». Энциклопедия, 2001. Copyright © 2000, 2001 Central European University Regents, www.krugosvet.ru. 14.03.2003, 3:00.

²⁴ Лукин В.А. Цит. тр., С. 28.

²⁵ Леванова А.К. Семантико-синтаксические основы прономинализации в тексте // Семантико-синтаксические связи в языках разных систем. Кемерово, 1983, С. 81–88.

²⁶ Муравьева Н.М. Цит. тр., С. 8.

²⁷ См., например, цитированную выше работу Лукина В.А.

²⁸ В терминологии Каменской О.М., Коровкина М.М. – *юнктивами*; см. цитированне выше работы этих авторов.

²⁹ В терминологии тех же исследователей – *проформами*: см. там же.

³⁰ Маслов Б.А. Проблемы лингвистического анализа связного текста. Таллин, 1975, С. 54.

³¹ Маслов Б.А. Проблема связи между предложениями в связном тексте // Лингвистика текста. – М., 1974, С. 188.

³² Новиков А.И. Семантика текста и её формализация. М., 1983. С. 10–11.

³³ Например, Лукин В.А.; см. цитированную выше работу.

³⁴ О грамматической имплицитности см.: О.А. Турбина. Цит. тр.

³⁵ Дресслер В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. III. М., 1978, С. 136.

³⁶ См., например: Лукин В.А. Цит.тр., С. 34.

³⁷ К их числу относится, например, В.А. Лукин: Цит. тр., С. 34.

³⁸ См. там же.

³⁹ Федосюк М.Ю. Неявные способы передачи информации в тексте. М., 1988, С. 19.

⁴⁰ «Например, из предложения *Вахтер отпер дверь и вышел к арестантам* следует, что речь идет о тюрьме; из предложения *Первый год семейной жизни был трудный год для Евгения* (Л.Н. Толстой «Дьявол»), – что Евгений достаточно взрослый человек и у него есть жена, с которой они поженились год тому назад. ... Ср.: *Первый год семейной жизни не был трудный год для Евгения* – как видим, то, что Евгений взрослый человек и что он женат, остается верным и для предложения с отрицанием». – Лукин В.А. Цит.тр., С. 34.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ В числе таких исследователей Лукин В.А., Солганик Г.Я., Бабенко Л.Г. и др.

ТИПОЛОГИЯ ЖАНРА: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Т.Н. Хомутова

В статье освещаются вопросы современной теории жанра: анализируются различные подходы к определению понятия «жанр», рассматривается соотношение понятий «жанр» – «текст» – «дискурс», предлагается многомерная классификация жанров, намечаются пути прикладного использования теории жанра.

В современной лингвистике не существует единства взглядов на природу и характер понятия «жанр». Одной из основных причин таких разногласий является разный подход исследователей к вопросу о том, как соотносятся лингвистические и экстралингвистические факторы в структуре жанра, как преломляются экстралингвистические факторы в языке, каков характер этого процесса.

В различных точках зрения на жанр можно условно выделить два общих подхода: классический (традиционный, филологический) и современный (нетрадиционный, социолингвистический)¹. Каждый из этих подходов предлагает свою модель жанра, в рамках которой наблюдается определенная вариативность.

В классическом понимании жанр рассматривается как тип художественного текста, определяемый по регулярно повторяющимся формальным и семантическим характеристикам, имеющих жесткую, неизменяемую структуру, классифицируемый в четких, взаимоисключающих категориях².

В отличие от классического подхода современный подход к анализу жанра не ограничивается художественными текстами и распространяет это понятие на нехудожественные (научные, учебные, повседневные и т.д.) произведения. Более того, признавая важность изучения регулярно повторяющихся сходных формальных и семантических характеристик текстов, принадлежащих к одному жанру, представители современного социолингвистического подхода рассматривают эти характеристики как поверхностную структуру, как средства выражения другого, глубинного сходства, сходства в предпринимаемых социальных действиях³. Жанры трактуются не просто как типы текстов, а как типичные риторические способы выражения повторяющихся социальных ситуаций.

Среди последователей социолингвистического подхода наблюдается определенная вариативность точек зрения на соотношение лингвистических и экстралингвистических факторов в формировании категории жанра.

Анализ различных трактовок жанра в рамках указанного подхода позволил выделить как минимум три направления исследований, представленные рядом лингвистических традиций: функцио-

нальное (стилистическое), социокогнитивное (риторическое), и лингводидактическое (ESP, австралийская системно-функциональная лингвистика).

Функциональное направление представлено в работах отечественных лингвистов, занимающихся исследованием жанров функционального стиля научной прозы. В трактовке представителей данного направления жанр – это разновидность функционального стиля определяется тремя факторами: 1) композиционной структурой; 2) характером содержащейся в нем информации; 3) эмоциональной окраской этой информации⁴.

Каждый жанр функционального стиля научной прозы имеет свою модель построения, или композиционную структуру как совокупность способов организации научной информации, обусловленную спецификой назначения различных жанров в процессе коммуникации.

Функциональная трактовка жанра, хотя и отнесена нами к современному (социолингвистическому) подходу, скорее занимает промежуточное положение между классической (филологической) и современной (социолингвистической) трактовками. От первой она отличается тем, что исследует нехудожественные тексты, а от второй – тем, что только постулирует специфику назначения различных жанров в процессе коммуникации, но не исследует ее характер.

В работах представителей социокогнитивного направления основное внимание сосредоточено на ситуативном контексте, в котором существуют жанры, а не на их форме и содержании. Особое значение придается социальным целям или действиям, которые выполняют жанры в данных ситуациях.

Некоторые авторы данного направления полностью отказывают жанру в лингвистических характеристиках, проводя строгое деление между жанром и типом текста. Жанр, по их мнению, характеризует текст только на основе внешних критериев, а именно цели коммуникации, в то время как тип текста объединяет тексты схожие по лингвистической форме независимо от цели коммуникации, то есть жанра⁵.

Таким образом, сторонники социокогнитивного направления отдают приоритет исследованию

экстралингвистических, экстратекстуальных факторов в структуре жанра, того социального ситуативного контекста, в котором существуют жанры, при этом лингвистические факторы, как правило, остаются в стороне от проводимого анализа.

В работах исследователей третьего, лингводидактического, направления представлен иной подход к пониманию жанра и его изучению. Жанр рассматривается как инструмент анализа и обучения устной и письменной разновидностям языка для учебных и профессиональных целей.

Исследования в данном направлении представлены двумя научными традициями: школой *ESP (English for Specific Purposes)* и австралийской системно-функциональной лингвистикой, которые несмотря на общность оснований имеют определенные отличия. Прежде всего, это то, что исследователями *ESP* жанр, как правило, используется в обучении иностранцев английскому языку для специальных целей, в то время как в австралийской традиции – для обучения носителей языка в школе на текстах непрофессиональной направленности.

По мнению ученых *ESP* жанр – это устный или письменный тип текста, определяемый по его формальным свойствам, а также коммуникативным целям в социальном контексте⁶.

Жанры определяются как классы коммуникативных событий, участники которых имеют общий набор коммуникативных целей, при этом указанные классы коммуникативных событий характеризуются общностью структуры, стиля, содержания и предполагаемой аудитории⁷.

Как следует из приведенных определений, сторонники лингводидактического подхода пытаются объединить в понятие «жанр» социокультурные, лингвистические и когнитивные аспекты.

Тем не менее, в своих исследованиях ученые данной традиции уделяют основное внимание формальным характеристикам жанра в ущерб специальным функциям текстов и социальному контексту. В данном случае можно говорить об определенном сходстве исследований *ESP* и функционального направления.

Австралийская трактовка жанра была разработана в рамках фундаментальной теории языка, известной как системно-функциональная лингвистика.

Системно-функциональная лингвистика занимается изучением взаимосвязи между языком и его функциями в социальном контексте. Жанр в системно-функциональной лингвистике определяется как целенаправленный социальный процесс, структурная форма, используемая данной культурой в определенных контекстах для достижения различных целей⁸.

Как указывалось выше, в отличие от исследований в области *ESP* работы австралийских ученых посвящены, главным образом, жанрам на-

чальной и средней школы, то есть непрофессиональным текстам. Вместе с тем, австралийские исследователи, как и исследователи жанра в *ESP*, уделяют большое внимание лингвистическим характеристикам жанров.

Проведенный анализ различных научных традиций, направлений и подходов к исследованию жанра позволяет сделать вывод о том, что жанр является *интердисциплинарной категорией, изучаемой филологией, социологией, когнитологией, психологией, лингвистикой и другими науками.*

Современное лингвистическое понимание жанра связано с социолингвистическими исследованиями, поэтому жанр рассматривается нами в качестве объекта социолингвистического анализа. Жанр представляет собой самостоятельный уровень анализа, не данный нам в непосредственном наблюдении, но проявляющийся в типичных, регулярно повторяющихся свойствах текстов и социальных контекстов. Единицами такого уровня в нашем понимании являются совокупности текстов в социальных контекстах.

Жанр – это коннотативная семиотическая система, имеющая собственный план содержания и выражения. План содержания, или глубинная структура жанра, представлен экстралингвистическими факторами, такими как сходные социальные действия в регулярно повторяющихся социальных контекстах, включающих коммуникативные ситуации, участников и их роли, цели и виды деятельности, тематическое содержание. План выражения, или поверхностную структуру, составляют сходные лингвистические средства: тексты и составляющие их единицы, лексические, грамматические, стилистические, композиционные и т.д. При помощи лингвистических средств жанр структурирует социальные действия во времени и пространстве.

На уровне языковых средств жанр – это совокупность/тип текстов, имеющих сходные, регулярно повторяющиеся формальные и семантические характеристики. На уровне экстралингвистических факторов жанр – это совокупность/тип социальных действий в сходных, регулярно повторяющихся социальных контекстах.

В целом, жанр можно охарактеризовать как совокупность/тип текстов, имеющих сходные, регулярно повторяющиеся формальные и семантические характеристики и отражающих сходные социальные действия в регулярно повторяющихся социальных контекстах. Такое определение, на наш взгляд, в известной мере уравнивает лингвистические и экстралингвистические факторы в структуре жанра и позволяет исследовать поверхностную и глубинную структуру жанра в их неразрывной связи, объясняя одну через другую.

Понимание жанра как типа текстов в сходных социальных контекстах позволяет дать его определение через категорию дискурса.

Лингвистика текста и перевод

Как известно, в современной лингвистике существуют различные подходы к определению дискурса:

- дискурс и текст рассматриваются как *полные синонимы* и употребляются взаимозаменяемо⁹;
- дискурс и текст трактуются как *различные понятия*: текст – как абстрактная единица языка, дискурс – как реализация этой единицы в речи¹⁰;
- текст рассматривается как *аспект дискурса* (text and talk)¹¹;
- текст и дискурс представляют собой *различные аспекты одного и того же явления*, которое называют коммуникацией¹², дискурс-текстом¹³, совокупностью коммуникативных речевых актов¹⁴. Дискурс в такой трактовке – речевая деятельность, процесс; текст – продукт этой деятельности и средство коммуникации.

Не вдаваясь в полемику по указанному вопросу, мы будем придерживаться точки зрения, согласно которой *текст и дискурс являются различными аспектами коммуникации*, при этом дискурс мы понимаем как процесс и результат генерации текста в социальном контексте, а текст как продукт коммуникации в единстве его лингвистических свойств.

Под *типом текста* понимается *модель, образец, схема построения и восприятия аналогичных текстов*, понятие типа текста тождественно понятию инвариантной модели текста¹⁵.

Под *типом дискурса* мы понимаем *модель, образец, схему/тип текста в типичном социальном контексте*.

Исходя из такого понимания дискурса, мы можем уточнить определение жанра: *жанр – это совокупность/тип дискурсов (сходных текстов в сходных социальных контекстах), отражающих сходные социальные действия*. Жанр не является статической категорией, его следует рассматривать как *динамическую*, постоянно изменяющуюся совокупность текстовых и контекстных характеристик, которые образуют *континуум*.

Таким образом, *вопрос типологии жанра неразрывно связан с вопросами типологии дискурса, типологии социальных действий, типологии социальных контекстов и собственно типологии текстов*. Указанные вопросы находятся в начальной стадии разработки.

Построение единой непротиворечивой классификации жанра вряд ли возможно. Это обусловлено *сложным иерархическим характером исследуемого феномена*. Так, один и тот же текст может быть отнесен к нескольким классификациям, в зависимости от того, какие из его характеристик, семантических, структурных или функциональных, берутся за основу.

Современные жанроведы выделяют жанры *устные и письменные* (канал общения), *индивидуальные и коллективные* (субъект речи), *естественные и искусственные* (условия коммуникации), *моноадресные и полиадресные* (объект речи), ху-

дожественные и нехудожественные (стиль), *полные и неполные* (композиция), *первичные и вторичные* (первоисточник) и т.д.¹⁶. Жанры также классифицируются *по времени* (для немедленного чтения – печатного воспроизведения), *по композиционно-речевым формам* (описание, повествование, рассуждение), *по прагматической установке* (комплимент, беседа, дискуссия), *по сфере общения* (социально-политические, судебные, академические, религиозные и др.)¹⁷.

Понимая жанр как сложную *многомерную иерархическую систему*, базовой единицей которой является текст в социальном контексте, мы предлагаем следующую многомерную структурно-семантико-функциональную классификацию жанров по плану выражения, исходя из единства семантических, структурных и функциональных характеристик текста как единицы жанра.

Так, *семантическая/содержательная классификация жанров/текстов* может проводиться по *тематическому принципу* (тексты по медицине, металлургии, архитектуре, торговле, экономике, театру и т.д.) и по *когнитивным моделям*, которые лежат в основе вербализации знания (сюда мы включаем *макроструктуру текста*¹⁸: модели Problem-Solution, Matching, Preview-Detail, Question-Answer, Goal-Achievement и т.д., а также *композиционно речевые формы*: описание, сообщение, рассуждение¹⁹; эпистемическая ситуация²⁰; нарратив – ненарратив).

Структурная классификация жанров/текстов может быть основана на их *суперструктуре*²¹, или композиционной структуре текстов: введение, основная часть, заключение, в различных вариантах. Так, для монографии типична развернутая структура: титульный лист, предисловие, оглавление, основной текст с разбивкой на главы, разделы и подразделы, заключение, библиографический список, предметный указатель. Для научной статьи характерна своя структура: заголовок, аннотация, введение, основная часть, заключение, ссылки на литературу и т.д.

Функциональная классификация жанров/текстов может основываться на *коммуникативной и прагматической функциях* текста.

Коммуникативная функция характеризует информативность текста для реципиента с точки зрения *новизны*. Тексты могут подразделяться на тематические (известная информация), темарематические (известная+новая информация) и рематические (новая информация). Так, художественные тексты, в большинстве своем, несут рематический характер; научные – темарематический, но могут быть и рематическими (аннотация); учебные – темарематические, но могут быть и тематическими и т.д.

Прагматическая функция жанра/текста характеризует последний с точки зрения теории речевых актов, то есть коммуникативной интенции (локуция-иллокуция-перлокуция), согласно кото-

рой тексты подразделяются на декларативные/нарративные, репрезентативные, информативные (художественная, учебная, научная литература и т.д.), апеллятивные/волюнтаривные (инструкции, приказы, реклама), оценочные/реактивные (рецензии, отзывы, заключения, справки экспертов и т.д.)²².

Естественно, что динамический характер жанра вызывает к жизни и динамические, смешанные жанры с преобладанием той или иной характеристики (интернет-коммуникация: чаты, эльки – смешение устных и письменных, индивидуальных и коллективных и др. типов текста).

В условиях вступления России в общеевропейское научное и образовательное пространство владение коммуникативными жанрами является неотъемлемой частью профессиональной коммуникативной компетенции. Знание жанра дает возможность индивиду не только понимать конкретный текст с наименьшими затратами, но и продуцировать новое знание в соответствии с общепринятыми канонами.

Таким образом, на первый план должно выйти лингводидактическое направление в исследовании жанра.

К сожалению, обучение жанрам в российской образовательной традиции и, в частности, при обучении ESP, находится в зачаточном состоянии. Неудивительно, что многие выпускники технических вузов, аспиранты, преподаватели и научные работники часто испытывают затруднения при написании не только статей, но и обычных резюме, аннотаций, заявок на грант и т.д. Это мешает профессиональной мобильности, привлекательности и конкурентоспособности наших образовательных программ и научных разработок.

С целью ликвидировать такой пробел и обеспечить аспирантов, преподавателей и научных работников знанием профессионально необходимых жанров, в ЮУрГУ была разработана программа лингвистической поддержки научных и образовательных проектов «Лингва».

Глобальная цель программы: интеграция ЮУрГУ в общеевропейское научно-исследовательское и образовательное пространство на основе принципов Болонской декларации.

Частные цели:

1. Повышение привлекательности и конкурентоспособности образовательных программ ЮУрГУ для иностранных партнеров, аспирантов и магистрантов на основе активизации международных связей и введения подготовки на английском языке по ряду востребованных направлений.

2. Повышение мобильности профессорско-преподавательского состава, аспирантов и молодых ученых, в том числе в форме зарубежных стажировок и командировок, участия в международных конференциях с докладами и экспонатами, написания тезисов докладов, научных статей, рефератов и аннотаций на английском языке в зару-

бежные издания, участия в конкурсах стипендий и грантов.

Сверхзадачи программы:

1. Обеспечение лингвистической поддержки программ подготовки аспирантов и магистрантов на английском языке по ряду востребованных направлений силами профессорско-преподавательского состава выпускающих кафедр ЮУрГУ.

2. Обеспечение лингвистической поддержки научных исследований профессорско-преподавательского состава, аспирантов и молодых ученых на основе развития их профессиональной коммуникативной компетенции на английском языке в чтении, письме, говорении и аудировании на уровне, соответствующем уровням B2-C1 европейского языкового портфеля²³.

3. Осуществление лингвистической поддержки международных связей руководства ЮУрГУ.

Для решения поставленных задач была разработана следующая модель обучения: 1 этап – достижение уровня самостоятельного владения английским языком (B1-B2 общеевропейских коммуникативных компетенций), 2 этап – продуктивная модель обучения ESP и EAP (целенаправленное обучение востребованным ненарративным, научным и академическим жанрам – написание статей, аннотаций, докладов, лекций и их презентация).

С целью выявить востребованность жанров было проведено анкетирование, которое показало, что наиболее востребованными среди участников программы «Лингва» являются следующие научные и академические жанры: научная статья, монография, лекция, реферат, диссертация, заявка на грант, учебник, аннотация, рецензия, реклама.

В настоящее время параллельно с обучением (1 этап) ведется подготовка учебных пособий и методических рекомендаций для второго этапа.

Мы считаем такую модель повышения качества профессиональной коммуникативной компетенции в рамках образовательной и научной деятельности весьма перспективной и надеемся, что она внесет определенный вклад в повышение качества образования и интеграцию России в международное научное и образовательное пространство.

¹ Хомутова Т.Н. Жанр как объект лингвистического исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». Вып. 1. № 7 (36). Челябинск, 2004. С. 26–29.

² Freedman A. and Medway P. (Eds.). Learning and teaching genre. Boynton / Cook Publishers, Inc., 1994.

³ Miller C.R. Rhetorical community: The cultural basis of genre // Genre and the new rhetoric (ed. by Freedman A. and Medway P.). – London: Taylor and Francis, 1994. P. 67–78.

⁴ Разинкина Н.М. Развитие языка английской научной литературы. М., 1978.

⁵ Biber D. Variation across speech and writing. Cambridge University Press, 1988. P. 68.

- ⁶ Hyon S. Genre in three traditions: Implications for ESL. // TESOL Quarterly, Vol. 30, #4, winter 1996. P. 693–722.
- ⁷ Swales J.M. Genre Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- ⁸ Martin J.R. Factual writing: Exploring and challenging social reality. Oxford: Oxford University Press, 1989.
- ⁹ Каменская О.Л. Текст и коммуникация. М., 1990. Левцкий Ю.А. Грамматика современного английского языка. Пермь, 1997.
- ¹⁰ Sinclair J.McH., Coulthard M. Towards an Analysis of Discourse: The English Used by Teachers and Pupils. London, 1975.
- ¹¹ Tannen D. (ed.) Analyzing Discourse: Text and Talk. Washington, 1982. Богданов В.В. Текст и текстовое сообщение. СПб., 1993. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003.
- ¹² Georgakopoulou A., Goutsos D. Discourse Analysis: An Introduction. – Edinburgh, 2004.
- ¹³ Гордеева О.Н. Членение текста: структурно-статический и динамический подходы // Диалектика текста: в 2 т. Т. 1 / О.Н. Гордеева, О.В. Емельянова, Е.С. Петрова и др.; Под ред. проф. А.И. Варшавской. СПб, 1999. С.1–40.
- ¹⁴ Милевская Т. Дискурс и текст: проблема дефиниции. <http://teneta.rinet.ru/rus/me/milevskat-discourseandtextdfn.htm>, 2002.
- ¹⁵ Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста. СПб., 2004.
- ¹⁶ Богин Г.И. Речевой жанр как средство индивидуализации // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 12–22.
- ¹⁷ Ладыженская Т.А. (ред.) Детская (школьная) риторика. М., 1993 – 1999.
- ¹⁸ Grimes J. The Thread of Discourse. – The Hague: Mouton, 1975. Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация: Сборник работ. М., 1989. Schiffrin D. Approaches to discourse. Oxford, UK and Cambridge, USA: Blackwell, 1994. Georgakopoulou A., Goutsos D. Discourse Analysis: An Introduction. Edinburgh, 2004.
- ¹⁹ Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- ²⁰ Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. Красноярск, 1988. Баженова Е.А. Эпистемическая ситуация: развитие понятия // Стереотипность и творчество в тексте: Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 2000. С. 154–179.
- ²¹ Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация: Сборник работ. М., 1989.
- ²² Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста. СПб., 2004.
- ²³ Общеευропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка. Европейский год языков 2001. Департамент современных языков, Страсбург. Cambridge University Press, Московский государственный лингвистический университет, 2003.

К ВОПРОСУ О КОМПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ РУКОВОДСТВ ПО ЭКСПЛУАТАЦИИ К БЫТОВЫМ ПРИБОРАМ

В.Б. Шеметов, Е.В. Шапкина

В данной статье освещаются вопросы, связанные с выявлением особенностей структурной организации руководств по эксплуатации к бытовым приборам в русскоязычной и англоязычной культуре, а также рассматриваются наиболее типичные композиционные модели текстов данного жанра. Для наглядного представления статистических данных используется таблица, схемы, диаграммы. Статья адресована специалистам в области стилистики, лингвистики текста, теории перевода.

Текст любого жанра можно охарактеризовать с точки зрения его композиционной структуры, которая соотносится с такими фундаментальными свойствами текста как цельность и связанность, а также структурно отражает его тему.

Понятие «Композиционная структура» или «Композиция текста» обычно заключается в делении текста на части, которое достигается внутренними (лексическими, грамматическими, контекстными), а также внешними способами (деление на главы, параграфы, абзацы, использование нумерации, пробелов и т.д.). Членение текста имеет прагматическую основу, т.к. связывается, прежде всего, со стремлением автора облегчить декодирование сообщения читателем. Общие принципы такого членения обусловлены функциональной направленностью произведения, т.к. подчинены его общей тематике и целеустановке автора. Так, в художественных произведениях членение на части завершено произведением продиктовано стремлением автора перейти от одного эпизода к другому, от одной сюжетной линии к другой. В научных, деловых и публицистических текстах основным принципом членения является логическая организация произведения, что проявляется, например, в нумерации частей¹.

Предметом нашего изучения является сопоставительный анализ композиционной структуры текстов руководств по эксплуатации (далее РЭ) к бытовым приборам в русскоязычной и англоязычной культуре.

Как известно, жанр РЭ (или технической инструкции) является разновидностью текстов официально-делового стиля, выполняющих функцию сообщения и воздействия. Как упоминалось выше, принципы деления таких текстов связаны с общей логикой изложения, поэтому «членение текста, его рубрикация с использованием цифр и букв, шрифтовое выделение ключевых единиц текста – все это в сочетании с последовательностью фрагментов, определяемой движением от рода к виду, от более важного к менее важному, делают прозрач-

ной логическую схему текста. В результате весь он имеет дискретный, «рубленный» вид, но именно это входит в правила «функционально-стилевой «игры» данного стиля»². На основании этого можно сделать вывод, что в текстах официально-делового стиля преобладают внешние способы членения текстов, т.е. деление на части, пункты, подпункты и т.д.

Отличительной чертой композиции текстов данного стиля также является клишированность, которая проявляется в обязательном присутствии тех или иных частей текста (композиционных блоков) и определенном порядке их следования.

Материалом нашего анализа послужили руководства по эксплуатации к бытовым приборам российских и зарубежных производителей (Sony, Panasonic, Sumsung, Binaton, Philips, Bosch, Moulinex и т.д.), отобранных методом случайной выборки в объеме около 1100 страниц (160 текстов).

Анализ композиционных особенностей РЭ мы начали с изучения вопроса, связанного с отсутствием или присутствием различных композиционных блоков в англоязычных и русскоязычных РЭ. Для этого мы подсчитали частоту использования каждого композиционного блока в материале исследования и выразили его в процентном соотношении. В результате были получены следующие данные, которые для целей сравнения удобнее представить в виде таблицы.

Таблица

Наименование композиционного блока	Русскоязычные РЭ (%)	Англоязычные РЭ (%)
Обращение к покупателю	46	41
Общие указания	90	11
Технические данные	92	48
Комплектность	86	10
Требования безопасности	91	93
Устройство	77	58

Лингвистика текста и перевод

Окончание таблицы

Подготовка к работе	81	72
Порядок работы	92	93
Техническое обслуживание	81	68
Правила хранения	75	28
Неисправности и методы их устранения	60	41
Гарантийные обязательства	88	58
Гарантийный талон	58	57
Дополнительные блоки	56	46

Как видно из таблицы ни один блок не имеет стопроцентного использования, т.е. не присутствует абсолютно во всех РЭ как англоязычных, так и русскоязычных. Это может объясняться техническими особенностями электроприбора (сложность/простота в эксплуатации; опасность/неопасность для жизни и здоровья пользователя и т.д.), а также типичностью или не типичностью некоторых блоков для жанра РЭ в той или иной языковой культуре.

На основании данных, приведенных в таблице также можно сказать, что типичными для жанра РЭ (как для русскоязычной, так и для англоязычной культуры) являются: «Порядок работы», «Подготовка к работе», «Требования безопасности», «Обращение к покупателю», «Техническое обслуживание», «Неисправности и методы их устранения», «Гарантийные обязательства» и гарантийные талоны, дополнительные блоки. Остальные блоки являются типичными только для русскоязычных РЭ: «Общие указания», «Технические данные», «Комплектность», «Устройство». Эти блоки также можно считать специфическими для русской языковой культуры.

Присутствие или отсутствие некоторых композиционных блоков значительно влияет на модель построения РЭ: проведенный анализ показал, что как среди русскоязычных, так и среди англоязычных РЭ отсутствует единая модель построения. Порядок следования композиционных блоков может варьироваться. Это может объясняться отсутствием четких предписаний в государственных стандартах относительно модели построения РЭ, а в некоторых случаях и концепцией фирмы-производителя в отношении РЭ. Также очень часто обычный порядок следования композиционных блоков нарушается за счет присутствия дополнительных блоков, связанных с особенностями технического устройства и эксплуатации конкретной разновидности электроприборов (например, в РЭ для электросоковыжималки СВПП-201 присутствует такой композиционный блок как «Подготовка овощей и фруктов к переработке»).

Самой распространенной в русскоязычных РЭ (41% от общего количества, проанализированных руководств) является следующая композиционная модель:

Общие указания → Технические данные → Комплектность → Требования безопасности. → Устройство → Подготовка к работе → Порядок работы → Техническое обслуживание. → Правила хранения → Возможные неисправности методы их устранения → Свидетельство о приемке и продаже → Гарантийные обязательства → Гарантийный талон.

Среди англоязычных РЭ можно выделить две модели, причем первая распространена среди РЭ для электроприборов, произведенных европейскими фирмами-производителями, а вторая – азиатскими производителями (Sony, Panasonic, LG и т.д.):

Устройство → Требования безопасности → Порядок работы → Техническое обслуживание.

Вторая модель представлена двумя вариантами:

№1

Требования безопасности → Порядок работы → Возможные неисправности и методы их устранения → Технические данные.

№2

Требования безопасности → Устройство → Порядок работы → Возможные неисправности и методы их устранения → Технические данные.

Однако эти модели (европейскую и азиатскую) нельзя назвать основными, т.к их количество невелико. Так, первая модель представлена только в 6 (7%) РЭ, а вторая – только в 15 (18%).

Таким образом, во всех остальных проанализированных нами англоязычных инструкциях нет четко выраженной модели (даже внутри одной фирмы), можно говорить только лишь о примерном порядке следования композиционных блоков.

Чтобы выяснить примерное расположение композиционных блоков мы применили традиционный метод членения текстовой структуры на три части «Введение – Основная часть – Заключение».

К основной части мы сочли возможным отнести такой композиционный блок как «Порядок работы». Основанием для этого служит тот факт, что именно этот композиционный блок является самым частотным в РЭ и именно в этом блоке реализуется основное коммуникативное задание жанра, т.е. «сообщение и предписание действий»³. Так, в русскоязычных РЭ «Порядок работы» присутствует в 92 % исследованных нами текстов, и в англоязычных – в 93 %. Также этот блок, как правило, находится в средней части текста, т.е. обычно перед ним и после него помещается другая необходимая информация. Соответственно те композиционные блоки, которые следуют перед блоком «Порядок работы» можно отнести к вводной части общей композиции РЭ, а те, которые следуют после него – к заключительной. Согласно результатам нашего исследования во вводной части русскоязычных РЭ обычно помещаются следующие композиционные блоки: «Обращение к покупателю» (в 100 % случаев); «Общие указания» (в 100 %); «Устройство» (в 100 %); «Комплектность» (в 98 %); «Меры безопасности» (в 98%); «Технические данные» (в 97%). Результаты

исследования англоязычных РЭ несколько иные: «Обращение к покупателю», «Общие указания» также как и в русских РЭ представлены в этой части в 100 % случаев; «Комплектность» несколько чаще, чем в русских – 100%; «Безопасность» и «Устройство», наоборот – в меньшей степени (85% и 86%). «Технические данные» в англоязычных РЭ помещаются, как правило, в заключительной части (в 61 % случаев).

Такие композиционные блоки как: «Техническое обслуживание» (в 100 % случаев), «Правила хранения» (в 100 %), «Возможные неисправности и методы их устранения» (в 100 %), «Гарантийные обязательства» (в 98 %) в русскоязычных РЭ помещаются в заключительной части. В англоязычных РЭ в этой части представлены: «Техническое обслуживание» (97 %), «Правила хранения» (в 92 %), «Возможные неисправности и методы их устранения» (в 97 %), «Гарантийные обязательства» (в 96 %), и, как мы отмечали выше, «Технические данные» (в 61 %). Для большей наглядности представим эти данные в виде диаграмм (рис. 1, 2).

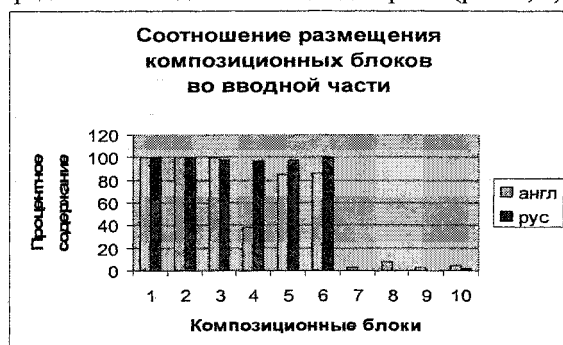

Рис. 1

Цифры на оси X соответствуют следующим композиционным блокам: 1 – обращение к покупателю; 2 – общие указания; 3 – комплектность; 4 – технические данные; 5 – меры безопасности; 6 – устройство; 7 – правила хранения; 8 – техническое обслуживание; 9 – возможные неисправности и методы их устранения; 10 – гарантийные обязательства

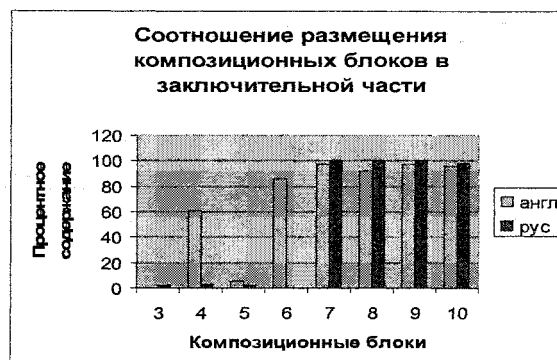

Рис. 2

Таким образом, несмотря на отсутствие четкой модели построения, большая часть композиционных блоков размещается либо во вводной, либо в заключительной части текста. При этом расположение большинства композиционных блоков по отношению к основной части «Порядок работы» совпадает в русскоязычных и англоязычных РЭ.

В целом, анализ композиционной структуры РЭ показал, что для данного жанра характерна жесткая модель построения при определенной вариантности присутствия отдельных композиционных блоков.

¹ Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. С. 54–57.

² Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск, 1990. С. 67.

³ Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика. СПб.: Издательство «Союз», 2003. С. 177.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 408.52

КОГНИТИВНЫЕ И РИТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ «МЕТАФОР, КОТОРЫМИ МЫ ЖИВЕМ»

Э.В. Будаев, А.П. Чудинов

Большинство современных публикаций, посвященных метафоре, содержат ссылки на труды Дж. Лакоффа как основоположника теории концептуальной метафоры. Не подвергая сомнению выдающийся вклад названного ученого в лингвистику, следует принимать во внимание, что некоторые положения когнитивной теории метафоры были предвосхищены в работах по риторике. Риторическое направление в изучении метафоры, с одной стороны, относится к числу несомненных источников, послуживших основой для возникновения теории концептуальной метафоры, но с другой стороны, риторическая методология до настоящего времени выступает как своего рода «конкурент» теории и практики исследования метафоры «по Лакоффу».

Появление все новых и новых модификаций теории концептуальной метафоры в ее применении к политическому дискурсу требует всестороннего осмысления истории этого научного направления, его современного состояния и перспектив исследования политической метафоры. Хотя до настоящего времени не было монографических исследований этой проблемы, ретроспективный взгляд присутствует едва ли не в любой монографии или диссертации, посвященной теории и практике исследования политических метафор¹. В этих исследованиях справедливо указывается, что в основе большинства современных публикаций по теории и практике изучения политической метафоры лежит классическое исследование Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by»². Как справедливо отмечает А.Н. Баранов, названная книга очень быстро была признана специалистами «библией когнитивного подхода к метафоре – своеобразным аналогом сосюрковского «Курса общей лингвистики» в когнитивизме лингвистического извода»³. Наиболее ярко взгляды Джорджа Лакоффа на теорию и практику концептуальной политической метафоры проявились в его публикациях, посвященных первой и второй войне против Ирака, войне в Югославии и террористическим актам, ужаснувшим Соединенные Штаты 11 сентября 2003 года⁴.

Не подвергая сомнению выдающуюся роль этих публикаций, следует принимать во внимание и другие источники современных исследований по проблемам политической метафоры – риторические исследования метафоры и «долакоффскую» когнитивистику.

Одним из первопроходцев в изучении политической метафоры по праву считается Майкл

Осборн, чьи работы по архетипичным метафорам послужили точкой отсчета для исследовательской традиции изучения метафор в риторическом направлении политической лингвистики. Исследовав обращения политиков к электорату, М. Осборн пришел к выводу, что в политической речи независимо от времени, культуры и географической локализации коммуникантов неизменно присутствуют архетипичные метафоры (archetypal metaphors). Политики, желающие в чем-то убедить адресата, используют образы природного цикла, света и тьмы, жары и холода, болезни и здоровья, мореплавания и навигации⁵. Такие метафоры опираются на универсальные архетипы и служат основой для понимания людьми друг друга и в то же время создают основу для политического воздействия и убеждения. Основываясь на результатах своих исследований, М. Осборн сформулировал шесть постулатов функционирования архетипичных метафор в политической коммуникации.

1. Архетипичные метафоры используются чаще, чем свежие метафоры.

2. Архетипичные метафоры одинаковы во все времена и во всех культурах и независимы от конъюнктурных условий их актуализации.

3. Архетипичные метафоры укоренены в непосредственном общечеловеческом опыте.

4. Архетипичные метафоры соотносятся с основными человеческими потребностями.

5. В большинстве своем архетипичные метафоры оказывают воздействие на преобладающую часть аудитории.

6. Архетипичные метафоры часто встречаются в самых важных частях самых важных политических обращений в любом обществе⁶.

Позже М. Осборн скорректировал широту выводов и статичность предлагаемой картины и пересмотрел категоричность некоторых постулатов в сторону эволюционизма. Исследователь пришел к выводу, что, несмотря на то, что архетипичные метафоры используются во всех культурах и во все времена, развитие культуры, науки и техники может воздействовать на их частотность. Изучив 56 политических выступлений XIX–XX веков, он обнаружил, что технологический прогресс может уменьшать распространенность архетипичных метафор. Например, в XX в. резко уменьшилось количество метафорических образов, связанных с водой, в то время как в XIX веке речные и океанские метафоры были очень распространены⁷.

Впоследствии исследователи политической метафоры в русле риторического направления опирались на полученные М. Осборном выводы и сохранили в своих исследованиях интерес к архетипичным метафорам в политической риторике, особенно в выступлениях крупных политических деятелей. Например, В. Риккерт исследовал архетипичные метафоры в военной риторике У. Черчилля⁸, несколько позднее К. Джемисон провела сравнительный анализ метафор Э. Брауна и папы римского Павла VI⁹, а в исследовании С. Перри были рассмотрены метафоры А. Гитлера¹⁰. Анализ архетипичных метафор в идиолектах политиков был направлен не только на поиск подтверждений того, что метафоры обладают значительным аргументативным потенциалом, но и на выявление причин прагматических неудач¹¹.

Основными предпосылками становления когнитивного подхода к исследованию метафоры стали положения о ее ментальном характере (онтологический аспект) и познавательном потенциале (эпистемологический аспект).

До Дж. Лакоффа и М. Джонсона на феномен метафоричности мышления обращали внимание Д. Вико, Ф. Ницше, А. Ричардс, М. Бирдсли, Х. Ортега-и-Гассет, Э. МакКормак, П. Рикер, Э. Кассирер, М. Блэк, М. Эриксон и другие исследователи, однако наиболее важны в этом плане работы американского ученого Дж. Джейнса, который, занимаясь проблемой генезиса и эволюции человеческого сознания, предложил оригинальную гипотезу об исторической динамике функциональной асимметрии человеческого мозга, отраженной в письменных источниках различных исторических эпох. В 1976 году исследователь выпустил книгу «The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind»¹², в которой отдельная глава была посвящена метафорам, что отражает ту роль, которую ученый отводил метафоре в формировании когнитивной системы человека. Дж. Джейнс связывал эволюцию сознания со способностью к метафоризации и считал, что метафора – это способ расширения нашего понимания мира, экспансии человеческого сознания. Как отмечал исследователь, «абстрактные концепты

формируются с помощью конкретных метафор»¹³, но большинство людей не осознает метафоричности многих слов – «слова, обозначающие абстрактные понятия, как древние монеты, чье изображение стерлось от частого использования»¹⁴. По Дж. Джейнсу, понять – значит найти хорошую метафору, подобрать хорошо знакомый и связанный с нашими сенсорными ощущениями образ для осмысления неизвестного и малопонятного. Для описания того, как функционирует метафора, Дж. Джейнс предложил понятия метафизера (metaphier), метафранда (metaphrand), парафизера (paraphier) и парафранда (paraphand). Метафранд – это объект действительности, который мы не достаточно хорошо понимаем и который сравниваем с чем-то другим. Метафизер – это то, что понятно и воспринимается нашими органами чувств. Свойства метафизеров и связанные с ними ассоциации – это их парафизеры. Например, одеяло – это то, что всем нам знакомо (метафизер), с ним связан ряд ассоциаций-парафизеров (тепло, защита, горизонтальное положение, кровать и др.). Эти ассоциации проецируются на понимаемый объект (метафранд) и становятся парафрандами этого объекта, т.е. его новыми свойствами. Таким образом с помощью метафоры возникают новые идеи. Например, метафора «the snow blankets the ground» (снег покрывает землю одеялом) благодаря метафорической проекции приводит к возникновению парафрандов. В данном примере новая идея может состоять, например, в том, что земля под одеялом будет спокойно спать до весны и т.п.

Дж. Джейнс выделил ингерентные свойства сознания, лежащие в основе когнитивных процессов человека (нарратизация, отбор, серийность и др.). Некоторые из этих свойств тесно связаны с метафорой. Например, к свойствам сознания Дж. Джейнс причисляет «пространствование» (spatialization). Все в нашем сознании получает пространственное измерение, без которого мы не можем что-нибудь осмыслить. «Мысль имеет связь с конкретными действиями в конкретном мире»¹⁵, поэтому в нашем мысленном пространстве мы постоянно оперируем объектами, помещаем их рядом друг с другом или разделяем их. По этой же причине единственный способ понять время или сознание – это дать ему пространственное измерение через метафору.

Предложенные Дж. Джейнсом понятия метафранда, метафизера, парафизера и парафранда соотносятся со сферами источника и мишени и метафорическими следствиями (entailments) в теории концептуальной метафоры. Вместе с тем эти понятия нельзя отождествлять. Метафизер и метафранд – это объекты действительности, имеющие языковое отображение, а парафизеры и парафранды – это исходные и полученные в результате метафоризации знания об этих объектах действительности и связанные с объектами ассоциации, опять же объективированные в языке. В то время как у Дж. Джейнса метафора еще сильно

привязана к языковой системе, в теории концептуальной метафоры locus концептуальных сфер и метафорических следствий исключительно в когнитивной системе человека и окружающая человека действительность рассматривается через систему когнитивных репрезентаций.

Несомненно, рассмотренные выше исследования способствовали становлению когнитивного подхода к метафоре, но именно в вышеупомянутой книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона была разработана теория, которая привнесла системность в описание метафоры как когнитивного механизма и продемонстрировала большой эвристический потенциал применения теории в практическом исследовании. Как и их предшественники, авторы данной книги постулировали, что метафора не ограничивается лишь сферой языка, а сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии. «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична»¹⁶. Такой подход позволил окончательно вывести метафору за рамки языковой системы и рассматривать ее как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры. В более поздней работе «The Contemporary Theory of Metaphor» Дж. Лакофф строго разграничил метафорическое выражение и концептуальную метафору, подчеркивая, что «локус метафоры – в мысли, а не в языке»¹⁷.

Итак, теория Дж. Лакоффа и М. Джонсона родилась отнюдь не на «пустом месте», ее истоки следует искать, с одной стороны, в общих установках когнитивистики, а с другой – в риторических исследованиях политической метафорики¹⁸. Риторическое направление до настоящего времени выступает как своего рода «конкурент» теории и практики исследования политических метафор «по Лакоффу». Параллельное развитие двух названных направлений нередко приводит к их взаимному обогащению и даже конвергенции, однако новейшая история исследований политической метафорики еще ждет своего детального описания.

¹ См. обзоры исследований: Будаев Э.В., Чудинов А.П. Концептуальные исследования в политическом дискурсе:

новые зарубежные исследования (2000–2004) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 2; Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006.

² Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago, 1980. В русском переводе см. Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. М., 2004.

³ Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. М., 2004. С. 7.

⁴ Lakoff G. *Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf* // <http://metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm>; Lakoff G. *Metaphor and War, Again* // www.alternet.org/story.html?StoryID15414; Lakoff G. *Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters* // www.frameworksinstitute.org/products/metaphoricalthought.pdf; Lakoff G. *Metaphors of Terror* // www.press.uchicago.edu/News/911lakoff.html.

⁵ Osborn M., Ehninger D. The metaphor in public address // *Speech Monographs*. 1962. Vol. 29. P. 223–234; Osborn M. *Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family* // *Quarterly Journal of Speech*. 1967. Vol. 53. P. 115–126.

⁶ Osborn M. P. 116.

⁷ Osborn M. The Evolution of the Archetypal Sea in Rhetoric and Poetic // *Quarterly Journal of Speech*. 1977. Vol. 63. P. 347–363.

⁸ Rickert W. Winston Churchill's Archetypal Metaphors: A Mythopoetic Translation of World War II // *Central States Speech Journal*. 1977. Vol. 28. P. 106–112.

⁹ Jamieson K.H. The Metaphoric Cluster in the Rhetoric of Pope Paul VI and Edmund G. Brown, Jr. // *Quarterly Journal of Speech*. 1980. Vol. 66. P. 51–72.

¹⁰ Perry S. Rhetorical Functions of the Infestation Metaphor in Hitler's Rhetoric // *Central States Speech Journal*. 1983. Vol. 34. P. 229–235.

¹¹ См., напр. Stelzner H.G. Ford's War on Inflation: A Metaphor That Did Not Cross // *Communication Monographs*. 1977. Vol. 44. P. 284–297.

¹² Jaynes J. *The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind*. Boston, 1976.

¹³ Jaynes J. P. 50.

¹⁴ Jaynes J. P. 51.

¹⁵ Jaynes J. P. 61.

¹⁶ Лакофф Дж., Джонсон М. С. 25.

¹⁷ Lakoff G. *The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought*. Cambridge, 1993. P. 203.

¹⁸ Обзор исследований см. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Риторическое направление в исследовании политической метафоры // *Respectus Philologicus*. 2006. № 9 (14). С. 10–19.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОППОЗИЦИОННЫХ КОНЦЕПТОВ «GOD» И «DEVIL» В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Т.Ю. Передриенко

Статья посвящена анализу оппозиционных концептов «Бог» и «Дьявол», которые были исследованы на парадигматическом и синтагматическом уровнях. Проведенный анализ позволил установить общие и дифференциальные признаки концептов, которые в контекстах совместной встречаемости могут выступать в качестве антонимов или контекстуальных синонимов.

Современная картина мира сложилась под влиянием картин мира предыдущих поколений. В картине мира древних людей, как отмечают В.Т. Клоков и Е.А. Алексеева, не было этически нейтральных сил и вещей – все они соотносились с конфликтом добра и зла. В соответствии с этой общей ценностной ориентацией, отражающей разделение мира на доброе (божественное) и злое (дьявольское) начало, оценивался каждый предмет, факт, событие, поступок¹. А.А. Мельникова также говорит о наличии дуальности в основных понятиях окружающей действительности в архаичных обществах. Она считает, что оппозиции, а также образующиеся между ними связи очерчивали и очерчивают границы мировидения. В культуре, как утверждает учёный, присутствуют оппозиции двух типов – базовые, имеющие для всех народов мира практически универсальный характер, и культурно специфичные².

Добро и зло во всех религиях и культурах равноположены. Одно без другого невозможно. В христианской религии Бог и дьявол являются образами, формирующими представление о добре и зле. Христианство имеет огромную географию распространения, долгую историю, а потому концепты «God» и «Devil» можно считать универсальными концептами, а оппозицию, которую они образуют базовой.

Отношения оппозиции связывают единицы, имеющие различия, но объединенные общими признаками. Изучение сочетаемости лексических единиц, вербализующих концепты «God» и «Devil» и интерпретативный анализ паремий и афоризмов, показывают, что в структуре данных концептов выявляются общие признаки. Бог и дьявол видятся носителям английской лингвокультуры существами уникальными, единственными в своём роде. Уникальность, единичность Бога показывается через использование заглавной буквы при написании лексических единиц, вербализующих концепт «God». В английском языке с заглавной буквы пишутся лексические единицы, вербализующие данный концепт, только если они называют Божество монотеистической религии. Уникальность, единичность Бога и дьявола выражают-

ся через использование определенного артикля перед именами концептов и их синонимами. Одной из функций определенного артикля является функция указания на уникальные предметы или сущности, единственные в своем роде. Еще одним средством, показывающим уникальность Бога и дьявола, является использование в их определениях форм превосходной степени сравнения (God – «the most real of all things»; devil – «the most powerful evil spirit»).

Бог и дьявол воспринимаются носителями английской лингвокультуры существами мужского рода, о чём говорит замещение лексических единиц, вербализующих концепты, местоимением he: *If God does not give us what we want he gives us what we need* [Если Бог не даёт нам то, чего мы хотим, он даёт нам то, в чём мы нуждаемся]; *Talk of the devil and he is sure to appear* [Поговори о дьяволе, и он точно появится]. Притяжательное местоимение мужского рода his, употребляемое по отношению к собственности Бога и дьявола, также указывает на принадлежность этих существ к мужскому полу: *We must remember that satan has his miracles, too* [Мы должны помнить, что у сатаны тоже есть свои чудеса] (J. Calvin); *God will forgive me; that's his job* [Бог простит меня – это его работа]. Еще одним свидетельством этого признака является употребление существительных boy и male, которые называют существ мужского рода по отношению к Богу и дьяволу: *God is male, and male is God* [Бог – мужчина, и мужчина – Бог]; *When he was fifteen the devil was a good looking boy* [Когда дьяволу было пятнадцать, он был симпатичным мальчиком].

Основное количество общих признаков изучаемых концептов было выявлено при анализе предикатов. Сочетаемость лексических единиц, вербализующих концепты, с глаголами говорения репрезентирует общий признак «существо говорящее»; с глаголами движения, перемещения в пространстве – признак «существо мобильное»; с глаголами, называющими интеллектуальную деятельность, – признак «существо мыслящее»; с глаголами созидания – признак «создатель, творец». Приведём примеры: *God has a few of us whom he*

Лингвокультурология и когнитивная лингвистика

whispers in the ear [Очень немногим из нас Бог шепчет на ухо] (R. Browning) и *The devil sometimes speaks the truth* [Дьявол иногда говорит правду]; *God comes to see without a bell* и *Speak of the devil – here comes one* [Заговори о дьяволе, и он придёт сюда]; *If you would know what the Lord God thinks of money, you have only to look at those to whom he gives it* [Если бы вы хотели узнать, что Господь Бог думает о деньгах, вам нужно только посмотреть на тех, кому он их даёт] (M. Baring) и *The devil knows many things because he is old* [Дьявол знает много, потому что он стар]; *God loves the birds and invented trees. Man loved the birds and invented cages* [Бог любит птиц и изобрел деревья. Человек полюбил птиц и изобрел клетки] (J. Deval) и *I don't really believe in the Devil, but if the Devil is the Father of Lies, then he certainly invented the Internet* [Я не верю в дьявола, но если он отец лжи, тогда это определенно он изобрел Интернет] (K. MacLeod).

Общими в структуре концептов «God» и «Devil» являются также признаки «существо с ограниченными возможностями» и «существо, обитающее в человеке». Признак «существо с ограниченными возможностями» репрезентируется глаголом *can* в отрицательной форме: *Even God cannot change the past* [Даже Бог не может изменить прошлое]; *Old Satan couldn't get along without plenty of help* [Старый сатана не может обходиться без помощи]. Признак «существо, обитающее в человеке» выявляется при интерпретации следующих примеров: *The kingdom of God is within you* [Божье королевство внутри вас]; *There is a God within us, and we glow when he stirs us* [Внутри нас находится Бог, и мы сияем, когда он нами движет] (Ovid); *The heart of man is the place the devil is in* [В сердце человека находится дьявол] (Th. Browne); *The kid had a lurking devil in him* [Внутри ребенка прячется дьявол].

В паремиях и афоризмах Бог и дьявол выступают не только в качестве субъектов, но и в качестве объектов действий, являясь «объектами поклонения» или «объектами для насмешек». В паремиях и афоризмах, репрезентирующих признак «объект поклонения» в качестве сказуемого употребляются глаголы *serve*, *praise*, *thank*, а функцию дополнения выполняют лексические единицы, вербализующие концепты: *He who serves God, serves a good master* [Тот, кто служит Богу, служит хорошему хозяину]; *Look to your health; and if you have it, praise God* [Посмотрите на свое здоровье, и, если оно у вас есть, восхваляйте Бога] (I. Walton); *He that serves God for money, will serve the devil for better wages* [Тот, кто служит Богу за деньги, будет служить дьяволу за большее жалование].

Носители английской лингвокультуры также могут подсмеиваться над Богом и дьяволом. Бог сравнивается с улыбкой Чеширского кота, персонажем книги «Алиса в стране чудес». Чеширский

кот в английской лингвокультуре символизирует нечто неуловимое, внезапно возникающее и бесследно исчезающее. Ирония присутствует и в афоризмах, в которых Бог представляется неудачливым проектировщиком и существом, которому не повезло с местом для парковки: *God isn't dead, he just couldn't find a parking place* [Бог не умер, он просто не может найти место для парковки] (U.); *God is beginning to resemble not a ruler but the last fading smile of a cosmic Cheshire cat* [Бог начал напоминать не правителя, а последнюю исчезающую улыбку Чеширского кота] (J. Huxley); *God is not dead but alive and well and working on a much less ambitious project* [Бог не умер, а жив и здоров и работает над менее амбициозным проектом] (U.). Дьявола же воспринимают не как существо, внушающее страх, а как товар, продукт, который можно готовить и продавать: *You can sell the devil if he is well cooked* [Вы можете продать дьявола, если он хорошо приготовлен].

При анализе сочетаемости и интерпретативном анализе паремий и афоризмов были выявлены не только общие, но и дифференциальные признаки концептов «God» и «Devil», которые для наглядности были занесены в таблицу.

Таблица

Дифференциальные признаки концепта «God»	Общие признаки концептов «God» и «Devil»	Дифференциальные признаки концепта «Devil»
*Всевышнее существо	Существо уникальное, единственное в своем роде	*Могущественный злой дух
*Реальное существо	Существо мужского рода	*Искуситель
*Правитель мира (существо, властное над природой; существо, властное над человеческими судьбами)	Существо мыслящее	*Существо способное прятаться
*Даритель	Существо говорящее	*Существо, скрывающее истинную сущность
*Правдолюб	Существо горящее	*Существо способное совершать религиозные ритуалы
*Защитник, Помощник	Создатель, творец	*Существо видящее и слышащее
*Существо мудрое и справедливое	Существо мобильное	*Существо, любящее деньги
*Существо чувствующее	Существо, обитающее в человеке	*Существо, имеющее слуг
*Существо непознаваемое, неопишное	Существо с ограниченными возможностями	*Существо трудноизгоняемое
*Существо доброе	Объект поклонения	*Существо старое
*Существо неизменное, постоянное	Объект для насмешек	*Существо со звероподобной внешностью
*Существо наказывающее и прощающее		*Существо неуникальное, имеющее собратьев
*Существо смертное		*Партнер (союзник)
*Существо ошибающееся		*Существо, обитающее в аду
*Существо, допускающее и вершащее зло		*Существо, обитающее в болоте
*Существо, обитающее в раю (в небесном королевстве)		*Существо, отвергаемое человеком
*Существо, обитающее в окружающих предметах		*Существо со страхами
*Существо, внушающее страх		*Существо, невинно обвиненное
*Творение человека		*Существо положительное
*Существо, которого нет		

Таблица показывает, какие признаки объединяют изучаемые концепты, и какие признаки их

дифференцируют. Количество дифференцирующих признаков превалирует, что является естественным для оппозиций с эквиополентными отношениями между её членами.

Концепты не существуют изолированно, они взаимодействуют с другими концептами, поэтому необходимо рассмотреть оппозиционные концепты «God» и «Devil» на синтагматическом уровне. Синтагматические оппозиции выражены в тексте. Л.А. Новиков утверждает, что оппозиции, выраженные в тексте, условно подразделяются на структурно выраженные и структурно не выраженные. Структурно выраженные оппозиции представляют собой строго определенные и часто воспроизводимые конструкции, обычно с близким контактным расположением противоположных по смыслу единиц. В структурно не выраженных оппозициях не обнаруживается строго определенных и регулярно воспроизводимых синтаксических структур³.

Изучение контекстов совместного употребления лексических единиц, вербализующих концепты «God» и «Devil», показывает, что данные концептуальные оппозиции могут быть и структурно выраженными, и структурно не выраженными. В своей работе для обозначения конструкций, в которых репрезентируются оппозиции, мы используем модели конструкций и способ их записи, предложенные Л. А. Новиковым⁴.

В английском языке структурно выраженные оппозиции вербализуются в следующих конструкциях: *X and Y*; *neither X nor Y*; *both X and Y*; *X as well as Y*; *X but Y*, где X и Y – концепты «God» и «Devil». В большинстве из указанных конструкций, а именно: *X and Y*; *neither X nor Y*; *both X and Y*; *X as well as Y* – концепты не противопоставляются, а «соединяются», становясь контекстуальными синонимами. «Соединение» данных концептов в примерах выражается лексически: через использование словосочетаний с числительным *two* при определении Бога и дьявола (*I have two masters – God and the devil*; *I work for the devil until lunch then I follow the Lord* [У меня есть два хозяина – Бог и дьявол; я работаю на дьявола до обеда, а затем иду к Богу] (U.)); через называние объекта, действия или места, которые объединяют данные концепты (*God and the devil lose to a common enemy: inertia* [Бог и дьявол проигрывают общему врагу: инерции] (M. McLaughlin)); через использование конструкций с закрытым типом сочинительной связи (*Money is neither my God nor my devil* [Деньги ни мой Бог, ни мой дьявол] (D. Millman)); *It would be absurd if we did not understand both God and devil, since we invented them* [Было бы абсурдно, если бы мы не понимали бы и Бога, и дьявола, поскольку мы придумали их обоих] (J. Steinbeck)); *A good painter can draw devil as well as God* [Хороший художник может нарисовать и дьявола, и Бога]). Во всех примерах концепты «God» и «Devil» являются однородными членами. Способ-

ность данных концептов являться в предложении однородными членами и выступать контекстуальными синонимами обусловлена наличием у них общих признаков.

Конструкция *X but Y* актуализирует отношения противопоставления. У концептов «God» и «Devil», вербализуемых в данной конструкции, объективируются дифференцирующие признаки. Приведем примеры: *God sends meat, but the devil sends cooks* [Бог посылает пищу, а дьявол посылает поваров]; *God sends corn but the devil mars the sack* [Бог посылает зерно, а дьявол рвет мешок]; *A physician is God when employed, but a devil when one must pay him* [Врач – Бог, когда его нанимают, но он – дьявол, когда ему нужно платить] (U.). Первые два примера объективируют признак «даритель», входящий в структуру концепта «God». Признаки концепта «Devil» в первом и втором примерах различны. Дьявол – «искуситель» посылает поваров, которые готовят пищу так, что человеку порой трудно противостоять греху чревоугодия. Дьявол – «злой дух» вредит человеку, рвет мешок и этим лишает его пищи, данной Богом. В последнем примере врач сравнивается и с Богом, и с дьяволом, получая от них при метафорическом переносе противоречащие друг другу признаки. Отчаявшийся больной воспринимает врача, начинающего лечение, как Бога – существа, на которого он надеется и которому он поклоняется (перенос признаков концепта «God» «защитник, помощник» и «объект поклонения»). Однако излечившийся больной отвергает врача, не видя больше необходимости в его услугах, а потому старается избавиться от него, не заплатив (перенос признака концепта «Devil» «существо, отвергаемое человеком»).

Концепты «God» и «Devil» противопоставляются не только в структурно выраженных оппозициях, но и в структурно не выраженных. На то, что концепты противопоставляются, указывают глаголы, называющие действия, которые совершают Бог и дьявол: *What God gives, the devil reaves* [Что Бог дает, дьявол отнимает]; *When the devil starts messing, God starts blessing* [Когда дьявол начинает портить дело, Бог начинает благословлять]. В примерах репрезентируются такие признаки Бога, как «даритель» и «защитник, помощник». На данные признаки указывают глаголы *give* и *start blessing*, которые вербализуют действия, совершаемые Богом. Действия дьявола вербализуются глаголами *reave* и *start messing* и объективируют признак «могущественный злой дух».

Наречия также могут репрезентировать оппозицию изучаемых концептов. Присутствие в примерах наречий, являющихся антонимами, указывает на антонимичность и самих концептов: *If the devil reigns today God will be master tomorrow* [Если сегодня правит дьявол, Бог будет управлять завтра]. В данных примерах наречия *today*, соотносимое с дьяволом, и *tomorrow*, соотносимое с Бо-

гом, вербализуют время «правления» этих существ. Несовместимость наречий *today* и *tomorrow* говорит о несовместимости, о невозможности совместного пребывания Бога и дьявола.

Концептуальные оппозиции «God» и «Devil» могут быть объективированы глаголами, вербализующими действия людей, объектами которых являются Бог или дьявол: *People who cease to believe in God still believe in the devil* [Люди, которые перестают верить в Бога, безмолвно верят в дьявола] (A. Rice). Глаголы *cease to believe* и *believe* называют действия, которые противопоставлены, а значит, и объекты, на которые направлены данные действия, тоже противопоставлены.

В конструктивно не выраженных оппозициях концепты «God» и «Devil» не только противопоставляются, но и «соединяются». Приведем примеры: *Wherever God erects a house of prayer, the devil always builds a chapel there* [Там, где Бог возводит молельню, дьявол всегда строит свою часовню] (D. Defoe); *Life is like a game in which God shuffles the cards, the devil deals them and we have to play the trumps* [Жизнь похожа на игру, в которой Бог тасует карты, дьявол раздает их, а мы вынуждены ходить с козырей] (U.). «Соединение» концептов в данных паремиях и афоризмах репрезентируется глаголами, выполняющими функцию сказуемого. Примеры указывают на то, что Бог и дьявол совершают одинаковые действия (*God erects* [Бог возводит, строит] и *devil builds* [дьявол строит]), или один из них продолжает действия другого (*God shuffles the cards, the devil deals them* [Бог тасует карты, дьявол раздает их]).

«Соединять» изучаемые концепты могут также и действия, совершаемые людьми: *If you light one candle for God, then you must light one for the devil* [Если вы ставите свечку Богу, вы должны поставить свечку дьяволу]; *He that serve God for money, will serve the devil for better wages* [Тот, кто служит Богу за деньги, будет служить дьяволу за большее жалование]. Концепты «God» и «Devil» имеют в своей структуре общий признак «объект поклонения», который и объективируется в данных примерах, когда люди совершают Одина

ковые действия по отношению к Богу и к дьяволу, тем самым не противопоставляя их, а «соединяя».

Проведённое исследование показало, что концепты «God» и «Devil» в английской лингвокультуре образуют оппозицию. Изучаемые концепты логически равноправны, так как не являются ни двумя ступенями какого-либо признака, ни утверждением или отрицанием признака. В то же время они не эквивалентны, поскольку в их структуре выявляются не только общие признаки; они не удалены семантически, поскольку имеют общие контексты употребления, чего нельзя сказать о членах дизъюнктивной оппозиции. Всё это позволяет сделать вывод, что концепты «God» и «Devil» образуют эквиополентные оппозиции. Изучение оппозиций «God» и «Devil» на синтагматическом уровне подтвердило результаты парадигматического анализа о наличии в структурах концептов общих и дифференциальных признаков, которые объективируются и в структурно выраженных, и в структурно не выраженных оппозициях.

В контекстах совместной встречаемости концепты «God» и «Devil», образующие оппозиции, либо противопоставляются, либо «соединяются». При противопоставлении у концептов репрезентируются дифференцирующие признаки, и они выступают в качестве антонимичной пары. «Соединение» концептов «God» и «Devil» становится возможным благодаря наличию в их структуре одинаковых признаков, которые, выходя на первый план, превращают данные концепты в контекстуальные синонимы.

¹ Клоков В. Т., Алексеева Е. А. Символический компонент значения в семантике языковых единиц // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 1. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2001. С. 32.

² Мельникова А. А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб.: Речь, 2003. С. 25–28.

³ Новиков Л. А. Избранные труды. Т. 1: Проблемы языкового значения. М.: Издательство РУДН, 2001. С. 126–128.

⁴ Там же. С. 130–147.

КОГНИТИВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВНУТРИСЛОВНЫХ И МЕЖСЛОВНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ¹

А.М. Плотникова

Статья посвящена лексико-семантической группе глаголов противодействия и семантической структуре глагола «бороться». Результатом исследования является описание внутрисловных и межсловных глагольных парадигм.

Обработывая поступающую информацию, человек членит мир, выделяет классы, группы, осуществляет идентификацию объектов, то есть мысленно соотносит объект с определенной категорией. В соответствии с теорией категоризации, разработанной в когнитивной психологии, знания человека о мире систематизированы в виде следующей иерархической структуры, состоящей из концептуальных уровней:

- 1) суперординатный (уровень высшего порядка);
- 2) базовый (центральный уровень);
- 3) субординатный (уровень нижнего порядка).

Н.Н. Болдырев, характеризуя базовый уровень, пишет: «К этому уровню относятся концепты, обозначаемые такими словами, как: стол, кресло, книга, ручка, собака и т. п. Они требуют наименьших когнитивных затрат при их восприятии и обработке и поэтому легче и быстрее усваиваются, запоминаются в первую очередь. На этом уровне человек, сталкиваясь с недискретностью естественного окружения, действует наиболее эффективно. Именно на этом уровне опыта материального взаимодействия с окружающим миром мы четко проводим различия между кошкой и собакой, розами и гвоздиками, книгами и тетрадами. Однако стоит опуститься на уровень ниже или подняться на уровень выше, и вещи становятся значительно сложнее. Гораздо труднее отличить один вид собаки от другой, чем кошку от собаки, или выделить их общие характеристики»².

Возникший в когнитивной семантике интерес к языковым категориям разного рода (части речи, семантические группы, структурные схемы предложений и др.) обусловлен, в первую очередь, стремлением установить связь между языковыми и когнитивными структурами.

Категоризация в языке обнаруживается, в частности, в существовании семантических парадигм (семантических полей, семантических групп, лексико-семантических групп и др.). При этом статус семантических групп может значительно варьироваться: семантическим классом может быть названа любая межсловная группировка (например, семантическое поле «время», тематиче-

ская группа «предметы мебели», лексико-семантическая группа «глаголы движения» и т. п.) и любая внутрисловная группировка, то есть совокупность значений многозначного слова.

Рассмотрение семантической классификации глагольной лексики в аспекте теории уровневой категоризации действительности позволяет говорить о существовании когнитивных оснований для выделения семантических классов и групп слов и когнитивных принципов их организации.

Основой семантической организации глагольной лексики считаются лексико-семантические группы слов (ЛСГ) – группировки слов одной части речи, характеризующихся общностью категориально-лексической семы (КЛС). Например, ЛСГ глаголов влияния, убеждения, подчинения, помощи. ЛСГ объединяются в семантические поля, выделяемые на основе семантических суперклассификаторов. Три семантических поля глаголов – «Действие», «Состояние», «Отношение» – образуют макропарадигмы семантической классификации. Внутри каждой ЛСГ могут быть выделены микропарадигмы, в которых слова, помимо общей КЛС, объединены уточняющими ее общими дифференциальными признаками (ДП). Например, в составе ЛСГ глаголов контакта выделяются две дифференциально-семантические группы: глаголы согласованных действий (*договариваться, знакомиться, сговариваться, условливаться* и др.) и глаголы расположения к контакту (*задабривать, прикармливать, приручать* и др.). Подобная семантическая организация глагольной лексики является следствием когнитивного членения процессуально-событийного мира, а семантические классы слов репрезентантами отдельных уровней категоризации.

Следовательно, глаголы отношения образуют следующую модель.

Уровень 1 (суперординатный) – семантическое поле, например, поле «Отношение».

Уровень 2 (базовый) – лексико-семантическая группа, например, ЛСГ защиты и базовый глагол *защищать*.

Уровень 3 (субординатный) – дифференци-

¹ Исследование выполнено при финансовом содействии гранта Президента РФ № МК-1586.2005.6

альные группы, например, защита от военного нападения (*оборонять, отбиваться, отстреливаться, отражать, оттаивать*), защита мнения в споре (*отражать, оттаивать, парировать*), защита с целью сохранения (*караулить, охранять, стеречь, сторожить*) и т. д.

На языковом уровне базовому уровню категоризации действительности соответствует ЛСГ. Каждая ЛСГ характеризуется наличием базового слова-идентификатора. Например, ЛСГ защиты имеет идентификатор *защищать*, ЛСГ влияния – *влиять*, ЛСГ управления – *управлять*, ЛСГ звучания – *звучать* и т. д.

Признаки ЛСГ и ее базовых идентификаторов, выделенные в работах Э.В. Кузнецовой, соответствуют, на наш взгляд, признакам базового уровня, обозначенным в работах когнитивных психологов. Так, Э.В. Кузнецова пишет: «...для большинства ЛСГ типично наличие базовых слов, которые олицетворяют семантическое единство группы и обладают в качестве таковых определенными свойствами. Как правило, они являются наиболее употребительными; так, глагол *брать* (*взять*), являющийся базовым для ЛСГ глаголов приобщения объекта, зафиксирован в 4 227 фразах из 20 тысяч фраз, в которых передана ситуация приобщения объекта. Это значительно превышает употребительность остальных глаголов данной группы»³.

Базовый глагол и рядовые члены ЛСГ характеризуются часто однотипной семантической сочетаемостью, общими условиями функционирования. Семантическая идея, выраженная в базовом глаголе, получает конкретизацию в рядовых глаголах. Сходство базового слова и рядовых глаголов обнаруживается и в сфере эпидигматических отношений: эти глаголы развивают зачастую однотипные вторичные значения.

Все эти признаки свидетельствуют о базовом статусе ЛСГ в когнитивном, психологическом и лингвистическом отношении. Рассматривая ЛСГ с точки зрения когнитивной семантики, Л.Г. Бабенко отмечает: «...в семантике базовых идентификаторов «минимизированы» <...> знания об отображаемой действительности, в них свернута и обобщенно репрезентирована семантика всех единиц ЛСГ, передается идея класса (классовая семантика), что существенно для категоризации мира»⁴.

Представим опыт когнитивного анализа, доказывающий базовый статус ЛСГ. В качестве примера возьмем глаголы противодействия.

ЛСГ противодействия, по данным ТИСРГ⁵, состоит из 43 глаголов, объединенных базовым идентификатором «противодействовать». В данную ЛСГ входят, например, следующие языковые единицы: *биться, бороться, бунтовать, воевать, восставать, конкурировать, противостоять, соперничать, сопротивляться* и др.

Когнитивной моделью представления значения социального глагола является сценарий.

Когнитивный сценарий – это ментальная структура, представляющая собой интерпретацию говорящим ситуации внеязыковой действительности как повторяющегося динамического процесса, состоящего из совокупности эпизодов и обладающего набором участников с закрепленными социальными ролями.

Когнитивный сценарий глаголов противодействия состоит из следующих частей: 1) пресупозитивная часть включает сцену конфликта участников (контрагентов), который каузирует их интенсивные действия; 2) в основной части сценария эксплицирован конфликт контрагентов, направленный на решение какой-л. цели каким-л. способом (например, *конкурировать* – ‘*соперничать* (основной предикат) *с кем-, чем-л.* (контрагент), *участвуя в борьбе* (включенный предикат, обозначающий способ противодействия) *между производителями* (контрагент) *за более выгодные условия производства* (цель), *сбыта товаров и обеспечение наибольшей прибыли при товарном производстве*’ (включенные предикаты с семантической целью).

Способ решения конфликта в большинстве глаголов противодействия конкретизируется и представляет собой включенную в значение пропозицию (*конкурировать* – участвуя в борьбе; *рубиться* – нанося колотые удары наотмашь холодным оружием; *бунтовать* – участвуя в забастовках, в стихийных восстаниях; *судиться* – обращаясь в суд; *противиться* – не соглашаясь на что-л.). Цель противодействия эксплицирована в словарных дефинициях (*соперничать* – ‘*противодействовать кому-л., стремиться завоевать любовь какой-л. женщины*’) или представлена имплицитно в силу тривиальности: противодействие направлено на одержание победы над субъектом, получение физического или интеллектуального перевеса в чем-л. (*стреляться* – ‘*противодействуя кому-л., драться, биться с противником на дуэли (на пистолетах)*’ (в словарной дефиниции цель не выражена).

Базовый глагол ЛСГ противодействия выражает основную семантическую идею класса: противодействовать – оказывать сопротивление кому-, чему-л. создавая преграды, помехи, стараясь преодолеть, уничтожить кого-, что-л. В конкретных глаголах ЛСГ происходит варьирование когнитивного сценария противодействия, которое идет в соответствии с определенными механизмами.

Так, наиболее типичным способом развития сценария для данной группы является специализация относительно денотативной сферы противодействия: в спорте: *состязаться, соревноваться, боксировать*; на войне, в битве: *сражаться, драться*; в споре: *противоречить, спорить, упорствовать*; в экономике: *конкурировать*; в суде: *судиться* и т. д. Идея противодействия, противостояния получает различное лексическое и семантическое воплощение в рядовых глаголах ЛСГ. Денотативная сфера определяет состав участни-

ков, отношения между ними, способы и цели противодействия (ср., например: *боксировать* – ‘*противодействовать сопернику в спортивном соревновании (боксе), ведя с ним бой, отражая его удары и нанося ему по определенным строгим правилам ответные удары в течение трех или более раундов*’; *бороться* – ‘*противодействовать кому-л., оказывая сопротивление; схватившись, сцепившись друг в друга, нанося удары, используя те или иные приемы, стараться осилить, победить кого-л.*’). В приведенных примерах происходит активация внимания на различных способах противодействия: в боксе – это удары по определенным правилам, в физической борьбе – это поведение противника).

Несколько лексико-семантических вариантов, входящих в данную группу, образованы в результате метафорического переноса. Основой метафорического значения является образная схема «препятствие». Препятствием оказывается та физическая, интеллектуальная сила, на которую направлено противодействие, или эмоция, чувство, которое субъект стремится преодолеть, например: *душить* – ‘*противодействовать кому-, чему-л., обычно социально значимому (свободе, критике и т.п.), отрицательно воздействуя, подавляя, мешая росту, развитию чего-л., подобно тому, как губят, убивают живое существо, насильственно останавливая дыхание*’; *бороться* – ‘*противодействовать чему-л., какому-л. чувству, влечению, состоянию, сопротивляясь, стараясь преодолеть или уничтожить его, словно оказывая сопротивление противнику*’. Метафорически противодействие осмысливается через нарушение целостности объекта (*срывать урок*), лишение жизни (*душить свободу*), создание препятствий в продвижении к цели (*задержать наступление войск, тормозить демократические реформы*).

Процессы, связанные с изменением когнитивного сценария глаголов одной ЛСГ, как показывало исследование, совпадают с варьированием лексико-семантических вариантов в семантической структуре многозначного глагола. В качестве примера возьмем глагол *бороться*.

Борься – 1. Схватившись друг с другом, стараться повалить, положить на лопатки. *Борься с одноклассником.*

2. Состязаться в чем-л., стараясь одержать победу. *Борься за звание абсолютного чемпиона.*

3. Активно действовать против кого-, чего-л., стремясь преодолеть или уничтожить; сопротивляться кому-, чему-л. *Борься с мафией. Борься с бюрократизмом, с бесхозяйственностью.*

4. Отстаивать кого-, что-л., добиваться чего-л. *Борься за мир, за власть.*

5. Вступать в противоречие, сталкиваться (о чувствах, стремлениях). *В душе боролись любовь и страх.* (БТС)⁶.

Семантическая парадигма значений глагола *борься* представляет собой поле с сильно центрированным ядром, так как все значения данного

глагола входят в ЛСГ противодействия. При развитии значений и при употреблении глагола в контексте происходят модификации рассмотренного выше когнитивного сценария с актуализацией отдельных компонентов.

В основном значении данный глагол является репрезентантом прототипической ситуации физического противодействия двух контрагентов.

Второе и третье значения возникли в результате денотативной связи: физическое противодействие (1 значение) проецируется в сферу спорта или каких-либо других состязаний, конкурсов (2 значение), физическое противодействие (1 значение) изменяется на социальное противодействие (3 значение). Таким образом, происходит специализация значения относительно денотативной сферы. Денотативная аналогия связывает 2 и 4 значения глагола: борьба участников предполагает одержание победы, достижение желаемой цели, которая выдвигается на первый план в 4-ом значении глагола (*борься за мир, за власть, за свою идею*). Метафора, основанная на образной схеме препятствия, в которой источником является «внешнее физическое препятствие», а целью «эмоциональное препятствие, находящееся внутри человека», объясняет возникновение 5 значения глагола (*борься со страхом, личное и общественное борются в тебе*).

Семантическая деривация глагола «борься» основана на когнитивных процессах: денотативной аналогии, которая осуществляется человеком при сопоставлении физической и социальной деятельности, и существующей в сознании человека образной схемы «препятствие», относящейся к числу универсальных образных схем, с помощью которых формируются метафорические значения социальных глаголов.

Итак, из анализа ЛСГ противодействия и семантической парадигмы глагола «борься» видно, что процессы развития когнитивного сценария ЛСГ как межсловной парадигмы и семантической структуры многозначного глагола как внутрисловной парадигмы совпадают, что объясняется общностью механизмов категоризации.

² Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2000. С. 86.

³ Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М.: Высшая школа, 1989. С. 76–77.

⁴ Бабенко Л.Г. Денотативное пространство русского глагола: аспекты и перспективы изучения // Денотативное пространство русского глагола: Материалы IX Кузнецовских чтений. 5–7 февраля 1998 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. С. 6.

⁵ ТИСРГ – Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / Под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1999.

⁶ БТС – Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2000.

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Е.С. Сумина, О.И. Коурова

В статье рассматривается взаимоотношение процессов категоризации и концептуализации как важных понятий когнитивного описания. Особое внимание уделяется процессу категоризации понятий толерантность и *toleranz* в научной картине мира в сопоставительном аспекте на основе дискурсивного анализа. Характеризуется релевантность данных понятий для различных дискурсов научных картин мира России и Германии. Определяются и сопоставляются модели толерантности, сформированные в ходе процесса категоризации.

Как известно, процессы категоризации и концептуализации являются важнейшими процессами познавательной деятельности человека. В жизни эти процессы тесно связаны между собой, но исследователи (как правило, психологи, философы, когнитивисты) склонны подчеркивать различия между ними, связанные с целями и результатами. Е.С. Кубрякова отмечает, что попытки строгой дифференциации названных процессов и даже отдельные их изучение некоторыми специалистами составляют одну из особенностей когнитивной лингвистики¹.

Процесс концептуализации направлен на осмысление поступающей к человеку информации, порождение и трансформацию смыслов; процесс категоризации – на классификацию и членение внешнего и внутреннего мира человека².

В реферируемой статье уделяется внимание преимущественно процессу категоризации, результаты которого обычно бывают представлены когнитивными признаками, в то время как результаты процесса концептуализации – концептуальными признаками.

Н. И. Колодина характеризует процесс категоризации как процесс смыслопостроения, осмысления мыслительных действий³. По мнению исследователя, построению смыслов предшествует процесс выделения восприятием в предмете или явлении (описываемых в тексте) определенных характерных свойств и качеств, а затем происходит причисление их к определенным пространственно-временным и качественным характеристикам. Категоризация в процессе понимания и интерпретации текста проявляется в том, что реципиент усматривает представления, оценивает их и относит к определенному классу, который является когнитивной структурой («мнемо-паттерном», термин Н.И. Колодиной).

Исследование и описание картины мира (языковой, научной, художественной) является одним из актуальных направлений современной лингвистической науки. Как правило, картина мира опо-

средована тем культурным языком, на котором говорит данная группа. В этой связи интересным является сопоставление картины мира или ее отдельных фрагментов в разных языках.

В общем смысле картина мира понимается как «некий готовый трафарет (термин А.М. Золотарева) – перцептивный и аксиологический инвариант, складывающийся в рамках данной национальной общности», как «совокупность знаний об окружающей действительности, состоящих из жизненно важных для человека понятий»⁴.

Научная картина мира (НКМ) определяется как «система наиболее общих представлений о мире, вырабатываемых в науке и выражаемых с помощью фундаментальных понятий и принципов этой науки, из которых дедуктивно выводятся основные положения данной науки»⁵. НКМ является собой результат глубокой рефлексивной деятельности человека, логически выстраивающего понятийную систему социальных феноменов, упорядочивающую их. НКМ можно условно определить как «вторичную» действительность, как результат вторичного осмысления представлений, суждений, рожденных в наивной (языковой) картине мира.

Для описания научной картины мира, как и любой другой, применим метод дискурсивного анализа, один из аспектов которого «сближается по некоторым характеристикам с функциональной стилистикой, особенно если концептуализировать дискурсивное пространство в соответствии со сферами социокультурной деятельности»⁶.

Н.Н. Миронова указывает на то, что любой практический дискурс содержит оценочную семантику. Например, юридический дискурс, педагогический дискурс или научный дискурс – не абстрактные общественные проявления, а представляющие собой в зафиксированной форме выраженные коммуникативной функции, обусловленной традициями общества, которые определяются ценностными предпочтениями⁷.

К научной картине мира, на наш взгляд, следует относить все те нелингвистические дискурсы,

которые сформированы на основе отдельных областей научного знания, такие как, философский, теологический, социологический, политический и т.п.

Феномен «толерантность», один из самых актуальных феноменов современности, сформировался как русскоязычное понятие *толерантность* и немецкоязычное понятие *Toleranz* примерно в один и тот же период – в XVI веке. В результате исследования процесса категоризации данных понятий в русской и немецкой языковых картинах мира выявляются некоторые сходные и отличительные когнитивные признаки.

Научная картина мира как результат вторичного осмысления полученных представлений в процессе категоризации понятий *толерантность* и *Toleranz* несомненно должна предоставить в качестве результатов исследования дополнительные признаки, выявленные в ходе дискурсивного анализа.

Понятия *толерантность* и *Toleranz* в философском дискурсе

В немецкоязычной «Европейской философской энциклопедии» *Toleranz* определяется как «*der komplexe philosophische Begriff, der auch in der Alltagssprache und in Einzelwissenschaften verwendet wird*» «комплексное философское понятие, которое употребляется в разговорной речи и в отдельных науках».

Под словом *Toleranz* понимается «*Fähigkeit von Individuen, Gruppen, Organisationen, neuartige, andersartige, fremdartige, entgegengesetzte Auffassungen (Einstellungen), Werte, Verhaltensweisen zur Kenntnis zu nehmen und zu respektieren*» «способность индивидов, групп, организаций принимать во внимание и уважать нового, иного рода, чуждые, противоположные представления, убеждения, ценности, способы отношения»⁸.

В цитируемой выше философской энциклопедии отмечается также факт расширения значения:

Im Verlauf der europäischen Aufklärung setzt eine Ausweitung des Begriffsumfangs und eine Verweltlichung des Begriffsinhaltes ein. Dieser weitgefaßte politisch-philosophische Begriffshorizont ermöglichte den spezialisierten Gebrauch im Münzwesen, im ingenieurtechnischen Bereich, in der Medizin, Pharmazie, Psychologie und Pädagogik, Gebiete, in denen er entweder Spielraum möglicher Abweichungen von einer Norm oder Grade der Belastbarkeit bezeichnet.

На протяжении периода европейского Просвещения прослеживается расширение объема значения данного понятия и секуляризации содержания понятия. Этот широкообъемный политико-философский понятийный горизонт делает возможным его специализированное употребление в области монетного дела, в инженерно-технической отрасли, в медицине, фармацевтике, психологии и педагогике, в областях, в которых оно обозначает либо степень возможных отклонений от нормы, либо степень допускаемой «нагрузки».

Поскольку наличие слова *Toleranz* отмечается почти во всех проанализированных нами немецкоязычных философских энциклопедических словарях, то можно говорить о том, что соответствующее понятие *Toleranz* является актуальным для философского дискурса.

Релевантность русскоязычного понятия *толерантность* также доказывается на основе наличия слова *толерантность* в философских энциклопедических словарях русского языка.

Так, в философском словаре-справочнике «Человек и общество» *толерантность* понимается как 1) уважительное, терпимое отношение людей к инакомыслию; 2) устойчивость организма по отношению к воздействию среды⁹.

В «Современном философском словаре» В.Е. Кемерова отмечается, что «в политической и моральной философии проблема толерантности является одним из центральных вопросов либеральной традиции»¹⁰. *Толерантность* объясняется здесь как «термин современной философии, означающий воздержание от употребления силы для предотвращения отклонений во мнениях, верованиях, поведении другого человека или группы людей» [Там же].

В философском дискурсе, таким образом, понятие *толерантность* категоризируется как простая способность не отклоняться от исходной позиции при определенных воздействиях, а понятие *Toleranz* – как способность принимать во внимание эти воздействия при сохранении исходной позиции.

Понятия *толерантность* и *Toleranz* в техническом дискурсе

Как показывают лексикографические исследования, понятие *Toleranz* является актуальным и для технического дискурса, поскольку соответствующее слово встречается в большинстве немецко-русских технических отраслевых словарей.

Общетеchnическое значение слова *Toleranz* дается, например, в словаре-лексиконе заимствованных слов немецкого языка¹¹:

«In der Technik ist die Toleranz das Ausmaß der Abweichung einer Größe vom Normzustand oder Normmaß, das die Funktion eines Systems eben noch nicht gefährdet. Abweichend von dieser Definition wird als Fertigungstoleranz oft eine kleinere Abweichung bezeichnet, die bei der Herstellung eines Werkstücks eben noch hingenommen wird.»

В технике *толерантность* обозначает размер отклонения какой-либо величины от нормативного состояния или размера, которое не нарушает действия системы. Под производственной *толерантностью* (отклоняясь от данного определения) понимается незначительное отклонение, которое не берется во внимание при изготовлении товара.

Нами было обнаружено слово *Toleranz* и производные от него слова в нескольких немецко-русских политехнических словарях, в немецко-

русских общетехническом, электротехническом, радиотехническом, полиграфическом словарях, а также в словарях по металлообработке и технике резания металлов.

Почти во всех вышеперечисленных словарях слово *Toleranz* трактуется как «допуск, допустимое отклонение от номинального размера»¹².

В ряде технических словарей (немецко-русский полиграфический словарь, немецко-русский словарь по металлообработке, немецко-русский словарь под редакцией Л.И. Барона) наряду с существительным *Toleranz* встречается и глагол *tolerieren* в значении «устанавливать допуски».

Во всех проанализированных немецко-русских словарях, связанных с различными отраслями техники, кроме немецко-русского полиграфического словаря, зафиксировано большое количество слов, производных от слова *Toleranz*, что свидетельствует о широкой распространенности продуктивной составляющей *Toleranz* в области техники. Так, например, в немецко-русском словаре по металлообработке содержится 15 различных сложных слов, имеющих одним из своих компонентов слово *Toleranz*: *Toleranzabweichung* «предел допуска», *Toleranzeinheit* «единица исчисления допуска», *Toleranzfeld* «поле допуска», *Toleranzgerät*, *Toleranzmeßgerät* «пределный измерительный прибор», *Toleranzgrenze* «предел допуска», *toleranzhaltig* «удовлетворяющий допуску» и другие.

В немецко-русском радиотехническом словаре содержится 5 производных слов с указанной продуктивной составляющей, в политехническом словаре – 8.

Из анализа этих слов следует, что толерантность в немецком языке не является статичной фиксированной величиной, а допускает некоторое безопасное для системы или структуры колебание, допустимое отклонение в определенном поле или диапазоне допуска.

Кроме того, в словаре по металлообработке имеется слово *Tolerierung* со значением «установление допусков», образованное от глагола *tolerieren* с помощью словообразовательного суффикса *-ung*, характерного для существительных, имеющих в своей семантике значение процесса становления действия.

Таким образом, в техническом дискурсе понятие *Toleranz* категоризируется как предельно допустимое отклонение от нормы.

В отличие от немецкого языка для технического дискурса России соответствующее понятие *толерантность* не является актуальным вообще, о чем свидетельствует как полное отсутствие слова *толерантность* в русскоязычных технических словарях и справочниках, так и отсутствие данного слова в переводах немецкого слова *Toleranz* в немецко-русских словарях технической направленности.

Понятия *толерантность* и *Toleranz* в экономическом дискурсе

Кроме технического дискурса исследуемое нами понятие *Toleranz* довольно часто используется также и в области экономики и бизнеса, а следовательно, актуально для экономического дискурса. В ходе работы с различными немецко-русскими словарями мы обнаружили наличие соответствующего слова *Toleranz* в словаре по бизнесу¹³, в финансово-кредитном словаре¹⁴, в «Новом немецко-русском экономическом словаре» В.А. Салищева¹⁵, а также в «Большом немецко-русском экономическом словаре»¹⁶. Как и в технических словарях, в экономических и финансовых словарях слово *Toleranz* трактуется как «допуск» или «отклонение».

В ряде словарей, относящихся к данной области, называется второе, более специфичное для сферы экономики и бизнеса значение этого слова, определяемое как «ремедиция» или «ремедиум». Например, в словаре А.С. Никифоровой находим: *Toleranz* 1. допуск, допустимое отклонение от договорного количества; 2. ремедиум (в условиях золотомонетного стандарта – допустимое законом уменьшение веса монеты)¹⁷.

Как показывают исследования, в экономическом дискурсе также встречаются другие понятия, связанные с понятием *Toleranz* в значении «допуск». Так, в нескольких словарях зафиксированы такие сложные слова, как, например, *Toleranzbereich* поле допуска, *Toleranzfaktor* коэффициент допуска (при статистическом контроле качества), *Toleranzgrenze* граница поля допуска, *Toleranzlinie* кривая допусков. Это свидетельствует о степени распространенности слова *Toleranz* в данной сфере как самостоятельно, так и в составе сложных слов.

Таким образом, для экономического дискурса понятие, обозначаемое словом *Toleranz*, актуально почти в той же степени, что и для технического дискурса, и так же, как и в области техники, преобладающим является значение «допуск».

Русскоязычное понятие *толерантность* для данного дискурса России актуальным не является, поскольку отсутствует в энциклопедических экономических словарях русского языка.

Понятия *толерантность* и *Toleranz* в биолого-медицинском дискурсе

Лексикографические исследования доказывают релевантность понятий *толерантность* и *Toleranz* для биолого-медицинского дискурса.

В медицинском дискурсе Германии слово *Toleranz* встречается, например, в области такого медицинского раздела, как токсикология:

«In der *Toxikologie* bezeichnet man mit dem Begriff *Toleranz* (Synonym: *Gewöhnung*) die *Anpassung eines Organismus an den Einfluss eines Gifts, die die Giftwirkung reduziert oder beseitigt. Meist geschieht die Anpassung durch vermehrte*

*Biosynthese eines Enzyms, das den Giftstoff abzubauen vermag*¹⁸.

В токсикологии под толерантностью (синоним: привыкание) понимается приспособление организма к влиянию какого-либо ядовитого вещества. Это приспособление уменьшает или устраняет действие яда и происходит благодаря увеличенному биосинтезу клетки, которая способна расщеплять ядовитое вещество.

Русское понятие толерантность для данного дискурса России является еще более релевантным, поскольку слово толерантность зафиксировано во всех медицинских словарях и справочниках энциклопедического характера.

Так, например, данное слово зафиксировано в «Краткой медицинской энциклопедии», где речь идет конкретно о толерантности иммунологической и толерантности к глюкозе¹⁹.

В биологическом томе 10-томной «Современной энциклопедии» толерантность употребляется в рамках статей «Клеточные механизмы и иммунитет» и «Феноменология»: «Клеточные механизмы и иммунитет. Толерантность – утрата клона клеток вследствие их контакта с антигеном в процессе созревания лимфоцита»²⁰; «Феноменология. Способность отличать введенный чужеродный белок от собственного у такого животного утрачивается после рождения. Это явление, носящее название толерантности (терпимости), составляет четвертую особенность элементарной реакции приобретенного или специфического иммунитета... Толерантность – утрата способности дифференцировать чужое и свое».

Таким образом, в биологии, как и в медицине, толерантность категоризируется как способность противостоять неблагоприятному воздействию, а *Toleranz* – как приспособление к такому воздействию.

Понятия толерантность и Toleranz в социологическом дискурсе

Понятие *Toleranz* нередко встречается и в социологическом дискурсе Германии. Как показывают исследования, социология широко пользуется словом *Toleranz* и субстантивированным глаголом (*das*) *Tolerieren*.

«In der Soziologie bedeutet Tolerieren, dass ein einzelner Mensch oder eine Gruppe Einflüsse, die von anderen Menschen oder Gruppen ausgehen, erduldet» 'В социологии речь идет о толерировании, когда отдельный человек или группа людей претерпевает влияния, которые исходят от других людей или групп'²¹.

Интересным фактом является то, что при всей актуальности понятия толерантность для российского социологического дискурса, которая доказывается на основе обзора научных исследований феномена толерантность, соответствующее слово толерантность отсутствует в социологических словарях-справочниках.

Понятия толерантность и Toleranz в юридическом (законодательном) дискурсе

Актуальность понятия *Toleranz* для юридического или законодательного дискурса Германии подтверждается наличием в слова *Toleranz* в немецко-русском юридическом словаре. Продуктивная составляющая *Toleranz* встречается здесь также и в составе сложных слов:

Toleranz 1) терпимость 2) допуск, отклонение от чего-либо (например, снижение объема поставки); снижение веса монеты, допускаемое законом.

Toleranzvereinbarung договоренность о допущении отклонений от договорных показателей²².

В законодательном дискурсе современного российского общества понятие толерантность также широко используется в рамках различных форумов и конференций.

Нам удалось обнаружить слово толерантность в рамках законодательной статьи «Медицинское освидетельствование для установления факта употребления алкоголя и состояния опьянения»: «Выявление клинических признаков действия алкоголя. При анализе клинической картины простого алкогольного опьянения следует учитывать то, что в зависимости от чувствительности субъекта и количества принятого алкоголя и толерантности к нему состояние субъекта может быть различным»²³.

Значение, в котором здесь используется слово толерантность, медицинское.

Следовательно, в законодательном дискурсе России слово толерантность используется в его двух основных значениях: общем как терпимость и медицинском – как способность переносить неблагоприятные воздействия.

Понятия толерантность и Toleranz в политическом дискурсе

Как показывают многочисленные исследования, интересующее нас понятие *Toleranz* является актуальным и для политического дискурса.

Соответствующее понятию слово *Toleranz* отражено, например, в политическом словаре-лексиконе:

Toleranz (Duldsamkeit) die Entschlossenheit, die Meinung anderer Personen und Gruppen gelten zu lassen, ja ernst zu nehmen 'толерантность (терпимость) готовность признавать существование и серьезно относиться к мнению других людей и групп'²⁴.

Для российского политического дискурса понятие толерантность также является достаточно актуальным. Слово толерантность зафиксировано во многих политических словарях.

Например, в «Кратком словаре политического языка» В.В. Бакеркиной толерантность определяется как «особая позиция, допускающая существование инакомыслия; терпимость»²⁵.

Понятия толерантность и Toleranz в теологическом дискурсе

В религиозном дискурсе Германии исследуемое понятие встречается также довольно часто и

выражается соответствующим словом *Toleranz*, которое зафиксировано в нескольких словарях религиозной тематики.

Так, на религиозное значение этого слова указывается еще в первом издании словаря издательства Брокгауз²⁶:

«*Toleranz*, d.i. Duldung, soviel wie religiöse Duldung, nennt man die stillschweigende Gestattung der Übung einer Religion, die in einem Lande gesetzlich nicht anerkannt ist» 'Толерантностью (терпимостью, равносильно религиозной терпимостью) называют молчаливое позволение практикования религии, не признанной законной в данной стране'.

Понятие *толерантность* также имеет место в религиозном дискурсе России.

Как отмечается на религиозном сайте «Русское воскресение», «говоря о *толерантности*, предполагают чаще всего безграничную (в соответствии с общей концепцией современного глобализованного «мира без границ») внутреннюю готовность принимать, оправдывать, допускать всё и вся, «добру и злу внимая равнодушно»²⁷.

Значение слова *толерантность* как «готовность принимать, допускать» схоже со значением соответствующего немецкого слова *Toleranz* как «соглашение, допущение» в том же самом религиозном дискурсе.

В то же время, частотность русскоязычного слова *толерантность* в религиозных энциклопедических словарях несколько меньше по сравнению с частотностью немецкого *Toleranz*. Очевидно, что более предпочтительным для выражения принципов толерантности в современном религиозном дискурсе является синонимичное исконно русское слово *терпимость*.

Понятия *толерантность* и *Toleranz* в прочих дискурсах

Лексикографические исследования позволили нам установить также актуальность немецкого понятия *Toleranz* для сельскохозяйственного дискурса и русского понятия *толерантность* для математического дискурса.

Так, в немецко-русском сельскохозяйственном словаре зафиксировано, например, слово *Toleranzdosis* «толерантная (переносимая) доза», а также прилагательное *tolerant* в значении «выносливый (об организме)»²⁸.

Интересным является факт использования слова *толерантность* в качестве математического термина, обозначающего «бинарное отношение $R \leq A \times A$ на множестве A , обладающее свойствами рефлексивности и симметричности»²⁹.

Итак, на основе проведенного выше дискурсивного анализа понятий *толерантность* и *Toleranz* в научных картинах мира России и Германии, фрагменты которых представлены выше, мы пришли к выводу, что исследуемые понятия имеют следующие признаки (модели).

Для понятия *Toleranz* в научной картине мира Германии характерными будут являться следующие модели:

Toleranz = способность принимать во внимание.

Toleranz = уважение.

Toleranz = отклонение от нормы.

Toleranz = допуск.

Toleranz = приспособление к влиянию неблагоприятного фактора.

Toleranz = признание права другого.

Toleranz = серьезное отношение к иному.

Toleranz = молчаливое позволение практикования иного.

В качестве характерных моделей понятия *толерантность* в научной картине мира России выступают следующие модели:

Толерантность = уважение, терпимость.

Толерантность = устойчивость по отношению к воздействию другого.

Толерантность = воздержание от употребления силы.

Толерантность = утрата способности к различению.

Толерантность = способность переносить иное.

Толерантность = соглашение, допущение, смирение.

Как видим, некоторые из перечисленных характеристик понятий *толерантность* и *Toleranz* совпадают. Так, общими моделями являются *уважение*, *терпимое отношение* к иному, *допущение* (*допуск*). В то же время, перечисленные модели не в одинаковой степени характеризуют данные понятия. Например, такая модель, как *допуск* наиболее характерна для немецкого понятия *Toleranz*, чем для русского *толерантность*, поскольку слово *Toleranz* в данном значении встречается в значительной части дискурсов немецкой научной картины мира.

Наряду с общими моделями существует ряд моделей, характерных для одного понятия и нехарактерных для другого. Такими моделями являются, например, *отклонение от нормы* и *приспособление*, характерные для понятия *Toleranz*, и *устойчивость*, *соглашение*, *смирение*, характерные для понятия *толерантность*.

¹ Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной лингвистики // Известия РАН. Сер. лит. и языка. 2004. Т. 63. № 3. С. 6.

² Алимущкина О.А. Экспериментальное исследование результатов категоризации и концептуализации // Очерки гуманитарных исследований. Сборник научных трудов молодых ученых. Выпуск 1 / Под редакцией Е.В. Лукашевич. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 6.

³ Колодина Н.И. Теоретические аспекты понимания и интерпретации художественного текста (на материале русского и английского языков) // Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2002. С. 9.

⁴ Пятаева Н.В. Антропоцентрический принцип современного языкознания и понятия картины мира // Филологический класс. 2004. № 12. С. 56.

- ⁵ Зацепина М.В. Концептуализация феномена отчуждения в русской и немецкой этноконцептосферах // Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: УрГПУ, 2006. С. 8.
- ⁶ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 663.
- ⁷ Миронова Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики. М.: ТЕЗАУРУС, 1997. С. 31.
- ⁸ Europäische Enzyklopädie zu Philosophie und Wissenschaften. Band 2: R. Z. Hamburg: Felix Meier Verlag, 1990. 892 S. 634.
- ⁹ Словарь-справочник «Человек и общество» (Философия) / Авторы-составители: Коротец И.Д., Штомпель О.М., Штомпель А.А. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1996. С. 455.
- ¹⁰ Кемеров В.Е. Современный философский словарь. М.: Академический Проект, 2004. С. 726.
- ¹¹ <http://lehnwort.de>.
- ¹² Панкин А.В. Немецко-русский политехнический словарь (около 50000) терминов. М.: Руссо, 1996. С. 480. Немецко-русский радиотехнический словарь / Под ред. О.Б. Лурье, Б.С. Лебедева, И.С. Янкельсона. М.: Советская энциклопедия, 1964. С. 569. Немецко-русский политехнический словарь. М.: Физматгиз, 1963. С. 699. Немецко-русский полиграфический словарь / Под ред. А.Н. Чернышева. М.: Главная редакция иностранных научно-технических словарей физматгиза, 1962. С. 322. Немецко-русский словарь по металлообработке / Под ред. В.В. Шварца. М.: Советская энциклопедия, 1969. С. 347. Немецко-русский технический словарь / Под ред. Л.И. Барона. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 604.
- ¹³ Никифорова А.С. Немецко-русский словарь по бизнесу. М.: Словари, 1993. С. 384.
- ¹⁴ Немецко-русский финансово-кредитный словарь. Изд. третье / Под ред. А.Е. Завьялова. М.: Финансы и статистика, 1994. С. 169.
- ¹⁵ Салищев В.А. Новый немецко-русский экономический словарь. М.: Руссо, 2000. С. 482.
- ¹⁶ Большой немецко-русский экономический словарь / Под ред. Ю.И. Куколева. М.: РУССО, 2004. С. 741.
- ¹⁷ Никифорова А.С. С. 384.
- ¹⁸ <http://lehnwort.de>.
- ¹⁹ Краткая медицинская энциклопедия / Гл. ред. Б.В. Петровский. В 3-х т. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 404.
- ²⁰ Современная энциклопедия в 10 томах. Т. 2. Естественное знание. Общая биология. М.: Магистр-Пресс, 2000. С. 218.
- ²¹ <http://lehnwort.de>.
- ²² Немецко-русский юридический словарь / Под ред. П.И. Гришаева. М.: Русский язык, 1985. С. 467.
- ²³ <http://www.rcomitet.ru>
- ²⁴ Gesellschaft und Stadt. Lexikon der Politik. NE: Drechsler, Hanno. München: Vahlen, 1992. S. 722.
- ²⁵ Бакеркина В.В., Шестакова Л.Л. Краткий словарь политического языка: Более 2 тыс. терминов и терминологических сочетаний. М., 2002. С. 265.
- ²⁶ Brockhaus, Bilder und Conversationslexikon für das deutsche Volk, Leipzig 1841. Band 4. S. 392.
- ²⁷ <http://www.voskres.ru>.
- ²⁸ Немецко-русский сельскохозяйственный словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. С. 593.
- ²⁹ Математическая энциклопедия. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 358.

О РАЗРАБОТКЕ МЕТОДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Л.П. Халяпина

В статье освещаются вопросы формирования поликультурной языковой личности в процессе обучения иностранным языкам: анализируются когнитивный и лингвокультурный подходы к изучению концептов, различные способы классификации культурных концептов, предлагается методическая система формирования поликультурной языковой личности, рассматриваются различные виды Интернет-коммуникации как основного средства формирования поликультурной языковой личности в процессе обучения иностранным языкам.

Известно, что изменение педагогических и методических систем происходит под воздействием изменений, происходящих в обществе, под воздействием так называемого социального заказа.

Наиболее значимыми характеристиками XXI века, которые не могут не сказаться на системе обучения иностранным языкам, являются глобализация и информатизация. Происходит сближение стран и народов, становление единого взаимосвязанного мира, получившего название глобального, в рамках которого расширяются экономические, политические и культурные связи между странами.

В данных условиях изменяется само общество. Оно становится поликультурным, для которого характерно как развитие ряда универсальных, глобальных характеристик, так и сохранение самобытности культуры каждой отдельно взятой этнической группы.

Вопросы формирования языковой личности в процессе изучения языка и культуры начинают занимать сегодня ведущее место в лингвометодических исследованиях, посвященных теории и практике преподавания иностранных языков.

Анализ теоретических работ в данной области показал, что за последнее десятилетие в центре внимания ученых были следующие вопросы:

– разработка теоретических основ формирования вторичной языковой личности в процессе обучения иностранным языкам студентов языкового вуза¹;

– определение методических основ обучения иностранным языкам в средней школе на основе теории формирования вторичной языковой личности²;

– соизучение иностранного языка и культуры в рамках формирования языковой личности как межкультурной личности или медиатора культур, в большей степени подготовленной к эффективной межкультурной коммуникации³.

Однако в сложившихся условиях глобального поликультурного мира недостаточно изучать и понимать лишь культуру страны изучаемого языка

(что характерно для существующей системы обучения иностранным языкам). Необходим принципиально иной подход, направленный на формирование поликультурной языковой личности, подход, который базировался бы на когнитивном уровне осмысления как универсальных культурных концептов, имеющих общечеловеческую ценность, так и на понимании специфического культурного характера выражения данных концептов в различных этнокультурах.

Для эффективного функционирования в новом глобальном поликультурном обществе требуется новый тип языковой личности, которую мы предлагаем назвать поликультурной.

Для того, чтобы в процессе обучения иностранным языкам подготовить студентов к позитивному функционированию в условиях глобального мира, необходимо осуществить их приобщение не только к языковой, но и, что более важно и вместе с тем более сложно, концептуальной системе носителей изучаемого языка и культуры. Данная идея не нова. Она встречается, например, в работах И.И. Халеевой, К. Хитрика, Н.И. Алмазовой и др., в которых, в частности, в качестве ведущей рассматривается идея о том, что для понимания представителей других культурных групп, необходимо понимать, как они «видят» мир, членят, классифицируют и оценивают его. Для решения данной задачи учеными рассматривалась необходимость овладения хотя бы ядерными элементами концептуальной системы соответствующей этнокультуры.

Для реализации задач формирования поликультурной языковой личности этого недостаточно. Поликультурная языковая личность – это такая языковая личность, которая владеет концептосферами разного уровня и способна выявлять и понимать наличие сходств и различий между представителями различных культур, оперирующими разными концептосферами и в соответствии с этим вести диалог, продуктивно взаимодействовать с представителями различных культур на основе

принципов интеграции, сосуществования и плюрализма. Данное определение базируется на понимании того, что в процессе обучения иностранным языкам должен осуществляться процесс приобщения обучаемых не только одновременно к нескольким языковым системам изучаемых языков, но и к разным концептуальным системам его носителей.

В связи с этим, основной акцент процесса обучения иностранным языкам должен быть сделан на необходимости овладения основными компонентами *концептуальных систем представителей разных языков и культур*, на осуществлении их сравнения и сопоставления в процессе изучения.

В связи с этим представляется важным в лингвометодические исследования, как и в практику преподавания иностранных языков, более активно вводить некоторые положения и достижения когнитивной лингвистики, в которой накоплен значительный опыт изучения концептов как единиц сознания человека с помощью лингвистических методов, то есть через языковые средства объективации концептов. Когнитивная лингвистика изучает концепты через их языковую объективацию, моделируя структуру концепта на основе анализа значений всех объективирующих его языковых единиц. Подобное моделирование есть результат когнитивной интерпретации результатов лингвистического исследования.

Не вызывает сомнения тот факт, что введение в учебный процесс элементов исследования концептов, разработанных в работах по когнитивной лингвистике, будет способствовать овладению концептуальными системами носителей того или иного языка и культуры.

Понятие «концептуальная система» или «концептуальная картина мира» рассматривается в соотношении с понятием «языковая картина мира».

Сложившаяся в современном языкознании антропологическая парадигма языка выводит на первое место человека, а сам язык рассматривается как важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. Под языковой картиной мира предлагается понимать представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире⁴. Особое внимание при этом обращается на национальный характер языковой картины мира, который подчеркивается тем, что «это «сложившаяся давно и сохранившаяся донныне национальная картина мира, дополненная ассимилированными знаниями, отражающая мировоззрение и мировосприятие народа, зафиксированная в языковых формах, ограниченная рамками консервативной национальной культуры этого народа».

Наиболее интересным и актуальным является положение когнитивной лингвистики о том, что языковая картина мира – это ограниченная и к то-

му же «наивная» картина мира, она не передает полностью ту картину мира, которая есть в национальном сознании, поскольку язык называет и категоризирует далеко не все, что есть в сознании народа. Более полное представление о категоризации мира содержит концептуальная картина мира, которая составляет основу языковой картины мира. Каждый естественный язык отражает определенный способ концептуализации (восприятия и организации) мира, при этом значения, которые выражаются в языке, формируют единую систему взглядов, представляющую собой некую «коллективную философию», которая навязывается всем носителям языка в качестве обязательной.

Концептуальная картина мира или концептуальная система (в другой терминологии «концептосфера») рассматривается следующим образом:

– как совокупность концептов нации, образованную всеми потенциями концептов носителей языка⁵;

– как тот ментальный уровень или та ментальная (психическая) организация, где сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение⁶;

– как система мнений и знаний о мире, отражающая познавательный опыт человека, притом как на доязыковом, так и на языковом уровне, но несводимой к какой бы то ни было лингвистической сущности. В качестве составляющей концептуальной системы рассматриваются отдельные смыслы, или концепты, сформированные в процессе познания мира и отражающие информацию об этом мире⁷.

Концептуальная картина мира народа и семантическое пространство языка не совпадают, поскольку в концептосфере народа есть концептуальные образования, которые не получили языкового выражения (о чем свидетельствует наличие лагун, выявляемых при сопоставлении различных языков). Иначе говоря, не все концепты имеют языковую объективацию, и вместе с тем любое языковое средство, объективирующее тот или иной концепт, объективирует концепт не полностью, поскольку ни одно значение слова своим ограниченным семным составом не может передать комплексное содержание концепта во всей полноте его признаков.

Изучение семантического пространства языка позволяет получать достоверные знания о той части концептосферы, которая в нем представлена. В языковой картине мира отражается вся совокупность духовного и материального опыта людей, говорящих на определенном языке. Наивные знания о мире фиксируются языком и отражают знания и культуру носителей данного языка.

Планом содержания концепта как ментального национально-специфического образования является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом языкового выражения совокупность лексических, паремических, фразеологических еди-

ниц, номинирующих и описывающих данный объект. Иначе говоря, концепт представляется в языке в виде семантических систем, а в процессе коммуникации как последовательность вербальных и невербальных актов – своего рода лингвистических артефактов. Успех коммуникации, таким образом, зависит от степени знания системы концептов и правил перехода от концептосферы к семантической системе и владения нормами ее реализации.

Соответственно, использование специальной методики исследования способов языковой объективации концептов в процессе обучения иностранным языкам будет способствовать овладению студентами концептосферами носителей изучаемых языков, а использование сравнительно-сопоставительного анализа обеспечит выявление сходств и различий между разными лингвокультурами. Все это в конечном итоге обеспечит повышение уровня подготовленности студентов к ситуации межкультурной коммуникации.

Исходя из того, что единицей концептосферы является концепт, включающий все ментальные признаки того или иного явления, которые отражены сознанием народа на данном этапе его развития, необходимо сказать о двух различных подходах к пониманию данного явления, что представляет собой определенную значимость для его использования в лингвометодике.

Существует определенное различие в понимании концепта в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии, которые оперируют разными терминами: «когнитивный концепт» и «культурный концепт». С позиции когнитивной науки концепт – «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Это сведения о том, что человек знает, думает, воображает об объектах мира»⁸. В этом определении подчеркивается сохранение и структурирование в индивидуальном сознании информации о мире и самом себе в виде определенных структур представления знаний и оценок. Акцентируется переработка информации от сенсорных сигналов на входе до ментальных репрезентаций разного типа (образов, пропозиций, фреймов, скриптов, сценариев и т.п.) в сознании человека. Концепты, идеи независимы от языка, не случайно только часть из них находит языковую объективацию, однако самые важные концепты кодируются именно в языке⁹.

Наиболее значимыми для методики преподавания иностранных языков являются положения лингвокультурного подхода к изучению концепта. Исследованиями культурных концептов в отечественной лингвистике и лингвокультурологии занимаются, прежде всего, такие ученые, как С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов. Анализ работ данных авторов позволяет перечислить наиболее важные положения, связанные с теорией культурных концептов.

При лингвокультурном подходе концепты представляют как ментальные сущности, несущие на себе отпечаток духовного облика человека определенной культуры. Культурный концепт определяется как микромодель культуры, её концентрат, сгусток культуры в сознании человека, основная ячейка культуры в ментальном мире.

В соответствии с данным подходом, культурная информация в языковых единицах представляется культурными концептами, которые определяются как многомерные смысловые образования, в которых выделяются ценностная, образная и понятийная стороны¹⁰, это обусловленные культурой базовые единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом.

Лингвокультурный подход представляет собой конкретизацию изучения культурных концептов с точки зрения их ценностного компонента. Имеется в виду сопоставление отношения к тем или иным предметам, явлениям, идеям, которые представляют ценность для носителей культуры. Ценности, определяющие поведение людей, составляют наиболее важную часть языковой картины мира. Эти ценности не выражены явно в каком-либо тексте. Лингвистически они могут быть описаны в виде культурных концептов, то есть многомерных, культурно-значимых образований в коллективном сознании, опредмеченных в той или иной языковой форме¹¹. Культурный концепт играет роль посредника между культурой и человеком, реализуясь в языке, являющимся средой, в которой происходит понятийная репрезентация общекультурных концептов. Существует множество способов языковой апелляции к любому культурному концепту («входов в концепт»). К одному и тому же концепту можно апеллировать при помощи языковых единиц различных уровней: лексем, фразеологизмов, свободных словосочетаний, предложений. В различных коммуникативных контекстах одна и та же единица языка может стать входом в различные концепты.

Неоспоримая важность данного подхода к пониманию концепта заключается в том, что он признается базовой единицей культуры, её концентратом. В структуру концепта при этом включается все то, что делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков история; современные ассоциации; оценки и т.д. Концепты в этом понимании часто соотносятся с наивной картиной мира, противопоставляемой научной картине мира, исследователи при этом говорят о понятиях практической философии, таких, как «истина», «судьба», «добро» и т.д.

Культурный концепт отличается от других единиц, используемых в лингвокультурологии (науке о взаимосвязях языка и культуры), своей ментальной природой. Если предлагаемая Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым логозпи-

стема является, по сути, элементом значения слова и локализуется в языке, а введенная В.В. Воробьевым лингвокультурема определяется как единица межуровневая, т.е. не имеющая определенной локализации, то концепт находится в сознании. Именно в сознании осуществляется взаимодействие языка и культуры, поэтому любое лингвокультурологическое исследование есть одновременно и когнитивное исследование.

Итак, когнитивные концепты – это индивидуальные содержательные ментальные образования, структурирующие и реструктурирующие окружающую действительность, а культурные концепты – это коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры¹².

Рассмотренные особенности каждого из представленных видов концептов дают нам возможность выбрать для реализации лингвометодики культурные концепты, так как именно в них отражается специфика культуры изучаемого языка. Исходя из их роли в системе того или иного языка и культуры, можно предположить, что введение культурных концептов в систему обучения иностранным языкам обеспечит формирование ряда важных компетенций в структуре поликультурной языковой личности. Данный вывод сделан на основании того, что через концепт, рассматриваемый как единица культурного знания и связующее звено между культурой и языковой личностью, происходит «вторжение» (Ю.Н. Караулов) в структуру самой языковой личности, что дает возможность «управлять» процессом семантического развертывания языковой личности¹³.

Важным для решения задач формирования поликультурной языковой личности является также и положение о способах классифицирования концептов, так как на основе одной из выбранных классификаций будет в дальнейшем осуществляться формирование определенных компонентов в структуре языковой личности.

Культурные концепты могут классифицироваться по различным основаниям. С точки зрения тематики концепты образуют, например, эмоциональную¹⁴, образовательную, текстовую¹⁵ и др. концептосферы. Классифицированные по своим носителям концепты образуют индивидуальные, микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие концептосферы¹⁶. Классификацию концептов Д.С. Лихачева Н.А. Красавский называет «социологической». В работе Н.А. Красавского говорится следующее: «Классификация концептов Д.С. Лихачёва строится, в нашем понимании, если можно так выразиться, на социологическом критерии, суть которого заключается в охвате той или иной идеи, мысли, концепта определенного количества людей. Обладание тем или иным концептом зависит от такого культурологического фактора, как система предпочтений, ценностей целых этносов, формирую-

щих их стратов (социальных групп) и, наконец, конкретных индивидуумов, владеющих в той или иной степени самой культурой. Именно от степени владения культурой, т.е. уровня образованности, воспитанности, интеллигентности, зависит концептосфера конкретного человека»¹⁷.

С точки зрения решения задач лингвометодики и подготовки студентов к эффективному взаимодействию с представителями разных культур нам представляется наиболее актуальной классификация концептов по своим носителям (или по принадлежности тому или иному социальному слою общества), которые в другой терминологии определяют, как: универсальные, этнокультурные, социокультурные и индивидуально-культурные¹⁸. Эту классификацию мы считаем наиболее подходящей для решения задач, направленных на формирование поликультурной языковой личности.

Отсюда следует, что формирование поликультурной языковой личности в процессе обучения иностранным языкам предполагает приобретение обучающимися знаний о концептосферах глобального, этнокультурного, социокультурного и индивидуально-культурного уровней, умений интерпретировать эти знания, устанавливать трансконцептные связи и отношения, а также способности и готовности применять эти знания в практической ситуации поликультурной коммуникации. Иначе говоря, недостаточно владеть концептосферами на теоретическом уровне. Необходимо выход в практику через компетенции как совокупности знаний, умений и способностей.

Для того, чтобы в процессе обучения иностранным языкам стало возможным реализовать поставленную задачу, необходимо разработать принципиально новую методическую систему обучения иностранным языкам. В данном случае представляется необходимым вести речь о методической системе формирования поликультурной языковой личности.

Под методической системой формирования поликультурной языковой личности мы понимаем совокупность взаимосвязанных компонентов: целей, содержания, методов, средств, деятельности преподавателя и студентов, результатов обучения, необходимых для создания целенаправленного педагогического взаимодействия субъектов образовательного процесса, направленного на формирование поликультурной языковой личности. Иначе говоря, содержание всех компонентов традиционной методической системы должно быть изменено и наполнено новым смыслом.

В разработанной автором методической системе данные компоненты представлены следующим образом.

Цели

В рамках решения поставленной задачи можно говорить о разных уровнях целеполагания, начиная от более крупных, общих, заканчивая более мелкими, частными. Так, мы исходим из следующей классификации целей:

1. Общие (или глобальные) цели, которые соотносятся с целями, заложенными в государственном образовательном стандарте и востребованы обществом.

2. Поэтапные цели, которые соответствуют отдельным этапам формирования поликультурной языковой личности и соотносятся с компетенциями в её структуре.

Что касается конкретного выражения обозначенных целей, то они определяются следующим образом:

- общая цель – формирование поликультурной языковой личности в процессе обучения иностранным языкам;

- поэтапные цели – формирование определенного вида компетенции или нескольких компетенций в структуре поликультурной языковой личности на каждом отдельном этапе.

Содержание обучения

В содержание обучения включаются следующие компоненты: знания, отношения, умения и способности, как компоненты компетенций в структуре поликультурной языковой личности, подлежащей формированию в процессе обучения иностранным языкам, обеспечивающие возможность эффективной поликультурной коммуникации; языковой материал, текстовый материал, темы, система заданий.

Знания в комплексе компетенций содержательного уровня охватывают сведения о существовании различных видов культурных концептов в концептуальной системе представителей разных стран и культур, о различии их наполнения в различных культурах.

Отношения – это реакция человека на определенное явление или его концепт, будь то человек, событие, абстрактная идея или конкретная культура, с которой ему довелось столкнуться.

В данной методической системе отношения представляют собой открытость новой информации, желание и готовность восприятия «другого» как равноправного, последовательное развитие толерантности к различиям и состоянию неопределенности при выявлении наполнений культурных концептов собеседника, если они расходятся с культурными нормами и системой ценностей собственной культуры.

Компонент «способности» в данной работе понимается не как предрасположенность, а как индивидуально-психологические особенности – качества личности, которые являются условием успешного выполнения определенного вида деятельности.

Умения поликультурной языковой личности обладают сложным характером и предполагают целый комплекс умений в структуре каждой из компетенций, входящих в модель поликультурной языковой личности. В качестве основных компонентов модели мы выделяем следующие компетенции: поликонцептуальную, полилингвисти-

ческую и коммуникационно-технологическую. Исходя из того, что в теории концептосфер разработана четырехуровневая классификация концептуальных систем, в структуре поликонцептуальной компетентности представляется необходимым также выделить четыре вида компетенций: на уровне универсальных, этнокультурных, социокультурных и индивидуально-культурных концептов. Данный уровень предполагает формирование компетенций в сфере разных групп культурных концептов и способов их лексической репрезентации и контекстуальной реализации. В структуре полилингвистической компетентности необходимо формирование компетенций в сфере английского языка как языка глобальной коммуникации или в сфере нескольких иностранных языков. Коммуникационно-технологическая компетентность подразумевает владение коммуникационными технологиями Интернет.

Все перечисленные компетентности, по нашему мнению, и представляют собой основные компоненты поликультурной языковой личности, востребованной в условиях глобального поликультурного общества.

Основным *средством обучения* и средством формирования поликультурной языковой личности мы рассматриваем Интернет-коммуникацию, которую мы рассматриваем как взаимодействие людей поликультурного мира с помощью глобальной компьютерной среды Интернет, содержанием которого является взаимное познание и обмен информацией; она включает как межличностную, так и одностороннюю коммуникацию.

Интернет-коммуникация включает в свое значение глобальную коммуникацию, которая осуществляется в международной сети Интернет чаще всего на каком-либо из популярных иностранных языков (английском, немецком, французском), что и вызывает особый интерес специалистов в области лингвометодики к Интернет-коммуникации как современному средству обучения языкам.

На основных этапах формирования поликультурной языковой личности возможно использование различных видов Интернет-коммуникации, обеспечивающих интерактивное взаимодействие с представителями различных лингвокультур поликультурного мира:

- web-сайты (электронные толковые словари и энциклопедии, электронные газеты и журналы, отражающие современные проблемы и реалии жизни разных стран);

- форумы, позволяющие в рамках виртуальной конференции изучить особенности интерпретации той или иной проблемы представителями различных культур;

- e-mail проекты, обеспечивающие возможность более глубокого исследования отношения к той или иной культурологической ситуации в разных культурах;

– chat-конференции, способствующие проведению экспресс-опроса по выявлению особенностей реализации и наполнения значения того или иного культурного концепта в различных культурах.

В целях более эффективной реализации разработанной нами методической системы рекомендуется осуществлять ее внедрение поэтапно. При этом выделяются следующие этапы:

– подготовительный, цель которого: овладение различными видами Интернет-коммуникации и знакомство с теорией концептуального анализа, особенностями исследования культурных концептов универсального и этнокультурного типов);

– интерактивного обучения, цель: исследование способов лексической репрезентации культурных концептов;

– самостоятельной поисковой и исследовательской деятельности, цель: исследование способов контекстной реализации смысловых значений культурных концептов на основе web-сайтов и интерактивных жанров Интернет-коммуникации;

– творческого представления результатов самостоятельной деятельности, цель: сопоставительный анализ сходств и различий значений культурных концептов различных лингвокультур – на уровне универсального и этнокультурного значений культурных концептов – в рамках устной презентации или эссе.

На каждом этапе реализации методической системы происходит формирование определенных компонентов структуры поликультурной языковой личности.

Методическая система формирования поликультурной языковой личности, базирующаяся на переносе и адаптации идей когнитивной лингвистики в целях совершенствования системы преподавания иностранных языков в вузе, продемонстрировала свою результативность и подтвердила обоснованность разработанной теории.

¹ Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). М.: Высшая школа, 1989. С. 227. Хитрик К.Н. Теоретические

основы обучения культуре иноязычного речевого общения в специальном вузе. Автореф. дис. ... док. пед. наук. М., 2001. С. 37.

² Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. Пособие для учителя. М.: АРКТИ, 2004. С. 138.

³ Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. Санкт-Петербург: Изд-во «Союз», 2001. С. 291.

⁴ Попова З.Д., Стернин И.А., Карасик В.И., Кретов А.А., Борискина О.О., Пименов Е.А., Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. С. 19. (Серия «Концептуальные исследования». Вып.4).

⁵ Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология / Под ред. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 282.

⁶ Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996. С. 64.

⁷ Павленко Р.И. Язык. Смысл. Понимание // Язык. Наука. Философия. Логико-методологический и семиотический анализ. Вильнюс, 1986.

⁸ Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Цит. соч. С. 90.

⁹ Там же. С. 92.

¹⁰ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 129.

¹¹ Там же. С. 139.

¹² Попова З.Д., Стернин И.А. Цит. соч. С. 74.

¹³ Мишатица Н.Л. Лингвокультурологический подход к развитию речи учащихся VII–IX классов. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2000. С. 22.

¹⁴ Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Монография. Волгоград: Перемена, 2001. С. 495.

¹⁵ Слышкин Г.Г. Текстовая концептосфера и ее единицы // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград, 1999.

¹⁶ Лихачев Д.С. Цит. соч. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград, 1996. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 476.

¹⁷ Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Монография. Волгоград: Перемена, 2001. С. 55–56.

¹⁸ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. С. 284.

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АФРОАМЕРИКАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА ПРИМЕРЕ ПРОЗЫ ДЖ. БОЛДУИНА)

Е.В. Шустрова

Целью данной статьи является обзор возможных направлений развертывания определенных метафорических моделей в афроамериканском художественном дискурсе, в частности в прозе Дж. Болдуина. Дано описание сфер-мишеней и языковой реализации концептов «пустыня / пространство», «небесные светила», «огонь».

Анализ литературы, посвященной метафоре, позволяет говорить о когнитивной лингвистике как одном из основных направлений в разработке современной теории метафоры.

Основные положения когнитивного подхода в зарубежной лингвистике отражены в работах У. Бензона, Д. Болинджера, К. Бругман, Дж. Вагнер, Г. Вольфа, Д. Джентнер, М. Джонсона, Ф. Джонсона-Лэрда, Дж. Келлинга, Е. Киттей, З. Ковексеса, Дж. Лакоффа, С. Левина, В. Либерта, Т. Ропера, П. Розенблатта, Е. Суитсер, М. Тернера, С. Уинтера, Д. Хейса, Б. Хиббитса, И. Чернуса и многих других.

В отечественном языкознании проблемы продуцирования и систематизации метафор с учетом когнитивного подхода рассматривались в работах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А.Н. Баранова, В.Г. Гака, Л.Д. Гудкова, В.З. Демьянкова, Ю.Н. Караулова, Е.С. Кубряковой, М.В. Никитина, В.В. Петрова, Г.Н. Складневской, А.П. Чудинова и многих других.

Суммируя анализ работ по когнитивной лингвистике можно утверждать, что в соответствии с наиболее распространенным подходом основной целью данного научного направления является установление и описание моделей концептуализации объективной реальности в зависимости от особенностей мироощущения и мировосприятия как отдельного индивида (что представлено в исследованиях идиостилей писателей, политиков и т. д.), так и культурного сообщества в целом. В отличие от предыдущих подходов применение идей когнитивизма в лингвистике предполагает отказ от строгого вычленения границ отдельных значений полисемантической лексики и противопоставления различных стилистических средств по сходству, смежности и другим традиционным параметрам. Вместо этого вводится понятие концептуальной метафоры – единого трона, который включает в себя традиционные метафору, метонимию, эпитет, олицетворение, гиперболу, перифраз и другие виды семантических и логических изменений.

«Во-первых, метафора понимается как основная ментальная операция, способ познания и кате-

горизации мира: в процессе мыслительной деятельности аналогия играет не меньшую роль, чем формализованные процедуры рационального мышления. Обращаясь к чему-то новому, сложному, не до конца понятному, человек нередко пытается использовать для осмысления элементы какой-то более знакомой и понятной сферы.... Метафора – это не средство украшения уже готовой мысли, а способ мышления, повседневная реальность языка.

Во-вторых, сам термин «метафора» понимается (в соответствии с общими принципами когнитивистики) как своего рода гештальт, сетевая модель, узлы которой связаны между собой отношениями различной природы и различной степени близости»¹.

При исследовании метафоры в рамках когнитивного подхода наиболее важным считается установление смысловых, ментальных связей и моделей переноса, описание сфер-мишеней, исходных понятийных сфер, их составляющих. В рамках данной статьи, исходя из основных положений когнитивного подхода, мы предполагаем рассмотреть возможные направления метафорического развертывания концептов *пустыни / пространства, небесных светил, и огня / пламени / света* в афроамериканской художественной картине мира. В качестве примера было выбрано творчество известного афроамериканского писателя середины 20 в. Джеймса Болдуина. Оговоримся, что при характеристике концептуальных метафорических моделей мы будем задействовать и такие традиционные термины как сравнение, эпитет, олицетворение, аллегория, метонимия. Это позволит, на наш взгляд, провести более детальное описание выделенных концептов.

В метафорической группе, представленной в прозе Дж. Болдуина, концепт *пустыни, пространства* связан со следующими понятиями: человек, его эмоциональное и физическое состояние, время, жизнь. Как правило, Дж. Болдуин задействует понятия естественных, природных пространств (*landscape, promontory, valley, world, etc.*), только нетрадиционная ориентация мужчины со-

относится с кладбищем (*cemetery*)². Из метафор преобладает когнитивный онтологический прямой и транспонированный подтипы (по классификации М. В. Никитина³), в классе эпитетов – метафорический и инвертированный.

На прямом сходстве объектов построено и метафорическое сравнение длинного коридора с пустыней Сахарой.

*I walked out, to cross these big, wide corridors I've come to hate, corridors wider than all the Sahara desert*⁴.

К этому же контексту примыкают метонимические связи данного объекта с трудностями перехода по пустыне и жизненными невзгодами. Дополняют эту модель примеры аллегории, где бедные представлены в качестве путников, бредущих через пустыню (снова Сахару) трудностей, бед. Параллельно вводится образ Бога, который сливается с понятием воды, воспринимаемом как чудо и необходимость в пустыне неверия, сомнений, скитаний души.

*The Sahara is never empty; these corridors are never empty. If you cross the Sahara, and you fall, by and by vultures circle around you, smelling, sensing, your death. They circle lower and lower: they wait. They know exactly when the flesh is ready, when the spirit cannot fight back. The poor are always crossing the Sahara. And the lawyers and bondsmen and all that crowd circle around the poor, exactly like vultures. Of course, they're not any richer than the poor, really, that's why they've turned into vultures, scavengers, indecent garbage men, and I'm talking about the black cats, too, who, in so many ways, are worse. I think that, personally, I would be ashamed. But I've had to think about it and now I think that maybe not. I don't know that I wouldn't do to get Fomny out of jail*⁵.

Отметим, что существительное *dessert* часто заменяется на *wilderness* (дебри, целина), которое в афроамериканском варианте английского языка помимо прямого имеет еще и добавочное значение «США», что позволяет автору говорить о бедах, как результате расовой политики.

And blood, in all the cities through which he passed, ran down. There seemed no door, anywhere, behind which blood did not call out, unceasingly, for blood; no woman, whether singing before defiant trumpets or rejoicing before the lord, who had not seen her father, her brother, her lover, or her son cut down without mercy; who had not seen her sister become part of the white man's great whorehouse, who had not, all too narrowly, escaped that house herself; no man, preaching, or cursing, strumming his guitar in the lone, blue evening, or blowing in fury and ecstasy his golden horn at night, who had not been made to bend his head and drink white men's muddy water; no man whose manhood had not been, at the root, sickened, whose loins had not been dishonored, whose seed had not been scattered into oblivion and worse than oblivion, into living shame and rage, and into endless battle. Yes, their parts were all cut off, they

*were dishonored, their very names were nothing more but dust blown disdainfully across the field of time – to fall where to blossom where, bringing forth what fruit hereafter, where? – their very names were not their own. Behind them was the darkness, nothing but the darkness, and all around them destruction, and before them nothing but the fire – a bastard people, far from God, singing and crying in the wilderness!*⁶

При употреблении существительного *field*, обычно согласующегося со устойчивым эпитетом *peaceful*, автор связывает контекст с преодолением себя, приходом к Богу, умиротворением души⁷. Напротив, *land* и *earth* символизируют настороженность, ожидание недоброго, тревогу, воспоминание о пережитом.

*He moved toward the house, which now – high, gleaming roof, and spun-gold window – seemed to watch him and to listen; the very sun above his head and the earth beneath his feet had ceased their turning; the water, like a million warning voices, lapped in the buckets he carried on each side; and his mother, beneath the startled earth on which he moved, lifted up, endlessly, her eyes*⁸.

*Lord, I wish I had of died in Egypt land!*⁹

Небесные объекты у Дж. Болдуина несут двойную трактовку в зависимости от связи со временем суток. Так, в метафорической группе преобладающим оказывается влияние традиционного африканского образа луны и ночи, как друга, защитника, символа культуры предков, наследия диаспоры, попыток обрести его вновь.

*She could not find, between herself and African statuette, or totem pole, on which she gazed with such melancholy wonder, any point of contact. She was only glad that she did not look that way. She preferred to look, in the other museum, at the paintings; but still she did not understand anything he said about them. She did not know why he so adored things that were so long dead; what sustenance they gave him, what secrets he hoped to wrest from them. But she understood, at least, that they did give him a kind of bitter nourishment, and that the secrets they held for him were a matter of his life and death. It frightened her because she felt that he was reaching for the moon and that he would, therefore, be dashed down against the rocks; but she did not say any of this. She only listened, and in her heart she prayed for him*¹⁰.

Солнце же предстает в роли злого властителя, предвестника бед. У Дж. Болдуина этот символ часто связывается с опасной греховной красотой женщины, запретным половым влечением, любовной тоской, невозможностью быть вместе, иным чувствам, ведущим к общественному осуждению, неприятию.

*She was associated in his mind with flame; with fiery leaves in the autumn, and the fiery sun going down in the evening over the farthest hill, and with the eternal fires of Hell*¹¹.

Роль метафоры и сравнения усиливается использованием эпитетов *cruel* и *freezing (sun)*.

*The cruel sun, and the indifferent air, and the two of them burning on a burning field. She knew that, yes, she must now surrender, now that she had him; she knew that she could not let him go*¹².

Олицетворение же в данном случае рисует образы воина, нападающего, осуждающего, недруга, бездушного, злобного существа, а так же спящего (просыпающегося), полного неведомых сил, пугающей мощи, непредсказуемого создания, тоскующего и рыдающего, если человек обрел покой и счастье.

*The white houses, with their blank front doors, their blackly shadowed porches, seemed to be in battle with the sun, laboring and shuddering beneath the merciless light*¹³.

*And he wanted to say, Vous êtes très jolie, but it was too late, he had hit the light, the sun glared at him, and everything wavered in the heat*¹⁴.

*John saw that the sun was beginning to stir, somewhere in the sky; the silence of the dawn would soon give way to the trumpets of the morning*¹⁵.

*The sun had come full awake. It was waking the streets, and the houses, and crying at the windows*¹⁶.

Так же задействуются образы неба и облака (sky, cloud). В группе сравнения, метафоры и эпитета преобладают мрачные описания и связь с чувствами неприязни, человеком (его разумом), полным суровой решимости, нескончаемыми бедами.

*And it [the blues] brought something else to me, and carried me past it, I saw my little girl again and felt Isabel's tears again, and I felt my own tears begin to rise. And I was yet aware that this was only a moment, that the world waited outside, as hungry as a tiger, and that trouble stretched above us, longer than the sky*¹⁷.

*As the years passed, she replied only: "I'm going away from here." And it hung, this determination, like a heavy jewel between her breasts; it was written in fire on the dark sky of her mind*¹⁸.

*So their passage raised small clouds of male and female hostility which blew into their faces like dust*¹⁹.

Олицетворение, параллельно с упомянутым, дает и иной образ неба, как существа, готового внимать, сочувствовать человеку, что приближает этот символ к традиционной европейской трактовке неба, как одного из проявлений Бога.

*When he heard this singing, which filled all the silent air, which swelled until it filled all the waiting earth, the heart within him broke, and yet began to rise, lifted of its burden; and his throat unlocked; and his tears came down as though the listening skies had opened*²⁰.

В метонимической группе в ряде контекстов луна и солнце меняют свою коннотацию на полностью противоположную – солнце здесь выступает символом прихода к Богу, обретения утешения, спасения.

But the story of this day she was never to forget; it was a day for which she lived. There was a

*great running and shouting, said her mother, everywhere outside, and, as she opened her eyes to the light of that day, so bright, she said, and cold, she was certain that the judgment trumpet had sounded. While she still sat, amazed, and wondering what, on the judgment day, would be the best behavior, in rushed Bathsheba, and behind her many tumbling children and field hands and house niggers, all together, and Bathsheba shouted: "Rise up, rise up, Sister Rachel, and see the Lord's deliverance! He done brought us out of Egypt, just like He promised, and we's free at last!" Bathsheba grabbed her, tears running down her face; she, dressed in the clothes in which she had slept, walked to the door to look out on the new day God had given them. On that day she saw the proud house humbled*²¹.

Одновременно и небо связывается с освобождением из плена былых сомнений, началом нового дня.

*He could not remember. He had been walking in a storm. Now the storm was over. And the avenue, like any landscape that has endured a storm, lay changed under Heaven, exhausted and clean, and new. Not again, forever, could it return to the avenue it once had been. Fire, or lightning, or the latter rain, coming down from these skies, which moved with such pale secrecy above him now, had laid yesterday's avenue waste, had changed it in a moment, in the twinkling of an eye, as all would be changed on the last day, when the skies would open up once more to gather up the saints*²².

Луна же бледнеет и исчезает, уходит прочь ночь душевных терзаний. С одной стороны, в этих образах явно преобладает европейский элемент.

*And John tried to see through the morning wall, to stare past the bitter houses, to tear the thousand gray veils of the sky away, and look into the heart – that monstrous heart which beat forever, turning the astounded universe, commanding the stars to flee away before the sun's red sandal, bidding the moon to wax and wane, and disappear, and come again; with a silver net holding back the sea, and, out of mysteries abysmal, re-creating, each day, the earth. That heart, that breath, without which was not anything made which was made. Tears came into his eyes again, making the avenue shiver, causing the houses to shake – his heart swelled, lifted up, faltered, and was dumb. Out of joy strength came, strength that was fashioned to bear sorrow: sorrow brought forth joy. Forever?*²³

В то же время, здесь необходимо помнить о существовании в афроамериканском английском таких значений лексемы *midnight* как «час, когда человек погружен в молитву и созерцание в поисках ответа на свои вопросы» и «время депрессии и поиска выхода из трудностей»²⁴, когда изначально ночь (полночь) была временем единения с Богом, обретением успокоения, защиты. Впоследствии путем метонимии в афроамериканском варианте были получены уже упомянутые добавочные зна-

чения с негативной коннотацией, приблизившие понимание ночи к европейской трактовке.

Продолжается и линия связи солнца с отчуждением, осуждением, горем отдельного человека (необязательно афроамериканца) и тревогами, лишениями афроамериканской диаспоры²⁵.

Примеры аллегии вполне укладываются в рамки традиционного библейского прочтения концепта «солнце» как символа Творца и концепта «облако» как символа сомнений²⁶.

Анализ контекстуальных данных позволил выделить следующие основные направления моделей тропического развертывания концепта *огонь / пламя / свет*: человеческое тело (или его часть, орган); чувства, эмоции; спасение, избавление, вера; смерть, гибель; музыка; вода; небо; воздух.

В группе сравнений и метафор присутствует как ассоциация, построенная на прямом сходстве объектов (световых и температурных характеристиках), так и ряд связей, в которых задействуются потенциальные семы «влечение», «возможности», «надежда».

*And Yves' eyes, like the searchlight of the Eiffel Tower or the sweep of a lighthouse light, lit up, at intervals, the grave darkness around him and afforded him, in the black distance, his only frame of reference and his only means of navigation*²⁷.

*The dark eyes, in the stolid face, staring, now directly into my mother's eyes, make the face electrical, light a fire in the darkness of a far-off hill: he has heard the question*²⁸.

*Woe is me! For the moment of salvation is a blinding light, cracking down into the heart from Heaven – Heaven so high, and the sinner so low*²⁹.

*Then she thought how, now, she would embrace again the faith she had abandoned, and walk again in the light from which, with Richard, she had so far fled*³⁰.

*The Creole stepped forward to remind them that what they were playing was the blues. He hit something in all of them, he hit something in me, myself, and the music tightened and deepened, apprehension began to beat the air. Creole began to tell us what the blues were all about. They were not about anything very new. He and his boys up there were keeping it new, at the risk of ruin, destruction, madness, and death, in order to find new ways to make us listen. For, while the tale of how we suffer, and how we are delighted, and how we may triumph is never new, it always must be heard. There isn't any other tale to tell, it's the only light we've got in all this darkness*³¹.

Эпитет дает примеры постоянного (*eternal fires, fumes of hell*), метафорического (*burning phrase, violent, merciless light*), тавтологического (*burning ashes*) и инвертированного (*blaze of rage, fire of sexual excitement, flame of revelation*) типов.

При применении приема олицетворения Дж. Болдуин часто разводит существительные *light* и *fire*, противопоставляет их друг другу. Так

свет предстает в образе жестокого правителя, беспардонного прапорщика. Огонь же рыдает над заблудшей душой, душевными муками подростка.

*The bald kitchen light burned mercilessly down on the two orange crates and the board which formed the kitchen table, and on the uncovered wash and bathtub*³².

*The gray light, coming in through the monk's-cloth blinds, would, with the malice of the noncommittal be examining every surface, corner, angle, of the unloved room*³³.

*They sang, where the darkness gathered, where the lion waited, where the fire cried, and where blood ran down*³⁴.

Параллельно отметим и существование контекстов, где свет становится влюбленным, возлюбленным ночи, тьмы.

*The light and the darkness had kissed each other, and were married now, forever, in the life and the vision of John's soul*³⁵.

*The light seemed to fall with an increased hardness, examining and inciting the city with an unsparing violence, like the violence of love, and striking from the city's grays and blacks a splendor as of steel on steel*³⁶.

В метонимической группе автор продолжает линию противопоставления света и огня. К этому добавляется и различие европейского и афроамериканского понимания этого образа. Огонь (*fire, flame*) имеет положительную коннотацию и трактуется либо как часть счастливого ожидания, надежды, либо как очищение небесным огнем, внутреннее изменение, принятие христианства.

*In the windows of tall buildings flame wavered, alive, in ice. There was a high, driving wind, which brightened the eyes and the faces of the people and forced their lips slightly apart, so that they all were... carrying, to some immense encounter, the bright, fragile bubble of a lifetime of expectation*³⁷.

Свет (*light*), при этом как искусственный, так и природный, несет отрицательный эмоциональный маркер и появляется в контекстах, повествующих о тревогах, обидах, невнимании, смятении чувств – плодах совместного проживания людей разных рас.

*And still, on the summit of that hill he paused. He remembered the people he had seen in the city, whose eyes held no love for him. And he thought of their feet so swift and brutal, and the dark gray clothes they wore, and how when they passed they didn't see him, or, if they saw him, they smirked. And how their lights, unceasing, crashed on and off above him, and how he was a stranger there. Then he remembered his father and his mother, and all the arms stretched out to hold him back, to save him from the city where, they said, his soul would find prediction*³⁸.

В качестве символа белого мира концепт «свет» контрастирует с понятием тьмы (*darkness*) – частью мира афроамериканцев и их традиционного жизненного уклада³⁹. Еще одна трактовка – это уход от истинной веры, грех, страсть, прелюбодеяние.

Then I watched them, Creole, and the little black man, and Sonny, and the others, while they horsed around, standing just below the bandstand. **The light** from the bandstand spilled just a little short of them and, watching them laughing and gesturing and moving about, I had the feeling that they, nevertheless, were being most careful not to step into that **circle of light** too suddenly: that **if they moved into the light too suddenly, without thinking, they would perish in flame**⁴⁰.

Аллегория призвана примирить это противопоставление, смягчить контраст, поэтому в данных контекстах коннотативная окраска существительного *light* становится либо нейтральной, либо положительной. Теперь это уже символ терпимости, очищения, молитвы, любви.

*And, thinking of tomorrow, when the church would rise up, singing, under the blooming Sunday light, he thought of the light for which they tarried, which, in an instant, filled the soul, causing (throughout those iron-dark, unimaginable ages before John had come into the world) the new-born in Christ to testify: Once I was blind and now I see*⁴¹.

*And he coughed and sobbed in the dusty space before the altar, lying on his face. And still he was going down, farther and farther from the joy, the singing, and the light above him*⁴².

Существительное *fire*, напротив, появляется в ряде контекстов, описывающих разрушение, гибель, душевные муки, отсутствие будущего, веры, а также чувства неприязни, ненависти.

*His father's face was black – like a sad, eternal night; yet in his father's face there burned a fire – a fire eternal in an eternal night. John trembled where he lay, feeling no warmth for him from this fire, trembled, and could not take his eyes away. A wind blew over him, saying: «Whosoever loveth and maketh a lie» And he knew that he had been thrust out of the holy, the joyful, the blood-washed community, that his father had thrust him out*⁴³.

В конце романа «Go Tell It on the Mountain» два понятия становятся единым целым, символизирующим приход человека к богу и осознание своего предназначения⁴⁴.

Итак, мы попытались описать основные сферы-мишени развертывания концептов *пустыни / пространства, небесных светил, и огня / пламени / света* и их языковое выражение в прозе Дж. Болдуина. Как показал анализ результатов выборки, в качестве ведущих можно назвать такие сферы, как «человек (его эмоциональное и физическое состояние, часто на грани мук, страданий, гибели)» и «время».

¹ Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2005. С. 57.

²Baldwin J. Go Tell It On The Mountain. N. Y., 1985. P. 80–81. См. так же Baldwin J. If Beale Street Could Talk. N. Y., 1988. P. 207. Baldwin J. Another Country. N. Y., 1993. P. 223, 273, 333 и др.

³Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1997. С. 273.

⁴ Baldwin J. If Beale Street Could Talk. N. Y., 1988. P. 7.

⁵ Там же. P. 17.

⁶ Baldwin J. Go Tell It On The Mountain. N. Y., 1985. P. 137.

⁷ Там же. P. 110–112.

⁸ Там же. P. 129.

⁹ Там же. P. 151.

¹⁰ Там же. P. 166.

¹¹ Там же. P. 116.

¹² Baldwin J. Another Country. N. Y., 1993. P. 368.

¹³ Там же. P. 201.

¹⁴ Там же. P. 435.

¹⁵Baldwin J. Go Tell It On The Mountain. N. Y., 1985. P. 219.

¹⁶ Там же. P. 221.

¹⁷ Baldwin J. Just Above My Head. N. Y., 1979. P. 175.

¹⁸Baldwin J. Go Tell It On The Mountain. N. Y., 1985. P. 156.

¹⁹ Baldwin J. Another Country. N. Y., 1993. P. 145.

²⁰Baldwin J. Go Tell It On The Mountain. N. Y., 1985. P. 97.

²¹ Там же. P. 71–72.

²² Там же. P. 215–216.

²³ Там же. P. 216–217.

²⁴Smitherman G. Black Talk. Words and Phrases from the Hood to the Amen Corner. N. Y., 1994. P. 160–161.

²⁵Ср. Baldwin J. If Beale Street Could Talk. N. Y., 1988. P. 186. Baldwin J. Another Country. N. Y., 1993. P. 366–368.

²⁶Ср. Baldwin J. Go Tell It On The Mountain. N. Y., 1985. P. 110–112, 114, 129.

²⁷ Baldwin J. Another Country. N. Y., 1993. P. 228.

²⁸ Baldwin J. Go Tell It On The Mountain. N. Y., 1985. P. 168.

²⁹ Там же. P. 105.

³⁰ Там же. P. 186.

³¹ Baldwin J. Just Above My Head. N. Y., 1979. P. 173–175.

³² Baldwin J. Another Country. N. Y., 1993. P. 66.

³³ Там же. P. 130.

³⁴ Baldwin J. Go Tell It On The Mountain. N. Y., 1985. P. 205.

³⁵ Там же.

³⁶ Baldwin J. Another Country. N. Y., 1993. P. 142–143.

³⁷Там же. См. так же Baldwin J. Go Tell It On The Mountain. N. Y., 1985. P. 215–216.

³⁸Baldwin J. Go Tell It On The Mountain. N. Y., 1985. P. 33.

³⁹Ср. Baldwin J. Just Above My Head. N. Y., 1979. P. 154–155.

⁴⁰ Там же. P. 172. См. так же Baldwin J. Go Tell It On The Mountain. N. Y., 1985. P. 118.

⁴¹ Baldwin J. Go Tell It On The Mountain. N. Y., 1985. P. 80.

⁴² Там же. P. 194.

⁴³ Там же. P. 195–196.

⁴⁴ Там же. P. 80, 110–112, 136 и др.

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

ББК Ш103.2+Ш401.7

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛОВ С ВКЛЮЧЕННЫМИ АКТАНТАМИ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И ГОВОРАХ

К.И. Демидова, Т.А. Злыденная

Включенные актанта занимают ведущее место в ряду других дифференциальных сем субстантивного характера. В статье представлен анализ семантического явления «включенные актанта» на диалектном материале, в частности, исследование глагольной лексики Среднего Урала.

Общеизвестно, что денотат глагола – ситуация. Глагол, по словам Д.Н.Шмелева, является «как бы концентрированным выражением целой ситуации»¹, в состав которой входят субстанции с их признаками и процессы с их характеристиками.

Ориентация глагола на отображение ситуации обуславливает тот факт, что семантика глагольного слова не элементарна, а комплексна, она, как считает А.А.Уфимцева, «действительно отображает минимальные дискретные кусочки действительности, приближающиеся к элементарным событиям и ситуациям»².

Характерной чертой глагола считается его соотнесенность с предметными именами, что является «не столько языковой закономерностью, сколько универсальным свойством человеческой мысли и отражением реальных связей между вещами, явлениями, процессами, существующими в мире»³.

По замечанию А.А. Уфимцевой, «наименование любому действию, состоянию, процессу и т.п. дается относительно двух семантических категорий – сферы субъекта и сферы объекта, обозначаемого именем действия»⁴. В связи с этим отношения типа «субъект-действие», «действие-объект» могут быть отнесены, по мнению А.А. Уфимцевой, «к константам сознания» и являться единицами «концептуальной картины мира»⁵.

Многие лингвисты (Н.Д. Арутюнова, В.В. Богданов и др.) отмечают, что глагольное предикатное слово в большинстве случаев содержит указание на ближайших субъектных и объектных партнеров, и это позволяет считать глагол свернутым предложением, макетом будущего предложения (В.В. Виноградов, С.Г. Кацнельсон и др.).

Какие же компоненты семантической структуры глагола могут выполнять подобные функции? Следует отметить, что в науке существуют различные классификации данных компонентов, отсутствует единство их терминологического определения.

Мы используем понятие *актанта* и определяем эти явления, вслед за авторами коллективной монографии «Теория функциональной грамматики», следующим образом: «Субъект – актанта, называющий носителя состояния, производителя, источник действия. Объект – актанта, на создание, изменение или уничтожение которого непосредственно направлено действие, выраженное глаголом»⁶. Данные компоненты заложены в семной структуре глагола, являются его необходимой и существенной частью, определяют валентность и сочетаемость глагола.

Подобные компоненты не просто входят в лексическое значение глагола, они оказываются включенными в него. Включение – явление универсальное, способное проявляться на разных уровнях языка. Оно заключается в том, что какой-либо компонент понижается в ранге и занимает зависимую позицию в иерархии однородных компонентов, при этом он обогащает смыслами тот главный компонент, от которого зависит. Это обусловлено механизмом включения, при котором, по словам Л.М. Васильева, «объем признаков (структурных компонентов) одного из членов оппозиции... полностью включается в состав другого члена»⁷.

Вслед за авторами коллективной монографии «Русская глагольная лексика: Пересекаемость парадигм», под включенными актантами мы понимаем «дифференциальные семы субъектов и / или объектов в семной структуре глаголов, которые представлены тематически ограниченным набором слов, специализированных относительно данных глаголов»⁸.

Актанта включаются в семную структуру по-разному, в разных лексемах набор актанта неодинаков. Следует отметить, что изучение семантики глаголов с включенными компонентами ведется в отечественном языкознании, в основном, на материале современного русского литературного языка (см.: Ю.Д. Апресян, Ф.С. Бацевич, О.А. Михайлова, А.М. Плотникова, А.А. Уфимцева и др.).

Диалектология

В связи с этим нам представляется актуальным не только исследование этой проблемы на диалектном материале, но и сопоставление в данном аспекте лексики разных форм национального языка. Используя метод компонентного анализа, мы проанализировали семантическую структуру глаголов, обозначающих процессы животноводства, в говорах Урала⁹ и в литературном языке¹⁰.

Для удобства восприятия материала представим его в таблицах, где будет отражено общее количество слов в тематической группе (первая колонка). Во второй колонке указано количество глаголов, в лексическом значении которых, по данным словарей, содержится лишь категориально – лексическая сема (КЛС). Третья колонка содержит данные о включенных объектных актантах (в левой части – полное включение, или ПВА; в правой – частичное включение, или ЧВА). В остальных колонках указан количественный состав других дифференциальных сем субстантивного характера (*орудие, средство, способ действия*).

Глаголы, обозначающие процессы животноводства, функционирующие в говорах Урала.

Кол-во слов	КЛС	Объект		Орудие	Средство	Способ
		ПВА	ЧВА			
34	13	13	8	0	0	1
100%	38%	38%	23%	0	0	3%

Данная тематическая группа (ТГ) представлена 34 лексемами, 13 из которых, по данным СРГСУ, имеют в структуре ЛЗ лишь КЛС. Например, *окальывать* (1 зн.) – «подковывать»¹¹, *чилькать* – «доить»¹².

Глаголов с ПВА в данной ТГ выявлено 13. Например, *закладывать* – «резать, колоть скот»¹³, *пастишить* – «пасти скот»¹⁴. Глаголов с ЧВА – 8. Например, *заправлять* (2 зн.) – «откармливать животных или птиц»¹⁵, *очередить* – «обработать битую дичь, домашнюю птицу и тд. для приготовления пищи»¹⁶.

Сема *способ* содержится в семантической структуре лишь одного глагола: *распятнать* (2 зн.) – «пометить домашнюю птицу или животных каким-либо способом (нанесением краски, надрезами)»¹⁷.

Семы *орудие, средство* и *цель* в значении слов данной ТГ не выявлены. Глаголы литературного языка, обозначающие процессы животноводства

Кол-во слов	КЛС	Объект		Орудие	Средство	Способ	Цель
		ПВА	ЧВА				
73	9	42	12	9	3	5	7
100%	12%	58%	16%	12%	4%	7%	10%

В данной тематической группе проанализирована семантическая структура 73 глаголов, 9 из которых содержат в структуре ЛЗ лишь КЛС. На-

пример, *припрягать* (2 зн.) – «впрягать, запрягать»¹⁸.

Большая часть глаголов данной ТГ содержит в своем значении актанта *объект* (общее количество глаголов с включенным объектом – 54, из них с ПВА – 42 слова, с ЧВА – 12 слов). Например, *зарезать* – «загнать лошадей быстрой ездой» (ПВА)¹⁹, *путать* – «связывать ноги животного для ограничения передвижений» (ЧВА)²⁰, *выкармливать* (1 зн.) – «заботиться о кормлении кого-либо, доставлять кому-либо пропитание до зрелого возраста, вскармливать (о детях и о молодых животных)» (ЧВА)²¹.

Указание на *способ действия* содержится в ЛЗ 5 глаголов. Например, *запаривать* – «утомлять лошадей продолжительной или быстрой ездой» [БАС Т.4: 745], *колоть* – «убивать ударами ножа, резать (о животных)»²².

Сема *орудие* выявлена в структуре 9 глаголов. Например, *заарканивать* – «ловить арканом»²³, *присупонивать* – «привязывать, прикреплять супонью»²⁴.

Три глагольные лексемы содержат сему *средство*. Например, *вспаивать* – «вскармливать молоком, пойлом»²⁵, *приваживать* – «приучать животное, птицу и т.п. к какому-либо месту кормом, приманкой»²⁶.

Сема *цель* заложена в семантической структуре 7 глаголов. Например, *случать* – «сводить животных с целью получения приплода»²⁷.

Сопоставление результатов анализа глагольной лексики, обозначающей процессы животноводства, функционирующей в разных формах национального русского языка, позволяет сделать следующие выводы:

Отсутствуют глаголы с включенным субъектным актантам.

Не выявлены лексемы с включенной актантажной рамкой, т.е. с одновременным включением субъекта и объекта.

В диалектах большая часть глаголов (38% от общего количества проанализированных) содержится в структуре ЛЗ лишь КЛС. В литературной форме языка таких лексем гораздо меньше (всего 12% от общего количества). Это позволяет говорить о том, что БАС дает толкование лексического значения глаголов исследуемой ТГ более развернуто, чем СРГСУ.

В говорах Урала в целом меньшее количество глаголов содержит актанта *объект*, чем в литературной форме (61% и 74% от общего количества членов ТГ соответственно). Лексемы с ПВА преобладают в литературной форме, с ЧВА – в диалектной.

В уральских говорах отсутствуют единицы, имеющие в структуре ЛЗ семы *орудие* и *средство*. В литературной форме языка ряд глаголов содержат обе эти семы (9 и 3 слова соответственно). Можно предположить, что для носителей диалекта эти признаки являются менее важными, чем, на-

пример, объект действия. Однако для подтверждения подобного предположения необходимо проанализировать диалектную глагольную лексику других тематических групп.

Способ действия, вероятно, также не является актуальным для носителей уральских говоров, т.к. этот признак, судя по данным СРГСУ, содержится в ЛЗ лишь одного глагола. В литературной форме таких лексем в 5 раз больше, т.е. 5 глаголов из 73 имеют в своей структуре сему *способ* действия.

Все сказанное выше позволяет говорить о том, что включенные актанты занимают ведущее место в ряду других дифференциальных сем субстантивного характера. Представляется актуальным анализ семантического явления «включенные актанты» на диалектном материале, в частности, исследование глагольной лексики Среднего Урала. Для получения целостной картины необходимо проанализировать глагольную лексику разных тематических групп. Кроме того, сопоставительный анализ лексики говоров и литературного языка в данном аспекте позволит выявить специфику исследуемого семантического явления в разных формах национального языка.

Сокращения

БАС: Словарь современного русского литературного языка: в 17 томах / Под ред. Филина. М. – Л.: Изд. «Наука». 1948–1965.

СРГСУ: Словарь русских говоров Среднего Урала. – Свердловск, 1964–1988. – Т. 1–7.

ДкСРГСУ: Словарь русских говоров Среднего Урала: Доп. – Екатеринбург, 1996.

¹ Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 10.

² Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики. М., 1986. С. 138.

³ Русская глагольная лексика: Пересекаемость парадигм. Екатеринбург, 1997. С. 45.

⁴ Уфимцева А.А. Семантика слова //Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 36.

⁵ Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира. //Роль человеческого фактора в языке М., 1988. С. 119.

⁶ Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990. С. 104.

⁷ Васильев Л.М. Семантика русского глагола. М.: Высшая школа, 1981. С. 29.

⁸ Русская глагольная лексика: Пересекаемость парадигм. С. 53.

⁹ На материале Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964–1988. Т. 1–7. Словарь русских говоров Среднего Урала: Доп. Екатеринбург, 1996.

¹⁰ На материале Словарь современного русского литературного языка: в 17 томах / Под ред. Филина. М.-Л.: Изд. «Наука». 1948–1965.

¹¹ Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 3. С. 49.

¹² Там же. Т. 7. С. 64.

¹³ Словарь русских говоров Среднего Урала: Доп. С. 174.

¹⁴ Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 3. С. 117.

¹⁵ Словарь русских говоров Среднего Урала: Доп. С. 187.

¹⁶ Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 3. С. 101.

¹⁷ Там же. Т. 5. С. 63.

¹⁸ Словарь современного русского литературного языка. Т. 11. С. 691.

¹⁹ Там же. Т. 4. С. 846.

²⁰ Там же. Т. 11. С. 1740.

²¹ Там же. Т. 2. С. 1052

²² Там же. Т. 5. С. 1195.

²³ Там же. Т. 3. С. 211.

²⁴ Там же. Т. 11. С. 779.

²⁵ Там же. Т. 2. С. 851.

²⁶ Там же. Т. 11. С. 354.

²⁷ Там же. Т. 2. С. 1294.

СИТУАЦИЯ «ЧЕЛОВЕК И ЕГО РЕЧЬ» КАК ФРАГМЕНТ ДЕНОТАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДИАЛЕКТНОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

К.И. Демидова, Л.Н. Овчинникова

Целью нашей статьи является описание фрагмента денотативного пространства, организуемого носителями уральских говоров, связанного с ситуацией: человек и его речь, сквозь призму глагольной метафоры.

В сознании говорящих существует связь слов с предметами, фактами внеязыковой действительности, что дает основание для выделения денотативного пространства лексики. Антропоцентрическая точка зрения: взгляд на язык как на собственно человеческое достояние, изучение связи его с мышлением, познанием, действительностью, стала отправным моментом для научных исследований в этом направлении. В таком понимании компонентами денотативного пространства выступают элементы, фрагменты действительности, актуализированные носителями языка, находящиеся между собой в определенных связях и отношениях, воплощенные в словах русского языка. Применительно к глагольной лексике выделяется собственно денотативное пространство русского глагола. По определению Л.Г. Бабенко, «оно являет собой сумму знаний о процессуально-событийном мире, представляемом в виде открытого множества типовых ситуаций, на которые членится мир в сознании русского человека и знания о которых закреплены в глагольной семантике»¹. Денотативное пространство имеет яркую национально-специфическую окраску, что обусловлено условиями жизни, устройством быта, культурными традициями нации или социальной группы, внутри которых также существуют индивидуальные языковые, ментальные, эмоциональные и психологические особенности, определяющие разработанность языковых средств для представления тех или иных фрагментов действительности.

Целью нашей статьи является описание фрагмента денотативного пространства, организуемого носителями уральских говоров, связанного с ситуацией: человек и его речь, сквозь призму глагольной метафоры.

Наблюдение за глагольными метафорами (ГМ) уральских говоров обнаруживает значительное превосходство метафорических единиц, служащих для описания пространства «человек»: человек помещен в центр мироустройства. Особую семантическую разработанность и, соответственно, богатое лексическое воплощение в говорах имеет ситуация речевой деятельности. ГМ речевой деятельности представляются интересными с точки зрения отражения национально-специфических

прототипов, поскольку речь, особенности коммуникации являются одним из наиболее ярких показателей национального характера, поэтому способы репрезентации актов речи в языке вызывают особый интерес.

Звуки речи имеют физиологическую характеристику, они чувственно воспринимаемы, но продукты речевой деятельности (слова, фразы, тексты) не являются физическими объектами, они не видимы и не осязаемы, однако способны оказывать очень сильное воздействие, влекущее изменения в окружающем мире, мире вещей и мире людей. Поэтому речевая деятельность очень часто представляется в образном воплощении в соответствии со свойством метафоры делать абстрактное легче воспринимаемым.

Нами зафиксировано около 160 ГМ речевого поведения. Речевая деятельность в народных говорах Среднего Урала образно уподобляется следующим действиям и состояниям:

1. ДВИЖЕНИЕ

КолесИть. Говорить не то, что нужно. Поди, мы колесим тут. Срав. с прямым значением – «много ездить, разъезжать по разным направлениям».

2. ЗВУЧАНИЕ

КЕркать. Экспр. Говорить попусту, болтать. Ты фсе керкаешь. Срав. с прямым значением – «издавать крик» (о птице).

БУлькать. Экспр. Говорить что-нибудь невнятно, недружелюбно. Хватит булькать-то. Срав. с прямым значением – «производить шум ударами по воде или резкими движениями в ней».

3. СОСТОЯНИЕ

МожжАть. Брюзжать (говорить брюзгливо, выражая недовольство). Чо ты можжыш, фсе время, надоел уш. Срав. с прямым значением – «болеть».

4. ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ

ЗажвАкать. Экспр. Невнятно говорить. Ты ше зажвакал? Срав. с прямым значением – «начать жвакать» (есть, жевать).

ВыщЕлкивать. Говорить быстро, задиристо. Молода, а выщелкиват не хуже старой. Срав. с прямым значением – «выплевывать».

5. ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОБЪЕКТ

Мылить. Много говорить, болтать. Че ты фсе мылиш, да мылиш. Срав. с прямым значением – «нагирать мылом».

НапятнАть. Назвать. Кто как напетнат, фсяко можно: визитка, пинжак. Срав. с прямым значением – «нанести метку».

6. ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ОБЪЕКТОВ

БутетЕнить. Говорить вздор. Не бутетень зря. Срав. с прямым значением – «стаскивать, сваливать в кучу».

БурОвить. Говорить вздор, нечто невразумительное. Срав. с прямым значением – «тянуть, тащить что-либо с большим напряжением».

7. СОЗИДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (глаголы труда)

ВарАкать. Болтать, говорить пустое, врать. Вон че наваракал, Люди-то фсе равно не поверили. Срав. с прямым значением – «плохо писать, неумело, с большими усилиями».

ВаракОсить. Болтать вздор. Срав. с прямым значением – «делать что-либо небрежно, недоброкачественно».

8. СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (глаголы поведения)

Насудить. Сказать что-то опрометчиво. Типерь жить надо окуратно, а то насудиш на себя, отвечать надо. Срав. с прямым значением – «осуждать, укорять».

Балентрясить. Экспр. Говорить попусту, от безделья; сплетничать. Чево ему делать, балентрясит весь вешер. Срав. с прямым значением – «бездельничать».

Характеристика этой группы обнаруживает, что ГМ речевого поведения имеют широкие ассоциативно-образные связи, образуясь от глаголов различных лексико-семантических и тематических групп и полей.

Глаголами речевой деятельности могут становиться в переносных значениях глаголы «действия», «воздействия» и «состояния». В наибольшем количестве «поставляют» метафоры ЛСГ физического воздействия на объект и звучания.

Переосмысливая речевую деятельность диалектоносители с помощью образов представляют прежде всего само слово. Наиболее часто слово предстает как объект действия, инструмент действия. Этот объект подвижен, может перемещаться:

НакружИть. Наговорить, наболтать. Алап. Она вам накружат только (Алап., Лопатово).

БутетЕнить. Говорить вздор. Не бутетень зря. Ср. с прямым значением – «стаскивать, сваливать в кучу».

Объект (слово) поддается внешнему влиянию, он изменяем, его можно создать, уничтожить, придать ему определенную форму:

СборозДИть. Соврать, солгать. Гар. Ср. с прямым значением – «смять, скомкать».

Кривлять. Извращать, исказить (слова). Много слов сейчас кривляют.

В связи с выделенными особенностями можно говорить о том, что слова уподобляются диалектоносителями следующим объектам:

- Предметы небольшого размера, которыми человек может манипулировать, передвигать, размещать в пространстве:

НаворОчать. Наговорить, наболтать, «накружить». Алап. Он любит наворощать, да вы не верьте ему (Алап., Останино).

Ср. с прямым значением – «наложить, навалить в беспорядке» (о предметах).

ГМ, в основе которых лежит предметный образ, непосредственно обнаруживают объект действия, которому уподобляется слово.

СбульЖить. Сказать. Богд. Ну ще тебе сбульжить еще? И так уж много наболтал. (Богд.). Слово уподобляется бульжнику. Используется сема «вес», которая приобретает метафорическое развертывание: вес – значимость.

- Вещество с определенными свойствами.

РаскастОрить. Экспр. Отругать, выбранить. Копт. Раскасторил он ее на чем свет стоит. Слово уподобляется лекарственному веществу «касторка». Используется сема «едкий» (слово словно едкая, горькая касторка).

ПроканифОлить. Отругать. С-Лог. Машку вот проканифолить надо (С-Лог., Рудянка). Слово уподобляется веществу «канифоль».

- Жидкое вещество (вода). **БурИть.** Бранить. Н-Таг. Бурить тебя за это надо. Н-Таг. Ср. с прямым значением – «бурлить, бить ключом, клокотать».

БУлькать. Говорить что-л. невнятно, недружелюбно. Ср. с прямым значением – «производить звуки, похожие на звуки жидкости при переливании ее».

- Хрупкий, изменяемый предмет, не имеющий устойчивой формы. **КривОтать.** Клеветать, наговаривать. Богд. Ты на меня без дела кривоташ (Богд., Байны). Ср. с прямым значением – изменить форму чего-л., делая кривым».

КулемЕсить. Болтать. Не знат, чо говорит, зря фсе кулемесит. Ср. с прямым значением – «мять, комкать, тискать».

- Предмет, имеющий длину, высоту (протяженность). **ПридЕргивать.** Упомянуть при каждом удобном случае. Ср. с прямым значением – «тянуть, тащить за что-л.».

ЖгуТить. Ругать, бранить. Зайк. Жгутил все меня, жгутил. (Зайк., Б.Кочевка). Слово уподобляется жгуту, инструмент совершения действия.

- Предмет, сделанный путем переплетения отдельных частей. **НаплестИ.** Говорить всякую ерунду. Ср. с прямым значением – «приготовить что-л. плетением в каком-л. количестве или в одном экземпляре».

- Продукт питания.

Чавкаться. Говорить что-л. лишнее. Чавкайся опять, говори чо-ненабудь лишнее. Толст. Ср. с прямым значением – «размельчать, разминать пишу во рту, жевать».

ПоглУздать. Поговорить, поболтать. Зайк., Стяжк. Попоем, поглудам в артеле и по домам (Зайк., Крут.). Ср. с прямым значением – «щелкать семечки».

• Знак, метка. **НапятнАть.** Назвать. Верхот. Кто как напетнат, фсяко можно. (Верхот., П.).

• Острый, режущий предмет. **ПришпИливать.** Экспр. Ругать. Камен. Ой, девки, я буду пришпиливать вас (Камен., О). Слово уподобляется «шпильке».

Зубить. Дерзко возражать, спорить, отстаивать что-л. Из этогог взяли молодуху-ту, она смело зубила с Дуней. Слово уподобляется «зубьям».

• Огонь. **ПропалИть.** Сказать сгоряча. Гар. С горячки пропалит, тожно подумат (Гар., Троицкое).

ПалиТЬ. Ругаться. Жгла бы она вас! Палила бы она вас! Ср. с прямым значением – «жечь что-л., уничтожать огнем».

• Лед, холод. **МорОзить.** Говорить что-л. необдуманно, бестактно, некстати. Ляпам, ляпам, чо попало морожу. Вол. Ср. с прямым значением – «подвергать действию холода с целью хранения».

• Орудие. **КосИть.** Клеветать, наговаривать на кого-л. Чего на меня косиш?

Ботать. Говорить вздор, пустословить. Ты давай, Марья, не ботай, не надоело тебе ерунду молоть? Ср. с прямым значением – «ударять по воде ботом, загоняя рыбу в сеть».

Исследуемый материал показал, что слово представляется как предмет, вещь, вещество, природная стихия (вода, огонь). В зависимости от коммуникативной ситуации проявляются различные свойства слова: возможность менять свою форму, иметь различные источники происхождения, менять свое предназначение (от номинативной функции до функции воздействия, которая в большей степени актуализируется диалектоносителями), преобладающими оказываются ГМ, образно переосмысливающие такие способы речевого поведения, как: «ругать», «бранить» (выставить, процапать, поддернуть, лохматить, сплетничать), сплетничать, врать (набуровить, накружить, бутетенить, боронить).

Кроме того, метафорические переносы осуществляются на основе сочетания субъекта речевой деятельности (человека) с глаголами, связанными в прямых значениях с другими именами субъектов, т.е. на основе уподобления человека животному, издающему характерные для себя звуки, другому человеку (ребенку), предмету, издающему звуки самопроизвольно, либо под воздействием человека. **ВЫть.** Экспр. Кричать, ругая кого-либо. Звуки человеческой речи уподобляются волчьему вою; общий компонент значения – «сила звука» (субъект действия, человек, уподобляется волку).

Встречается также уподобление человеческой речи звукам, производимым самим человеком, или же звукам неживой природы, но существующим под воздействием человека. **БалЯкать.** Экспр., перен. Болтать, заниматься пустыми разговорами. Придет, балякат-балякат, только от дела отрыват. Срав. с прямым значением – «говорить невнятно» (о ребенке или о нерусском). Данная метафора уподобляет взрослого человека ребенку, а звуки человеческой речи, соответственно, речи ребенка, начинающего говорить, – общий компонент в значении: «невнятность». **БринчАть.** Перен., экспр. Болтать, говорить вздор. Ну че ты бринчишь. Звуки речи уподобляются звукам, производимым человеком на музыкальном инструменте (человек уподобляется предмету). Наблюдение за лексико-семантическими группами, входящими в группу «речевая деятельность», обнаруживает специфичность семантики глагольных метафор: номинация действия через образ осуществляется посредством имен-предметов, субъектов действия.

Значительное внимание диалектоносителями уделяется эмоциональной окрашенности речи, образно переосмысливается передача таких эмоций, как: сердиться, выражать недовольство, в результате чего появляются метафоры: булькать, бунчать (ворчать), вЯргать. Не остаются без внимания диалектоносителей и технические особенности речи, а также цели речевой деятельности: вышЕлкивать (говорить невнятно), зажевать (невнятно заговорить), напУхать (наговорить, нашептать с колдовской целью), напятнАть (назвать).

Итак, при метафорическом обозначении ситуации речевой деятельности наряду с переосмыслением самого характера действия (часто негативный) важным оказывается образное представление субъекта речевой деятельности (человека), его эмоций и целей деятельности. Богатство и разнообразие ГМ речевого поведения позволяет говорить и об особой значимости речи, актов коммуникации в культуре диалектного сообщества, где слово наделяется «высшим смыслом»: человек сельской местности «даром слова на ветер не бросает». Слово имеет значимость и вес, это опять же отсылает нас к народной мудрости: «слово не воробей: вылетит – не поймаешь». Подобная актуализация актов речи, думается, связана и с особенностью функционирования народного говора (преимущественно устная форма бытования), в связи с чем каждое слово наделяется особым смыслом, произносится особым манером, с особой интонацией, чтобы общение состоялось, а посредством мет афоры, через образ вскрываются все возможные оттенки, смыслы, присутствующие в ситуации общения.

¹ Бабенко Л.Г. Изучение лексики в пространственном измерении (вместо введения) // Русская глагольная лексика: денотативное пространство. Екатеринбург. 1999. С. 13.

РЕЧЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ

УДК 378 55К74.58

О ТРЕБОВАНИЯХ К РЕЧИ ПЕДАГОГА

О.Г. Усанова

Культура речи не только признак высокой культуры человека, но необходимо помнить, что правильность нашей речи, точность языка, четкость формулировок, умелое использование терминов, иностранных слов, удачное применение образительных и выразительных средств языка, пословиц и поговорок, крылатых слов, фразеологических выражений, богатство индивидуального словаря повышают эффективность общения, усиливают действенность устного слова.

Высокий уровень речевой культуры – неотъемлемая черта культурного человека. Совершенствовать свою речь – задача каждого специалиста.

Никто не станет отрицать, что главнейшее в деятельности тех, кто обучает, воспитывает, кто руководит работой педагогических коллективов – это тот инструмент общения, воздействия, который мы привычно называем словом и речью, даже не задумываясь, сколь велико его значение для всех и особенно для педагогов. Передавать знания, нести идеи, убеждения в научные понятия, убеждения в юные умы и сердца невозможно без владения настоящей культурой речью, отражающей логику, ясность, глубину нашего мышления.

«Человек, – по очень тонкому замечанию В.Г. Белинского, – ясно выражается, когда им владеет мысль, но еще яснее, когда он владеет мыслью»¹. Такова диалектика взаимосвязи мысли и речи. И кому, как не педагогу, необходимо постоянно помнить об этом и непрерывно совершенствовать стиль, способ выражения мыслей. Но не только мыслей... Определенный ритм, темп, вся окраска, модуляция нашей речи способствует впечатляющей силе. Глубине воздействия наших высказываний на собеседников, в особенности на тех, кого мы учим и воспитываем, ведем за собой.

К искусству, культуре владения словом привлечено в настоящее время внимание не только педагогов, но и всего нашего общества с его самым прогрессивным мировоззрением и стремлением к гармоничному развитию человеческой личности.

Владеть словом, устной речью – первый признак педагогического умения.

Риторика дает ответы на вопросы, как научиться искусству красноречия, в чем состоят его особенности применительно к той или иной области деятельности, воздействию на ту или иную аудиторию².

Настоящий педагог должен владеть риторическими приемами и стилями речи, чтобы в зависимости от темы занятий, от специфики и особенностей слушателей уметь варьировать их. Это один из резервных, но немаловажных факторов улучшения качества преподавания, повышения эффективности занятия.

При обосновании требований к речи педагога целесообразно опираться на общие критерии риторики – науки о том, как правильно и ясно выражать свои мысли, логично строить композицию своей речи, выбирать естественные и разумные ритм и стиль в зависимости от коммуникативных задач и ситуации³.

Полезно обратиться к имеющемуся наследию выдающихся русских специалистов в области этой науки, которые, изучив античные риторики Аристотеля и Цицерона, основываясь на «Кратком руководстве к красноречию» М.В. Ломоносова, создали для своей эпохи практические учебники по общей и частной риторике.

Труды по риторике Н.Ф. Кошанского, «Общая риторика» в течение почти полувека являлись основными и наиболее распространенными. «Правила высшего красноречия» крупного государственного деятеля России первой половины XIX века М.М. Сперанского не могут не привлечь внимания современных исследователей – филологов, желающих отыскать в них рациональное зерно и творчески применить на практике достижения специалистов в области риторики, оставивших нам свое богатейшее по мысли наследие.

Педагог должен владеть собой и своим голосом. «Высокий» голос, резкий – раздражает, утомляет. Располагает к диалогу душевный голос, мягкий: Платон не случайно писал: «Говорить – это значит что-то делать и создавать». Педагог должен создать атмосферу доброго, творческого сотрудничества, духовного общения, делать учащегося соучастниками творческого процесса познания,

Речевая коммуникация и специальные языки

должен учить их мыслить. Аристотель в «Риторике» отметил: «Речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается: оно-то и есть конечная цель всего» («Античные риторика, 24»). Цель оратора – захватить, «победить многоголовую гидру» (Чехов), увлечь аудиторию темой и содержанием речи. Причем надо помнить о том, что «каждый слышит то, что он понимает» (Гете) и, следовательно, надо максимально заботиться о доступности речи, обеспечивая ее понимание. От речевой культуры педагога зависит эффективность умственного труда обучаемых, рациональное использование времени на занятиях, эстетическое воспитание и формирование общей речевой культуры студентов. Педагог самой своей личностью, поведением и культурой общения должен способствовать развитию личности каждого учащегося, развитию ее самосознания, мысли и речи, помня о том, что студент – это современная языковая личность, субъект диалога культур, требующий к себе уважительного, достойного отношения⁴. Высшая

цель педагогической культуры – воспитание культурной, обаятельной, интеллигентной личности XXI века. Студенты благодаря усилиям педагога должны осознать, что каждый из них – личность, вмещающая в себя культуру своего народа и одновременно являющаяся ее частью. Поэтому каждому преподавателю, и с его помощью каждому студенту необходимо овладеть риторической культурой, то есть культурой речемыслительной деятельности: культурой чувств, мыслей, слов, речи, общения и поведения⁵.

¹ Колесникова Л.Н. Обаяние личности как категория риторики. Орел, 1998. С. 24.

² Аннушкин В.И. Хрестоматия по риторике. Пермь, 1994. С. 48.

³ Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика: Учеб. пособ. М., 2002. С. 8.

⁴ Колесникова Л.Н. Языковая личность в аспекте диалога культур. Орел, 2001. С. 19.

⁵ Усанова О.Г. Культура профессионального речевого общения: Учеб-метод. пособ. Челябинск, 2003. С. 8.

МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ

Е.В. Харченко

Статья посвящена моделированию речевого поведения в профессиональном общении. Представлены и проанализированы теоретические взгляды лингвистов на проблему моделирования. За основу взят подход Московской психолингвистической школы.

Проблема моделирования как способа изучения разнообразных объектов природы и общества занимает сегодня в науке важное место. За сравнительно короткий срок появились математические модели обучения, информационные модели памяти, восприятия и внимания. Все модельные представления в разных науках строятся на общем основании и, хотя и в разных формах, создают отображающий аналог, подобие, имитацию своих объектов. Общим у всех моделей является то, что модель является *выражением представления об оригинале*, уточняемым в процессе конструирования.

Множество работ, посвященных моделированию или затрагивающих эту тему, предполагает большое количество различных толкований понятия «модель». Возможно, что именно нечеткость, вариабельность, пластичность понятия «модель» позволяет ему быть примененным в самых различных областях познания и даже иметь разное толкование в одной отрасли науки.

В лингвистических исследованиях роль моделирования как способа познания чрезвычайно велика, так как язык представляет собой исключительно сложную систему, исследование которой невозможно без аппроксимации, и к тому же системе, недоступную прямому наблюдению в отличие, например, от речевых явлений. Активное использование этого понятия в лингвистических исследованиях связано с именами А.А. Леонтьева, И.И. Ревзина, Н. Хомского и др. Так, А.А. Леонтьев дает толкование термину «модель» и предлагает возможную классификацию моделей¹. И.И. Ревзин описывает типы лингвистических моделей, строит теорию лингвистических моделей на базе использования теории множеств, математической логики и теории графов. Вероятностную модель предлагает В.В. Налимов. Отдельные аспекты языка в речевой деятельности получают модельное объяснение в самых различных работах множества авторов (см., например, «трансформационные модели» Н. Хомского, «модели понимания речи» – в частности, И.П. Панкова, «модель порождения речи» – например, А.С. Маркосян, В.Д. Климонов, Б.Ю. Норманн, И.А. Зимняя, Е.С. Кубрякова. Модельные представления находят применение для

рассмотрения практической деятельности переводчика, а также для нужд обучения языку.

Г.Г. Почепцов в работе «Теория и практика коммуникации» приводит двадцать пять теоретических моделей коммуникации: Р. Якобсона, В. Шкловского, Г. Шпета, Н. Евреинова, В. Проппа, Ю. Лотмана, М. Бахтина, Ч. Морриса, З. Фрейда, Ж. Лакана, К.Г. Юнга, Р. Барта, Ц. Тодорова, П. Бурдьё, П. Грайса, П. Ершова, А. Пятигорского, М.Фуко, У. Эко, Й. Хейзинги, К. Леви-Строса, Ж. Бодрийяра, Ж. Деррида, Ж. Делеза и М. Мосса. При этом он признает, что некоторые из этих ученых вовсе не употребляли слово «коммуникация», однако более важным представляется то, что они тем или иным способом структурировали то пространство, где протекает коммуникация. Работы этих авторов представляют разные парадигмы, разные взгляды на одно и то же коммуникативное пространство.

Особое место занимает моделирование языкового взаимодействия в связи с разработкой проблемы построения лингвистических процессоров, обеспечивающих взаимодействие человек – ЭВМ на естественном языке. А.Е. Кибрик и А.С. Нариньяни, работающие в этом направлении, показали, что реальная машинная система, моделирующая участника диалога, должна включать такие обязательные компоненты языковой коммуникации, как модель предметной области общения, модель партнера, включающую его знание о предметной области, систему целей и задач сторон, представление текущей ситуации взаимодействия.

И.А. Стернин при обосновании теории коммуникативного поведения как совокупности норм и традиций общения определенной группы людей вводит возможные модели описания коммуникативного поведения². Опираясь на многочисленные исследования, он предлагает три основные модели описания коммуникативного поведения народа: ситуативную, аспектную и параметрическую. Все три модели призваны обеспечить комплексность описания коммуникативного поведения, но различаются своим назначением. Параметрическая модель предполагает его системное теоретическое описание на основе некоторой заданной совокупности параметров. Описание по параметрической

Речевая коммуникация и специальные языки

модели дает полную характеристику релевантных черт коммуникативного поведения исследуемой лингвокультурной общности или группы по сравнению с коммуникативным поведением сопоставляемого народа или группы. Ситуативная модель предполагает описание коммуникативного поведения народа в рамках коммуникативных сфер и стандартных коммуникативных ситуациях (приветствие, извинение, вступление в контакт, выход из общения, общение в гостях, общение в коллективе, общение по телефону, общение с детьми, национальная невербальная система и т.д.).

В своей работе мы опирались на философское обоснование моделирования, данное М. Вартофским. Эта концепция позволяет нам рассматривать процесс моделирования профессионального речевого поведения, с одной стороны, как способ отражения и воспроизводства сложившихся культурных стереотипов взаимодействия в этой области. С другой стороны, целенаправленный выбор из возможных вариантов речевого поведения предполагает наличие у профессионала желания сознательного созидания определенного результата своей деятельности. Согласно М. Вартофскому, «модели не просто часть технологии для создания будущего и не просто полезные инструменты, а сами способы действия, которые фактически и создают будущее».

Мы также придерживаемся традиций Московской психолингвистической школы, что предполагает при моделировании профессионального общения учет и внутренних (психологических и психофизиологических), и внешних (социальных и социально-психологических) координат речевой коммуникации; выделение существенных признаков объекта моделирования; выявление социальных норм и ролевых предписаний, отраженных в сознании коммуникантов и имеющих этнокультурную специфику. В качестве диагностирующего и контролирующего способа нами использовался ряд экспериментов³.

Подход Московской психолингвистической школы к теории моделирования предполагает, что:

- наиболее адекватные модели, отображающие речевое общение коммуникантов, должны учитывать как внутренние (психологические и психофизиологические), так и внешние (социальные и социально-психологические) координаты речевой коммуникации;

- при моделировании конструируется другой – реальный или воображаемый объект, изоморфный данному в каких-то существенных признаках;

- допускается множественность моделей одного и того же моделируемого объекта;

- модель речевого акта опирается на общность знаковых средств и определенную общность социального опыта коммуникантов;

- влияние ситуации общения на речевую деятельность человека опосредовано его сознанием;

изменение структуры ситуации общения оказывает влияние на речевую деятельность коммуникантов только в том случае, если оно отображено в субъективном образе ситуации общения, сформировавшимся у коммуникантов;

- для процесса общения в конкретном коммуникативном акте существенны ролевой репертуар и иерархия ролей, поскольку ролевой репертуар личности в данном обществе предполагает регламентированный ролевыми ожиданиями определенный объем знаний, навыков и умений, привносимый в коммуникативный акт;

- моделирование само по себе не является единственным средством познания объекта: оно всегда представляет собой лишь один из компонентов более общей теории объекта или группы объектов и требует дополнения экспериментом, с помощью которого модель можно верифицировать, устанавливать ее эвристическую ценность.

Таким образом, очень важным достижением Московской психолингвистической школы является то, что ее представители в качестве одного из важных ограничений, налагаемых на вариантность речевой деятельности, считают соответствие структуры продукта этой деятельности некоторым заранее известным требованиям, обеспечивающим достаточное единообразие интерпретации этого продукта различными членами данного языкового коллектива, что отражается в едином языковом сознании группы людей. Лингвистика, по словам А.А. Леонтьева, и моделирует в речевой деятельности то, что непосредственно не диктуется ее психофизиологической структурой, а относится к вариантности внутри представляемых этой структурой возможностей, – вариантности, определяемой системой социальных норм. Внутри этой системы лингвистическое моделирование образует, так сказать, «нижний» этаж, – язык диктует речевую деятельность ее «тонкую структуру», а именно – способы ее организации внутри отдельного высказывания. Все же прочие действующие нормы связаны с теми или иными способами манипулирования уже сформированными высказываниями.

Моделирование как деятельность разбивается нами на ряд действий:

- выявление общих значимых качеств, функций, свойств и отношений объектов моделирования;

- выделение из них необходимых и достаточных (как правило, модель представляет упрощенную действительность);

- определение зависимостей, построение схем, включающих основные свойства моделируемых объектов;

- экспериментальная проверка адекватности модели;

- корректировка, внесение изменений.

На первом этапе работы необходимо было выявить и проанализировать бытующие удачные и неудачные речевые конструкции (типичные и не-

типичные для конкретной сферы деятельности). За несколько лет работы нами было собрано большое количество записей устной речи (бумажный, аудио- и видеоварианты) специалистов в первую очередь из сферы торговли и обслуживания, также было проведено анкетирование разных групп населения, выявлены социально одобряемые и социально порицаемые типичные высказывания врачей, учителей, продавцов и инженеров.

При анализе полученных методом воспоминаний стереотипных высказываний профессионалов мы выделили некоторые модели, используемые при построении и/или запоминании высказывания. Отрицательно оцениваются следующие модели:

Глагол в повелительном наклонении + ...

Продавец: *говорите (23)// не трогайте руки! (5)// отойдите от прилавка (4)// сдачу-то возьмите! (3)// бери, пока есть!// берите, не пожалеете!// берите, осталось несколько штук!// берите, это последняя!// ваши откуда!// вы или берите или не загораживайте обзор!// выбирайте и уходите!// выбирайте сами!// говорите, что нужно?// гони бабки!// готовьте без сдачи!// готовьте мелочь!*

Учитель: *встань в угол (2)// дай дневник (2)// замолчите! (2)// запишите домашнее задание (2)// иди за родителями (2)// иди к доске! (2)// подай дневник! (2)// встаньте, кто говорит!// выходи к доске!// закройте все рты!// закройте рты!// замолчите все!// заткни линейкой рот.*

Врач: *закройте дверь (36)// раздевайтесь (18)// рот закрой! (9)// встаньте в очередь (3)// откройте рот! (3)// повторите анализы (3)// не реви! (2)// расслабьтесь (2)// терпи (2)// вдохните, ... не дышите!// говори, что у тебя болит!// громко не кричи!// давайте вашу карту!// дышите в сторону!// дышите глубоко!// замолчи, надоел // идите за талоном // замолчи, надоел // руки убери! // сиди и слушай!*

Почему + ...? (упрек)

Врач: *почему без талона?!// почему в обуви зашли?!// почему в пальто?!// почему вы в верхней одежде?!// почему вы не пришли как только поднялась температура?!// почему же вы раньше не обращались?!// почему за своим здоровьем не следите?!// почему не лечитесь?!// почему не обратились раньше?!// почему раньше не пришли?!// почему сразу не пришли?!// почему я должна вас ждать?*

Учитель: *все читают, а ты почему в окно смотришь?!// вы опять не готовы отвечать, почему?!// почему вы так сделали?!// почему вы такие трудные?!// почему не сделали домашнее задание?*

Положительно оцениваются высказывания, построенные по следующим моделям:

Давай/ -те (вместе) + (глагол в 1 л. мн. ч.)

Врач: *давайте вместе подумаем, что может быть причиной ваших болей!// давайте подумаем вместе!// давайте послушаем вас!// давайте посмотрим ваше горло!// давайте просто поговорим!// давайте сделаем иначе.*

Учитель: *давай еще раз попробуем разобрататься!// давай попробуем вместе!// давай я тебе помогу!// давайте вместе подумаем над этой проблемой!// давайте на уроке немного послушаем музыку (литература)!// давайте подумаем вместе // давайте попробуем решить вместе!// давайте с вами познакомимся.*

Продавец: *давайте посмотрим // давайте вам подберем еще юбку.*

Инженер: *давайте подумаем! // давайте разберемся, почему это случилось.*

В то же время, несмотря на то, что варианты поведения профессиональных коммуникаторов, уже существующие в обществе, имеют, как правило, социальную оценку (одобрение или порицание), чаще всего они используются специалистами не для достижения определенной цели, а скорее «по привычке», под влиянием сложившихся стереотипов. Следует также учитывать, что в наше время происходит смена представлений о взаимодействии профессионала и клиента в постсоветском пространстве: если раньше последний выступал чаще всего как объект деятельности специалиста, то сегодня мы видим, что эта роль его больше не устраивает. Это проявляется в реагировании на замечания: *Выйдите немедленно из кабинета! – Ой, вот только не надо на меня орать!* (Поликлиника, Челябинск, 2003); «поучениях» обслуживающего персонала: *Девушка, что у вас за тон? Вы обязаны мне улыбаться. Улыбайтесь сейчас же, иначе я приглашу вашу начальницу, чтобы она вам объяснила, как нужно себя вести!* (Почтовое отделение, Челябинск, 2003).

Для моделирования взаимодействия в профессиональной сфере можно брать разные основания. В своей работе мы опираемся на теорию речевой деятельности, что предполагает при построении высказываний учет не только условий, отраженных в сознании говорящего, но и того, что закреплено в сознании слушающего. Поскольку в профессиональной сфере часто происходит взаимодействие представителей разных корпоративных культур, особое внимание уделяется нахождению «общего языка», общих понятий. Такой подход предполагает необходимость специального целенаправленного обучения профессиональных коммуникаторов, поскольку при планировании и продуцировании своей речи для целенаправленного достижения результата неречевой деятельности они должны опираться не только на свое понимание ситуации, но и на модель ситуации, закрепленную в культуре и отраженную в сознании собеседника.

«Другоцентрическая» ориентация носителей русской культуры позволяет говорить о важности при взаимодействии образа собеседника, соответствие его поведения прогнозируемому, заданному определенной социальной ролью.

По результатам эксперимента можно сделать несколько выводов: стандартные речевые форму-

Речевая коммуникация и специальные языки

лы меняются в зависимости от сферы использования, эффективные конструкции должны разрабатываться для конкретной организации (при этом следует учитывать ее миссию, цели и стратегические принципы) и со временем могут варьироваться.

В целом можно сказать, что стандартные речевые формулы позволяют: ввести фирменный стиль в обслуживании; выровнять общую культуру персонала (отсутствие закреплённых деловых форм приводит к подбору фраз из бытовой речи, просторечия, которое характеризуется сниженной лексикой); свести к минимуму недоразумения, связанные с непониманием или уходом от делового общения (что может привести к конфликтам); увеличить скорость обслуживания и оставить время на корректировку поведения в зависимости от ситуации; возможность обучения и самосовершенствования в заданных рамках; наличие критериев, позволяющих отслеживать профессионализм и соответствие стандарту («так говорит профессионал», «так говорит дилетант»); формирование определенного прогноза обслуживания у клиентов.

Стандартные речевые формулы характеризуют культуру организации так же, как и фирменная одежда, ритуалы награждения, нормативы обслуживания и контроля, и поэтому нуждаются в тщательной проработке, осознании и использовании всеми сотрудниками контактной зоны.

В заключение хотелось бы добавить, что при моделировании профессионального общения необходимо учитывать общечеловеческие нормы поведения и законы взаимодействия; этнокультурную специфику общения, отражающую социальные архетипы; профессиональную корпоративную культуру, в значительной степени определяющую поведение специалиста, ролевую позицию, ожидания собеседника; культуру организации, влияющую на отношения как с внешним, так и с внутренним клиентом (ритуалы, мифы, система поощрений и наказаний); личность профессионала с его сложившимися стратегиями поведения и возможностями обучения и самосовершенствования (миропонимание, система ценностей, выработанные стереотипы поведения, поведенческие стратегии, позволившие на каком-то этапе быть успешным).

¹ Леонтьев А.А. Лингвистическое моделирование речевой деятельности. Основы теории речевой деятельности/ Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Наука, 1974;

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. Изд. 2-е, стереотипное. М: Едиториал УРСС, 2003. С. 312.

² Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж, 2000. С. 27.

³ Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. С. 336.

Отличие интенсификации от указания на норму процессуального признака, по мнению Е.М. Вольф, состоит в том, что «наречие-интенсификатор в высказывании факультативен: он лишь добавляет некий смысл к семантике глагола, но не меняет его значения»⁵.

Важно, что соотносимые с ПФ глаголы, лишённые значения интенсивности не должны быть «чужды» идее градации как, например, глаголы с так называемой статальной семантикой: глаголы существования (находиться, существовать), обладания (иметь, владеть), со значением различного рода отношений (равняться, заключаться), глаголы, репрезентирующие действие как постоянное свойство лица, предмета (сапожничать, слыть, вмещать) и др.

Объективную действительность человек воспринимает в призме конкретных национальных языков. Фразеология каждого языка отражает народный дух, его мироощущение и миропонимание.

Процессуальные фразеологизмы, в значении которых выделяется семантический компонент «интенсивность» являются важной и многочисленной составной частью фразеологического фонда как русского, так и французского языков.

Семантическая структура интенсивности процессуального признака очень сложна, потому как процессуальный признак не однороден по своей природе и определяется большим числом характеристик (время, способ, количество, напряженность признака и т.д.), каждая из которых может быть определена с точки зрения меры.

Сема интенсивности находится на периферии структуры значения ПФ и реализуется через усиление ядерных сем, выражающих широкий спектр реальных отношений, состояний и действий, «протекающих во времени и имеющих не только временную, но и пространственную протяженность, соотносенных так или иначе с субъектом, который осуществляет деятельность, является носителем состояния или вступает в к.-л. отношения с другими субъектами»⁶.

В процессе исследования выяснилось, что семантика интенсивности в значении процессуальных фразеологизмов характеризуется взаимодействием с семами разного уровня абстракции: субкатегориальными, групповыми, индивидуальными и охватывает широкий спектр предметно-понятийных сфер, которые в исследуемых языках могут быть совершенно разными как в количественном, так и в качественном отношении.

Выявлено, что на уровне субкатегориального значения семантика интенсивности охватывает в сопоставляемых языках все три субкатегориальные сферы – состояние, отношение и деятельность.

Статистические данные обнаруживают различную активность и значимость семы «интенсивность» в каждой из трех разновидностей субкате-

гориальных значений для французского и русского языков.

Специфичным для русского языка является преобладание (50% от общего числа) процессуальных фразеологизмов, в которых сема интенсивности взаимодействует с семантикой отношения: *брат в ежовые рукавицы* кого- **решительно** воздействовать на к.-л., *вымерить взглядом* к.-л. **пристально** осмотреть к.-л., *глядеть в рот* кому- **подобострастно** слушать к.-л. и др.

Во французском языке специфика определяется продуктивностью (39 % от общего количества) фразеологизмов, отмеченных корреляцией семантики интенсивности со значением деятельности: *trousser une affaire* – **быстро** проверить дело, *avoir toutes les peines du monde à* -с **трудом** добиться ч.-л.

Соотнесением интенсивности с семой деятельности в русском языке, в отличие от французского, характеризуется всего 17% исследуемого материала. Это наименее характерная для семантики интенсивности разновидность субкатегориального значения в русском языке: *соскочить с рельсов*- **внезапно** утратить привычный образ жизни, *бить тревогу*- **настойчиво** обращать всеобщее внимание на грозящую опасность, *завязать на память узелок*- **крепко** запомнить.

Что касается семантики отношения во французском языке, то она в целом не свойственна структуре интенсивности процессуального признака и охватывает лишь 28% общего числа фразеологизмов.

Корреляция семы «интенсивность» с семантикой состояния наблюдается в 33% случаев для процессуальных фразеологизмов обоих языков: русский язык: *валяться со смеху* – **неудержимо**, *до изнеможения* смеяться, *забирает за сердце* – ч.-л. **глубоко** волнует и др.; французский язык – *sentir le cadavre* – **сильно** болеть, *prendre une brosse* – **сильно** напиться, *passer par toutes les couleurs de l'arc-en-ciel* – **сильно** испугаться и др.

На уровне группового значения семантика интенсивности характеризуется охватом следующих наиболее продуктивных предметно-понятийных сфер в сопоставляемых языках:

- группа межличностных отношений: в русском языке – 82% всех значений фразеологизмов субкатегории отношения: *брат в оборот* – **решительно** воздействовать на к.-л., *брат измором* кого – **настойчиво** добиваться чего-либо, *возносить до небес* кого – **непомерно** расхваливать и др.; во французском языке – 97% всех значений фразеологизмов субкатегории отношения *fixer d'aplomb* – **смотреть в упор** на к.-л.; *mettre qn en (à) blanc* разорить до **тла** к.-л. и т.п.;

- психическое состояние человека: для русского языка – 53% общего количества значений фразеологизмов данной субкатегории: *выплакать все глаза* – **много и часто** плакать, *выть белугой* – **громко и долго** плакать, *дух замирает у кого-*

трудно дышится от избытка чувств; для французского языка – 58% от общего числа значений единиц субкатегории состояния: *en baver de* – очень удивиться, *bicher comme un petit pou* – **сильно** радоваться, *se donner une bosse de rire* – хохотать до упаду и т.д.;

- физическое состояние: 13% от всех значений фразеологизмов субкатегории состояния в русском языке: *бить ключом* – **бурно** протекать, *бить по глазам* – **резко** выделяться, *бросаться в нос* – **остро** чувствоваться и 32% во французском языке: *se donner une biture*, *en ramasser une bonne* – **сильно** напиток и т.п.;

- поступки и поведение человека: 81% от общего количества значений фразеологизмов субкатегории деятельности в русском языке: *извиваться ужом* – **ловко** изворачиваться, *ломиться в открытую дверь* – **настойчиво** утверждать, доказывать то, что всем хорошо известно, *разнести в щепки* ч.-л. – разрушить до **основания** и др.; для французского языка – 79% всех значений единиц субкатегории деятельности.

Несмотря на то, что на уровне субкатегориального значения исследуемых фразеологизмов выявлены существенные качественно-количественные расхождения в русском и французском языках, то уровне группового значения сопоставительный анализ показал примерно равные пропорциональные соотношения случаев корреляции интенсивности со значениями различных групп фразеологизмов субкатегории деятельности и отношения.

Для фразеологизмов субкатегории состояния в русском языке доля случаев взаимодействия семантического компонента «интенсивность» со значением «физическое состояние» меньше, чем во французском языке (13% и 32% соответственно).

Понятие «интенсивность процессуального признака» предполагает обязательное соотнесение со стереотипом, существующим в сознании говорящего. Стереотипы определяют характер параметров, на которых строится значение интенсивности.

Во фразеологизмах каждой из субкатегориальных сфер определены общие и специфические типы интенсивности в зависимости от характера опорных параметров в русском и французском языках.

Выделение содержательных типов интенсивности в процессуальных фразеологизмах субкатегорий деятельности, отношения и состояния проводится с учетом факта наличия или отсутствия у соотносимого с процессуальным фразеологизмом градуируемого параметра и конкретный характер этого параметра.

Как показали результаты проведенного исследования, общим для интенсивности в процессуальных фразеологизмах субкатегории отношения для обоих языков является недискретный, акциональный характер опорных параметров, эксплицит-

ным выражением которых служат специальные адвербиальные интенсификаторы «тщательно», «пристально», «упорно», «часто», «настойчиво» и т.п.

Эти параметры не связаны с экстралингвистической природой процессуального признака «отношение», а характеризуют способ его осуществления, указывают на то, что признак контролируется, направляется субъектом, имеет определенную целеустановку: *брать измором* кого- «настойчиво добиваться чего-либо», *fixer d'aplomb* – «упорно смотреть на к.-л.» (интенсивность строится на основе акционального параметра «настойчивость» воздействия и выражается специальными интенсификаторами «настойчиво» и «упорно»).

В исследуемом материале русского языка доля интенсивности процессуального признака на основе акциональных параметров значительно больше (95% и 65% соответственно), чем во французском.

Статистические данные обнаруживают особую активность формирования семантики интенсивности в процессуальных фразеологизмах субкатегории отношения в русском и французском языках на основе акционального параметра «непрерывность» (21% и 35% соответственно): *водить на помочах* кого – **неотступно** опекать, *есть поедом* кого – **непрерывно** кусать (о насекомых) и др., *prendre en chasse* – **непрерывно** следить за к.-л и др.

Особо продуктивными параметрами интенсивности процессуального признака для субкатегориального значения «отношение» в русском языке является так же «решительность» (15%): *наступать на хвост* к.-л. – **решительно** воздействовать на к.-л., *дать по рукам* кому-л. – **решительно** пресекать к.-л. действия и др., а во французском языке «внимательность» (29%): *être suspendu à la bouche de qn*, *boire les paroles de qn* – **внимательно** слушать к.-л. и пр.

Среди наиболее свойственных характеризующих параметров интенсивности в русском языке выявлены «полнота» (*взять к ногтю* – «**полностью** подчинить своей воле», *вить веревки* из к.-л. – «подчинять **всецело** своей воле») и «глубина» (*войти в душу* кому-л. – **глубоко** затрагивать к.-л.), а во французском «мускульная сила» (*pas faire de cadeau (x) à qn* – треснуть **изо всех сил**, *mettre en charpie* – **сильно** избить к.-л.) и «полнота» (*être à la botte de qn* – **полностью** подчиняться к.-л. *mettre qn en (à) blanc* – разорить до тла).

В значениях 6% фразеологизмов русского и 8% фразеологических единиц французского языка определен тип интенсивности без уточнения параметра, по которому осуществляется интенсификация: *болеть душой* за кого-л. – «**сильно** переживать за к.-л.» *s'éprendre d'amour pou r* – «**сильно** влюбиться в к.-л.». Интенсивность в этих случаях эксплицируется с помощью общих адвербиальных интенсификаторов (очень, сильно, ужасно и т.п.), которые содержат нерасчлененное, недифференцированное указание на напряженность протекающего процессуального признака.

Спецификой семантики интенсивности в процессуальных фразеологизмах субкатегории деятельности является так же значительное преобладание случаев формирования интенсивности на основе акциональных параметров в обоих сопоставляемых языках.

В результате анализа выявлена особая активность формирования семантики интенсивности в субкатегории отношения на основе акциональных параметров «тщательность» и «непрерывность» в русском языке и «внимательность» и «непрерывность» во французском.

Интенсивность на основе характеризующих параметров не продуктивна среди фразеологизмов субкатегории деятельности.

Характерным для процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния во французском языке является больший удельный вес случаев реализации семантики интенсивности без уточнения параметра напряженности протекания процессуального признака «состояние» (29% и 8% соответственно): *prendre une brosse* – **сильно** напиться, *avoir les bras rompus* – **сильно** устать, *ele ноги носят* – к.-л. **очень** устал, *душа не принимает* – **совсем** не хочется есть и др.

Параметры интенсивности в значении процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния имеют совершенно иной характер.

Среди наиболее продуктивных параметров интенсивности в русском языке выявлены «внезапность» (*кондрашка пришиб* – **внезапно** разбило параличом, *кровь бросилась в лицо* к.-л. – **внезапно**

покраснел от стыда) и «сила» (*бить через край* – **бурно, с неистощимой силой** проявляться, *кататься со смеху* – **неудержимо, до изнеможения** смеяться), а во французском «непрерывность» (*avoir six aunes de boyaux vides* – **быть постоянно** голодным, *dormir à bâtons rompus* – все время **про**сыпаться) и «сила» (*battre la chamade* – **сильно** биться (о сердце)).

Таким образом, интенсивность в структуре значения процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния в сопоставляемых языках реализуется на основе параметров характеризующих, связанных с экстралингвистической природой процессуального признака.

¹ Гриднева Т. В. Фразеологические средства выражения категории интенсивности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ ВГПУ, Волгоград, 1997. С. 18.

² Горшкова Н.Н. Фразеологические единицы с градуальной семантикой в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Моск. гос. обл. ун-т, 2004. С. 20.

³ Лебединская В.А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка. Челябинск, 1987. С. 3–4.

⁴ Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск: Наука, 1986. С. 56.

⁵ Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. С. 138.

⁶ Лебединская В.А. Усачева Н.Б. Семантика процессуальных фразеологизмов. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 1999. С. 175.

ФРАГМЕНТЫ ЛИНГВОЦВЕТОВОЙ КАРТИНЫ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА НА МАТЕРИАЛЕ ЯПОНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОЛОРАТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ

Н.А. Завьялова, В.П. Пылайкина

В лингвистической практике принято говорить о значимости единиц фонетического, лексического, семантического, синтаксического и текстового уровней. В данной статье мы делаем попытку выйти за рамки привычной парадигмы, обратив внимание на визуальную составляющую языковой действительности, а именно на цветообозначения и их роль в образовании современного лингвиста. Нами используется материал японского языка, а именно цветообозначения, входящие в состав современных фразеологических единиц. Цветовые лексемы и окружающая действительность в цвете рассматриваются нами как единое целое.

Анализ лингвоцветовой картины мира отдельного языка, на наш взгляд, целесообразно начинать с определения количественного и качественного состава колоративов данного языка. По данным исследований японского лингвиста Касима Сигэру, основными колоративами современного японского языка являются 10 цветоименований и их синонимы: *shiro* (белый); *kuro* (черный); *aka* (красный); *ao* (зеленый/синий/голубой); *kiro* (желтый); *chairo* (коричневый); *murasaki* (фиолетовый); *midori* (зеленый); *haigo* = *pezumiro* = *gure* (серый); *daidai* = *ogenji* (оранжевый).

Помимо заимствованных из английского *gure* (серый) и *ogenji* (оранжевый), в повседневном употреблении японцы активно используют прилагательное *pinku* (розовый). По данным исследований Судзуки Такао, молодые японцы стремятся как можно чаще употреблять заимствованные колоративы в тех случаях, где пожилые японцы воспользовались бы исконной лексикой. Следует отметить, что в современном японском языке идет активный процесс образования новых цветообозначений при помощи лексемы *iro* (цвет). Так, в 2002 г. по данным исследований Такасуги Синдзи¹, была зарегистрирована цветовая метафора *Shinbashi-iro* – любимый цвет гейши района Синбаси в Токио. А в 2004 г. – *Kuri-iro* – цвет грязи, застоявшейся на дне водоема. Обращаясь к истории системы цветообозначений, следует отметить, что базовыми цветотерминами японского языка можно назвать 4 колоратива: *shiro/shiroshi* – белый; *aka/akashii* – красный; *ao/aoshi* – зеленый/синий/голубой; *kuro/kuroshi* – черный. Существует предположение, согласно которому на более раннем этапе в японском языке существовало только 2 базовых колоратива: *aka* – теплый/светлый (отсюда *akarui* – светлый); *kuro* – холодный/темный (отсюда *kurai* – темный). В современном японском *chairo* (коричневый) употребляется гораздо чаще, чем *ao* (зеленый/синий/голубой). Японский исследователь Та-

касуги Синдзи объясняет этот факт тем, что *chairo* может быть включен как в систему «теплый/холодный», так и в систему «светлый/темный». Базовые японские колоративы следует рассматривать в неразрывной связи с их китайскими прототипами. В Древнем Китае цвет рассматривался в качестве символа важнейших сил и стихий. Согласно эзотерическим учениям три ряда символов (оттенки цветов, составные и природные элементы, чувства и реакции) исходят из общего источника, действующего на глубочайших уровнях действительности. Цвет и символизируемая им стихия для китайцев не были жестко связаны друг с другом. У одной и той же силы могло быть несколько цветовых символов в зависимости от состояния этой силы или стихии. Так, светло-синий являлся символом полуденного неба, а черный с небольшой долей красного (Сюань) – предрасветного, означая зарождение света в недрах мрака. В учении о первосущностях Инь и Ян также присутствует цветовая символика. Ян имеет белый (желтый) цвет, а Инь – черный (синий).

В китайской символике цвет выражал социальный статус: каждой социальной группе соответствовал свой цвет. Например, желтый считался священной привилегией императорской фамилии. Цвета делились на «благородные» и для простого народа, как об этом говорится в «книге песен» («Ши цзин»). В японской культуре также существует своеобразная цветовая иерархия. Так, до XIX в. одежду ярких тонов носили только представители знати, а простолюдины из-за дороговизны окрашенной ткани могли позволить себе только мрачные тона. Собственно японские колоративы отражают ход истории этой страны. Так, для цветотерминов эпохи Хэйан характерны природные прототипы, зачастую поэтически переосмысленные. *Akane iro* – «цвета акане» – красный краситель, полученный на основе марены пурпурной. *Asagi iro* – «цвет молодого редиса». Эпоха Мейдзи известна своими новыми химическими красителя-

Фразеология

ми. Эпоха Муромати – обращение к сказочным мотивам. *Shojohi* – «цвет крови» – от цвета крови легендарного животного Сёдзё. Эпоха Эдо – тема растений и артефактов. *Azuki iro* – «цвета красных бобов», *Uraba yanagi* – «цвета обратной стороны листа ивы», *Sabiasagi* – «цвета редиса» – насыщенный зеленый, *Mizuasagi* – «цвета воды и редиса» – оттенок синего, *Shikkoku* – «цвета японского лака» – насыщенный черный. Для эпохи Эдо также характерно повышенное внимание к теме японской чайной церемонии, что в первую очередь связано с именем основателя династии чайных мастеров Сенно-Рикю: *Rikyu-cha* – «цвета чая Рикю» – один из оттенков зеленого.

Лексема *iro* (цвет) входит в состав многочисленных ФЕ. Цвет (*shoku/iro*) выполняет целый ряд важных функций. Изобразительная функция реализована на примере многочисленных словосочетаний, обозначающих визуальные характеристики предметов. *Iroe* – «картина в цвете»; цветная роспись по фарфору. *Irogami* – цветная бумага. *Iroginu* – цветной шелк. *Iroshina* – разноцветные товары. *Irozuri* – разноцветная одежда. Существуют специальные ФЕ и отдельные лексемы, обозначающие степень насыщенности цветом, его наличие/отсутствие. *Irokeshi* – выцветание, ахроматичность. *Irozashi* – использование цвета, украшение цветом. *Irosamu* – выцветать, становиться бесцветным. *Irozukume* – цветной, букв. «испачканный цветом». Нередко цвет в японской культуре используется в качестве психологической характеристики привлекательного человека, склонного к романам, любовным приключениям. *Iroppoi* – «полный цвета» – сексуально привлекательный. *Irome o tsukau* – «использовать зрачки» – строить глазки. *Eiyu iro to konomu* – «любить цвет возлюбленного» – иметь роман. *Irootoko* – «цветной мужчина» – сексуально привлекательный мужчина; герой-любовник. *Iroonna* – «цветная женщина» – сексуально привлекательная женщина; кокетка; возлюбленная. *Iroke* – привлекательность, обаяние, сексуальность. *Irokoi* – роман, любовное приключение. *Irogoto* – актер, исполняющий роль любовника; сердцеед, покоритель женских сердец. *Irogonomi* – тайное любовное приключение. *Irosama* – возлюбленный; красавец. *Irozama* – красавица; возлюбленная. *Iroshina* – уловки, приемы кокетства. *Ganshoku nashi* – «стать бесцветным» – побледнеть при виде возлюбленного. Любопытной представляется связь цвета с кварталом публичных домов. *Irozake* – сакэ, выпитое во время прогулки по кварталу публичных домов. *Irozato* – квартал публичных домов. Лексема *iro* входит в состав многочисленных цветовых метафор, существенно расширяющих лексико-семантическое поле «цвет» в японском языке: *sumi-iro* – цвета черного угля; *gou-iro* – цвета ваксы; *akasabi-iro* – цвет ржавчины; *akani-iro* – цвет красной глины; *azuki-iro* – цвет красных бобов; *ichigoiro* – цвет клубники; *sakuraigo* – цвет вишни; *soga-iro* – цвет

неба; *ruri-iro* – цвет лазури, небосвода; *mizu-iro* – цвет воды; *wasurenagusa-iro* – цвет незабудки; *ao-dake-iro* – цвет молодого бамбука; *abura-iro* – цвет растительного масла; *uguisu-iro* – цвет японского соловья; *kusa-iro* – цвет травы; *wakakusa-iro* – цвет молодой травы; *wakaba-iro* – цвет молодых листьев; *wakamidori* – цвет свежей зелени; *tokusa-iro* – цвет очищенного тростника; *hiwa-iro* – цвет чижа; *mascha-iro* – цвет порошкового чая. К мотивированным колоративам относятся: *chaigo* – цвет чая; *haigo* – цвет пепла; *pezumiigo* – цвет мыши; *daidai* – цвет кислого апельсина; *midori* – цвет травы, *akasakiigo* – цвет ржавчины; *akaniigo* – цвет красной глины; *azukiigo* – цвет красных бобов; *ichigoigo* – цвет клубники; *sakuraigo* – цвет вишни; *akaneigo* – цвет марены пурпурной; *baranoigo* – цвет розы; *ko:baiigo* – цвет лосося; *ebiigo* – цвет креветки, омара; *beniigo* – цвет румян; *tomoiro* – цвет персика. Во всех этих примерах имеются прямые ассоциации с определенными объектами окружающей действительности. К немотивированным колоративам относятся: *shiro* (белый), *aka* (красный), *ao* (зеленый/синий/голубой), *kuro* (черный). Мотивированные колоративы численной преобладают над немотивированными.

По данным исследований Такасуги Синдзи японские цветообозначения к цветам радуги японцы относят 7 колоративов: *seki/aka* (красный), *to:/daidai* (оранжевый), *o:/kiigo* (желтый), *gyoku/midori* (зеленый), *sei/ao* (зеленый/синий/голубой), *gan* (цвет индиго), *murasaki* (фиолетовый). При этом японский лингвист указывает на довольно условный характер деления радужного спектра. Он высказывает предположение о том, что семичленное деление было введено в японскую картину мира искусственно, в известной степени под влиянием авторитета И. Ньютона, предложившего в XVII в. данную схему. В своем исследовании японский ученый утверждает, что именно И. Ньютон, руководствуясь христианской традицией семичленного деления бытия (семь дней недели, святая седмица, семь смертных грехов), поделил радужный спектр на 7 секторов, каждому из которых ученый присвоил музыкальную ноту. Позднее к нотам были добавлены названия семи небесных тел: Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн, Солнце и Луна. До И. Ньютона цифра «7» никогда не встречалась в трудах о цветах радуги. Так, Ксенофан выделил 3 колоратива, Аристотель – 4, Посидонис – 4, Сенека – 5. Идея И. Ньютона распространилась по всему научному миру, в том числе и в Японии. Данная гипотеза может иметь определенное основание, так как современники И. Ньютона указывают на влияние на ученого философско-теологической школы кембриджского платониста Гэнри Мура. Последователи данной школы стремились обнаружить Божественный закон во всех фрагментах бытия.

Анализируя колоративы, входящие в состав японских ФЕ, следует отметить, что нами было

выделено 5 колоративов, которые регулярно, но с разной частотой используются японцами: *haku/shiro* (белый), *koку/kuro* (черный), *sei/ao* (зеленый/синий/голубой), *seki/aka* (красный), *o:/kiirōi* (желтый). Можно сделать вывод о том, что большинство ФЕ были образованы под влиянием китайской традиции. Не все цвета радуги нашли своё отражение во фразеологическом фонде языка, что также свидетельствует о достаточно произвольном характере деления радужного спектра.

Рассмотрим подробнее отдельные фразеологические группы с цветовыми оттенками. Распределение ФЕ по фразеологическим подгруппам проводилось исходя из наличия в их составе определенного колоратива, а также наличия общих интегральных сем в их семантике. Белый (*haku/shiro*) цвет в японской культуре зачастую символизирует невиновность, незапятнанность репутации. Нередко белый выступает антиподом черного как символа порока и вины. Сэй-Сёнагон², японская писательница раннего средневековья (986–1000 гг.), упоминает о белом в записке 42, озаглавленной «То, что утонченно красиво»: «Белая накидка, подбитая белым, поверх бледно-лилового платья». Белый нередко использовался в сочетании с одеждой другого цвета, являясь своеобразным фоном и усиливая контрастность оттенков. «На ней было семь или восемь одежд: бледно-пурпурных, белых, цвета алых лепестков сливы...» «Из-под кафтана выбиваются края одежд, внизу несколько белых, а поверх них еще одна, парчовая, густо-алого цвета». Исключительно живописным по цвету представляется стихотворение «Хозяин и гость» М. Басё:

Друг на друга нарцисс

И белая ширма

Бросают отблески белизны.

Изысканность представляет собой белая бумага, используемая по особым случаям. Так, в записке 133 «Дворцовый слуга принес мне...» Сэй-Сёнагон указывает: «Дворцовый слуга принес мне от господина То-но бэна Юкинари подарок, обернутый в белую бумагу и украшенный великолепной веткой цветущей сливы.»

Белый – цвет траура в японской культуре. Белый в данном случае рассматривается как символ перехода из одного состояния в другое, начала новой жизни. Именно в белом кимоно японцы совершали обряд ритуального самоубийства сэппуку. Зачастую в качестве синонимов *shiro* используются цветовые метафоры, в основе которых лежит сравнение с предметами определенного оттенка: *enpaku-shoku* – «белый свинец» – цвета краски с добавлением карбоната свинца; *supa-iro* – цвета песка; *puuhakushoku* – цвета молока.

ФЕ с компонентом *shiro* в японском языке довольно немногочисленны – 6 ФЕ. Нами были выделены фразеологические подгруппы с компонентом *haku/shiro* со следующими значениями:

подгруппа «черты характера, эмоции и чувства, психологические характеристики»: подозрительность – 1, невиновность – 2, выдающийся – 1;

подгруппа «профессия, профессиональная деятельность»: вор – 1, болезни, лекарства – большой – 1.

Количественно преобладают ФЕ со значением «черты характера, эмоции и чувства, психологические характеристики» (4 ФЕ). В данном случае реализована функция использования колоратива в качестве психологической характеристики.

Черный (*koку/kuro*) цвет зачастую является символом неудачи, вины поражения. *Kuro de aru* – быть виновным. *Kuroboshi* (черная точка/кружок) – неудача, крах. Однако в финансовой сфере черный является признаком благополучия, богатства, так как традиционно прибыль в бухгалтерском отчете записывалась черным. *Kuroji* (черные буквы) – активный баланс. *Kurojini naru* (стать черными буквами) – сводиться к активному балансу.

Очевидна связь черного с полезными ископаемыми. *Kurodai* (черный алмаз. *dai* от англ. *diamond*) – «черное золото» об угле. *Kurogane* (черный металл) – железо. Сэй-Сёнагон³ упоминает о черном в записке 153, озаглавленной «То, что вызывает жуткое чувство»: «Черный металл» – железо». В качестве синонимов *kuro* используется метафоры с компонентом *iro* (цвет). Метафоры обычно связаны с объектом, для которого типично обладание данным цветом: *sumi-iro* – цвета черного угля; *goi* – *iro* – цвета ваксы.

ФЕ с компонентом *kuroi* в японском языке довольно многочисленны (всего 17 ФЕ). Нами были выделены фразеологические подгруппы с компонентом *kuro* со следующими значениями:

подгруппа «черты характера, эмоции и чувства, психологические характеристики»: виновность – 3, неудача – 1, подлый – 1, запутывание, одурачивание – 2;

подгруппа «расовая принадлежность»: афроамериканец – 1, европейский – 1;

подгруппа «профессия, профессиональная деятельность, социальный статус»: актер – 1;

подгруппа «артефакты»: мишень – 1;

подгруппа «физиология» жизнь/признаки жизни – 1;

Количественно преобладают ФЕ со значением «черты характера, эмоции и чувства, психологические характеристики» (7 ФЕ). В данном случае реализована функция психологической характеристики колоратива.

Наиболее разнообразными по составу являются группы ФЕ со значением «черты характера, эмоции и чувства, психологические характеристики», «профессия, профессиональная деятельность, социальный статус», «природные ресурсы». ФЕ, выражающие черты характера, которые вызывают наибольшее общественное осуждение, значительно преобладают над остальными фразеологизмами. При сравнении объема фразеологии, относя-

шейся к некоторым фразео-семантическим подгруппам, обнаруживается определенная неравномерность. Так, довольно малочисленны ФЕ со значениями «физиология», «артефакты». Такая неравномерность может быть объяснена семантическими особенностями колоратива.

Красный (*seki/aka*) наряду с *ao* (зеленый/синий/голубой) являются наиболее популярными цветами в японской культуре. Об этом свидетельствует богатство языкового материала (63 ФЕ с компонентом «красный»). Помимо оттенков красного *aka* нередко употребляется для обозначения бурой масти животных, *красный* как термин, входящий в название животных, растений и насекомых (*akaei* – красный скат). Зачастую в качестве синонимов *aka* используются многочисленные цветочные метафоры с компонентом *iro* (цвет). Метафоры обычно связаны с объектом, для которого типично обладание данным цветом: *Akasabiuro* – цвет ржавчины; *Akaniuro* – цвет красной глины; *Azukiuro* – цвет красных бобов; *Ichigoiro* – цвет клубники; *Sakurairo* – цвет вишни; *Akaneiro* – цвет марены пурпурной; *Baranoiro* – цвет розы; *Ko:baiuro* – цвет лосося; *Ebiuro* – цвет креветки, омара; *Beniuro* – цвет румян; *Momoiro* – цвет персика.

Все оттенки красного в японской культуре традиционно считаются необычайно красивыми. Так, Сэй-Сёнагон в записке 37 «Цветы на ветках деревьев» замечает: «Прекраснее всего весенний цвет красных оттенков: от бледно-розового до густо-алого»⁴. Различные оттенки красного использовались отдельно и в сочетаниях в одежде знатных особ. В записке 104 «В десятих числах первой луны младшая сестра императрицы...» Сэй-Сёнагон указывает: «Государыня надела поверх нижних одежд багряные платье из блестящего гибкого шелка и еще две парадных одежды цвета алой сливы... Не правда ли, к верхней одежде цвета алой сливы лучше всего подходит нижняя одежда густо-пурпурного цвета...»⁵. Автор несколько раз упоминает с восхищением такую деталь мужского туалета как «кафтан «цвета вишни». Всевозможные оттенки красного способны вызвать в душе японца реакцию не только на визуальный образ, но и затронуть всю гамму чувств. Так, в записке 185 «В знойный летний полдень» Сэй-Сёнагон замечает: «В знойный летний полдень не знаешь, что делать с собой... Торопишься, задыхаясь от жары, смочишь руки ледяной водой, как вдруг приносит послание, написанное на ослепительно-алом листке бумаги, оно привязано к стеблю гвоздики в полном цвету. Возьмешь послание – и на тебя нахлынут мысли: «Да, неподдельна любовь того, кто в такую душливую жару взял на себя труд написать эти строки!»⁶.

ФЕ с компонентом *aka* в японском языке чрезвычайно многочисленны (всего 73 ФЕ). Нами были выделены фразео-семантические подгруппы с компонентом *aka* со следующими значениями:

подгруппа «черты характера, эмоции и чувства, психологические характеристики»: смущение, стыд – 2, грубая ложь – 1, скупой человек – 1, примитивный человек – 1, модный, современный, экстравагантный – 1, большая беда – 1, опасность, неудача – 3, знак опасности, неудачи – 2;

подгруппа «пол, возраст»: маленькие дети – 4, девушка – 3;

подгруппа «визуальный образ человека»: – голый – 1;

подгруппа «профессия, профессиональная деятельность, социальный статус»: одежда красного цвета и предметы быта как выражение социального статуса человека – 2, актер – 2, провинциал – 1, район публичных домов – 1, магия – темные силы, духи – 1;

подгруппа «преступность и борьба с ней»: попасть в тюрьму – 1;

подгруппа «экономические показатели»: дефицит, финансовое неблагополучие – 2, разорить, обобрать – 1, кредитор – 1, дешевый ресторан – 1, опись груза – 1;

подгруппа «литература»: низкопробные романы, бульварная пресса – 3;

подгруппа «армия»: военная техника – 2, меч – 1, повестка о призыве в армию – 1;

подгруппа «образование»: токийский университет – лд 2;

подгруппа «природные ресурсы»: полезные ископаемые – 2;

подгруппа «национальность»: американец – 1; подгруппа «болезни, лекарства»: признак болезни – 1;

подгруппа «растения и животные»: животные и птицы, части тела животных и птиц – 5, растения – 11, скопление растений – 2, объекты ландшафта – 2;

подгруппа «море»: обитатели моря – 5;

Количественно преобладают ФЕ со значением «растения и животные» (20 ФЕ). В данном случае реализована изобразительная функция колоратива. Наиболее разнообразными по составу являются группы ФЕ со значением «черты характера, эмоции и чувства, психологические характеристики», «профессия, профессиональная деятельность, социальный статус», «экономические показатели», «армия», «растения и животные». При сравнении объема фразеологии, относящейся к некоторым фразео-семантическим подгруппам, обнаруживается определенная неравномерность. Так, довольно малочисленны ФЕ со значениями «пол, возраст», «визуальный образ человека», «магия», «преступность и борьба с ней», «литература», «образование», «природные ресурсы», «национальность», «болезни, лекарства», «море», «изобразительное искусство». Такая неравномерность может быть объяснена особенностями быта, социальных установок и психического склада представителей японской культуры.

Зеленый/голубой/синий (*ao*). Уникальность японского колоратива *ao* заключается в том, что в

английском языке ему соответствуют 2 цветотермина – green и blue. Соответственно, спектр явлений, в описании которых участвует данный колоратив, чрезвычайно широк. Языковой материал также свидетельствует об обширной степени применения данного колоратива (24 ФЕ). Помимо *ao* в качестве эквивалента green в японском языке используется *midori* (букв. трава). В том случае, если *ao* и *midori* встречаются вместе, напр. *ao**midori*, то *ao* = blue, а *midori* = green. Традиционно колоратив *ao* используется для обозначения вороной масти лошадей, входит в состав целого ряда зоологических терминов *aogaeru* – зеленая лягушка. В качестве синонимов или колоративов, уточняющих оттенок *ao* нередко выступают цветочные метафоры с компонентом *iro* (цвет). Метафоры обычно связаны с объектом, для которого типично обладание данным цветом: *soga-iro* – цвета неба; *ruri-iro* – цвета лазури, небосвода; *mizu-iro* – цвета воды; *wasurenagusa-iro* – цвета незабудки; *aodake-iro* – цвет молодого бамбука; *abura-iro* – цвет растительного масла; *uguisu-iro* – цвет японского соловья; *kusa-iro* – цвет травы; *wakakusa-iro* – цвет молодой травы; *wakaba-iro* – цвет молодых листьев; *wakamidori* – цвет свежей зелени; *tokusa-iro* – цвет очищенного тростника; *hiwa-iro* – цвет чижа; *mascha-iro* – цвет порошкового чая. ФЕ с компонентом *ao* в японском языке довольно многочисленны (всего 24 ФЕ). Нами были выделены фразеологические подгруппы с компонентом *ao* со следующими значениями:

подгруппа «черты характера, эмоции и чувства, психологические характеристики»: тоска 1, восхищение – 1, ссора – 1, молодой возраст – 2, знак одобрения – 1; подгруппа «растения и животные» растительный мир – 8;

подгруппа «море» – море, обитатели моря – 2;

подгруппа «болезни, лекарства» – болезнь 3;

подгруппа «профессия, профессиональная деятельность, социальный статус»: одежда зеленого цвета как символ социального статуса человека – 2, проект, предварительные планы – 1, бухгалтерский отчет, решение суда – 1;

подгруппа «изобразительное искусство» – зеленая/синяя/голубая картина – 1.

Количественно преобладают ФЕ со значением «черты характера, эмоции и чувства, психологические характеристики» (6 ФЕ). В данном случае реализована функция психологической характеристики колоратива. ФЕ, выражающие черты характера, которые вызывают наибольшее общественное осуждение, значительно преобладают над остальными фразеологизмами. Наиболее разнообразны по составу являются группы ФЕ со значением «профессия, профессиональная деятельность, социальный статус», «черты характера,

эмоции и чувства, психологические характеристики». При сравнении объема фразеологии, относящейся к некоторым фразеологическим подгруппам, обнаруживается определенная неравномерность. Так, довольно малочисленны ФЕ со значениями «растения и животные», «море», «болезни, лекарства», «изобразительное искусство». Такая неравномерность может быть объяснена особенностями быта, социальных установок и психического склада представителей японской культуры. Желтый (*kiiro*). В японской культуре желтый нередко ассоциируется с цветами, летом, золотом. В качестве синонимов или колоративов, уточняющих *kiiro* используются всевозможные метафоры с компонентом *iro* (цвет): *oudo-iro* – цвета желтой охры; *karashi-iro* – цвета горчицы; *kuchinashi-iro* – цвета гардении; *kogane-iro* – цвета золота; *tamago-iro* – цвета яичного желтка; *tanporo-iro* – цвета одуванчика; *nanohana-iro* – цвета зрелых бутонов; *himawari-iro* – цвета подсолнуха. Нам удалось выделить только 1 ФЕ с компонентом *kiiroi*. Значение «визгливый голос»: *Kiiroi koe* «желтый голос» – визгливый голос.

Анализ семантической структуры японских ФЕ с компонентом цветообозначения позволяет сделать следующие выводы: наиболее полно представлены ФЕ с компонентами *aka* – красный (73 ФЕ) и *ao* – синий/голубой/зеленый (24 ФЕ). Наименее полно – *kiiro* – желтый (1 ФЕ); количественно преобладают ФЕ со значениями «растения и животный мир» (28 ФЕ); «черты характера, эмоции и чувства, психологические характеристики» (27 ФЕ); «профессия, профессиональная деятельность, социальный статус» (13 ФЕ). В данном случае можно говорить о главенствующей роли изобразительной функции, а также функции психологической характеристики человека, его занятий. Цвет в японской культуре использован для описания окружающей действительности, а носит глубоко антропоцентрический характер. В цвете представлена та часть действительности, которая обеспечивает существование человека, а также та часть внутреннего мира, которую он сумел воплотить, определить и социально объективировать в виде артефактов.

¹Такасуги Синдзи. Японские цветообозначения. <http://www.sf.airnet.ne.jp>

²Сэй-Сэнагон. Записки у изголовья. Перевод В. Марковой. М, 1983. С. 142.

³Сэй-Сэнагон. Записки у изголовья. Перевод В. Марковой. М, 1983. С. 180.

⁴Сэй-Сэнагон. Записки у изголовья. Перевод В. Марковой. М, 1983. С. 183.

⁵Сэй-Сэнагон, С. 187.

⁶Сэй-Сэнагон. Записки у изголовья. Перевод В. Марковой. М, 1983. С. 183.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СУБЪЕКТА В ПАРЕМИЯХ

Л.Б. Кацюба

Изучение личных форм глагола в паремиях в семантико-грамматическом аспекте позволило исследовать их с новой, культурологической стороны. Признание антропоцентричности и антропоморфичности паремий дало возможность определить, кто действует, кто является субъектом в паремии, и выявить основные особенности субъекта.

Изучение личных форм глагола в семантико-грамматическом аспекте позволило нам исследовать их с новой, культурологической стороны, выявляя «все те модальные оттенки, которые неразрывно связаны с эмоциональной сферой личности»¹. Признание антропоцентричности и антропоморфичности исследованных паремий («они являются ... творчеством человека о человеке и для человека»²) дало возможность определить, кто действует в паремии, выявить, кто чаще является деятелем – лицо говорящее (первое лицо), собеседник (второе лицо) или так называемое третье лицо.

Как показал материал, чаще всего в паремиях действует лицо, не участвующее в речи, третье лицо, как бы постороннее, но в то же время выражающее субъекта-активного деятеля, чей опыт, основанный на менталитете русского народа, передается в паремиях с помощью форм 3 лица. (Получившее в последнее время большое распространение французское слово *менталитет* [фр. *mentalité* – направленность ума, мышление] означает: 1) совокупность мировоззренческих (идеологических, религиозных, эстетических, психологических, этических и т.п.) представлений, характерных для отдельной личности и народа в целом; 2) склад ума, характер мышления³). Такая «отстраненность», анонимность форм 3 лица глагола с присущей им специфической модальностью «третьего лица» обеспечила использование широкого спектра актуальных тем и вопросов, поднимаемых и откровенно обсуждаемых в паремиях.

Из всей массы идей и тем, содержащихся и раскрываемых в паремиологических текстах, мы коснемся идей отношения русского человека к труду / безделью, к семье и дому, нашедшим активное отражение в исследованных текстах с формами 3 лица глагола.

Для паремии как цельного текста важным представляется то, что глагольные личные формы явились организующим началом, передавая развитие текста. Ю.Н. Караулов, говоря о «невероятно сложном» строении слова, отмечает, что, обладая определенной семантической структурой, оно «ос-

ложнено социальным и эмоционально-экспрессивным компонентами значения, содержит начатки знания и формирует определенное понятие о мире, потенциально заряжено образностью, членится на значимые части, включает правила формально-грамматической изменчивости, отражает фонетические закономерности составляющих его звуков, в нужный момент обнаруживает скрытые свои синтаксические связи⁴ (везде выделено нами. – Л.К.). Отношение русского человека к вышеозначенным темам проявилось через сложную семантико-грамматическую структуру глагольного слова.

Наиболее продуктивными в нашем материале оказались глаголы двух тематических групп паремий, в которых определяющими явились идеи *отношения русского человека к труду* (в 20 % пословиц) и *отношения к семье и дому* (примерно в 20 % пословиц).

Справедливое выражение А.И. Лазарева: «Высшим нравственным мерилom человеческих ценностей в народе всегда было отношение к труду»⁵ – подтверждается многими паремиями. Самая главная ценность человека – жизнь. Без труда же человеку было сложно выжить, поэтому уважительное отношение к труду издревле сложилось в сознании народа: *Труд человека кормит, а лень портит; Терпенье и труд все перетрут*. Глагол *кормить* (в форме настоящего времени) оказался самым частотным в соотношении с «концептуализированной» лексемой *труд* (21 употребление из 29 в форме 3 лица). Опыт народа показывает, что труд, каким бы тяжким он ни был, – это жизненная необходимость: *Проймет голод, появится и голос; Нужда в закройчики ставит*, – обуславливающая соотношение вложенных сил с качеством жизни: *Каково руки родят, таково плеча носят; Кто рано встает – тому бог дает; Кто зеваает, тот воду хлебает; Баснями закрома не заполнятся*.

Через отношение к труду оценивался и сам человек. Трудолюбивые люди всегда были в почете: *Кто любит труд, того люди чтут; Усталость пройдет, а добрая слава останется; Все бондаря, да не многих благодарят; Работа хвалит масте-*

ра, а лентяи и лодыри осуждались и высмеивались: *Ленивый сидя спит, лежа работает; Семьро одну соломинку поднимают; Портной Данило, что ни шьет, то гнило; Что Машка напряла, то мышка скрала; Лежит лежень до вечера, а поесть нечего.*

Своеобразным для глаголов группы паремий о труде явилось их разграничение на два типа в зависимости от их синтаксических связей в предложении, специальных коннотативных элементов значения, стилистической окраски и т.д. Положительную коннотацию несут глаголы (примерно 70 % единиц) со значением действия, находящиеся в предикативной связи с субъектами – существительными *труд, ремесло, дело, работа, порядок, заря, земля, руки* и другими: *труд кормит, работа молчит, земля подымает, руки делают, ремесло кормит, приносит*, а также с субъектами – существительными, обозначающими трудящегося человека по профессии: *мастеровой стукнет, кузнец стукнул, жнея скачет, портной шьет, закройщик выкроит*, по половой принадлежности: *мужик сеял, баба печет, мужик варит*, либо орудие труда, с помощью которого человек осуществляет свой труд: *соха кормит, веретено одевает, мех калит, телега возит, булат режет, топор одевает, обувает, утюг гладит*. Модальность одобрения выражается в синтаксических связях личных форм глагола с наречиями, положительно характеризующими действие субъекта: *встал пораньше, ушел подальше, рано сеет, мало говорит, больше делает*.

Модальность стабильности, реальности, основательности, творчества, защищенности несут глаголы в форме настоящего времени (так называемого настоящего постоянного, означающего, что «в предложениях с таким значением форм ... речь идет об общих закономерностях, постоянных связях, правилах»⁶) лексико-семантических групп

- созидательной деятельности: *делать, рукодельничать, работать, трудиться* и другие;

- профессионально-трудовой деятельности: *шить (сшить), прясть, плести, ковать, копать, ткать, тачать, пасти* и т.п.,

а также глаголы других лексико-семантических групп, обозначающие различную человеческую деятельность: *боронить, кроить (выкроить), сеять, веять, жать, толочь, молотить, молоть, месить, мять, косить (скосить), пахать* и другие (большинство из них отмечены в «Толковом словаре русских глаголов» под редакцией профессора Л.Г. Бабенко⁷ (см. раздел о глаголах семантической категории действия и деятельности).

Противоположной, отрицательной коннотацией характеризуются глаголы (30 % единиц), сочетающиеся с именами *лень, лежень, лежебока, нужда, голод, забота, безделье, неряха, красноплот, сон, сонный*. Одним из отличительных свойств этих единиц является их связь с отрица-

тельной частицей *не*, которая, как отмечает О.В. Куныгина вслед за В.В. Виноградовым, «обозначает не только разные степени отрицания (действия. – Л.К.), но и выражает «модально-экспрессивные оттенки»⁸: *Лень к добру не приставит; Лень добра не деет; Лень мужика не кормит; Ленивый и могилы не стоит; Хлеб за брюхом не ходит; И того не намолотит, что проглотит; Не припася основы, за стан не садятся; Не терт, не мят – не будет и калач; Сладкая ежа не приедет лежа.*

Модальность неодобрения реализуется в синтаксических конструкциях глагол + предложно-падежная форма имени, где предлоги, являясь «значимыми единицами языка» и имея «собственное лексическое или фразеологическое значение (в данном случае лексическое. – Л.К.), находящееся в органичной связи со значением имени, падеж которого оформляют»⁹, продуктивно выражают различные синтаксические отношения: *не садятся за стан, не надевают с хвоста, не кладут в закомы, не сыплют в засек, подадут из печи, ходит по болоту, лезет на полати*. Активным в таких конструкциях явился предлог *без*, усугубляющий своей семантикой (обозначает отсутствие кого-, чего-либо, неимение чего-либо в наличии) отрицательную коннотацию глаголов: *Пустая мельница и без ветру мелет; Без закваски хлеба не месят; Лень без соли хлебает*.

Отрицательная образная оценка безделья выражена и в глаголах со значением доведения действия до предела (с ярко выраженной негативной коннотацией): *доавоськался, доспался, допрыгался, долежался, доскакался, доплясался* и подобных (здесь приставка *до-* как значимая часть слова в значении доведения до отрицательного результата участвует в реализации модальности осуждения), а также в глаголах субкатегории состояния – *спать, лежать, дремать, сидеть* и других, обозначающих состояние покоя, созерцательности, которые неуместны в активном процессе труда.

Глаголы паремий тематического цикла о семье, доме, взаимоотношениях мужа и жены, как и глаголы паремий трудового цикла, широко представлены в нашем материале. В паремиях этого цикла жизнь человека представлена различными этапами: пора влюбленности, выбор своей «второй половины», женитьба-замужество, совместная жизнь супругов, рождение и воспитание детей. Отношение русского человека к теме семьи и брака в паремииологических текстах проявляется через семантико-грамматическую структуру глаголов, «заряженных образностью», поскольку, как отмечает А.М. Чепалова, «потенциальная образность слова, помещенного в определенные синтаксические условия, становится реализованной образностью с определенной рационально-эмоциональной оценкой»¹⁰.

Так, зримый образ невесты – скромной, благочестивой, трудолюбивой, молодой – складывается из сочетаний глаголов с различными лексе-

мами, в том числе и определенной «свадебной» тематики – *красит не наряд, все понимает, скрасит венец, молодец, ищет парня, родится для своего жениха, кидается на ясного сокола. Не наряд девку красит, домостройство; Девка ничего не знает, а все понимает; Чего девушка не знает, то ее и красит; Скрасит девку венец да молодец; Хмелинушка тычинки ищет, а девица парня; Наша невеста не гусей пасла, а веретеном трясла; Невеста родится, а жених на конь садится* (должен быть старше). Образ легкой беззаботной жизни холостяка реализуется в цепочке динамичных глаголов действия, деятельности: *Холостой лег – свернулся, встал – встряхнулся.*

Отношение к семье в традиционной русской культуре особое – это сплав уважительности, глубокой верной любви и строгих домостроительных нравов. Семья как малый социум – это все для человека, это его корни, истоки, это фундамент его будущей жизни, это традиции: *Дружно не грузно. Семей и горюх молотят; Семейная кашка гуще кипит; Семья воюет, а один горюет.* Понятие семьи неразрывно связано с понятием дома, очага, где дом с помощью исследованных глаголов (*стоит, держится, красится, ждет, пахнет* и других) предстал как зрительный, осязательный и даже обонятельный образ: *Домой и кони веселей бегут; Дом красится хозяином; Всякий дом – по большу голову стоит; И стены в доме помогают; Что в поле ни родится, все в доме пригодится; Изба жилком пахнет; Дом пахнет дымом, а гроб ладаном.* (Исследования свободных текстовых фрагментов подтверждают синонимизацию лексем *семья* и *дом* в речи и частотность данного семантического варьирования¹¹).

В сочетании с исследованными глагольными единицами концепт *дом* в поговорках активно реализуется в целом ряде лексем и выражений, которые составили так называемую «концептуальную парадигму» (выражение Л.Б.Савенковой): *дом, изба, двор, свой двор, своя сермяга, свое пепелище, всякая избушка, своя норка, горница, свой угол (уголок), своя хата (хатка)* и другие. Здесь обращает на себя внимание частотное употребление различных лексем с притяжательным местоимением *свой* (-я, -ё), которое само по себе уже обозначает нечто, что «представляется русскому сознанию несомненной ценностью в первую очередь в силу того, что им можно распоряжаться по своему усмотрению, используя его как надежное средство сохранения независимости»¹². Л.Б.Савенкова также рассуждает о том, что именно семья, строящаяся на морально-нравственных началах, опирающаяся на традиции, является прочным объединением «своих», близких, родных людей и средоточием всего «своего».

Традиционно взаимоотношения между мужем и женой строились по таким законам: муж – глава семьи, хозяин, добытчик, от него зависит достаток, порядок в семье: *Всякий дом хозяином держится; Хозяйское око за всем глядит; От хо-*

зайского глаза и кот жиреет; Хозяин в дому, что медведь в бору, что как хочет, так и ворочает; Не хозяин, кто своего хозяйства не знает; От хозяина чтоб пахло ветром, от хозяйки – дымом.

Жена – хозяйка дома, и все домашние хлопоты полностью лежат на ней: *Холостому помогает боже, а женатому хозяйка поможет; Не та хозяйка, которая говорит, а та, которая щи варит; Путняя хозяйка каждую курочку знает; Красота приглядится, а щи не прихлебаются; У нашей хозяйки все в работе: и собаки посуду моют, – в том числе и забота о детях: Хозяйка, что лебедь-птица, вывела детей станицу; Мать кормит детей, как земля людей; Мать и бия не бьет.*

Образ матери воссоздается с помощью эпитетов, сравнений, метафор, что делает его необычайно поэтичным: *Мать плачет, что река льется; жена плачет, что ручей течет; невеста плачет – как роса падает; взойдет солнце – росу высушит; Молода жена плачет до росы утренней, сестрица до золота кольца, мать до веку.* Фундаментальность образа усиливают глагольные лексемы в сочетании с анималистическими субъектами как подтверждение его первичности, близости к природе, его априори: *Птица радуется весне, а младенец матери; Слепой щенок и тот к матери ползет.* В примере же *Материнская молитва со дна моря вынимает* акустический образ – *молитва* сочетается с «несочетаемым» действительным, двигательным – *вынимает*, создавая частное значение неизведанности, фантастичности, приближенности к действиям высших, божественных сил, что также усиливает, укрепляет образ матери.

Кажущийся на первый взгляд слишком идеальным и «несовременным», союз «Муж – голова, жена – душа» содержит глубинные мысли о национальной подлинности, национальной идентичности, идеалах и ценностях русского народа. Взаимоотношения между мужем и женой, выраженные в паремиях, всегда направлены на добро, благо, счастье, взаимоуважение, верность и любовь. *Дом хозяйку ждет, а хозяйка хозяина* – это идеал счастливой семьи, к которому стремились люди.

Однако при рассмотрении данной проблемы особенно ярко проявилось гендерное неравенство. Так, счастье или несчастье семьи зависело только от жены. Параллели между счастливой и несчастливой семьей, проводимые в паремиях, четко прослеживаются с помощью антонимичных пар субъектов и их действий, которые различаются по положительному и отрицательному признаку: *Добрая жена дом бережет, а плохая рукавом разнесет; Один женился – свет увидал; другой женился – с головою пропал; У плохой бабы муж на печи лежит, а хорошая сгонит; Одна жена плачет от жалости, другая от лести; Добрая женитьба к дому приучает, худая от дома отлучает.*

Из нескольких сотен паремий тематического ряда «муж – жена – семья» лишь в некоторых муж осуждается за какие-либо пороки и прегрешения,

но происходит это достаточно демократично, без особых эмоций: *Муж согрешил, так в людях грех, а жена согрешила, домой принесла; Муж задурит – половина двора горит; а жена задурит, и весь сгорит; Мужнин грех за порогом остается, а жена все домой несет; Муж пьет – полдома горит; жена пьет – весь дом горит; Не всяку правду муж жене рассказывает, а и рассказывает, так обманывает; Иван в дуду играет, а Марья с голоду умирает.*

Жена же в паремиях этого тематического цикла – это средоточие пороков и аморальности, именно она виновата в разложении семьи и бедах мужа. Злая, сварливая, худая жена, плохая баба, сравниваемая со змеей, чертом, дьяволом, сатаной и «награжденная» другими жесткими эпитетами, – такова эмотивная парадигма имен «провинившейся» женщины: *И дура-жена мужу правды не скажет; Черт на дьяволе женился; Все девушки хороши – а отколь берутся злые жены?; Червь дерево тлит, а злая жена дом изводит; Красные похороны, когда муж жену хоронит; За черта отдай ее, и того уходит; Жена взбесилась и мужа не спросила; Где сатана не сможет, туда бабу пошлет; Собака умней бабы: на хозяина не лает.* Отрицательную коннотацию имеют и глагольные лексемы, обозначающие действия жены, да и вообще замужней женщины – бабы: *бредить* (здесь: 'молоть вздор'), *верховодить* (здесь: 'приказывать, советовать, где не просят'), *беситься* (*взбеситься*), *выситься* (здесь: 'возвышаться собою, зазнаваться'), *зазнаваться*, *осуждать*, *изводить*, *гулять* ('вести распутную жизнь'), *донять* ('преследовать, изводить'), *врать*, *льстить*, *ублажать* и другие: *Злая жена битая бесится, в убожестве других осуждает; Баба бредит, да черт ей верит; Жена льстит – лихое норовит; Жена верховодит, так муж по соседям бродит; Муж пашет, а жена пляшет; Муж плачет, а жена скачет.*

Любопытно, что функционирование глагола *любить* в нашем материале ограничено (*любить* – глагол лексико-семантической группы межличностных отношений со значением 'относиться к кому-либо (обычно лицу противоположного пола) с глубокой симпатией, испытывая чувство самоотверженной и глубокой привязанности, сердечного влечения'). *Любить* употребляется в единичных фактах, как правило, в ироничном смысле: *Кто кого любит, тот того и бьет; И старая корова любит быка; Любит жена и старого мужа, коли не ревнив; Муж любит жену здоровую, а брат сестру богатую; Мать дитя любит, и волк овцу любит; Муж любит жену богатую, а тещу торовастую.* Поскольку любовь не была основой брака – *Поп руки свяжет и голову свяжет, а сердца не свяжет*, – то и взаимоотношения супругов часто нельзя было назвать близкими, чувственными. Основной же причиной низкой частотности употребления глагола *любить* в этой сфере пословиц, по нашему мнению, является то, что «любить» считалось, по рели-

гиозным канонам, действием греховным, поэтому чаще глагол *любить* заменялся глаголом *жалеть*. *Любить, возлюбить* можно было все и всех, кто или что было связано со святыми, религией, Богом. Всякая *земная* любовь была предосудительной.

Нужно признать, что традиционный взгляд на женщину в семье силен и жизнеспособен. Как отмечает В.А.Маслова, «...в нашей культуре женщина – это хаос, которому придает порядок мужчина»¹³. Хорошо это или плохо, это наши традиции. Пословица *Мир в семье женой держится* призвана примирить женщину с долей жены и матери, научить мудрости, терпению, взаимопониманию в семье.

Факты, в которых роль женщины в семье не умаляется, а выносятся на первый план, пусть единичны, скупы на эпитеты, но очень убедительны: *Не плачет малый, не горюет убогий, а плачет да горюет вдовый; Схватился Савва, как жена сшила саван; Бывала ль у тебя беда? Умирявала ль у тебя жена?*

Таким образом, культурологический взгляд на формы 3 лица глагола позволил представить их как способ выражения действующего лица в паремиях. Активно реализуемое в паремиях 3 лицо выявило в них специфическую модальность «третьего лица», лица как бы постороннего, не участвующего в речи, но активного деятеля, чей опыт, основанный на менталитете данного народа, передается в пословице с помощью форм 3 лица. Такая «отстраненность», анонимность обеспечила выбор тем, наиболее актуальных для говорящего. Труд, семья, совесть, правда, добро, Бог, вера, – это те фундаментальные постоянные, те основы жизни, которые были, есть и будут всегда и отношение к которым всегда волнует человека. Поскольку глагольные личные формы явились организующим началом в паремиях, лингвокультурологический анализ форм 3 лица позволил выделить не только концепты русской культуры – труд, семья, Бог и другие как «основные единицы ментальности»¹⁴, но и концептуализировать предикативные основы, которые представляют «лицо» русских пословиц трудового, семейного, религиозного, нравственного циклов: *труд кормит, лень портит, семья воюет, совесть мучит, добро не умрет, зло пропадет, правда сыщется*. Предикативные основы, концептуализированные в текстах паремий, вместе с существительными, наречиями, числительными, находящимися в синтаксических связях с личными формами и выступающими «образными основаниями»¹⁵ проявления того или иного действия, создают зрительные, двигательные и другие образы действующего лица в паремиях. Модальность стабильности, реальности, постоянства, основательности грамматически закреплена продуктивностью глаголов настоящего постоянного времени.

Однако паремия с присущей ей интертекстуальностью как одной из фундаментальных ее черт, всегда говорится кем-то, то есть произносится первым лицом. Сам говорящий, передавая опыт предыдущей жизни в той форме, в какой он (опыт) был кем-то когда-то пережит, испытан, не является сви-

детелем, источником переживания того опыта, творцом тех наблюдений. Говорящий, оказавшись в ситуации, подобной тем, в которых опыт был пережит неоднократно, является передатчиком чужого обобщенного опыта, дошедшего до него (чаще всего этот опыт идет из глубины веков, передаваемый из поколения в поколение).

Парадоксальное совмещение в формах 3 лица в паремиях 3-го лица и 1-го лица разрешается их гармоничным союзом: за 3 лицом в пословице говорящий «скрывает» свое мнение, преподнося его собеседнику как чужой опыт. «Эстетический потенциал» категории лица позволил тонко осуществить «коммуникацию «автор – адресат текста»¹⁶. При этом, паремия, оставаясь «чужим словом», выражает мнение говорящего (иначе он просто не произносил бы ее), воздействует на собеседника своеобразно замыслам, намерениям говорящего – учит, уверяет, напоминает, утверждает, предостерегает, советует, наставляет, наказывает и т.д. В этом видится и тактичность и мудрость русского народа.

Отсюда можно сделать вывод, что формы 3 лица глагола явились не только способом выражения действующего лица в пословицах, но и выступили одним из способов выражения образа говорящего, позволили увидеть «лицо» русского человека в действии – в проявлении трудолюбия, доброты, нравственной чистоты, верности, широты души и других драгоценных качеств и стремлении к ним.

Как способ выражения менталитета русского народа формы 3 лица явились оправданными и обоснованными. Менталитет русского народа зиждется на основе общности людей, коллективности, сохранения традиций, бережного отношения к истории своей страны. Нужно осознавать, что культура русского народа, сформировавшая и его менталитет, изначально принадлежит не к «индивидуалистическим», а к «коллективистски-ориентированным» культурам, в которых «людям свойственно знать (и рассказывать) больше о других, чем о себе (выделено нами. – Л.К.)»¹⁷. Продуктивность форм 3 лица глагола в паремиях подтвердила это положение на языковом уровне и еще раз продемонстрировала, как «язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры»¹⁸.

¹ Ремчукова Е.Н. Морфология некодифицированных систем (поэтическая и разговорная речь) // Грамматические категории и единицы: Синтагматический аспект: Материалы междунар. конф. Владимир: ВГПУ, 1997. С. 214.

² Бондаренко В.Т. О распространении устойчивых фраз в речи детерминирующими членами // Ядерно-периферийные отношения в области лексики и фразеологии. Новгород, 1991. Ч. I. С. 38.

³ Толковый словарь современного русского языка (Языковые изменения конца XX столетия). М.: Астрель; АСТ, 2001. С. 452.

⁴ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. С. 158.

⁵ Лазарев Александр Иванович: Библиографический указатель / Авт.-сост. Г.А. Губанова. Челябинск: Изд-во ЧГАКИ, 2003. С. 12.

⁶ Чепасова А.М., Казачук И.Г. Русский глагол: Уч.-практ. пос. Челябинск: ЧГПУ, 2000. С. 139.

⁷ Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. С. 27–444.

⁸ Куныгина О.В. Класс фразеологических частиц в современном русском языке. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2003. С. 37.

⁹ Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке: Монография. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2001. С. 266.

¹⁰ Чепасова А.М. Средства выражения и значение форм изъявительного наклонения процессуальных единиц // Вестник ЧГПУ. Серия 3. Филология. 1997. № 2. С. 23.

¹¹ Бирюкова Е.В. Синхронная экспликация номинативного значения лексемы СЕМЬЯ // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: Мат-лы Четвертых филол. чтений. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003. Т.1: Лингвистика. С. 10–14.

¹² Савенкова Л.Б. Русская паремиялогия: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов на Дону: Ростовский ун-т, 2002. С. 206.

¹³ Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пос. для студентов вузов. М.: Академия, 2001. С. 122.

¹⁴ Колесов В.В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет: Сб. науч. тр. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1995. С. 15.

¹⁵ Токарев Г.В. Акциональные стереотипы трудовой деятельности // Фразеология и миропонимание народа: Мат-лы Междунар. науч. конф.: В 2-х ч. Ч.1. Фразеологическая картина мира. Тула: Изд-во ТГПУ, 2002. С. 130.

¹⁶ Николина Н.А. Поэтика грамматической категории лица // Грамматические категории и единицы: Синтагматический аспект: Материалы междунар. конф. Владимир: ВГПУ, 1997. С. 176.

¹⁷ Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: Учеб. пос. М.: Ключ-С, 1999. С. 52–57.

¹⁸ Колесов В.В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет: Сб. науч. тр. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1995. С. 14–15.

ПРОЯВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВОСТИ И ДИНАМИЧНОСТИ ЛИЧНЫХ ФОРМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Е.В. Радченко

Устойчивость ФЕ сосуществует с постоянным ее развитием. В этом проявляется ее диалектическое противоречие. ФЕ предстает перед нами как тождество противоположных потенций – с одной стороны, она устойчива, тождественна самой себе, с другой – проявляет тенденцию к динамичности. Среди процессуальных фразеологизмов абсолютное большинство единиц является устойчивым.

Устойчивость и динамичность являются обязательными условиями существования языковой системы и всех единиц, составляющих ее. Устойчивость значения, тождественность семантики языковой единицы при определенных ее внешних изменениях является основой, базой, на которой происходит функционирование этой единицы в речи. Именно благодаря устойчивости язык не перестает выполнять свою функцию общения, несмотря на то, что какие-то формы изменяются. Все изменения языковой единицы обращены как к своему источнику к устойчивости.

Уже Ф. де Соссюр, основоположник знаковой теории языка, подчеркивал единство и взаимообусловленность таких свойств языкового знака, как устойчивость и изменчивость: «Время, обеспечивающее непрерывность языка, с большей или меньшей быстротой изменяет языковые знаки, так что в известном смысле можно говорить одновременно как о неизменчивости языкового знака, так и о изменчивости его. В конце концов, оба эти факта взаимно обусловлены: знак может изменяться, потому что его существование не прерывается. При всяком изменении преобладающим моментом является устойчивость прежнего материала. Неверность прошлому лишь относительна. Вот почему принцип изменения опирается на принцип непрерывности»¹.

Таким образом, устойчивость ФЕ сосуществует с постоянным ее развитием. В этом проявляется ее диалектическое противоречие. ФЕ предстает перед нами как тождество противоположных потенций – с одной стороны, она устойчива, тождественна самой себе, с другой – проявляет тенденцию к динамичности. Среди процессуальных фразеологизмов абсолютное большинство единиц является устойчивым. Нами было проанализировано 2014 процессуальных фразеологизмов в 15 000 употреблениях. Из них личных форм оказалось 59%. Как известно, личные формы наиболее устойчиво выражают значение процессуального класса – обозначают любые действия, состояния, изменения как процесс. Названное значение у личных форм представлено самым большим количеством грамматических категорий – категорией лица, залога, времени,

вида, склонения. Все это свидетельствует о семантической и грамматической устойчивости процессуальных фразеологизмов.

Так, процессуальный фразеологизм *брать / взять верх (над кем, чем)* является многозначным. В обоих своих значениях «1. подчинять себе, своей воле кого-либо, главенствовать над кем-либо, побеждать кого-либо», «2. превосходить в каком-либо отношении, одолевать, побороть, восторжествовать, возобладать» обозначает «социальные отношения», относится к семантической группе «победы и поражения». В нашей картотеке насчитывается 134 употребления названной единицы. Из них абсолютное большинство – личных форм: 123 употребления:

Она (бабушка) платила ему такой же дружбой, но в тоне ее было больше живости и кротости. Она даже брала над ним верх, чем, конечно, была обязана бойкому своему нраву (И.А. Гончаров. Обрыв); Вспомнилось, – в одной статье я читал: В бою в человеке борются две силы: сознание долга и инстинкт самосохранения. Вмешивается третья сила – дисциплина, и сознание долга берет верх (А. Бек. Волоколамское шоссе).

Приведенные личные формы процессуального фразеологизма *брать / взять верх (над кем, чем)* являются устойчивыми и активными. Они обладают полной парадигмой грамматических форм. В первом примере значение процесса выражается грамматическими формами третьего лица, залога (имеет при себе объект, выраженный местоимением в форме творительного падежа с предлогом *над*), прошедшего времени, несовершенного вида, изъявительного склонения; во втором примере – формой третьего лица, залога (потенциально объектный), настоящего времени, несовершенного вида, изъявительного склонения.

Динамичность анализируемых форм связана, в первую очередь, с образованием или актуализацией новых сем в значении единицы. Названное свойство проявляется в речи говорящего. В своей речи человек употребляет единицу, актуализируя в ней новую сему, но не оформляет ее как самостоятельное значение. В этом случае можно говорить о потенциальном значении ФЕ, которое проявляется

в речи, но еще не фиксируется как самостоятельное в языке. Со временем новая сема может развиться в новое значение, и тогда можно говорить уже о диалектичности ФЕ, о ее качественном преобразовании. Выдающийся психолог Л.С. Выготский, изучая проблему взаимосвязи мысли и слова, отмечал, что «процесс перехода от мысли к речи представляет собой чрезвычайно сложный процесс расчленения мысли и ее воссоздания в словах. Именно потому, что мысль не совпадает не только со словом, но и со значениями слов, в которых она выражается, путь от мысли к слову лежит через значение. В нашей речи всегда есть задняя мысль, скрытый подтекст»². Поэтому, по мнению ученого, «возникают попытки плавить слова, создавая новые пути от мысли к слову через новые значения слов»³. Следовательно, антропоцентричность является мощным источником динамики языковой единицы.

Судя по нашим наблюдениям, устойчивость и динамичность наиболее ярко проявляются среди процессуальных фразеологизмов. Главной причиной динамичности названных единиц, на наш взгляд, является то, что они обозначают свойство, связанное со временем, а следовательно, изменяющееся во времени. Самыми активными в этом отношении являются причастные и деепричастные формы процессуальных фразеологизмов, так как они совмещают значения и признаки единиц двух семантико-грамматических классов. Устойчивость и динамичность вышеназванных форм нами была подробно проанализирована⁴.

Как показало дальнейшее исследование класса процессуальных фразеологизмов, динамичности и диалектичности подвержены и личные формы. Динамичность прослеживается в одних процессуальных единицах как закончившийся, диалектический процесс, в других – как процесс развивающийся, динамический.

Так, фразеологизмы *биться/побиться об заклад, держать пари* «спорить, обязуясь оплатить проигрыш», *давать/дать слово (кому)* «обещать кому-либо что-либо» являются процессуальными и обозначают речевую деятельность. Употребляясь в вышеназванных значениях, фразеологизмы полностью сохраняют грамматические признаки процессуального класса: у них присутствуют все формы лица, времени, вида, наклонения; названные единицы могут иметь все формы – личную, инфинитивную, причастную и деепричастную, могут управлять именем существительным и в предложении выполняют синтаксическую функцию сказуемого.

Красный должен победить. Дед Щукарь бился с Демидом Молчуном об заклад. (М. Шолохов. Поднятая целина); Держу пари на бутылку шампанского, что Вы уже пророчили ему, что из него выйдет первый русский водевилист (А.П. Чехов. Письма); Он дал мне слово, что займется вами (А.П. Чехов. Письма).

Все приведенные фразеологизмы имеют общую особенность: в нашем материале отмечается их частотное употребление в значении «уверю, ручаюсь». В названном значении ФЕ *бьюсь об заклад* встречается в 16 употреблениях, даю слово – в 17, держу пари – в 5. Семантический динамизм вызывает грамматические изменения: новая сема требует себе новую форму. Как показывает наш материал, анализируемые фразеологизмы в новом значении употребляются только в форме первого лица единственного числа настоящего времени, так как в конкретной речевой ситуации они всегда называют действие субъекта, из уст которого исходит высказывание, то есть действие говорящего лица. Новое значение требует и новой лексико-семантической сочетаемости. Употребляясь в форме 1 лица, фразеологизм приобретает осязаемый модальный оттенок «уверенности», который проявляется в тех случаях, когда единица находится в составе бессоюзного сложного предложения или сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным:

Держу пари, ни одна кошка не любила так своего кота, как любила меня эта крошечная женщина (А.П. Чехов. Т. 4); ...бьюсь об заклад, что завтра он будет просить, чтоб его кто-нибудь представил княгине (М.Ю. Лермонтов, Герой нашего времени); Если Вы не подписались на «Луч», то непременно вышло Пушкина. Даю слово (А.П. Чехов. Т. 12, с. 268).

Во всех приведенных предложениях фразеологизмы имеют значение «уверю, ручаюсь, совершенно уверен». Приобретение фразеологизмом модального оттенка «уверенности» влечет за собой семантико-грамматические изменения: происходит сокращение парадигмы грамматических форм. Фразеологизмы приобретают фиксированную грамматическую форму 1 лица, единственного числа, настоящего времени, проявляют тенденцию к утрате номинативного значения, всех признаков процессуального класса и к переходу в класс модальных единиц.

Ряд фразеологизмов, судя по нашему материалу, представляют собой диалектический результат развития модального значения: они утратили процессуальное значение, способность обозначать самостоятельное понятие и перешли в класс модальных единиц. Следствием семантических изменений являются изменения грамматической формы фразеологизма. Названные единицы образованы путем выпадения отдельной грамматической формы изменяемого фразеологизма из своей парадигмы и превращения функционального значения выпавшей формы в новое, другое категориальное значение, которому соответствует новое индивидуальное значение. В нашем материале встретилось 16 таких ФЕ:

сделайте одолжение I «окажите услугу кому-либо» – процессуальный, форма повелительного наклонения, производящий;

сделайте одолжение II «1. выражение вежливой просьбы, 2. выражение вежливого согласия» – модальный, застыл в форме повелительного наклонения;

сойти с ума I «4. увлечься кем-либо» – процессуальный, форма инфинитива, совершенный вид, производящий;

сойти с ума II «выражение удивления, восторга» – модальный, производный;

бог даст (что, кому) I «наградит кого-либо чем-либо» – процессуальный, форма будущего времени, производящий;

бог даст II «выражение надежды на благополучие».

В единичных случаях модальные фразеологизмы утратили соотносительность с процессуальным классом и являются транспозитивными: *бога не боишься* «выражение укора»; *бог миловал* «выражение облегчения»; *скажи на милость* «выражение удивления»; *скажи (-те) пожалуйста* «выражение издевки».

Вторым следствием семантических изменений является изменение лексико-семантической и синтаксической сочетаемости ФЕ. Так, процессуальные фразеологизмы, как правило, употребляются при подлежащем со значением лица и могут управлять существительными в форме косвенного падежа. Модальные же фразеологизмы относятся ко всему предложению, связаны с ним интродуктивной связью, употребляются только в обособленной позиции:

– Переживает. Родится ребенок, и она будет сходить с ума от любви, – холодно заметил Андрей Иванович (Л. Улицкая. Сын благородных родителей); *С ума сойти, до чего комфортабельный француз* (А.К. Толстой. Собрание сочинений, т. 6, с. 286); *И если Вы ... напечатаете мою повесть, то сделаете мне больше, чем одолжение* (А.П. Чехов. Письма); *...сделайте одолжение, берите его* (рассказ – Е.Р.) *и печатайте* (А.П. Чехов. Письма).

Личные формы процессуальных фразеологизмов обнаруживают тенденцию к переходу в класс призначных единиц (45 ФЕ). Главной причиной динамичности названных форм является то, что они в своей семантической структуре совмещают значение двух семантико-грамматических классов – процессуального и призначного.

В нашем материале особенно продуктивны единицы с компонентом «душа, дух» – 20 ФЕ. Все названные фразеологизмы обозначают психическое состояние лица: *наболело на душе (у кого)*, *дух падает (у кого)* «кто-то очень расстроен, обессилен», *душа ноет (у кого, о ком)*, *душа разрывается (у кого)* «кто-то очень сильно тоскует», *душа не принимает (что)* «совсем не хочет», *душа уходит в пятки (у кого)* «кто-то сильно испугался» и др.. Особенностью значения приведенных фразеологизмов является отвлеченность: все единицы обозначают не столько процесс, сколько да-

ют качественную характеристику состояния лица; значение процесса в них ослабевает, актуализируется значение качественной оценки психического состояния лица:

Отец стисся, мать умерла в нужде, чуть ли не с голоду. Его душа разрывалась от любви и жалости к ним, но не уступил он им, весь охваченный одной целью, одним призванием – сценой (С. Скиталец. Миньона); (Прохор) – *Вот... пришел...поработать с вами, старцы праведные. Отец про вас говорил... Душа болит...* (В.Я. Шишков. Угрюм-река. С. 289); *И вы дали себя перевязать и пересечь, как бабы! Что за оторопь на вас напала? Руки у вас отсохли аль душа ушла в пятки?* (А.К. Толстой. Князь серебряный).

Семантический динамизм приводит к грамматическому динамизму названных единиц употребляются только в форме 3 лица настоящего/прошедшего, очень редко будущего времени, являются одновидовыми, как правило, употребляются в форме несовершенного вида, абсолютное большинство не образует непредикативные формы – инфинитив, причастные и деепричастные формы, так как обозначают состояние лица, то есть обязательно связаны с лицом. Таким образом, особенность формальной парадигмы свидетельствует о динамичности анализируемых единиц, но не о диалектичности, так как значение процесса в них еще живет. Названные фразеологизмы обозначают состояние лица как процесс, длящийся во времени и имеющий предел, то есть связанный с категориями времени и вида, способны управлять именем существительным в косвенном падеже:

Душа в ней ныла и сердце сжималось, и по ночам она плакала в общезжитии, стараясь не разбудить подруг (Л. Соболев. Невеста); *И душа занает о сынишке моем: каков он, чем будет на земле* (М. Горький. Исповедь).

15 ФЕ нашего материала завершили переход в класс призначных единиц. Все они обозначают постоянный, не связанный со временем признак субъекта, дают ему качественную характеристику. Семантическое сближение процессуальных и призначных фразеологизмов, по мнению Е.Р. Малафеевой, происходит в том случае, если процессуальный фразеологизм обозначает регулярно повторяющееся, типичное, обычное состояние человека, которое перерастает в качественную характеристику, свойство лица⁵. Следствием семантических преобразований является изменение грамматической формы фразеологизма. Призначные единицы имеют фиксированную форму лица, времени, вида и наклонения. Абсолютное большинство (12 ФЕ) застыло в форме 3 лица, настоящего времени, несовершенного вида: *левка не стоит* «ничтожный», *песок сыплется* «очень старый», *звезд неба не хватает* «ничем не выдающийся, средних способностей», *не лаптем щи хлебает* «сообразительный, бывалый», *голова варит* «догадлив», *в подметки не годится* «значительно хуже друго-

го», *ветер в голове бродит* «легкомысленный». Значительное преобладание форм настоящего времени в призначных фразеологизмах свидетельствует о том, что названные единицы обозначают такой признак, который мыслится говорящим как постоянный, стабильно проявляющийся в определенных условиях, всегда вызываемый определенными обстоятельствами:

Вот старший лейтенант Терещенко и заметил его (Егоришу – Е. Р.) сразу. Понял, что этот парень не лаптем щи хлебает (Ф. Абрамов. Пути-перепутья); (Прохор Громов:) «Да они все, с генералом вместе, в пометки мне не годятся» (В. Шишков. Угрюм-река); Что же касается «прорывов», то, откровенно говоря, из таких «прорывов» давно уже песок сыпется (Советская Россия. 2005. 4 июля).

Все приведенные фразеологизмы дают качественную характеристику субъекту, обозначают постоянный, не связанный со временем признак, имеют фиксированную форму 3 лица, настоящего времени, несовершенного вида. Помимо всех признаков, названные единицы характеризуются фиксированным порядком следования компонентов, а именно постпозицией глагольного компонента по отношению к именным компонентам. Этот факт свидетельствует о том, что процессуальная семантика у анализируемых фразеологизмов угасла, так как, по наблюдениям Л.П. Гашевой, «процессуальные фразеологизмы сохраняют вариантное расположение компонентов»⁶, застывание же компонентов «в строго фиксированной позиции» приводит к изменению семантических свойств фразеологизма, вплоть до «перехода фразеологизма из процессуального типа семантики в другой категориальный класс»⁷.

Помимо изменений грамматической формы призначных фразеологизмов изменяют свою лексико-семантическую и синтаксическую сочетаемость. В предложении они употребляются с именами существительными, как правило, обозначающими лицо, утрачивают способность управлять существительными в форме косвенных падежей.

Изменения значения фразеологизма может привести и к имплицации, а именно к утрате единицей глагольного компонента. Так, фразеологизмы *ветер в голове (бродит, свистит) (у кого), не (идти) в счет, волосы (становятся, встают) дыбом (у кого), голова (идет) кругом (у кого), гора (свалилась, упала) с плеч (у кого)* имеют факультативный глагольный компонент. Утрата глагольного компонента отражает динамичность значения фразеологизмов. С развитием призначного значения и угасанием процессуальности отпадает необходимость в выражении глагольных категорий, и глагольный компонент становится необязательным, излишним:

Здесь с глаза на глаз нужно сделать почти невозможное – рассказать правду. Не о поступках маленького человека, – то не важно, в этом разговоре они не в счет ('незначительны, несостоящи'), – но о своем большом человеке (А.Н. Толстой. Хождение по мукам); Михаил решил везти сено сейчас, пока еще не поплыла дорога ...А то ему никто не простит – ни Лукашин, ни колхозники. «Вот, скажут, посадили парня, а у него ветер в голове ('легкомысленный, безответственный')» (Ф. Абрамов. Две зимы и три лета).

Таким образом, из всего сказанного можно сделать следующие выводы.

1. Процессуальные фразеологизмы в личной форме в высшей степени устойчивы. Это связано с тем, что личные формы наиболее устойчиво выражают значение процессуального класса – обозначают любые действия, состояния, изменения как процесс. Названное значение у личных форм представлено самым большим количеством грамматических категорий – категорией лица, залога, времени, вида, склонения.

2. На фоне устойчивости языковой единицы происходит глобальный процесс ее динамичности. Динамичность ФЕ проявляется в семантике, грамматике, и ее сочетаемости.

3. Значение процессуальных фразеологизмов более динамично, чем грамматическая форма. Результатом семантического динамизма становится увеличение количества значений. Грамматический динамизм является следствием семантического динамизма и проявляется в сокращении парадигмы грамматических форм.

4. Антропоцентричность языка является мощным источником динамичности ФЕ. Динамичность значения фразеологизма рождается в речи говорящего и связана с образованием или актуализацией новых сем в значении единицы.

¹ Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 107.

² Выготский Л.С. Мышление и речь. Собр. соч. Ч. II. М.: Педагогика, 1982. С. 34.

³ Там же. С. 34.

⁴ Радченко Е.В. Языковая природа причастных и деепричастных форм процессуальных фразеологизмов современного русского языка. Дис. канд. филол. наук. Челябинск. 2002, С. 240.

⁵ Малафеева Е.Р. Явления семантической переходности процессуальных фразеологизмов с компонентом-зоонимом // Ядерно-периферийные отношения в области лексики и фразеологии. Тез. докл. республ. межвуз. науч. конф. Ч. II. Новгород, 1991. С. 61.

⁶ Гашева Л.П. Порядок расположения компонентов во фразеологии процессуальной семантики в современном русском языке (модель словосочетания): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1985. С. 14.

⁷ Там же. С. 15.

ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

УДК 415.616.2

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СВЕТЕ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Г.Р. Власян

Прагмалингвистика – дисциплина, изучающая язык в действии представляет собой воплощение деятельностного взаимодействия языкознания с философией, общей и социальной психологией, логикой и другими областями знания. Теория речевых актов (РА) является одной из основных проблематик прагматики. Одно из положений теории РА состоит в том, что минимальной единицей человеческой коммуникации является не предложение или высказывание, а осуществление определенного вида актов, таких как, констатация, вопрос, приказание, описание, объяснение, извинение, благодарность, поздравление и т.д.

Лингвисты давно обратили внимание на употребление вопросительных предложений в качестве выражения просьбы, требования, угрозы и т.п. Сегодня изучением этой проблемы занимаются особенно продуктивно в рамках теории речевых актов.

В некоторых работах были сделаны попытки более систематического рассмотрения подобных косвенных употреблений вопросительных предложений. Дж. Серль выделил вопросительные предложения с модальными и служебными глаголами, выражающими значения требования, и сделал попытку объяснить это наблюдение. Ф. Кифер описал особый тип общих вопросов, которые представляют, по его мнению, косвенные частные вопросы. Р. Конрад попытался привести систематическое описание вопросительных предложений на основе их употребления в качестве косвенных речевых актов.

Феномен косвенного речевого акта основывается на несоответствии прямого значения, выраженного в предложении, и тем, что имеется в виду на самом деле, а также из-за того, что один и тот же речевой акт может быть реализован посредством нескольких различных предложений.

Дж. Серль пишет, что косвенное значение – производное от прямого, однако уточняет, что «собственно-вопросительное значение в предложениях косвенного вопроса все же сохраняется», связывая его интерпретацию с теорией речевых актов, общими принципами речевого общения, «фоновыми знаниями» и способностью слушающего к логическим выводам¹.

Р. Конрад обратил внимание на то, что для выражения косвенной просьбы «недостаточно просто построить вопросительное предложение, с определенным пропозициональным содержанием, поскольку осмысление в качестве косвенной просьбы возникает тогда, когда речевая ситуация

«сама по себе становится ситуацией просьбы». То есть он указывает на, возможно, решающую в процессе коммуникации роль ситуации. Применительно к вопросительному предложению это означает, что его основная функция – «выражение вопроса» и, следовательно, вопросительное предложение «в том случае употребляется в соответствии со своей функцией, если оно употребляется в ситуации вопроса».

У вопроса как речевого акта есть четыре так называемых условия успешности: 1) предполагается, что говорящий не знает ответа, 2) он хочет знать ответ, 3) адресат речи знает ответ, 4) он готов этим знанием поделиться.

Если условия успешности для вопросительной ситуации выполнены не полностью или если их действие блокируется ввиду наличия условий успешности для какого-либо другого речевого акта, то возникает неинтеррогативная интерпретация предложения, то есть меняется ситуация, а значит, меняются цель и результат высказывания. Поэтому источником косвенных употреблений вопросительных предложений является последовательность нескольких речевых ситуаций, которая предполагает определенную заключительную реакцию.

В зависимости от ситуации, Р. Конрад выделяет следующие условия успешности:

1. Говорящий хочет, чтобы слушающий выполнил действие («условие искренности»)
2. Говорящий имеет цель/намерение побудить слушающего к совершению действия.
3. Момент времени совершения действия наступает позже, чем момент произнесения («условия пропозиционального содержания»)

Эти условия, по мнению Р. Конрада, необходимы для описания побуждений, поэтому, если они выполняются, имеет место ситуация побуждения, и с помощью соответствующих языковых

Теория речевых актов

средств реализуется акт побуждения (директив). Но, конечно же, есть и некоторые ограничения. Так, Р. Конрад, в качестве одного из ограничений, называет исходное состояние незнания, которое следует «эксплицитно вводить» как «дополнительное условие указания».

В различных типах требований находят свое выражение и социально-ролевые отношения говорящего и слушающего. В результате появляются еще два условия:

4. А) Слушающий обязан сделать действие.

Б) Слушающий не обязан сделать действие.

От выполнения речевого акта зависит, может ли говорящий осуществить акт побуждения и может ли слушающий его выполнить. Таким образом, выявляется еще одно условие:

5. Слушающий в состоянии сделать действие.

Следование этим условиям успешности помогает достичь цели высказывания, будь то требование, просьба и т.д.²

Ф. Кифер обратил внимание на понимание общих вопросов: «Общий вопрос, представляющий собой косвенный речевой акт просьбы, требует от адресата ответного действия, поскольку просьбы, требования и приказы вообще обычно требуют в ответ действия, а не словесной реакции»³. Интересен тот факт, что когда тематическая структура предложения выражена однозначно, верно утверждение: если вопрос относится к рематической составляющей предложения, простой ответ *Нет* неуместен. Это подтверждает следующий пример: *Ты завтра едешь в Вену?* Подчеркнутое слово является ремой и несет на себе ударение. Если заменить эту рематическую составляющую на соответствующее слово, мы получим имплицитный вопрос: *Куда ты завтра едешь?*

Р. Конрад предлагает выделить некоторые типичные употребления вопросительных предложений в функции косвенных речевых актов.

Вопрос типа *Steigen Sie jetzt aus? Вы сейчас выходите?* трактуется как косвенное побуждение дать возможность пройти, хотя он может быть и чисто информационным вопросом. Особенностью данного вопроса является отсутствие структурной общности между пропозициональной частью вопросительного предложения и пропозициональным содержанием подразумеваемого императивного предложения. Хотя в некоторых вопросах, например, *Koennten Sie mir helfen? Вы могли бы мне помочь?* пропозиция подразумеваемого императивного предложения уже практически целиком содержится в самом вопросительном предложении, то есть в чем состоит побуждение можно установить из самого вопроса.

Как косвенная просьба, вопрос интерпретируется лишь в случае отрицательного ответа.

Более того, слушающий определяет смысл вопроса не на основе какого-то фиксированного, свойственного вопросительным предложениям

«переносного значения», а на основе своей способности ориентироваться в ходе событий и мысленно предугадывать их дальнейшее развитие. Говорящий со своей стороны также знает, что слушающий располагает такой способностью, и вправе ожидать от него совершения определенных действий после получения отрицательного ответа. Значит, в первый момент вопросительное предложение – чистый вопрос. Позже у говорящего появляются некоторые предложения относительно последующего развития событий, что обусловлено, во-первых, знаниями о человеческих способностях вообще, а, во-вторых, определенными правилами вежливости.

Таким образом, «косвенное осмысление» подобных вопросов – сокращение заранее очевидной схемы поведения. Необходимо отметить, что они используются не только на вербальном, но и на невербальном уровне, то есть, возможны реакции слушающего, которые делают излишними соответствующие промежуточные шаги, а может даже и сам вопрос.

Можно выделить и косвенное желание. Им будет выражение «желания/побуждения» дать дорогу, пропустить, как в примере *Steigen Sie jetzt aus? Вы сейчас выходите?*

Очень интересна классификация вопросительных предложений, выступающих в роли косвенных речевых актов, предложенная Д. Уилсоном и Д. Спербером:

1) риторические вопросы (rhetorical questions): *Did you want to give up smoking? (He) Хотел ли ты бросить курить?*

2) экзаменационные вопросы (exam questions): *What are the constituencies of a solar panel? Из чего состоит солнечная батарея?*

3) догадка (guess questions): *Which hand is it in? В какой руке?*

4) вопросы удивления (surprise-questions): *The president has resigned. Has he? Президент подал в отставку. Боже мой. Он правда подал?*

5) вопрос-объяснение (expository questions): *How are non-declarative sentences understood? Что значит неповествовательные предложения?*

6) вопросы, адресованные себе (self-addressed questions): *Now why did I say that? Ну, зачем же я это сказала?*

7) уточняющие вопросы (speculative questions): *What is the best analysis of interrogative sentences? Какой анализ вопросительных предложений лучше всего?*

8) звукоподражательный вопрос (echoic question): *John sighed, Would she never speak? Джон вздохнул. Неужели она ничего не скажет?*¹

Дж. Серль предлагает разбить предложения, выражающие просьбы, приказы, побуждения и требования на определенные группы.

Группа 1: предложения, касающиеся способности слушающего осуществить действие. Напри-

мер, *Can you be a little bit more quiet? Вы могли бы вести себя немного тише?*

Группа 2: Предложения, касающиеся осуществления действия слушающим: *Would you kindly get off my foot? Не будете ли вы так любезны, сойти с моей ноги?*

Группа 3: Предложения, касающиеся желания или склонность слушающего осуществить действие: *Would you mind not making so much noise? Не будете ли вы так любезны, не устраивать такого шума?*

Группа 4: Предложения, касающиеся причин осуществления действия: *Why not stop here? Почему бы не остановиться здесь?*²

В последнем случае подчеркивается, что подобные высказывания могут и не выступать в качестве косвенных просьб, а употребляться в буквальном значении. Говорящий побуждает слушающего привести причины, по которым нельзя выполнить некоторое действие, предполагая, что отсутствие таковых является само по себе основанием для выполнения этого действия. На это значительным образом влияет интонация.

Дж. Серль обращает внимание и на то, что большинство предложений со словом «пожалуйста» используются для высказывания побуждения, особенно, когда оно стоит непосредственно перед глаголом: *Could you please lend me a dollar? «Могли бы вы, пожалуйста, одолжить мне доллар?»*

Получается, что, если слово *please* входит в состав предложения, оно явно указывает иллокутивную цель высказывания и придает ему статус побуждения, даже если буквальное значение остальной части предложения не является побуждением.

Р. Конрад говорит по этому поводу, что в таких предложениях значение просьбы не выводится из значения вопросительного предложения, а с самого начала «существует гибридная языковая структура, включающая в равной мере вопрос и просьбу».

Тем временем, предложения с глаголами *would* и *could* «мочь» могут выражать обязательство, например, *Could I be of assistance? Могу ли я помочь вам?* возможность, вероятность осуществления действия *Could you paint so? Вы смогли бы так нарисовать?*

Как вопросительные предложения, содержащие слово *please* «пожалуйста», так и предложения со словами *can* «может» и *could* «мог бы» используются часто из соображения вежливости. Причем важно помнить, что принцип вежливости может работать только при условии, что он «наполнен содержанием», а также, что вежливость

определяется не тем, что высказывание принимает вид вопроса, а тем, к чему относится, по поводу чего и в какой ситуации задается вопрос.

В русском языке в этом случае можно употребить целый ряд различных конструкций, например: *не так ли? да? верно? что ли? конечно? так?* В английском языке в этом случае часто употребляются так называемые *tag questions*, например: *You are going to the institution, aren't you?*

Поэтому в некоторых ситуациях необходим упреждающий вопрос, дающий возможность удостовериться в том, что собеседник готов к дальнейшему общению, следовательно, приказы и команды никогда не реализуются в виде вопросов.

Нередко, тем не менее, вопрос задается вместо просьбы не столько из соображений вежливости, сколько потому, что говорящему на самом деле неизвестно, будет ли его просьба успешной, как, например, в такой ситуации: *Скажите, пожалуйста, как мне пройти на вокзал? Could you tell me please how to go to the railway station?*

Вопросительные конструкции используются также для придания высказыванию различных эмоциональных оттенков. Например, в русском языке для выражения возмущения и удивления используются вопросительные конструкции с частицами *что, ли и ну*, не имеющие прямых аналогов в английском языке, например: *Да ты что? Да что Вы? Ой, ли? Да ну?* В английском языке удивление и раздражение могут быть выражены с помощью конструкций типа: *Really? Indeed? Can't you see I am beside myself with anger?*

Вопросительные конструкции широко употребляются для выражения различного рода приветствий, например: *Как дела? Как поживаешь? Как жизнь? Ну, как ты? Что нового? How do you do? How are you? How's life? How are you getting? How are you doing? How are you getting on? How are you keeping?*

Как мы могли убедиться, одни и те же интенции могут быть выражены различными лингвистическими средствами, более того, они часто выражаются с помощью именно вопросительных конструкций.

¹ Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты. М., 1986. С. 151.

² Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты. М., 1985. С. 349.

³ Кифер Ф. О пресуппозициях. М., 1978. С. 337.

⁴ www.pbunjak.narod.ru

⁵ Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты. М., 1986. С. 203.

ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОГО АКТА ОБЕЩАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Е.В. Ерофеева, О.В. Гашева

Статья посвящена изучению речевых актов обещания в современном французском и английском языках. Цель работы – исследовать различие между прямыми и косвенными способами выражения речевого акта обещания, создать семантическую модель прямого обещания и определить способы выражения косвенных обещаний: качественные и/или количественные.

Развитие одного из направлений современной лингвистики – прагматики связано – с изучением речевого акта (далее РА). Подход к РА как к способу достижения человеком определенной цели и рассмотрение под этим углом зрения используемых им языковых средств – главная особенность теории речевых актов, привлекающая к ней языковедов, которых перестала удовлетворять простая констатация того, что язык есть средство, орудие, инструмент общения. Лингвисты стали искать ответ на вопрос о том, каков механизм использования языка для достижения многообразных целей, возникающих в ходе социального взаимодействия людей. Основной задачей прагматической лингвистики становится изучение языка в его прагматической функции (Г.М. Дудникова¹, А.А. Романов², С.А. Сухих³, D. Maingueneau⁴ и др.).

Данная статья имеет своей целью систематизировать различные способы оформления РА обещания (далее РАО) во французском языке в сопоставлении с английским, а также проследить, какие условия необходимы и достаточны для его успешной реализации. Принципы изучения РАО основаны на структурном и функциональном анализе прагматических категорий. Структурная сопоставительная лингвистика исследует особенности организации сравниваемых языков, их форм, тогда как функциональное сопоставительное изучение языков призвано раскрыть закономерности построения речи на данном языке в сравнении с другим⁵. Цитируемые в данной статье примеры взяты из произведений современной французской и английской литературы.

Выделение РАО трактуется зарубежными и отечественными лингвистами неоднозначно. Дж. Остин, Дж. Серль, являясь основоположниками теории речевых актов, относят РАО к разряду коммиссивов, цель которых возложить на говорящего обязательство совершить некоторое будущее действие или следовать определенной линии поведения⁶. Деление коммиссивов на подклассы (В.В. Богданов⁷, Г.Р. Восканян⁸) приводит к выделению собственно РАО или промиссива.

Данные толковых словарей французского и английского языков позволяют раскрыть содержание понятия «обещания». Большинство толковых словарей дают содержание этого понятия через комбинацию двух сем: обязательное выполнение или не выполнение того, что говорящий обязуется исполнить; стремление убедить адресата в искренности своих намерений по отношению к нему.

Речевые акты обещания представляют собой класс РА, иллокутивная цель которых рассматривается как принятие говорящим искреннего обязательства выполнить/не выполнить определенное действие в пользу (по просьбе) адресата.

Итак, в семантике РАО всегда присутствуют два компонента. С одной стороны, это обязательство выполнить что-либо в интересах адресата или по его просьбе (принятие обязательства) и, с другой стороны, обещание позитивных последствий при выполнении взятого на себя обязательства (положительная бенефактивность для адресата).

Кроме того, РАО имеет ряд характерных черт, которые отличают его от других видов РА. Так, например, к прямым РАО мы относим высказывания с перформативным глаголом *promettre/to promise* (причем никакой другой перформативный глагол не может выразить обещание). Перформативные высказывания имеют определенные языковые особенности – наличие особого употребления глагола в первом лице единственного числа настоящего времени. Направленность акта речи на реализацию обозначаемого действия составляет его иллокутивную силу. То есть, высказывание с перформативным глаголом *promettre/to promise* образует перформативный РАО.

Учитывая вышеизложенное, семантическую модель РАО во французском языке можно представить следующим образом:

Je promets que je ferai qch (je ne ferai pas qch)

Je promets de faire qch (de ne pas faire qch)

Семантическая модель РАО в английском языке выглядит аналогично:

I promise that I'll do smth (I'll not do smth)

I promise to do smth (not to do smth)

Как видно из данной схемы РАО имеет сложную структуру. РАО – это двучастная конструкция, первая часть которой (*promasuc*) представлена перформативным глаголом *promettre/to promise*, а вторая часть (*apodosuc*) предполагает наличие времен индикатива либо инфинитив:

Элементом, соединяющим эти две части данной семантической модели, является союз *que/* местоимение *that*, который(ое) вводит придаточное предложение, либо предлог *de/* частица *to*, иногда сопровождаемый(ая) отрицательной частицей *ne pas/ not* или ее вариантами.

В случае, когда союз *que/* местоимение *that* соединяет первую часть семантической модели со второй, последняя представляет собой придаточное предложение, содержащее времена индикатива. Например, во французском языке – *Je promets que je reviendrais bientôt* – Я обещаю, что я скоро вернусь, в английском языке – *I promise you that I'll give you money* – Я обещаю, что я дам тебе денег. Если элементом, соединяющим две части нашей семантической модели является предлог *de/* инфинитивная частица *to*, иногда сопровождаемый(ая) отрицательными частицами *ne pas/ not*, то вторая часть семантической модели представляет собой простое предложение, содержащее инфинитив. Например, французский язык – *Je promets de revenir bientôt* – Я обещаю скоро вернуться, английский язык – *I promise to give you money* – Я обещаю дать тебе денег.

Наличие двух компонентов в семантической структуре РАО свидетельствует о прямом способе выражения РАО. Под прямыми РАО мы понимаем такие промисивы, в структуре которых соединены и присутствуют оба элемента семантической модели, выраженные эксплицитным образом. Например, во французском языке – *Je vous promets de vous tenir au courant, dès que je serai fixé* – Я обещаю сообщить вам о происходящем, как только узнаю, в чем дело (*Barjavel*). В английском языке – *Listen, I promise not to fight with your mother* – Послушай, я обещаю не спорить с твоей мамой (*Buchan*).

Под косвенным РАО мы понимаем РА, в котором наблюдается какое-либо отступление от предложенной семантической модели прямого РАО, выраженное ее качественными и/или количественными изменениями. Видоизменение семантической модели характеризуется полной или частичной трансформацией. Качественная трансформация семантической модели РАО представляет собой отступление от первого лица единственного числа настоящего времени, либо употребление другого синонимичного глагола в значении обещания.

Количественное видоизменение модели подразумевает отсутствие компонентов либо первой части модели, либо второй. Семантическая недостаточность при количественной трансформации проявляется в отсутствии протазиса, либо аподозиса. Роль недостающего звена в семантической модели принадлежит контексту.

В соответствии с определением прямых и косвенных РАО, принятых в данной работе, 100 % соответствие семантической модели характеризует прямые РАО. Любое отступление от семантической модели свидетельствует о косвенном употреблении РАО. Косвенное употребление может быть вызвано качественной, количественной или качественно-количественной трансформацией семантической модели прямого РАО. Поясним каждый вид косвенного способа выражения РАО.

При качественной трансформации семантической модели мы наблюдаем:

1) употребление синонимичного перформативного глагола в значении глагола *promettre/to promise*, который содержит дополнительный нюанс. Здесь возможно появление перформативного глагола *jurer/ to swear*, который используется для усиления показателя функции принятия обязательства с высокой степенью интенсивности. Например, французский язык – *Louis m'a quitté et je vous jure que je ne suis pas près de l'en tenir quitte* – Людовик бросил меня, но я обещаю, что я не стану сводить с ним счеты (*Bazin*); английский язык – *Darling May, I swear I'll never criticize him again...* – Дорогой Мэй, я обещаю, что я никогда больше не буду его критиковать (*Howard*). Несмотря на наличие в данном РА глагола *jurer/to swear* – клясться мы рассматриваем этот РА как косвенное обещание и не относим его к РА клятвы, поскольку по определению клятва – это торжественное обещание, подкрепленное упоминанием чего-либо священного, ценного, авторитетного для того, кто уверяет, обещает. Именно поэтому мы считаем, что данные иллокутивные акты несут в себе значение обещания, а перформативный глагол употребляется для усиления показателя функции обещания;

2) использование семантической модели другого РА в качестве РАО. При такой трансформации возможно употребление речевых реплик согласия либо вопросительных конструкций. Семантическая недостаточность РАО является результатом экономии языковых средств в разговорной речи, где участники коммуникации выражают максимум информации, используя минимум языковых средств. Распознавание истинного смысла высказывания и выделение РАО становится возможным исключительно благодаря анализу контекста, ситуации общения и предшествующих реплик коммуникантов. Французский пример – *Vous reviendrez chaque jour, n'est-ce pas? – Bien sur – Вы будете приходить каждый день, не так ли? – Конечно* (*Nothomb*); английский пример – *You've got to promise not to tell anyone. Not Mum, not anyone. – OK – Ты должен пообещать никому не говорить. Ни маме, никому. – Хорошо* (*Jewell*).

Другой вид качественной трансформации предполагает употребление вопросительных конструкций в значении РАО. Вопросительные предложения при соблюдении определенных условий

Теория речевых актов

(Дж. Р. Серль), необходимых для реализации иллюкутивного акта, могут представлять собой РАО. В структуре речевого акта обещания наблюдается так называемый функциональный сдвиг, или контекстная транспозиция, т.е. когда данная структура используется для выражения нетипичной ей функции и формы.

Подробное рассмотрение микроконтекстов, включающих косвенные вопросительные РАО, а также условий их функционирования, позволяет сделать вывод о том, что такие обещания являются вопросительными высказываниями лишь формально. Мы считаем возможным признать за последними статус косвенного РАО, т.к. утратив свою первичную функцию запроса информации, данные синтаксические конструкции стали своеобразными функционально-семантическими эквивалентами собственно промисивных высказываний. Например, во французском языке – *Veux-tu que je te donne un coup de main?* – *Хочешь, я помогу тебе?* (Pilar); в английском языке – *It is on business that we have come to see you. – Well, what can I do for you?* – *Мы пришли к вам обсудить деловые вопросы. – Хорошо, что я могу для вас сделать?* (Maughan);

3) изменение местоположения протазиса и аподозиса. Здесь иллюкутивный индикатор (перформатив) расположен постпозитивно по отношению к пропозиционной части высказывания, что свидетельствует о подтверждении намерения говорящего выполнить обещание. Типичным примером качественной трансформации является изменение местоположения протазиса и аподозиса в рамках одного предложения. Отметим, что во французском языке подобный вид трансформации не употребляется. Приведем английский пример – *I won't tell anyone else, I promise* – *Я не скажу больше никому, я обещаю* (Henderson);

4) изменение местоположения протазиса и аподозиса при употреблении синонимичного перформативного глагола в значении глагола *promettre/to promise*. Данный вид трансформации характерен лишь во французском языке. Наряду с глаголом *jurer* возможно синонимичное употребление выражения *donner sa parole*, передающего коммуникативное значение обещания. Здесь кроме использования синонимичного перформативного глагола наблюдается изменение местоположения протазиса и аподозиса. Приведем французский пример – *Et puis, il est plutôt malingre, il se peut qu'il ne tienne pas le coup physiquement. – Je tiendrai le coup pas plus mal que les autres... Je m'appliquerai. Je vous en donne ma parole* – *Кроме того, он выглядит слабым, скорее всего он не выдержит физически. – Я смогу выдержать не хуже других... я приложу для этого все свои усилия. Я даю вам слово* (Pilar);

5) изменение местоположения протазиса и аподозиса при отступлении от 1-го лица единственного числа настоящего времени. Подобный вид трансформации характерен французскому языку.

Изменение местоположения протазиса и аподозиса сопровождается употреблением вместо перформативного глагола выражения *vous avez ma parole*. Данная фраза заменяет высказывание *je vous donne ma parole*. Несмотря на разную грамматическую форму (употребление личного местоимения *je* – я с глаголом *donner* – *давать* и местоимения второго лица единственного числа с глаголом *avoir* – *иметь*) мы считаем уместным рассматривать эти высказывания как идентичные, так как оба выражения во французском языке являются эквивалентами и на русский язык переводятся одинаково. Такое высказывание еще раз подчеркивает, что говорящий обращается непосредственно к адресату и действует в соответствии с интересами собеседника. Рассмотрим следующий пример во французском языке: – *J'aurai besoin de comparer mon enquête à votre article. Vous ne voyez pas d'inconvénient, j'espère? – Il va sans dire que je ne communiquerai avec aucun journaliste, vous avez ma parole* – *Мне нужно будет сравнить собранную мной информацию с вашей статьей. Я надеюсь, это не причинит вам никаких неудобств? – Само собой разумеется, что я не стану общаться ни с одним журналистом, я даю вам слово* (Pennac). В английском языке подобная трансформация семантической модели не представлена.

Количественная трансформация семантической модели прямого РАО характеризуется:

1) отсутствием протазиса. Учитывая специфику РАО, который произносится только в интересах говорящего, косвенные РАО употребляются, как правило, в ответ на просьбу адресата. Например, французский язык – *J'aimerais bien le connaître, ton Patrick, dit-elle. – Je te le présenterai quand tu voudras* – *Я бы хотела познакомиться с твоим Патриком, сказала она. – Я представлю его тебе, когда ты захочешь* (Troyat). Подобное явление характерно также английскому языку: – *Why don't we have lunch when you're next in town? You do come to London sometimes? – I'll certainly take you up on that* – *Почему бы нам не пообедать, когда вы в следующий раз приедете в город? Вы иногда бываете в Лондоне? – Я обязательно пригласю вас на обед* (Srivastava);

2) отсутствием аподозиса. Типичными для разговорной речи являются эллиптические предложения. Именно они представляют собой наиболее яркий пример влияния эмоций на структуру и содержание речи. Здесь возможно усечение придаточного предложения, например, *Je promets/I promise*. Такое эллиптическое предложение является имплицитным представлением предполагаемого полного предложения. Чтобы понять, что имплицитно представлено в эллиптическом предложении, необходимо учитывать предваряющую информацию предыдущего высказывания (в случае ответной реплики) и/или ситуацию в целом (коммуникативный контекст).

Рассмотрим подобный РАО во французском языке: – *Si tu désires aller ailleurs, tu es libre, tu seras libre, je te le promets* – Если ты хочешь уйти, ты свободна, ты будешь свободна, я тебе это обещаю (*Botu*). Этот пример также иллюстрирует наличие местоимения *le*, заменяющего придаточное предложение обещания. Базовая косвенная установка реализуется с подлежащим, выраженным личным местоимением *tu*. В этом смысле можно говорить о двойном косвенном смысле РАО, осуществляемом за счет конструкции обращения к адресату. Такие высказывания выполняют также фатическую функцию – функцию поддержания контакта. Восстановленный вариант РАО выглядит так: – *Si tu désires aller ailleurs, je te promets que je te libérerai et tu seras libre* (Если ты хочешь уйти, я тебе обещаю, что я освобожу тебя, и ты будешь свободна).

Обратимся к анализу английского примера. – *How many times did I say his name? – In the last twenty minutes? Four or five. – God. Ok. That's it, I promise* – Сколько раз я произнесла его имя? – За последние двадцать минут? Четыре или пять раз. – Боже мой. Хорошо. Это все, я обещаю (*Perkins*). Данное высказывание представляет собой эллиптическое выражение, где не только отсутствует вторая часть фразы, выраженная придаточным предложением, но и косвенно выражается смысл самого обещания. Восстановим настоящее значение предложения: – *I promise that I won't say his name any more* (Я обещаю, что я больше не стану произносить его имя). *That's it «Это все»* подразумевает произнесение фразы – *I won't say his name any more* «Я больше не произнесу его имя». Таким образом, догадаться об истинном содержании высказывания можно только благодаря анализу предшествующего диалога;

3) разделением исходной семантической модели на две части. Главное и придаточное предложения представляют собой два взаимосвязанных простых предложения. Французский пример – *Je te promets, dit Lukos. Je surveillerez* – Я тебе обещаю, сказал Лукос. Я прослежу (*Barjavel*). Английский пример – ... *I promise you. I'll try* – ... Я обещаю тебе. Я попробую (*Maugham*).

Появление качественно-количественной трансформации связано с:

1) отступлением от 1-го лица единственного числа настоящего времени при отсутствии аподозиса. Употребление высказываний подобной структуры типично для французского языка. Часто в таких фразах присутствует уточняющий вопрос, исходящий от адресата, который используется для подтверждения действительного намерения, готовности говорящего совершить РАО, а также успешной реализации данного действия. В этом примере кроме изменения в первой части семантической модели – замены перформативного глагола выражением *promis* или *c'est promis* – мы наблюдаем полное отсутствие второй ее части: –

Donc tu m'écris. Promis? – Promis – Значит, ты мне напишешь. Обещаешь? – Обещаю (*Botu*). Анализ языкового материала показывает, что в английском языке данный вид трансформации не используется;

2) употреблением синонимичного перформативного глагола в значении глагола *promettre/to promise* при отсутствии аподозиса. Во французском языке – *Tu me jures que tu ne t'en iras pas? – Oui, je le jure!* – Ты обещаешь мне, что ты не уйдешь? – Да, я обещаю это! (*Simenon*). Появление глагола *jurer* иллюстрирует смещение показателя функции принятия обязательства в сторону усиления его значения, а значение аподозиса выводится из контекста. Здесь адресат выступает с просьбой к говорящему не покидать его и задает собеседнику уточняющий вопрос. Подобное явление характерно также английским промисивам: – *Epecially swear you won't say anything to Sean. – I especially swear* – Только обещай, что ты ничего не скажешь Син. – Естественно я обещаю (*Jewell*).

Необходимо отметить, что несоответствие семантической модели РАО вызывает трудности в определении иллокутивного значения РА. В связи с этим при установлении типа РА мы вынуждены прибегать к экстралингвистическим факторам, главным образом к контексту, который позволяет нам определить принадлежность использованного в диалоге РА к РАО. Например, высказывание *Je viendrai demain (I'll come tomorrow* – Я приду завтра) может представлять собой обещание, угрозу, предупреждение, сообщение и т.д. Наличие контекста, принятие во внимание предыдущих реплик участников коммуникации, а также пояснений автора позволяют достоверным образом определить иллокутивное значение косвенного высказывания.

Дж. Серль рассматривает два основных компонента речевого общения⁹: во-первых, стратегия установления существования скрытой иллокутивной цели – помимо иллокутивной цели, содержащейся в значении предложения, и, во-вторых, механизм установления того, какова же эта скрытая иллокутивная цель. Первый компонент устанавливается на основе принципов речевого общения, учитывающих информацию о слушающем и о говорящем, а второй выводится из теории речевых актов в сочетании с фоновой информацией. Общая фоновая информация представляет собой контекст и ситуацию общения, а принципы речевого общения предполагают знание говорящими информации о реализации данного РА.

Теория речевых актов позволяет определить, каким образом предложения, обладающие одной иллокутивной силой в качестве части их значения, могут использоваться для осуществления акта, у которого другая иллокутивная сила. Для успешного и уместного осуществления обещания необходима реализация набора условий. Эти условия

Теория речевых актов

можно представить следующим образом¹⁰: S – говорящий, H – слушающий, A – акт (действие).

Подготовительные условия	S способен осуществлять A. H хочет, чтобы S осуществил A
Условие искренности	S намеревается делать A
Условие пропозиционального содержания	S предсказывает будущий акт A говорящего S
Существенное условие	Взятие говорящим S на себя обязательства сделать A

В заключении отметим следующее.

1. Специфика РАО состоит в том, что по форме это сложная конструкция, первая часть которой состоит из перформативного глагола, а вторая часть представлена временами индикатива или инфинитивом.

2. РАО употребляется всегда в пользу адресата и обладает положительной бенефактивностью.

3. С семантической точки зрения РАО выражается прямым и косвенным способом. Косвенные РАО подразумевают качественную и/или количественную трансформацию семантической модели.

4. Появление косвенных РАО прагматически мотивировано. Это происходит в связи с тем, что говорящий рассчитывает не только на языковые знания собеседника, но и на его неязыковую компетенцию, знания условий успешности РА, а также на «энциклопедические знания» слушающего. Важную роль при определении иллокутивного намерения во

время произнесения говорящим обещания играет контекст и ситуация общения.

¹ Дудникова Г.М. Развернутое произведение речи как предмет прагмалингвистического описания (На материале английского языка): дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04 / Г.М. Дудникова. Самара, 2002. С. 97–129.

² Романов, А.А. Иллокутивные индикаторы прямых и косвенных речевых актов / А.А. Романов // Речевые акты в лингвистике и методике. Пятигорск, 1996. С. 195–200.

³ Сухих С.А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: дис. ... д-ра фил. наук / С.А. Сухих. Краснодар, 1998. С. 256.

⁴ Maingueneau, D. L'Énonciation en linguistique française / D. Maingueneau. Paris : Hachette, 1999. P. 156.

⁵ Гак В.Г. Сопоставительная прагматика. М.: Высшая школа, 1992. № 3. С. 78–90.

⁶ Остин Дж. Л. Слово как действие / Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 150.

⁷ Богданов В.В. Функции вербальных и невербальных компонентов в речевом общении. Языковое общение: единицы и регулятивы. Межвузовский сборник научных трудов. Калининский государственный университет. Калинин, 1987. С. 18–19.

⁸ Восканян Г.Р. О структуре диалога с речевыми актами обязательства. Структура и семантика сверхфразовых единиц в германских языках. Пятигорск: ПГТИИЯ, 1983. С. 88–98.

⁹ Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 170–189.

¹⁰ Searle, J.P. Expression and Meaning / J.P. Searle. Cambridge: University Press, 1994. P. 187.

ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

УДК 811.161.1+81'33

РОЛЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПТА «СОЛНЦЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА К. КИНЧЕВА)

Г.Е. Гуляева

Статья посвящена влиянию историко-культурного контекста на формирование содержания концепта «Солнце». Исследование основано на текстах К. Кинчева. Обращение к историко-культурному контексту позволяет обнаружить влияние мифологических представлений на формирование концепта, что дает возможность наиболее полно описать содержание данного концепта.

Проблема категорий в языке является одной из самых дискутируемых со времен

Цель данной статьи – рассмотреть влияние историко-культурного контекста на формирование содержания концепта «Солнце», репрезентированного в текстах К. Кинчева.

Под концептом мы понимаем репрезентированную в языке оперативную содержательную единицу сознания, которая культурно обусловлена и отражает комплекс всех представлений и ассоциаций, возникающих у носителя языка в связи с каким-либо явлением действительности. Данное определение было сформулировано после рассмотрения и обобщения взглядов современных ученых-лингвистов на концепт и, по нашему мнению, отражает все существенные признаки концепта.

На наш взгляд, исследование концепта должно носить двунаправленный характер, то есть наравне с актуальными, универсальными знаниями нужно учитывать и культурно-исторические знания, формирующие концепт. Так, Ю.С. Степанов обращает внимание на то, что «концепт имеет «слоистое» строение и разные слои являются результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох»¹. А Л.Г. Бабенко, развивая эту мысль, отмечает «двойственную природу многокомпонентности концепта: во-первых, она обусловлена исторически, диахронно, и представляет собой «вертикаль смысла»; во-вторых, она обусловлена синхронно – множеством одновременных репрезентаций в разных синтагматических контекстах («горизонталь смысла»)»².

Этим объясняется необходимость соотношения выделенных концептуальных смыслов с информацией культурного фонда (историко-культурным контекстом). Без привлечения информации культурного фонда многие из выделенных концептуальных смыслов не поддаются интерпретации, некоторые концептуальные смыслы оказываются

вне поля зрения исследователя, вследствие чего непонятной оказывается логика формирования и структурирования концепта, остаются невыявленными связи, существующие между компонентами концепта и обеспечивающие его цельность.

Обращение к текстам при изучении концептов обусловлено тем, что тексты являются «подлинными хранителями культуры»³, носителями культурно-исторической информации. Исследование концептов, репрезентированных в художественном тексте, ценно не только тем, что может дать представление о мышлении и мироощущении автора данного текста, но и тем, что может выявить, как индивидуальная концептуальная система отражает коллективную систему представлений, сложившуюся в данной культуре, а иногда и влияет на нее. Как пишет Л.Г. Бабенко, «в этом заключается парадоксальный секрет художественного текста: отображая действительность, художник обнаруживает себя, и, наоборот, выражая свои думы и чаяния, он отображает мир и себя в мире. В результате этого плоть художественного произведения, оторгнутая материально от своего создателя, в то же время несет на себе его печать. Она, как двуликий Янус, имеет лицо своего создателя (образ автора) и лик объективной действительности (образ мира)»⁴.

Мы придерживаемся распространенного среди ученых-когнитологов мнения, что концепты структурированы по принципу ядро (центр) – поле (периферия). Вслед за И.А. Стерниним⁵ мы считаем, что структура концепта состоит из ядра и обширного интерпретационного поля, в котором выделяется ближайшая и дальнейшая периферия. Ядро концепта включает базовый слой и наслаивающиеся на него когнитивные слои. Базовый слой концепта содержит наглядно-чувственный образ соответствующего предмета или явления. Наслаивающиеся на базовый слой когнитивные слои отражают определенный результат познания

Зеленые страницы

внешнего мира, то есть представляют собой результат когниции. Эта зона концепта формируется на основе ментальной обработки данных непосредственного (чувственного) восприятия, а также на базе объективных, зафиксированных в языке знаний. Интерпретационное поле концепта содержит разнообразные смысловые признаки, скрытые от прямого наблюдения и формирующиеся на основе ассоциативных, в действительности ненаблюдаемых связей.

Естественно, что смыслы, которые были выявлены в результате соотнесения с историко-культурным контекстом, относятся не к базовому слою концепта, а к зоне когнитивных слоев и области периферии.

Для концепта «Солнце» культурно-исторические знания («вертикаль смысла») формируются на основе мифологических представлений, которые не растворились без следа, а зафиксировались в языке (языковых метафорах, фразеологизмах, фольклоре, художественных текстах и т. п.) и тем самым продолжают оказывать влияние на носителей языка.

Рассмотрим влияние историко-культурного контекста на формирование концепта «Солнце», репрезентированного в текстах К. Кинчева, на примере концептуальных смыслов, относящихся к зоне когнитивных слоев.

Так, один из концептуальных смыслов формируется на основе восприятия солнца как живого существа.

Во многих контекстах солнце персонифицировано и наделяется различными признаками и характеристиками живого существа (как правило, человека). Кроме того, обращают на себя внимание контексты, в которых признаками и свойствами живого существа обладает не только само солнце, но и различные периоды его активности: восход, закат, рассвет, заря. В зависимости от характера этих признаков выделяются следующие тематические группы.

1. Внешние атрибуты. Солнце наделяется признаками, присущими внешности человека, оно имеет лицо, глаза, рот: Да глядеть Солнцу в **лицо**, как в глаза друзьям («Пасынок звезд»); Только солнцу глянешь в **глаза** («Дурак»); Мы смеемся в лицо тем, кто при виде огня скулил: «Я боюсь!» / И тем, кто пытался свинцом запаять Солнцу **рот** («Солнце встает»).

2. Биологическое существование (физиологические процессы). В одном из анализируемых контекстов солнце наделяется пульсом. Наличие пульса можно рассматривать как физиологический процесс, присущий живому существу: Солнечный **пульс** диктует! («Время менять имена»).

В двух следующих контекстах солнце (в том числе и периоды его активности) характеризуется как живущее по биологическим законам, имеющее возраст, смертное существо: Солнце **умирает** ночью («А мы танцуем на палубе тонущего кораб-

ля...»); И хотя этот восход еще слишком **молод**, / А закат уже слишком **стар** («Театр теней»).

3. Функциональные характеристики. Очень часто солнце (в том числе разные периоды его активности) выступает как деятель, способный производить те или иные действия. При этом многие из действий (всходить, [быть] в седле, зажечь, высекать, коромыслом нести, [бить] в бубен) могут быть выполнены только при помощи ног/рук, наличие которых является отличительной особенностью анатомии человека: Но Солнце **всходило**, чтобы спасти наши души. / Солнце **всходило**, чтобы согреть нашу кровь («Солнце встает»); Солнце с рассвета **в седле**, / Кони храпят да жрут удила («Шабаш»); Солнцеворот / **Вышел** в июнь, <...> Солнцеворот / **Лето зажег** («Солнцеворот»); Где закат **высекает** позолоченный мост между небом и болью («Стерх»); Алая заря за ночь за моря / К берегам чужим летела, / **День коромыслом несла**, / Да ведрами **плескала свет** / По белу свету («Синий дым»); Пляши, черная ночь, / **Под бубен зари!** («Жги-гуляй»).

4. Способность порождать и воспринимать речь. В приведенных ниже контекстах солнце выступает или как производитель речи, или как объект речевого воздействия (с ним разговаривают, к нему обращаются с просьбами): Когда тебе Солнце **шепнуло**: «Лети!» («Кибитка»); Когда всходило Солнце, Солнцу **говорили**: «Нельзя...» («Солнце встает»); Жги! Жги, красное! Жги меня! Жги! («Жар бог шуга»).

5. Способность вступать в различные социальные отношения. В следующих контекстах солнце способно выступать защитником (охранять), благодетелем (одевать), утешителем (успокоить) кого-л. или быть объектом воздействия, целью которого является попытка удержать, ограничить свободу, заставить замолчать, а, может быть, и убить, на что указывают присутствующие в контекстах лексемы «свинец» и «стрелять»: Да **охранит** тебя Солнце от мутных зрачков! / Да **охранит** тебя Солнце от грязного рта! / Да **одежит** тебя Солнце глазами любви! («Пасынок звезд»); Но когда всходило Солнце, закон позволял им **стрелять**. <...> Мы смеемся в лицо тем, кто при виде огня скулил: «Я боюсь!» / И тем, кто пытался **свинцом запаять Солнцу рот** («Солнце встает»); Как над миром заря, / Солнца ясная **дочь**, / **Успокоит** меня, / Лишь только кончится ночь («Печать зверя»).

Последний из приведенных выше контекстов показывает также, что солнце способно состоять с кем-л. в родственных отношениях.

Подобное олицетворение солнца имеет мифологическую основу. В языческую эпоху (особенно с периода перехода к земледелию) на протяжении долгого времени одним из самых почитаемых божеств был Даждьбог – бог солнечного света, тепла, урожая и плодородия вообще. Древ-

ние славяне представляли Дажьбога в образе юного и прекрасного царя, разъезжающего на золотой колеснице, влекомой конями или птицами (чаще всего лебедями), и почитали его как своего защитника и прародителя (в «Слове о полку Игореве» русские называются «дажьбожьими внуками»).⁶ Олицетворение различных периодов активности солнца (восхода, рассвета, зари, заката) соотносится с тем, что древние славяне обожествляли не только само солнце, но и все его проявления, в результате чего в языческом пантеоне было не одно божество солнца. Так, А. Н. Афанасьев в своей статье «Сказка и миф» приводит несколько преданий о богине Заре. В той же статье зафиксирован «миф, будто Солнце, нарождаясь ежедневно, восходит поутру прелестным младенцем, мужает в полдень и к вечеру погружается в океан дряхлым стариком».⁷ А в «Мифологическом словаре» отдельная статья посвящена трем богатырям русских сказок – Вечорке, Зорьке и Полуночке (их имена могут варьироваться), в образах которых персонафицированы основные моменты суточного цикла.⁸

Связь солнца с природными стихиями, в частности с огнем и ветром, определяет следующий концептуальный смысл.

Так, солнце неоднократно сопоставляется с огнем. Это происходит либо путем непосредственного соположения лексем «солнце» и «огонь» в контексте, либо использованием рядом с лексемой «солнце» лексики с семантикой горения. Например: Мы смеемся в лицо тем, кто при виде огня скулил: «Я боюсь!» / И тем, кто пытался свинцом запаять Солнцу рот («Солнце встает»); Мое солнце горит на стыке ветров, / В границе семи холмов («Трасса Е-95»); А над нами по сей день горит / СОЛНЦЕ («Дурак и солнце»); На моей земле вместо колоса – серп, / Вместо солнца – дым, вместо воли – хомут («Мама»); Пальцы коснутся солнца, / Пепел коснется трав («Камикадзе»).

Встречаются также контексты, в которых огонь является метафорическим наименованием солнца. Например: Кто видел, как по небу плывет огонь («Дурак и солнце»); В небе ясном танцует огонь («Жги-гуляй»).

При этом время восхода и заката солнца нередко представляется как пожар. Например: Пожаром дышит воля / Да голосит петух, / Хлыстом потчует ночь / Ветер-пастух. / В огне гуляет утро, / Рассвет тревожит сны, / Пляши, черная ночь, / Под бубен зари! («Жги-гуляй»); Над моей головой полыхает закат («Танцевать»); Утро красное разметало костры («Повелитель блох»).

Необходимо отметить, что связь солнца и огня, обнаруженная в текстах К. Кинчева, является не только и не столько отражением индивидуально-авторского видения мира, сколько мифологической реминисценцией. В языческую эпоху огонь играл важную роль в обрядах, посвященных солнцу. Так, например, непременным атрибутом всех праздников, связанных с солнцем, были ритуаль-

ные костры. Кроме того, некоторые языческие символы (например, крест в круге) являлись одновременно символами и солнца, и огня.⁹

Далее рассмотрим связь солнца с другой стихийной силой – ветром. Эта связь обнаруживается прежде всего в тех контекстах, в которых лексике, входящей в денотативную сферу «солнце», непосредственно сопутствует лексема «ветер». Кроме приведенных выше (для иллюстрации сопоставления солнца и огня) контекстов из песен «Жги-гуляй» и «Трасса Е-95», в которых отмечается связь солнца с ветром, рассмотрим еще несколько примеров: Вольница-ветер / Солнце в осень уводи, / Брось весною в разгул! («Ветер»); Ветер-пастух гонит зарю / Хлыстом в черное небо, / Песней торопит рассвет. / Новую кровь дарит новому дню. / Огонь – порванным венам, / Солнце – шальной голове. / Жги, жги, жги / Хлыстом-посвистом, / Уводи от сырых берлог, / Погоняй лютым солнышком! («Жги-гуляй»).

Интересно, что в данных контекстах ветер персонафицируется, о чем свидетельствуют сочетающиеся с лексемой «ветер» предикаты: уводить, бросать, гнать (хлыстом), (песней) торопить, дарить, погонять. Можно предположить, что таким образом в текстах К. Кинчева трансформировались языческие представления о Стрибоге или Свароге. Существует мнение, что Стрибог и Сварог – это имена-эпитеты одного и того же верхнего небесного божества, отца всего живого на земле. Выделение же этих богов как отдельных произошло, очевидно, на основе разделения их функций. Так, Стрибог считался дедом и повелителем ветров, а также вообще всех воздушных стихий. Сварог же почитался как бог небесного огня, олицетворение неба и Вселенной. Но в то же время по данным разных источников Дажьбог (то есть Солнце) называется сыном то Стрибога, то Сварога¹⁰. Возможно, именно это мифологическое представление о боге неба и ветров как об отце солнца обусловило то, что ветер выступает как сила способная управлять солнцем. Но, несмотря на подчиненное положение солнца по отношению к ветру, вместе они оказываются противопоставлены ночи (подробнее противопоставление солнца и ночи будет рассматриваться ниже). Таким образом, слово «ветер» в данных контекстах приобретает положительную коннотацию, вследствие чего ветер воспринимается как разрушительная, но светлая стихия, ибо разрушает он лишь для того, чтобы свет (солнце) восторжествовал над тьмой.

В следующих примерах ветер или выступает как «союзник» солнца (появляется с его восходом), или становится его предвестником и даже создателем: Ведь я предупредил, что на рассвете будет ветер («Доктор Франкенштейн»); Надо мной и тобой / Ветры пенят восход, / Не тревожься, не плачь, / Вот-вот – и солнце взойдет («Печать зверя»).

Зеленые страницы

В отдельных случаях место появления или направление ветра связано с востоком (то есть со стороны восхода солнца): Где **восток** напоил молоком кобылиц кочевника-ветра («Стерх»); **Ветер** больших перемен / **Дует на восток** («Ветер перемен»).

Связь солнца с движением времени образует следующий концептуальный смысл. Почти во всех собранных нами контекстах эксплицитно или имплицитно присутствует темпоральная семантика, причем солнце может выступать и как объект темпоральной характеристики, и как мера, показатель времени. Например: Солнцу **время**, луне **часы** («Красное на черном»); Видел **сотни солнц** / И **тысячи лун** («Я шел, загорался и гас...»); Ведь мне не пристало **жить по солнцу**, / Пока темно, пока нет яркого огня («Ночные окна»).

Особую значимость для К. Кинчева имеют те периоды суточного и годового цикла, в которые солнце набирает свою силу и характеризуется наибольшей активностью: утро, рассвет, заря, восход, день, весна, лето. Так, с восходом солнца связываются надежды на перемены. Наступление весны и лета как периодов наибольшей активности солнца также воспринимается как время перемен, как время обновления и пробуждения природы. Приведем несколько примеров: Но если все же в одну из **ночей** / Кто-то из тех, кто в огне, / Поманит петлей – / Пой! / Пой до **рассвета**, до **бурных лучей**, / Пой, пока **утро** не вытянет душу из дыр / Этих мертвых очей («Солнце за нас»); Лысые поляны да топи в лесах, / Это пляшет по пням **весна**. <...> Кыш, паскуда! Черная ночь! / Нынче солнце да **масленица!** <...> Жги! Жги, **красное!** Жги меня! Жги! / Жги, чтобы **ожил я!** («Жар бог шуга»); Солнцеворот / Вышел в **июнь**, / **Небо открыло глаза**. / Солнцеворот / **Лето** зажег, / Скоро начнется гроза («Солнцеворот»).

Известно, что существует два представления о времени: как о циклическом (повторяющемся) и как о линейном (неповторяющемся). Для К. Кинчева значимым оказывается именно циклическое время. Так, в следующих контекстах подчеркивается, что ночь обязательно проходит и всходит солнце, закат сменяет зарю, лето является «дверью» из весны в осень, но весна всегда снова следует за осенью. Эти смены времен суток и года являются закономерными и естественными и воспринимаются как бесконечный процесс. В связи с этим земное бытие человека, который является частью этого мира, не воспринимается как конечное, а – по аналогии с природными циклами – лишь как этап, предполагающий возрождение для новой жизни. Поэтому движение времени вызывает у лирического героя не отрицательные эмоции, а только успокоение и радость. Как над миром заря, / Солнца ясная дочь, / **Успокоит меня**, / **Лишь только кончится ночь**. / Надо мной и тобой / Ветры пенят восход, / **Не тревожься, не плачь**, / Вот-вот – и солнце взойдет («Печать зве-

ря»); Ясен день, / Ночь светла, / В сердце солнца лучи – / От **весны** / К **осени** / Золотые ключи («Солнцеворот»); Вольница-ветер, / Солнце в **осень** уводи, / Брось **весною** в разгул! («Ветер»); Я иду навстречу заре, / **Я так этому рад**. / Я иду навстречу заре, / **Чтобы вновь увидеть закат** («Горизонт»).

Связь солнца с движением времени также имеет мифологическую основу. Славяне-язычники считали Даждьбога учредителем солнечного календаря и в зависимости от активности солнца делили год на активную (весна, лето) и пассивную (осень, зима) части. А праздники, посвященные Солнцу, были наиболее почитаемы и всегда отмечались коллективно и с большим размахом. К ним относятся зимний солнцеворот (25 декабря), Масленица (праздновалась изначально в дни весеннего равноденствия, 20-25 марта, но с принятием христианства была перенесена на конец февраля – начало марта, так как веселый и даже несколько разнузданный характер языческих масленичных обрядов не мог совместиться с христианским Великим постом), летний солнцеворот (21 или 22 июня), совпавший позднее с днем Ивана Купалы (ночь с 23 на 24 июня). То, что эти праздники приурочены к трем из четырех основных солнечных фаз, свидетельствует, что для славян-язычников солнце связано с идеей Времени¹¹.

Следующий концептуальный смысл исследуемого концепта формируется на основе противопоставления солнца и ночи.

Во многих контекстах в оппозиции по отношению к солнцу выступает ночь и сопутствующие ей атрибуты: луна, звезды, мрак, сон, муть-темень и т.п. Например: Солнцу **время**, луне **часы** («Красное на черном»); Кыш, паскуда, черная **ночь!** / Нынче **солнце** да **масленица!** («Жар бог шуга»); Но **Солнце** всходило, чтобы спасти наши души. / **Солнце** всходило, чтобы согреть нашу кровь. / **Сторожа** продолжают **спать**, но **сон** их явно нарушен («Солнце встает»); Но если все же в одну из **ночей** / Кто-то из тех, кто в огне, / Поманит петлей – / Пой! / Пой до **рассвета**, до **бурных лучей**, / Пой, пока **утро** не вытянет душу из дыр / Этих мертвых очей («Солнце за нас»); А над всей землей / Солнца нет сто лет, / Только **ночь** да **разорванных звезд** / **Ключья!** («Дурак и солнце»).

При этом ночь у К. Кинчева так же, как и солнце, часто наделяется признаками и свойствами живого существа и выступает активно действующим субъектом, на что указывают сочетающиеся с лексемой «ночь» предикаты лупить, плевать, хохотать, плясать: И **ночь** **лупила** в стекло залпами снега, / **Ночь** **плевала** в лицо черным дождем. / **Ночь** **хохотала**, кружа и сбивая со следа, / Мы хранили огонь, но не видели, с кем мы идем («Солнце встает»); **Пляши**, черная **ночь**, / Под бубен **зари!** («Жги-гуляй»).

Обращает на себя внимание и то, что «союзниками» ночи в текстах К. Кинчева выступают

разные демонические персонажи: демоны (тусклых квартир), бес, черти, ведьмы и т. п. Например: И демоны тусклых квартир цедили из ран нашу боль. / Сулили нам сытые кухни, лизали луной («Солнце встает»); На краю небес / Вырывает бес / из волос репы-мраки. / Да блюет на свет / Звездами побед, / беса не унять в драке («Дурак и солнце»); Чертей, как братьев, лизал взасос, / Ведьмам вопил: «Ко мне!» / Какое тут Солнце? Какой Христос?! / Когда кончаешь на суке-Луне! («Новая кровь»).

Таким образом, ночь у К. Кинчева, по крайней мере, в тех контекстах, где она противопоставляется солнцу, имеет явно отрицательную оценку. Эта оценка приобретает за счет использования в контекстах со словом «ночь» экспрессивной, эмотивной и оценочной лексики: лупить, плевать, хохотать, паскуда, сука-Луна и т. п., а также за счет введения в контекст отрицательных мифологических персонажей.

Противопоставление солнца и ночи не является собственно индивидуально-авторским представлением, но имеет мифологическую основу. По древним верованиям, ночь – это время максимальной активности нечистой силы, время наиболее опасное для человека, оставшегося без покровительства (защиты) Дажьбога-Солнца. Противопоставление солнца и ночи можно считать частной реализацией противопоставления света и тьмы, а шире – противопоставления добра и зла, которые наряду с противопоставлениями верха и низа, правого и левого, жизни и смерти, космоса и хаоса и т. п. являются архетипическими оппозициями в мифологической модели мира¹².

Отметим также, что для лирического героя К. Кинчева вообще характерно стремление к свету, что подтверждают следующие контексты: Я предпочитаю свет («Мы вместе!»); Я прошу света («Компромисс»); Все тропы легли на свет («Я играю в войну»); Сегодня я открыт, сегодня я иду на свет («Ночные окна»).

Итак, с одной стороны, выделенные концептуальные смыслы сформировались на основе ментальной обработки данных сенсорного опыта. Так, например, они могут отражать результаты таких ментальных процессов, как сопоставление (связь солнца с огнем, с движением времени), противопоставление (солнце противопоставлено ночи) и др. С другой стороны, наличие данных концептуальных смыслов предопределено культурным контекстом.

Таким образом, обращение к историко-культурному контексту позволяет обнаружить влияние мифологических представлений на формирование концепта «Солнце», репрезентированного в текстах К. Кинчева, что дает возможность наиболее полно описать содержание данного концепта, а также выявить его национально-культурную специфику.

¹ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 2001. С. 49.

² Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, 2000. С. 80.

³ См.: Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.

⁴ Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Цит. соч. С. 67.

⁵ См.: Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 58 – 65.

⁶ См.: Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1997; Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1991.

⁷ Афанасьев А.Н. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература. М., 1986. С. 152 – 153.

⁸ См.: Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1991.

⁹ См.: Рыбаков Б.А. Цит. соч.

¹⁰ См.: Шапарова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии: Около 1000 статей. М., 2001.

¹¹ См.: Рыбаков Б.А. Цит. соч.

¹² См.: Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1991.

МОДЕЛИ ЭВФЕМИЗАЦИИ ТЕОНИМОВ В ПЯТИКНИЖИИ МОИСЕЕВОМ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Е.М. Дачко

Статья посвящена исследованию моделей эвфемизации теонимов. Для исследования были взяты древнейшие пять книг Библии (так называемое Пятикнижие Моисеево): Бытие (Genesis), Исход (Exodus), Левит (Leviticus), Числа (Numeri), Второзаконие (Deuteronomii). В результате проведенного анализа были получены 4 основные модели эвфемизации теонимов и 15 вспомогательных.

Эвфемизация теонимов напрямую связана с запретом на произнесение имени бога. Табуирование теонимов приводит к тому, что «наиболее сакральные имена знает лишь узкий круг (жрецы, поэты) или его знают все, но не произносят всуе, заменяя его в случае надобности дублирующими именами, эпитетами, апеллиативами или даже неречевыми сигналами»¹. Они варьируются от имени нарицательного «Бог» до красочных перечислений титулов, деяний и заслуг или же до метафорических образов: Суший (Ехо 3:14), Бог богов (Deu 10:17), Вечный (Deu 33:27), Творец чудес (Ехо 15:11) и др.

Однако с течением времени многочисленные эвфемизмы переосмысливаются и осознаются как имя собственное бога, а, следовательно, вновь подлежат замене. Так, например, эвфемистический теоним Саваоф (арам. «бог воинств») сохранился в русском Синодальном переводе Библии как имя собственное, но во французском переводе (Bible de Louis Segond) повторно эвфемизируется («le Dieu des armées» (2Sa 5:10)).

Эвфемизация имени Бога в иудаизме и имени Бога-отца в христианстве выразилась в создании подменных имен для так называемого запрещенного тетраграмматона YHWH, переводимого на русский язык как «Яхве». Это имя «долгое время, по преданию, произносилось вслух неслышно для окружающих раз в году (в День очищения) первосвященником, причём тайна его звучания устно передавалась по старшей линии первосвященнического рода. С III в. до н. э. произнесение этого имени было полностью табуировано»².

В результате многочисленных переводов и изменений, внесенных в первоначальный текст Библии, были выработаны как однокомпонентные, так и многокомпонентные модели эвфемизации теонима.

Для анализа моделей эвфемизации теонима YHWH были взяты 5 переводов: Синодальный перевод³ (1876 г., с древнееврейского на русский язык), русский перевод Танаха Rabbi David Josifon's⁴ (1993 г., с древнееврейского на русский язык), Вульгата Клементина⁵ (1592 г., с древнеев-

рейского на латинский язык), Библия Луи Сегонда⁶ (1910 г., с древнееврейского и древнегреческого на французский язык), Библия короля Якова⁷ (1611 г., 1885 г., с древнееврейского и древнегреческого на английский язык).

Все рассмотренные переводы в той или иной степени опирались на первоисточник на древнееврейском языке (масоретский текст Biblia Hebraica Studgardensia), а не были опосредованными переводами с других языков. Таким образом, в этих переводах авторы сталкивались с необходимостью создания эвфемизмов для теонима YHWH, так как в первоначальном тексте он сохранился без изменений.

Для исследования были взяты древнейшие пять книг Библии (так называемое Пятикнижие Моисеево): Бытие (Genesis), Исход (Exodus), Левит (Leviticus), Числа (Numeri), Второзаконие (Deuteronomii).

В результате проведенного анализа были получены 4 основные модели эвфемизации теонимов и 15 вспомогательных.

В 4 основные модели вошла одна однокомпонентная и 3 многокомпонентных модели. Однокомпонентная модель N представляет собой имя нарицательное «Бог» (N1) или «Господь» (N2), или «Владыка» (N3), она также может быть представлена однокомпонентным эпитетом (N4) или метафорой (N5). 3 многокомпонентные модели включают в себя в обязательном порядке модель N и добавляют к ней притяжательные местоимения или имя в родительном падеже, причастие или структуру «который + действие», или же эпитет.

Представим схематично эти модели:

- N;
- N + притяж. мест./ имя в род.п.;
- N + Который + действие/ N + причастие;
- N + эпитет.

Четыре основные модели эвфемизации теонимов представлены во всех рассмотренных языках максимальным количеством примеров.

Максимальное количество употреблений было зафиксировано у модели N2, представленной в русском языке именем нарицательным «Господь»

или апеллятивом «Господи» (Синодальный перевод – 1088, Русский перевод Танаха – 1214), в латинском языке «*Dominus*» (Вульгата – 1227), во французском языке «*l'Éternel*» (Библия Луи Сегонда – 1405), в английском языке «*the LORD*» (Библия короля Якова – 1400). Отметим, что эвфемизация теонима *YHWH* началась именно с употребления имени нарицательного «Господь» в переводах.

Первоначально тетраграмматон *YHWH* заменяли на теоним *Elohim* (Элохим/Элогим) (форма множественного числа древнееврейского теонима *El* «Бог»). «Однако прилагательные и глаголы, относящиеся к этому слову, в Библии всегда стоят в единственном числе, т.е. Элохим выступает как обозначение некоторого единого и одного Бога. В «Септуагинте» и «Талмуде» Элохим было осмыслено как нарицательное слово со значением «господин», «господь» (в «Септуагинте» оно переводится словом *kirios*)⁸.

У модели N1 количественные показатели гораздо ниже: в русском языке эта модель представлена именем нарицательным «Бог» или апеллятивом «Боже» (Синодальный перевод – 229, Русский перевод Танаха – 217), в латинском языке «*Deus*» (Вульгата – 237), во французском языке «*Dieu*» (Библия Луи Сегонда – 266), в английском языке «*God*» (Библия короля Якова – 267). Мы не можем с достоверностью утверждать, что модель N1 во всех случаях является моделью эвфемизации, а не простым употреблением имени нарицательного.

Модель N3 («Владыка») полностью отсутствует в рассмотренных латинском и английском переводах, во французском переводе она представлена как «*Seigneur*». Модели N4 и N5 представлены во всех переводах довольно яркими и разнообразными примерами, но с довольно низкими количественными показателями (см. таблицу).

Модель «N + притяж. мест./ имя в род.п.» представлена в основном комбинацией с N1 (Бог): Синодальный перевод – 57, Русский перевод Танаха – 62, Вульгата – 72, Библия Луи Сегонда – 85, Библия короля Якова – 80. Это может быть объяснено тем, что N2 является основной заменой теонима *YHWH*, а употребление притяжательных местоимений не характерно с именем собственным. Комбинация с N3, N4 или N5 представлена крайне редко (см. таблицу 1).

Модель «N + Который + действие» или «N + причастие» может изменяться количественно в зависимости от перевода, однако, не было отмечено ни одного случая употребления этой модели в комбинации с N3 (Владыка). Максимальные количественные показатели были отмечены в комбинации с N2 (Господь).

Модель «N + эпитет» лучше всего представлена в комбинации с N1 (Бог): Синодальный перевод – 20, Русский перевод Танаха – 17, Вульгата – 16, Библия Луи Сегонда – 20, Библия короля Якова

– 17. Полностью отсутствуют примеры модели в комбинации с N3 (Владыка) и N5 (эпитет).

Таким образом, 4 основные модели эвфемизации теонимов могут быть представлены различными вариантами, но все они в той или иной мере употребляются в рассмотренных переводах.

Из пятнадцати вспомогательных моделей четыре представляют собой повтор основных моделей с удвоением главного компонента N:

- N + N;
- N + N + притяж. мест./ имя в род.п.;
- N + N + Который + действие/ N + причастие;
- N + N + эпитет.

При этом модель «N + N» представлена исключительно N1, N2 и N3: Бог + Бог, Господь + Господь, Владыка + Владыка, Господь + Бог, Владыка + Господь, Владыка + Бог. Полностью отсутствуют комбинации с N4 и N5.

Модели «N + N + притяж. мест./ имя в род.п.», «N + N + Который + действие/ N + причастие» и «N + N + эпитет» представлены в единственной комбинации N2 + N1 (Господь + Бог). Остальные комбинации в исследуемом материале не обнаружены (в таблице опущены вспомогательные модели с N4, N5, не нашедшие подтверждения в исследуемых текстах). По количественному показателю можно выделить модель «N2 + N1 + притяж. мест./ имя в род.п.» (Господь + Бог + притяж. мест./ имя в род.п.), представленную во всех исследуемых текстах: Синодальный перевод – 393, Русский перевод Танаха – 381, Вульгата – 345, Библия Луи Сегонда – 388, Библия короля Якова – 386.

Остальные вспомогательные модели представляют собой единичные случаи употребления всевозможных многокомпонентных комбинаций основных элементов моделей. Можно предположить, что создание подобных моделей не было каким-либо образом регламентировано, а следовательно, они были результатом творчества каждой конкретной группы переводчиков.

Например, модель «N2+N1 (Господь + Бог)+ притяж. мест./имя в род.п. + Который + действие/ причастие» представлена во всех рассмотренных переводах, тогда как модель «N3+N2+N1 (Владыка + Господь + Бог) + притяж. мест./имя в род.п.» представлена только в переводах на русский язык (Синодальный перевод и Русский перевод Танаха).

Таким образом, мы можем выделить 4 основные и 15 вспомогательных моделей эвфемизации теонимов и можем отметить значимые количественные показатели у следующих моделей:

- N2 (ок. 60%);
- N2+N1+притяж. мест./ имя в род.п. (ок. 18%);
- N1 (ок. 11%);
- N1+ притяж. мест./ имя в род.п. (ок. 3%).

Подобная частота употребления моделей совпадает во всех рассмотренных переводах.

Зеленые страницы

Количественное представление моделей эвфемизации теонимов в переводах Пятикнижия Моисеева

Модели эвфемизации теонима	Количество примеров в переводе				
	Русский Синодальный перевод	Русский перевод Танаха Rabbi David Josifon's	Латынь Vulgata	Французский Bible de Louis Segond	Английский King James Bible
1. N1 (Бог/ Боже)	229	217	237	266	267
2. N1 + притяж. мест./имя в род.п.	57	62	72	85	80
3. N1 + Который + действие/ N1 + причастие	13	7	4	7	5
4. N1 + эпитет	20	17	16	20	17
5. N2 (Господь/ Господи)	1088	1214	1227	1405	1400
6. N2 + притяж. мест. /имя в род.п.	0	0	4	0	3
7. N2 + Который + действие/ N2 + причастие	17	9	17	10	11
8. N2 + эпитет	5	5	10	0	0
9. N3 (Владыка)	10	12	0	14	0
10. N3 + притяж. мест. /имя в род.п.	2	0	0	0	0
11. N3 + Который + действие/ N3 + причастие	0	0	0	0	0
12. N3 + эпитет	0	0	0	0	0
13. N4 (Метафора)	2	3	1	3	3
14. N4 + притяж. мест. /имя в род.п.	6	6	6	4	6
15. N4 + Который + действие/ причастие	2	1	2	1	2
16. N4 + эпитет	1	1	1	1	1
17. N5 (Эпитет)	13	12	11	11	13
18. N5 + притяж. мест. /имя в род.п.	2	2	1	2	1
19. N5 + Который + действие/ причастие	3	3	2	3	4
20. N5 + эпитет	0	0	0	0	0
21. N1+N1 (Бог + Бог)	1	1	1	1	1
22. N2+N2 (Господь+ Господь)	0	0	1	0	1
23. N3+N3 (Владыка + Владыка)	1	1	0	1	0
24. N2+N1 (Господь + Бог)	23	26	33	22	26
25. N3+N1 (Владыка + Бог)	0	1	0	0	0
26. N3+N2 (Владыка + Господь)	5	2	0	5	0
27. N2+N1 (Господь + Бог) + притяж. мест./имя в род.п.	393	381	345	388	386
28. N3+N1 (Владыка + Бог) + притяж. мест./имя в род.п.	0	0	0	0	0
29. N3+N2 (Владыка + Господь) + притяж. мест./имя в род.п.	0	0	0	0	0
30. N2+N1 (Господь + Бог) + Который + действие/ причастие	1	2	0	0	0
31. N3+N1 (Владыка + Бог) + Который + действие/ причастие	0	0	0	0	0
32. N3+N2 (Владыка + Господь) + Который + действие/ причастие	0	0	0	0	0
33. N2+N1 (Господь + Бог) + эпитет	3	2	1	1	1
34. N3+N1 (Владыка + Бог) + эпитет	0	0	0	0	0
35. N3+N2 (Владыка + Господь) + эпитет	0	0	0	0	0
36. N3+N1 (Владыка + Бог) + притяж. мест./имя в род.п.	0	0	0	0	0
37. Эпитет + N1 (Бог) + притяж. мест./имя в род.п.	1	0	0	0	0
38. Эпитет + N2+N1 (Господь + Бог) + эпитет	0	0	1	0	0
39. N1 (Бог) + эпитет + Который + действие/ причастие	3	5	1	1	3
40. N1 (Бог) + эпитет + N3 (Владыка) + притяж. мест./имя в род.п.	0	1	0	0	1

Окончание таблицы

Модели эфемизации теонима	Количество примеров в переводе				
	Русский Синодальный перевод	Русский перевод Танаха Rabbi David Josifon's	Латынь Vulgata	Французский Bible de Louis Segond	Английский King James Bible
41. N1 (Бог) + притяж. мест./имя в род.п. + Который + действие/ причастие	0	1	0	0	0
42. N2+N1 (Господь + Бог)+ притяж. мест./имя в род.п. + Который + действие/ причастие	14	7	3	2	7
43. N2+N1 (Господь + Бог)+ притяж. мест./имя в род.п. + эпитет	1	0	0	2	0
44. N2+N1 (Господь + Бог)+ эпитет + Который + действие/ причастие	0	1	1	0	0
45. N2+N1 (Господь + Бог)+ эпитет + N3 (Владыка) + притяж. мест./имя в род.п.	0	1	1	0	1
46. N3+N2+N1 (Владыка + Господь + Бог) + притяж. мест./имя в род.п.	1	1	0	0	0
Всего эфемизированных теонимов	1922	2004	1993	2256	2240

¹ Топоров В.Н. Имена // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 2000. Т.1. С. 509.

² Мейлах М.Б. Яхве // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 2000. Т.2. С. 687–688.

³ Библия. Синодальный перевод. Славянское Евангельское общество, 1987.

⁴ <http://www.lopbible.narod.ru/sb/tanach.exe>

⁵ <http://www.magister.msk.ru/library/bible/latin/vulgata.htm>

⁶ <http://www.magister.msk.ru/library/bible/france/lsg.htm>

⁷ <http://www.magister.msk.ru/library/bible/english/kjv.htm>

⁸ Мечковская Н.Б. Язык и религия. М., 1998. С.173.

К ВОПРОСУ О СТЕРЕОТИПНЫХ ЕДИНИЦАХ В ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИТАЛЬЯНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК)

А.В. Синельникова

Статья посвящена исследованию одной из наиболее значимых характеристик языка фольклора – стереотипности. Исследуя итальянские народные сказки, автор доказывает, что в данном фольклорном жанре эта особенность находит выражение в использовании многочисленных разнообразных традиционных формул, которые представляют несомненный интерес для современной лингвокультурологически и аксиологически ориентированной лингвистики.

В мировом творческом наследии жанр фольклорной сказки представляет собой универсальное явление, типобразующей закономерностью которого признается стереотипность (формульность).

Под фольклорной формулой мы понимаем так называемые общие места (*loci communes*), которые объединяют стереотипные единицы различного содержания и объема (от ключевого фольклорного слова до стереотипного композиционного приема).

Стереотипность фольклора обусловлена целым комплексом факторов, имеющих экстралингвистическую природу: особым характером фольклорного мышления, широкими этнографическими связями фольклора, коллективной природой творчества, наличием традиционной среды.

Важное место среди вышперечисленных факторов занимают устная форма бытования фольклорного произведения, которая связана с характером воспроизведения и восприятия текстов, и специфика фольклорного коммуникативного акта в рамках естественной коммуникации, определяющая тип общения в условиях непосредственного контакта с обратной связью.

Народная сказка действительно долгое время бытовала как устный жанр, зависящий от мастерства и индивидуальности сказителя. Но это вовсе не значит, что фольклорный текст хранился в памяти рассказчика в заученном виде. При каждом исполнении текст как бы заново монтировался по определенным сюжетным, композиционным, жанровым моделям. При этом обычно несколько менялся объем текста, его лексический и фразеологический состав, иногда – последовательность его конструктивных элементов. Таким образом, можно сказать, что исполнение фольклорного произведения всегда является актом творчества, а не воспроизведением по памяти. Возможность творческого воссоздания новых вариантов фольклорного текста определяется наличием в памяти сказителя определенного запаса типовых формул-модулей, с помощью которых он всякий раз заново осуществляет построение текста. Эти типовые

формулы-модули образуют общую основу фольклорных произведений, определяющуюся традицией. Они формируют инвариант, который интерпретируется как конструкт, идеальный текст.

Фольклорные произведения, зафиксированные в письменной форме, также как и бытующие в устной форме, предоставляют обширный материал для исследования стереотипных формул.

Итальянская народная сказка (далее ИНС) оказалась в этом отношении особенно щедрой и представила богатый и разнообразный материал, демонстрирующий удивительные сходства, общие места, которые призваны лишней раз подчеркнуть роль традиции в народном творчестве.

На основе анализа ИНС мы выделили два основных типа традиционных фольклорных формул: обрамляющие (инициальные и финальные) и медиальные (внутрисюжетные и переходные) (термины Н. Рошияну).

ИНС начинается с инициальной формулы, при помощи которой определяются

- время повествования,
- место действия,
- наличие героев,
- наличие события.

1. Самой частотной инициальной формулой, определяющей время повествования, является оборот с компонентом «*volta*» – «*C'era una volta*» и его варианты «*Vivevano una volta*», «*Una volta*».

Также часто встречается конструкция с компонентом «*tempo*», реализующая ту же сему существования персонажа: «*Vivevano un tempo*», «*In un tempo lontano*», «*In tempi assai lontan*», «*Da tempo immemorabile*», «*Tanto tempo fa*», и с компонентом «*anno*»: «*Tanti anni fa*», «*Da anni*».

В ИНС временные формулы в большинстве случаев носят неопределенный характер, что хорошо иллюстрируют, например, следующие инициальные конструкции: «*Quando i topi portavano gli zoccoli*» (букв. «Когда мыши носили сабо»), «*Ai tempi quando parlavano i buoi come adesso le vacche*» (букв. «Во времена, когда быки говорили, как сейчас – коровы»).

Среди огромного количества неопределенно-абстрактных зачинов очень редко встречаются формулы с указанием определенного времени повествования, например, «*Era la sera della vigilia di Natale*». Чаще всего они указывают на определенную эпоху, в которой разворачиваются сказочные события: «*All'epoca in cui Genova era sotto l'influenza spagnola*».

Временная неопределенность инициальных формул подчеркивается и безличными выражениями, которые встречаются в зачинах: «*Dicono che c'era una volta*», «*Allora, si racconta che c'era una volta*», «*Bisogna sapere che c'era un re che aveva tre figlie*», «*In Val di Fassa ancora si racconta*», «*Dunque, c'era una madre con un figlio*», «*Si conta e si racconta che una volta c'era un re*».

2. Топографические инициальные формулы, которые вводят в повествование место действия, отличаются большей конкретикой и чаще всего указывают на реально существующие географические объекты: «*Nella conca di Préz*», «*Sui monti di Anela*», «*Entro una grotta del monte di Sant'Andria*», «*Era sera sul Crep Sella*» и т.д.

В остальных случаях в этих формулах указываются либо просто дом, хижина, либо город или деревня, в которых живут герои, впрочем, не приводятся собственно их названия: «*In una piccola casetta linda e sempre ben tenuta viveva una famiglia*», «*In un casale lontano vivevano un marito e una moglie*», «*In un paesetto viveva una donna con un bambino*».

В сказках встречаются также инициальные формулы, совмещающие в себе пространственно-временные характеристики: «*C'era una volta sul Vomero...*», «*C'era una volta, tanto tempo fa a via del Panico (quella strada che porta dritto dritto a Ponte S. Angelo) una friggitoria, tenuta da un friggitore e da sua figlia*», «*C'era una volta un mercante che abitava in una città*».

3. Все инициальные формулы, указывающие на наличие героев, мы разделили на три группы по частоте их употребления в ИНС.

Самая распространенная группа – это группа формул, называющих персонажей по именам. Причем, эту группу можно разделить на 2 подгруппы. Первую подгруппу составляют реально существующие итальянские имена (*Giovanni, Guiseppe, Anna, Maria, Pietro*), а вторую – прозвища (*Fiore, Belloccia, Campodifiore, Naso d'argento, Farfanicchio, Orecchialunga*).

Не менее обширную группу составляют формулы, не называющие персонажа по имени или прозвищу, но указывающие на какую-либо его отличительную черту либо во внешности, либо в характере: «*Viveva una giovane di così straordinaria bellezza*», «*Il fratello e la sorella erano così belli che non si riuscirebbe a dirlo*», «*Un re aveva una figlia ormai grande, che non s'era mai voluta maritare, quantunque fosse sana, bella e buona*», «*Un re aveva tre figli: due che volevano essere i più furbi e uno che*

dicevano fosse il più sciocco», «*Un re aveva una figlia di una bellezza così eccezionale che tutti quelli che la vedevano se ne innamoravano*».

Самую малочисленную группу составляют инициальные формулы, которые просто констатируют существование героев: «*Un mercante aveva tre figlie*», «*Un padre aveva sette figlie femmine*».

4. Из 4 основных выделенных нами инициальных формул самой немногочисленной является та, которую составляют стереотипные единицы, указывающие на наличие события: «*Un giovane stanco dei rimprocci dei parenti, si partì da casa per andare in cerca di lavoro*», «*Un re aveva un gregge, di cui si perdeva un capo tutti i giorni*», «*Un re aveva preso moglie da ben quattordici anni e non era riuscito ad averne un figlio*».

Что касается второго типа обрамляющих формул – финальных, то именно они отличаются наибольшей стереотипностью. Их основное назначение – показать счастливое завершение повествования, поэтому в их состав всегда входят эпитеты с положительной коннотацией: «*Il principe e Maria si sposarono e vissero felici e contenti*», «*Rosina, di nuovo bella, sposò il principe e visse con lui felice e contenta*», «*Vissero felici e contenti, ebbero tanti figli...*», «*Così finisce la storia e vissero tutti felici e contenti*».

Часто финальные формулы представляют собой поучительный вывод, содержащий в себе народную мудрость, передающуюся из поколения в поколение. В этом случае акцентируется именно мораль сказки, а не просто счастливое завершение повествования.

- *Un'ora di buon porto fa scordare cent'anni di tempesta;*
- *Accade più in un'ora che in cento anni;*
- *Un'ora di contento fa scordare mille anni di tormento;*
- *Amaro chi a sue spese si castiga;*
- *Un ostacolo è spesso giovamento.*

Такие финальные формулы сочетают в себе глубину и значимость мысли с краткостью и отточенностью ее словесного воплощения.

Особым видом традиционных формул являются концовки в стихотворной форме, часто написанные на диалекте.

*Domani è festa
Se magna la minestra
La minestra nun è cotta
Se magna la ricotta
La ricotta nun è fresca
Se magna la ventresca
Si la ventresca nun è buona
Se n'annamo via da Roma!*

Они особо акцентируют момент окончания сказки, описывают пир, на котором присутствуют герои, а часто и сказочник, который вел повествование.

*E fanno un bel pranzo grande e grosso
E a me sotto il tavolo gettano un osso*

Зеленые страницы

*Che mi va storto nel gargarozzo...
Tocca un po' qua che razza di bozzo!*

Что касается медиальных формул в ИНС, то их можно разделить на две подгруппы, как уже отмечалось нами выше: внутрисюжетные и переходные.

Назначение внутрисюжетных фольклорных формул – подчеркнуть основные свойства и функции изображаемых персонажей в сюжетном действии, определить внешность сказочных героев и особенности их характера. Эти формулы, будучи очень разнообразными, сопровождают все важнейшие компоненты и элементы повествования, являясь, таким образом, частью действия. Самыми частотными внутрисюжетными формулами являются формулы прямой речи, произносимые героями в стихотворной форме.

- *Ha le guance fatte a pomo
Ha le dita fatte a cannella
Mamma mia, è una zitella*
- *Dal mare veniamo
Di perle d'oro ci saziamo
La sorella di Campodifiore
E' più bella della luna e del sole*

Медиальные переходные формулы более многочисленны, чем внутрисюжетные. Они используются обычно при описании путешествия главного героя в «иное царство» и образованы чаще всего с помощью повторения глаголов движения.

- *Camminò e camminò, per giorni e per notti, finchè giunse in un paese...*
- *Camminarono e camminarono, il principe cominciava a essere stanco...*
- *Cammina, cammina, cammina...arrivò ai piedi della montagna del castello.*
- *Cammina, cammina, cammina...arrivò la notte.*

Подводя итог, хотелось бы еще раз отметить, насколько велика роль традиции в народном творчестве. В традиционной фольклорной среде общее, типичное доминирует над отдельным, а единичное не имеет никакой самостоятельной ценности. Следствием этого и является повторяемость художественных стереотипов в фольклоре, которые при всей своей кажущейся внешней словесной бедности обладают большой аллюзивной и суггестивной силой.

СПЕЦИФИКА ОБРАЗОВ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ

Е.Ю. Соколова

Статья посвящена таким основным проблемам психолингвистики как языковое сознание и гендер. Проанализированы различные точки зрения по проблеме гендера. Исследуются гендерные различия в коммуникативной компетенции. Основным методом исследования является психологический эксперимент.

Сегодня наиболее актуальной остается проблема языкового сознания как именно той субстанции сознания, которая непосредственно связана с речевой деятельностью в профессионально-ориентированном общении. Важно заметить, что языковое сознание не может являться объектом анализа в момент протекания процессов, его реализующих, оно может быть исследовано только как продукт прошедшей, бывшей деятельности. Видится необходимым упомянуть идею А.А. Потемни о том, что по результатам его опыта, «настоящее состояние» языкового сознания в момент его реализации в речевой деятельности, «не подлежит нашему наблюдению и что замеченное нами за собой принадлежит уже прошедшему»¹.

Согласно концепции А.Н. Леонтьева, «всякая предметная деятельность отвечает потребности, но всегда опредмечена в мотиве; ее главными образующими являются цели и, соответственно, отвечающие им действия, средства и способы их выполнения и, наконец, те психофизиологические функции, реализующие деятельность, которые часто составляют ее естественные предпосылки и накладывают на ее протекание известные ограничения, часто перестраиваются в ней и даже ею порождаются»².

В структуру деятельности, по мнению А.Н. Леонтьева, входят мотив, цель, действия, операция (как способ выполнения действия), а также в нее входят установки и результаты деятельности. «Если из деятельности мысленно вычестъ действие, то от деятельности вообще ничего не останется. Это же можно выразить и иначе: когда перед нами развертывается конкретный процесс – внешний или внутренний, – то со стороны мотива он выступает в качестве деятельности человека, как подчиненный цели – в качестве действия или системы, цепи действий»³.

По мнению же А.А. Леонтьева, речевая деятельность представляет собой специфический вид деятельности, не совпадающий с нашим классическим представлением о деятельности, например, с производственной, игровой. Хотя автор при этом неоднократно обращается к выводам А.Н. Леонтьева, по словам которого речевая деятельность в виде отдельных речевых действий сопровождает или «обслуживает все виды деятельности, входя в

состав актов производственной, образовательной, познавательной, игровой, деятельности»⁴. Сам же факт речевой деятельности «имеет место лишь тогда, когда речь, так сказать, самоценна, когда лежащий в ее основе, побуждающий ее мотив не может быть удовлетворен другим способом, кроме речевого». Редким исключением из выше изложенного является процесс овладения чужим языком, или какая-либо профессиональная деятельность, в основе которой лежит речевое общение.

А.А. Леонтьев предлагает говорить о функциях языка как о характеристиках речевой деятельности, которые проявляются в любой речевой ситуации.

Для дальнейшего рассмотрения любого рода деятельности необходимо вспомнить основные постулаты психолингвистической теории по А.А. Леонтьеву:

1. Единицей ПЛ-го анализа является речевое действие или речевая операция, в крайнем случае – акт речевой деятельности. Этим подход МПШ принципиально отличается от ПЛ-2.

2. Речевая единица трактуется в деятельностной парадигме, т.е. исходное речевое событие характеризуется деятельностным фреймом.

3. Этот принцип характеризуется А.А. Леонтьевым как «эвристический принцип» организации речевой деятельности. Хотя, если рассматривать ПЛ-ю теорию как частный случай общепсихологической теории деятельности, т.е. (по А.А. Леонтьеву) рассматривать речевые процессы как речевую деятельность или речевые действия строго с позиции этих терминов, то она не может не быть эвристической – эвристичность заложена в саму идею целенаправленной деятельности. Таким образом, при обучении как родному так и иностранному языку предполагается выбор и дифференцированное использование различных стратегий овладения речью и в этом смысле они подчиняются эвристическому принципу.

4. Язык есть орудие диалога человека с миром и в тоже время с другим субъектом общения (человеком). В самой структуре речевой деятельности особого внимания требует этап ориентировки, результатом которого является выбор соответствующей стратегии порождения и восприятия речи, а этап планирования предполагает использо-

Зеленые страницы

вание образов и опору на предшествующий, в том числе и познавательный опыт. Здесь необходимо так же отметить, что ПЛ-я теория призвана быть синтезом подхода деятельностного (процессуального) и подхода в плане образа (отражения).

5. Мне бы хотелось сравнить этот подход с игрой в шахматы, т.к. он требует прогнозирования возможных результатов (итогах) из исходной ситуации при определенном критерии выбора модели. Естественно прогноз нельзя строить без опоры на прошлый опыт – это и есть то самое «вероятностное программирование» о котором упоминал И.М. Фрейгенберг в работе «Вероятностное прогнозирование и преднастройка к действиям // Кибернетические аспекты интегральной деятельности мозга».

6. В основе этого постулата лежит, изложенное Дж. Миллером понимание процессов порождения речи: «Слушатель начинает с предположения о сигнале на входе. На основе этого предположения он порождает внутренний сигнал, сравнимый с воспринимаемым. Первая попытка, возможно, будет ошибочной; если так, то делается поправка и используется в качестве основы для следующих предложений, которые могут быть точнее. Этот цикл повторяется... до тех пор, пока слушательные сделает выбора, отвечающего соответствующим требованиям».

В сфере общения коммуникативная функция выступает в одном из трех вариантов:

- Как индивидуально-регулятивная (избирательного воздействия на поведение одного или нескольких человек);
- Как коллективно-регулятивная (проявляется в условиях массовой коммуникации – ораторская речь, радио, ТВ, газеты); рассчитана на большую недифференцированную аудиторию;
- Как саморегулятивная функция (при планировании собственного поведения).

Отражая действительность в общении и обобщении, «язык выступает в двух аспектах – социальном и индивидуальном, что связано с самой природой процесса обобщения, связывающего язык как социальное явление с языковым сознанием носителя этого языка».

Так как человек по своей природе существо общественное, то его сознание является отражением действительности, преломляясь сквозь призму общественно выработанных языковых значений и понятий, а индивидуальное сознание человека, по мнению В.В. Красных, возможно лишь в условиях существования сознания общественного. А.Н. Леонтьев видит в самом явлении сознания продукт развития материи, продукт развития жизни. По его мнению, это высшая форма отражения, специфически человеческая форма, возникшая в ходе исторического развития, в результате перехода к специфически человеческому образу жизни – к жизни в обществе, к общественным отношениям.

В различных работах современных авторов

все чаще можно встретить термин: профессионально-ориентированное обучение, что вполне понимается как профильное обучение, основанное на учете потребностей учащихся в изучении иностранного языка и диктуемое характерными особенностями той или иной специальности.

По мере того как английский язык становился международным языком инновационных технологий и торговли, его значимость возросла. Все большее количество фирм и предприятий заинтересованы в творческом и профессиональном обмене как информационными технологиями, достижениями ноу-хау, так и кадровым составом тех и других.

Появляется все большая потребность в создании специфических междисциплинарных направлений в обучении иностранному языку. Традиционно лингвистика занималась описанием правил употребления языка.

Сегодня все больше делается упор на изучение и внедрение в практику преподавания базисных основ таких стыковых наук как: психолингвистика, социолингвистика, этнопсихология, лингвокультурология и многих других в процессе профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в ВУЗах.

Возникновению этого вида обучения, в частности английскому языку, способствовали новейшие достижения в психологии образования. Появилась необходимость в изучении, например, психолингвистики и теории коммуникации как основных направлений исследований Института Языкознания Российской Академии Наук.

Инновационные процессы преобразования общественного сознания привели ученых к необходимости учитывать и полоролевые (гендерные) стереотипы языкового сознания в обществе в целом и в профессиональной сфере в частности. В конце XX начале XXI века в языкознании можно отметить появление интереса к проблеме гендера в лингвистических научных кругах, а проведение различного уровня семинаров и конференций не перестают удивлять своими результатами. Появление такого рода интереса неразрывно связано с исследованиями, которые проводят многие отечественные языковеды, но особо видится необходимым отметить исследования, которые осуществляет и которыми руководит в гендерной лаборатории МГЛУ А. Кирилина, а ее работы поражают объемом изученных материалов и глубоким анализом трудов зарубежных лингвистов по данной проблеме⁵.

Гендерные исследования весьма широко распространены сейчас во всем мире. Они имеют долгую историю возникновения и развития. В основе этих исследований лежит понятие гендер, начало изучения которого было положено американскими и германскими учеными. А. Кирилина в своей работе «Гендер и язык» отмечает, что впервые, понятие гендера можно было встретить в работе Р. Столера в 1963 г. и что сам термин был заимст-

вован из английского языка (*gender* – род) и использовался для культурной составляющей при характеристике мужчин и женщин. Принципиальное отличие самого понятия «гендер» от биологических характеристик тех и других заключается в том, что такие характеристики как «маскулинность» и «фемининность» – это исторические структуры, находящиеся в постоянном диалоге и полилоге кросс культур.

В лингвистических научных кругах до сих пор «идет» негласный спор по поводу какой же термин лучше использовать, когда речь идет о социальной и культурной значимости двух полов. В лингвистических исследованиях можно встретить такие термины как: *sex-gender* (пол – гендер); *sex – sex* (секс – пол); *sex bias* (сексуальные пристрастия); *sex role*; *sex differences* для характеристики *natural gender & sexual differences*, хотя при этом одни рассматривают в своих работах биологические составляющие, а другие при этом дают социальную и культурную характеристику полоролевых стереотипов не только поведения, а и речевой деятельности, включенной в профессиональную коммуникацию. Нами исследуется понятие гендера с позиции последних. Нас интересуют гендерные различия в коммуникативной компетенции в процессе профессионально-ориентированного общения у русской и американской субкультурах, а также их роль в процессе усвоения языка, где, на наш взгляд, важно учитывать асимметрию полов при столкновении различных стилей общения.

Все эти положения видятся важными на сегодняшний день, так как в гуманитарной науке определилась одна из новых концепций – так называемая, постмодернистская концепция, а одной из ее составляющих являются гендерные исследования. Так, например, идеологию феминизма часто рассматривают как одну из составляющих постмодернистской философии. В самой феминистской лингвистике различают два направления: одно исследует язык с позиции асимметрий в системе языка, направленных против женщин, а другое исследует наличие образов в языке женщин и коннотативные особенности порождения таких образов. Надо отметить, что по мнению представителей этого направления происходит игнорирование женщин в картине мира. Причем, асимметрия языка, как они полагают, основывается на гипотезе Сепира-Уорфа, где язык – не только продукт общества, а и средство формирования его мышления и ментальности на фоне сознания, что способствует непосредственно овнешнению образов языкового сознания его носителей в языковых кросс-культурах и речевом общении различных этнических групп. Представители феминистской лингвистики полагали, что речевое поведение женщин способствует поддержанию и удержанию их статуса, что это пример воспроизводства патриархальных отношений.

Посредством эмпирических исследований в

гендерных аспектах коммуникации А. Кирилиной отмечался ряд методических ошибок, а именно: полу приписывалась чрезмерная значимость (интенционализм); опускалась роль контекста и недооценивались качественные методы исследования, роль гендерных стратегий и тактик общения, особенно в период взросления детей, что при последующем речеприроде и речевосприимчивости существенно влияло на контекст коммуникации.

В научных кругах существует общеизвестный факт, что языковое сознание индивида всегда зависит от стереотипов родного языка, что предполагает наличие в сознании уже готовых клише и штампов, а также А.Кирилиной отмечается, что существует некоторая совокупность текстов, которые и определяют отношение человека к действительности и его поведение, а также могут быть опосредованы дискурсивной практикой.

При изучении различных системных описаний мужских и женских особенностей языковой компетенции и речевой деятельности на базе романской и германской языковых групп, были обнаружены значительные различия в понятии мужских и женских ролей, позиций, черт характера – то есть всего того, что есть мужчина и женщина в том или ином обществе. Был отмечен и тот факт, что репродуктивная роль женщины не изучается при определении ее социального статуса в обществе и, что женщины вытеснены из сферы социального в сферу бытового (частного), что ассоциируется с природным, а не социальным. Современные исследования проводятся на основе различных наук, таких как психология, лингвистика, социология, философия, психолингвистика, которая в свою очередь, на мой взгляд, объединила в себе исследования всех вышеперечисленных наук. Все это говорит о повышенном интересе общества к различиям между мужчинами и женщинами, а точнее к особенностям тех и других и их отличительным чертам. Эти представления получили в исследовательской литературе термины «маскулинности» и «феминности», иногда можно встретить термин «фемининность» («женственность»). Если пол рассматривается в понятиях «мужчина» и «женщина», то гендер – в понятиях «мужественность» (мужское начало) и «женственность» (женское начало)⁶.

Гендерные исследования, связанные с рассмотрением выше перечисленных концептов занимают одно из центральных мест в современном языковедении.

В гендерных исследованиях ставится вопрос о необходимости учета этой дифференциации, которая «устанавливается именно определенным итогом социализации человека в обществе в соответствии с его половой принадлежностью (гендером) в лингвистических практиках того или иного общества»⁷.

Гендерные исследования могут быть проведены в целом ряде лингвистических дисциплин,

рассматривающих дискурсивные, лингвокультурологические, этнопсихолингвистические и многие другие закономерности.

Гендер интересен как с позиции коллективного, так и индивидуального сознания, проявляющегося в стереотипах выраженных в речевых актах индивидов, отражающих коллективное видение мира.

Необходимо отметить, что лингвокультурная гендерология исследует различия внутри одного национально-языкового контекста. Это обусловлено историей, культурой, разным социальным и экономическим развитием страны. В США, например, основное направление исследования гендера – это изучение отдельных областей лексикона и речевого поведения мужчин и женщин.

Основным же методом исследования является психологический эксперимент, который, как правило, заключается в анкетировании или опросе респондентов.

Большое количество работ, посвященных гендерным исследованиям в области лингвистики, делает учет роли гендерного фактора на всех уровнях языка необходимым.

В частности, в работах Е.И. Горошко⁸ и А.В. Кирилиной⁹ под гендером понимается не биологический пол, а социальная роль, в которой не последнее, а скорее первостепенное место, занимает языковое сознание.

Исследования речевой деятельности мужчин и женщин показывают, что в том как осознают,

говорят и пишут мужчины и женщины, имеются определенные отличия. Поэтому правомерно говорить об «определенных особенностях речевого стиля и тех и других»¹⁰.

Гендерный подход открывает новые возможности для исследования базовых концептов науки и является немаловажной проблемой рассмотрения гендерного фактора в области межкультурной коммуникации¹¹.

¹ Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология, М., 2002. С.62.

² Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1999. С.9.

³ Там же. С. 13–14.

⁴ Там же. С. 63.

⁵ Кирилина А.В. Гендер и язык/ Московский гос. лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. М., 2005. С. 624.

⁶ Холод А.М. Речевые картины мира мужчин и женщин. Днепропетровск, 1997. С. 229.

⁷ Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1999. С. 351.

⁸ Горошко Е.И. Особенности мужского и женского вербального поведения (психологический анализ). Дис. ... кан. филол. наук. М., 1996. С. 158.

⁹ Кирилина А.В. Цит. соч.

¹⁰ Шубин Э.П. Языковая коммуникация и обучение иностранным языкам. М., 1972. С. 350.

¹¹ Кирилина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации, Дис. ... док. филол. наук. Москва, 2000. С. 330.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ЗАГЛАВИЯ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕМУАРОВ: СМЫСЛОВОЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Сурина А.В.

В статье рассматриваются особенности заглавий мемуаров российских политиков постсоветской эпохи с точки зрения их смысловой и прагматической направленности. Автором выделены различные типы заголовков с учетом отражения в них структурных элементов основного текста. В исследовании говорится о преимуществе метафорических названий в реализации авторских интенций.

Заголовок является одним из важнейших текстовых компонентов, значимость которого обусловлена рядом факторов. Во-первых, заглавие занимает начальную позицию в тексте, что во многом определяет успешность первичного восприятия произведения в целом. Во-вторых, роль заголовка традиционно видится учеными в выражении основной идеи, темы произведения. В-третьих, заглавие выполняет информативную, рекламную и иные важные функции. Наряду с номинативным и смысловым ядром, в заглавии отражено, по словам Т.А. Чекеневой, концептуальное ядро, которое «складывается в сознании читателя постепенно, отражая поэтапный путь познания: предвкушение – разгадывание – обогащение своего тезауруса»¹. Интерпретация наименования текста предваряет его восприятие в целом, является подготовительным этапом для понимания более сложных моментов произведения: сюжетных линий, деталей, авторского замысла и др.

В большинстве работ, посвященных изучению основных элементов текста с точки зрения их значимости в корпусе произведения, доминирует положение о «сильной позиции» названия. Заглавие представляет собой смысловой код произведения. Метафора, включенная в наименование произведения, кроме реализации выразительного и эмоционального потенциала, создает в рамках заглавия дополнительный смысловой код. Эта усложненная структура требует от читателя, с одной стороны, раскрыть метафорический смысл, заключенный в начальном текстовом знаке, с другой стороны, правильно интерпретировать заглавие в целом, соединив метафорический код с общим авторским замыслом. Таким образом, от читателя требуется двойная дешифровка названия произведения.

Заголовок представляет собой особый тип высказывания, обладающий определенной автономностью, признаками самостоятельного текста, своей внутренней структурой. Вместе с тем он является частью текста и детерминируется текстом или его фрагментами. По словам Э.И. Турчинской, «иногда сам заголовок выступает в роли контекстуального программатора, задает смысл текста,

позволяет понять содержание коммуникативного отрезка»². В других случаях исследователь говорит о детерминированности заголовка всем текстом, в таком положении он представляет собой ключевое высказывание произведения. Интересной, на наш взгляд, является мысль о том, что «особенно велико участие текста и контекста в раскрытии смысла заголовков, основанных на нестандартных метафорических употреблении слов и словосочетаний заголовков, имеющих слишком абстрактный характер»³. Действительно, метафорическое заглавие не явно отражает основную мысль текста, а в большинстве случаев лишь указывает направление основного содержания текста.

В заголовках политических мемуаров могут найти отражение разные смысловые элементы текста. В связи с этим можно говорить о нескольких типах метафорических заголовков, различающихся между собой по способу и характеру выражения разных смысловых частей текста. При выделении данных типов мы использовали классификации газетных заголовков Э.А. Лазаревой. Мы посчитали это возможным, поскольку обнаруживаются несомненные параллели между газетными и мемуарными заголовками, так как политические мемуары близки по своему характеру к публицистическим жанрам. Э.А. Лазарева приводит две классификации заглавий. Первая строится с учетом того, один или несколько элементов смысловых схем текста отражены в заголовке. По данному признаку исследователь выделяет однонаправленные и комплексные заглавия. Однонаправленные заголовки соотносятся только с одним элементом смысловых схем (схем) текста – основным или второстепенным. Комплексные заглавия отражают не один, а несколько элементов смысловых схем текста. В нем могут сочетаться иллюстрация к тезису и итог текста – аналитическая оценка ситуации. Вторая классификация заглавий основана на том, полностью или не полностью отражен в них тот или иной смысловый элемент текста. По признаку полноты выражения смысловых элементов заглавия делятся на полноинформативные (полностью актуализирующие

смысловой компонент текста) и неполноинформативные, пунктирные (частично актуализирующие смысловой компонент текста). Э.А. Лазарева выделяет среди полноинформативных номинативные и предикативные заглавия. Неполноинформативные заглавия не называют темы текста, они только частично отражают его основную мысль⁴.

Мы постарались классифицировать заглавия политических мемуаров с учетом ведущего критерия – способа связи их с разными элементами основного текста. В связи с этим можно выделить несколько типов.

1. Однонаправленные, неполноинформативные заголовки указывают на жанр и характер (автобиографический) книги, не отражают конкретную цель автора, а только намечают манеру повествования, например: «Записки президента» (Б.Н. Ельцин), «Исповедь на заданную тему» (Б.Н. Ельцин)».

2. Комплексные, неполноинформативные заголовки указывают только на объект повествования, в подобных случаях идея произведения обозначена нечетко, поэтому читатель может лишь предположить, о чем пойдет речь: «Жила-была коммунистическая партия» (А. Собчак), «За Державу обидно» (А. Лебедь), «Мы дети твои, Москва» (Ю. Лужков).

3. Комплексные, полноинформативные, номинативные заголовки, включающие выразительные языковые средства. Заголовки данного типа являются достаточно распространенными, так как они удобны для передачи авторского замысла. Отметим также, что наряду с информативностью, такие заголовки обладают выразительным потенциалом, который помогает мемуаристу-политику привлечь внимание читателя к своей книге. Например: «Особенности национального политика» (И. Хакамады), «Дюжина ножей в спину» (А. Собчак), «Вариант дракона» (Ю. Скуратова) «Президентский марафон» (Б.Н. Ельцина), «Борис Ельцин: от рассвета до заката» (А. Коржаков).

4. Комплексные; полноинформативные, номинативные заголовки, стилистически нейтральные. В данном случае сохраняются свойства вышеназванного типа, но эти заглавия представляют собой нейтральный вариант изложения основной идеи мемуариста, заключенной в начальном компоненте текста: «Годы в большой политике» Е. Примакова, «Преображение» А. Козырева, «Провинциал» Б. Немцова, «Дни побед и поражений» Е. Гайдара.

Метафорические заголовки политических мемуаров в приведенной выше классификации чаще всего представлены комплексными; полноинформативными (номинативными) и неполноинформативными заголовками. Таким образом, названия мемуаров в большинстве случаев детерминируются несколькими структурными элементами текста, отражая основную идею произведения с разной степенью развернутости.

Заголовок, как уже было отмечено выше, отражает основную мысль, заложенную автором в произведение. Особенно важна данная функция заглавия при создании современных политических мемуаров, где интересующий нас начальный компонент текста должен соответствовать авторской интенции и, как в большинстве политических текстов в целом, обладать ярко выраженным рекламным оттенком. З.Я. Тураева полагает, что успешному восприятию и пониманию произведения способствует лишь полностью семантизированный текстом заголовок⁵. Политические мемуары рассчитаны чаще всего на массового читателя, поэтому авторы-политики избегают сложных заголовков. Мемуарист должен стремиться к тому, чтобы заглавие точно и полно отражало суть книги, чтобы оно не было сложным для восприятия, чтобы оно вызывало интерес у читателя к основному содержанию произведения. Все эти задачи успешно решаются, на наш взгляд, с помощью использования метафорических заглавий. Нами исследованы 18 заглавий политических мемуаров, из которых 10 метафорических. Такое частое обращение к метафоре говорит о ее востребованности при наименовании текста.

Названия политических мемуаров, в большинстве случаев, включают в себя либо узуальные («стертые») метафоры или метафоры, смысл которых легко угадывается. Например, «Снова в оппозиции» Г. Попова, «Президентский марафон» Б.Н. Ельцина, «Борис Ельцин: от рассвета до заката» А. Коржакова, «Дюжина ножей в спину» А. Собчака, «Хроники времен «царя Бориса» О. Поповцова. Приведенные выше заголовки обозначают тему повествования, не являются сложными для понимания и большинство из них выразительны и эмоционально окрашены.

Другая особенность метафорического заглавия политических мемуаров заключается в том, что оно в некоторых случаях может не в полной мере раскрываться основным текстом, то есть связь заглавия с содержанием произведения ослаблена. Иногда для автора важно создать яркий заголовок, чтобы привлечь читателя, а содержание не всегда соответствует мысли, заложенной в наименовании произведения. Вопросу соотношения метафорического заголовка публицистического текста и его основного содержания посвящен ряд работ (Э.А. Лазарева 2004, А.П. Чудинов 2001 и др.), в которых выделено несколько специальных стилистических приемов: эффект обманутого ожидания, эффект усиленного ожидания и эффект оправданного ожидания. Эффект обманутого ожидания проявляется в том случае, когда мнение, сложившееся у читателя о содержании публикации по ее заголовку, опровергается по мере прочтения. Эффект усиленного ожидания возникает в том случае, когда буквальная смысловая нагрузка заголовка мало вероятна, но читателю трудно догадаться и о возможном метафорическом смысле, перед ним по-

ставлена своего рода загадка, ответ на которую можно найти в тексте. При реализации эффекта оправданного ожидания смысл метафорического заголовка достаточно ясен, однако благодаря яркому образу, у адресата закономерно возникает желание более детально познакомиться с проблемой⁶.

Среди метафорических заглавий политических мемуаров наибольшее распространение получили названия, которые рассчитаны на эффект оправданного ожидания. Авторы политических мемуаров стараются подбирать понятные читателю заглавия, которые могли бы вызвать интерес и побудить к чтению всей книги. К таким заголовкам можно отнести: «Дюжина ножей в спину» А. Собчак, «Президентский марафон» Б.Н. Ельцина.

Примером заголовка, заключающего в себе эффект усиленного ожидания, является название мемуаров Ю. Скуратова «Вариант дракона». При первом знакомстве с названием книги возникает смутное представление о ее содержании. Но уже с первых страниц автор объясняет смысл заголовка: «Вариант дракона» - это один из самых острых и самых древних вариантов сицилийской защиты.

Исследуя метафорические заглавия современных политических мемуаров, можно отметить следующую особенность: часто авторы используют метафоры, обладающие общим значением «состязание», «борьба». В первую очередь, речь идет о милитарных и спортивных метафорах. Метафора является эффективным «оружием» политика в достижении политических целей. Заголовки со сферой-источником «война»: «Дни побед и поражений» Е. Гайдара, «Снова в оппозиции» Г. Попова, «Дюжина ножей в спину» А. Собчака. Метафоры со значением «противостояние», «спортивное состязание»: «Президентский марафон» Б.Н. Ельцина, «Вариант дракона» Ю. Скуратова. Употребление метафор именно с такими значениями, представляет собой закономерное, на наш взгляд, явление, т.к. сама сфера политики требует от ее субъектов использования эффективных, действенных средств.

Кроме заголовков мемуаров российских политиков постсоветской эпохи мы рассмотрели наименования структурных подразделов воспоминаний (частей, глав), чтобы выявить, насколько характерно обращение того или иного автора-политика к метафорическим названиям. Богатый материал представляют собой мемуарные произведения А. Собчака и Б.Н. Ельцина. Из трех исследованных нами книг бывшего мэра Санкт-Петербурга два наименования включают в себя метафорические выражения: «Жила-была коммунистическая партия», «Дюжина ножей в спину». В них встретилось пять интересующих нас примеров названия глав, три из которых представлены спортивными метафорами и отражают мотив состязания: «Избирательный марафон: уроки на будущее», «Президентский марафон – 96», «Я должен добежать». Данные примеры созвучны с общим

характером повествования, отличающимся повышенной эмоциональностью. В воспоминаниях Б.Н. Ельцина большинство метафорических сочетаний отражают различные негативные, отрицательные факты и события, к ним относятся: «Мэр идет в атаку...», «Ельцин сошел с ума», «Шокотерапия», «Черная полоса» и др. Отбор метафор не случаен, так как автор мемуаров в постоянной конфронтации на фоне сложного для России исторического периода.

Вполне справедлива закономерность: выбор метафорического заголовка является признаком того, то автор будет часто использовать данное языковое средство в основном тексте. Например, активное обращение к метафоре характерно для воспоминаний Ю. Скуратова «Вариант дракона», Б.Н. Ельцина «Президентский марафон», А. Собчака «Жила-была коммунистическая партия». В некоторых случаях мемуарные произведения с неметафорическими заголовками также могут содержать достаточно большое количество метафор как в наименовании структурных частей произведения, так и во всем повествовании в целом. Например, в мемуарах Е.М. Примакова «Годы в большой политике» мы встречаем такие названия глав, как «Преобразования в тупике», «Надежный тыл», «В прицеле Косово» и многие другие. И.Хакамада использует в своих мемуарах «Особенности национального политика» следующие метафорические заглавия: «Моя крепость» (о своей семье), «Из породы белых ворон», «В царстве серых мышей», само повествование также включает множество примеров с интересующим нас языковым средством. Данные наблюдения позволяют говорить об активном использовании метафорических выражений в разных структурных частях текста. Это обусловлено универсальностью и богатым потенциалом метафоры. В тексте, в соответствии с авторским замыслом, метафора может быть развернутой, индивидуально авторской, или, наоборот, предельно понятной и лаконичной. В заглавии политических мемуаров рамки употребления метафоры несколько сужаются. Это связано, во-первых, с ограниченным объемом заголовка как текстового знака с достаточно жесткими требованиями. При создании заголовка автор-мемуарист должен подобрать метафорическое выражение, наиболее точно и полно передающее основной смысл книги. Во-вторых, жанровая принадлежность произведения и его тематическая отнесенность, а именно политическая направленность текстов, предполагают доступность в восприятии заглавия воспоминаний, рассчитанных, в большинстве своем, на обывателя. Но несмотря на некоторые ограничения в использовании метафоры, она в составе начального компонента текста выполняет свои основные функции, являясь смысловой, прагматической, экспрессивной доминантой произведения.

Зеленые страницы

Таким образом, можно сказать, что метафора, занимая сильную начальную позицию в политических мемуарах, придает основному тексту дополнительную смысловую и эмоциональную значимость, а также способствует достижению общей цели – привлечь и сформировать потенциальный электорат. Это объясняется и позицией в тексте, и выразительными ресурсами метафоры, и ее многофункциональностью. Заглавие, включающее в себя метафорическое выражение, выполняет не только номинативную и информативную функции, а главное, является смысловым «ядром» текста в плане реализации авторских интенций и отвечает прагматике произведения в целом.

¹ Чекенева, Т.А. Текстобразующие потенции названий художественных произведений / Из сб. Лингвистические средства текстообразования. Барнаул, 1985. С.130.

² Турчинская, Э.И. Заголовок как особый тип высказывания / Сб. науч. трудов Структурно-семантические единицы текста (на сопост. основе фр. и рус. яз.). Вып. 267. М., 1986. С. 98.

³ Там же, С. 99.

⁴ Лазарева, Э.А. Заголовок в газете / Э.А. Лазарева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 28–39.

⁵ Тураева З.Я. Лингвистика текста. М., 1986. С. 56.

⁶ Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. С. 38.

КОННОТАЦИЯ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

С.Г. Фрост

Широкий лингвокультурологический подход к изучению коннотации позволяет увидеть её двойную культурологическую отнесенность: культурологическую маркированность всех составляющих коннотации и выделение собственно культурной коннотации как особого содержательного типа коннотации, характеризующегося доминированием культурного компонента.

Антропоцентризм науки конца XX – начала XXI века определил особый интерес лингвистов к «человеческому фактору в языке». А поскольку человек, субъект номинации и речевой деятельности, всегда выступает как «национальный человек», то наиболее важным и интересным становится изучение единиц языка с точки зрения представленности в них национальной культуры. Таким образом, одним из самых актуальных в современной лингвистике становится лингвокультурологическое направление, которое «ставит перед собой цель изучения способности языковых знаков отображать современное культурное самосознание народа, рассматриваемое как «остов» его ментальности»¹.

Лингвокультурологические исследования могут исходить из языковых фактов любого уровня (фонетического, грамматического, лексического, уровня текста) и находить в них подтверждения особенностям взаимосвязи языка и культуры. Так, культурная информация номинативных единиц языка может быть представлена четырьмя основными способами: через культурные семы, культурный фон, культурные концепты и культурные коннотации. Таким образом, одним из основных понятий лингвокультурологического анализа становится культурная коннотация.

Как известно, коннотация или коннотативный компонент значения является важнейшим структурным элементом семантики слова, передающим прагматическую информацию. Несмотря на разницу в подходах изучения коннотации (семантический – Ю.Д. Апресян, И.В. Арнольд, В.И. Говердовский, Н.Г. Комлев, Н.А. Лукьянова, Ю.П. Солодуб, И.А. Стернин, В.Н. Телия, В.И. Шаховский В.И. и др.; стилистический – Ш. Балли, Т.Г. Винокур, К.А. Долинин, М.Н. Кожина, Г.В. Колшанский, Н.М. Разинкина, Э.Г. Ризель, Е.Ф. Петрищева, Ю.М. Скребнев и др.; психолингвистический – А.А. Залевская, В.В. Красных, А.А. Леонтьев, Р.М. Фрумкина и др.; культурологический – У. Гохау, Е.М. Верещагин, Г.В. Елизарова, В.Г. Костомаров, А.С. Мамонтов, В.А. Маслова, Н.И. Толстой, Г.Д. Томахин и др.) большинство исследователей указывает на ее гетерогенную сущность. Качество и количество ком-

понентов коннотации у разных авторов неодинаково. При этом расхождения трактовок касаются не только числа и видов составляющих коннотации, но и их комбинаций и даже возможной иерархии.

Можно сказать, что по совокупности исследователи включают в структуру коннотации такие разные по своей функционально-содержательной природе компоненты, как эмоциональный, экспрессивный, оценочный, культурный, образность, мотивированность, внутреннюю форму слова, функционально-стилистический компонент.

Содержательный тип коннотации определяют, главным образом, ее качественные составляющие, выделяемые на основе факторов социального и психологического порядка: эмотивный, экспрессивный, оценочный и культурный компоненты. Именно они задают атрибуцию коннотации как эмоциональной, эмоционально-экспрессивной, оценочной, эмоционально-оценочной, культурной и т.п.

Все более активно используемый лингвокультурологами термин «культурная коннотация» характеризуется крайней диффузностью: спектр мнений варьируется от трактовки культурной коннотации как одного из содержательных типов коннотаций до отождествления ее с культурным компонентом значения, который отражает зависимость семантики языка от культурной среды индивидуума и реализует весь комплекс «национально-специфического» в структуре языковой единицы.

Так, рассматривая ее как «звено», соединяющее знаки языка со знаками национальной культуры (концептами, стереотипами, эталонами, символами и т.п.), В.Н. Телия, а вслед за ней и В.А. Маслова, понимают культурную коннотацию как интерпретацию денотативного или образно мотивированного аспектов значения в категориях культуры².

Предложенный в такой трактовке термин «культурная коннотация» одни исследователи понимают как «культурно-национальный смысл языковой единицы», который формирует входящий в смысловую структуру сопутствующий предметно-логическому значению культурный компонент³, другие подразумевают под ней «социальную, эмоциональную и эмоционально-образную значи-

мость языкового знака для той или иной лингвокультурной общности»⁴, третьи рассматривают культурную коннотацию как дополнительные оттенки значения слова, обусловленные национально-культурной спецификой сознания носителей языка, исключая из нее явления, которые отражают национально-культурную специфику языковых средств⁵.

Мы полагаем, что устранить такую неоднозначность можно при комплексном лингвокультурологическом подходе, учитывая, что любые устойчивые коннотации лексем не просто реальное лингвистическое и психологическое (ассоциативное) явление с собственно семантическим содержанием, реализующимся на уровне прагматики, но и явление социальное, культурно детерминированное по своей сути.

Мы считаем, что коннотации имеют **двойную культурологическую отнесенность**.

Культуроносность коннотативного компонента лексемы можно рассматривать как соотносительность всех основных содержательных компонентов коннотации со «знаками» культуры определенной лингвокультурной общности.

При таком широком подходе культурологическая маркированность коннотации является ее внутренней характеристикой, а атрибут «культурная» облигаторно входит в понятие коннотации и может опускаться в силу их инклюзивных отношений, поскольку каждый компонент содержания коннотации обладает прямой или опосредованной культурологической отнесенностью.

Так, на культурологическую маркированность эмотивного компонента коннотаций указывает целый ряд исследователей (А.С. Авакова, О.А. Бурукина, О.И.Быкова, М.А.Минина, В.И. Шаховский и др.). Занимаясь сопоставительным изучением языков, они подчеркивают, что эмотивность часто несет информацию о специфике отражения мира группой носителей какого-либо языка, что именно эмотивность характеризуется значительной идиоэтнической спецификой. Эти утверждения базируются, главным образом, на положениях психологов, которые отмечают, что «словарь эмоций» в разных языках далеко не одинаков, хотя нет ни одного переживания, которое было бы доступно для одной национальности и недоступно для другой»⁶. Таким образом, эмоции выступают одним из элементов культуры и наиболее ярких человеческих факторов, эксплицируемых в языке. Они через язык человека участвуют в семантическом картировании мира и его семантической интерпретации⁷.

Культурологическую маркированность экспрессивного компонента коннотации можно рассматривать как характеристику, уходящую своими корнями в мотивированность языкового знака. Она определяется тем, что основы экспрессивов являются производными, то есть имеют внутреннюю форму, которая, как справедливо полагает В.Н.

Телия, осознается носителями языка в той же мере, что и национально-культурный тип знания⁸.

Национально-культурная специфика категории экспрессивности проявляется, главным образом, при изучении средств и способов ее формирования⁹. Так, например, для русского языка характерны такие способы выражения экспрессивности, как уменьшительно-ласкательные и увеличительно-уничижительные аффиксы: *красивейший, наименьший*, повторы: *поздно-поздно, белым-бело*. В немецком языке, чаще всего, в этой роли выступают полупрефиксы: *baumlang* – *длинный-предлинный*, *abgrundtief* – *бездонный, глубочайший*, *kreuzbrav* – *очень послушный (о ребенке), очень смелый (о солдате)*.

Оценочный компонент коннотации является семантической категорией, которая отражает систему ценностей соответствующей лингвокультурной общности. А поскольку оценочная квалификация любого типа производится на основании общенациональных, социальных, групповых стандартов, норм, критериев, характеризующих национальную и социальную принадлежность субъекта оценки, то следует говорить не только о семантическом, но и культурологическом статусе оценочного компонента коннотации.

Собственно культурный компонент значения слова мы рассматриваем, вслед за С.В. Ивановой, как культурно-ценностную информацию, совмещенную с языковым значением и локализованную в единицах языковой системы. При этом культурный компонент может маркировать любую часть языкового знака. Соответственно, культурологически маркированным может быть любой слой означаемого языкового знака и, культурный компонент может входить в денотативный, сигнификативный и прагматический компоненты и проявляться в сочетаемостных возможностях лексической единицы¹⁰.

Таким образом, культурный компонент значения выступает категорией, соотносящей две семиотические системы (язык и культуру) и позволяющей описывать их взаимодействие. Он, с одной стороны, относится к языковому знаку, с другой – к культуре. При этом культурная коннотация как часть прагматического слоя значения лексемы является лишь одной из его возможных реализаций.

Поэтому, по нашему мнению, термин «культурная коннотация» целесообразно использовать в тех случаях, когда мы хотим указать на доминирование в коннотации культурного компонента, на особый содержательный тип коннотации, в котором культурный компонент имеет больший удельный вес в содержании по сравнению с эмоциональным, экспрессивным и оценочным компонентами.

Например, в сознании русских культурными коннотациями обладают такие «простые» и высокочастотные слова, как *семья, родители, брак*. Для русского *семья* – это не просто живущие вместе родственники, но, прежде всего, отношения, кото-

рые должны характеризоваться душевностью, пониманием и духовной близостью, которые, наряду с кровным родством, определяют «отбор» людей в ближний, относительно замкнутый круг русского человека. Культурные коннотации лексемы *родители* основаны на стереотипе русских о том, что родители, несмотря на возраст и материальное положение, до конца своих дней остаются дающей стороной. *Брак* в языковом сознании русских обладает такой коннотацией, как обязательность официального оформления отношений.

Таким образом, под собственно культурной коннотацией мы понимаем результат соотнесения денотативно-сигнификативного или образно-мотивированного аспектов значения с категориями культуры. Она отсылает к специфической системе культурно значимых смыслов, стереотипов и ценностей, к сведениям географического, исторического, этнографического, культуроведческого и литературоведческого плана, которые выступают в виде устойчивых вербализованных ассоциаций и могут быть семантизированы и включены в толкование лексических единиц.

На наш взгляд, предложенный лингвокультурологический подход и учет двойной культурологической маркированности коннотации (культурность всех составляющих коннотации и выделение собственно культурной коннотации как особого содержательного типа с доминированием в иерархии ее конститuentов культурного компонента) позволяет более дифференцированно подойти к вопросу типологии коннотаций и устраняет неоднозначность термина «культурная коннотация», что крайне важно в процессе обучения

иностранному языку, при подготовке специалистов по переводу и межкультурной коммуникации, в деле составления одно- и двуязычных словарей.

¹ Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 1999. С. 15.

² Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. С. 214–215.

³ Иванищева О.Н. Коннотативный аспект лексического значения слова и место культурной коннотации // Ученые записки МГПИ. Языкознание. Вып. 1. Мурманск, 2001. С. 27–30.

⁴ Мамонтов А.С. Язык и культура: основы сопоставительного лингвострановедения: Дис. ... д-ра фил. наук. М., 2000. С. 115.

⁵ У Гохуа. Национально-культурные аспекты семантики русских номинативных единиц (с позиции носителя китайского языка): Дис. ... д-ра фил. наук. М., 1995.

⁶ Додонов Б.И. Классификация эмоций при исследовании эмоциональной направленности личности // Вопр. психологии. 1975. № 6. С. 23.

⁷ Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987. С. 4.

⁸ Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. С. 109.

⁹ Gowerdowskij W. Affixale Konnotation im Deutschen und im Russischen: Vergleichende Typologie / Wladislaw Gowerdowskij. Aachen, 2002; Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979; Шаховский В.И. Цит. соч.

¹⁰ Иванова С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: Дис. ... д-ра фил. наук. Уфа, 2003. С. 63–93.

СООТНОШЕНИЕ ПРОПУСКА ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ И ЭМОТИВНОГО СМЫСЛА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА С. МОЭМА «ТЕАТР» И ЕГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

О.Н. Юрочкина

Несомненно, пропуск предложений при переводе литературного произведения ведет к потере денотативного содержания. В данной статье анализируется, каким образом этот поступок переводчика влияет на эмотивный смысл текста.

Согласно определению А.В. Федорова, «полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему»¹. Это определение дополнено и расширено его учеником Я.И. Рецкером следующим образом: «Задача переводчика – передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности. Под «целостностью» перевода надо понимать единство формы и содержания на новой языковой основе. Если критерием точности перевода является тождество информации, сообщаемой на разных языках, то целостным (полноценным или адекватным) можно признать лишь такой перевод, который передает эту информацию равноценными средствами. Иначе говоря, в отличие от пересказа, перевод должен передавать не только то, что выражено подлинником, но и так, как это выражено в нем»². Т.к. смысловое содержание произведения складывается из совокупности его компонентов (денотативного, стилистического, эмотивного и др.), то его адекватная передача на другом языке подразумевает адекватную передачу каждого компонента.

В переводческой литературе внимание авторов уделяется, в основном, адекватной или неадекватной передаче таких единиц перевода, как слово, словосочетание или часть предложения³. Что касается пропуска синтаксических единиц, то его последствия принято считать слишком очевидными, чтобы комментировать. Действительно, вряд ли можно отрицать тот факт, что пропуск единиц при переводе, особенно таких крупных, как предложение, неизменно ведет к утрате денотативного содержания, заключенного в пропущенном предложении. Но этим ущерб не ограничивается: в данной статье мы рассмотрим, как пропуск предложения при переводе искажает эмотивное содержание художественного произведения.

Сравнение оригинала романа С. Моэма «Театр» с его переводом на русский язык позволило выявить четыре контекста, в которых русский вариант не досчитывается целого предложения. Все

эти контексты передают эмотивное взаимодействие героев. Под эмотивным взаимодействием мы понимаем такое взаимодействие, вскрывающее отношения между героями романа или между героем и окружающей обстановкой, которое обнаруживает себя не в фактической информации, о которой повествует контекст, а в синтаксисе предложений и сверхфразовых единств и их лексическом наполнении. Анализ эмотивного взаимодействия героев через анализ синтаксических конструкций дает ключ к пониманию эмотивного смысла, являющегося дополнительным по отношению к содержанию произведения и углубляющим его.

Что касается причин, по которым предложения были оставлены без перевода, то мы не видим ни одной более или менее обоснованной: все предложения легко поддаются передаче на русский язык. Тем не менее, подобные пропуски не могли не привести к нарушению смысла на двух уровнях: на денотативном (утрачена часть фактической информации) и на эмотивном (нарушено эмотивное взаимодействие героев романа). Прокомментируем их (предложение, выделенное в оригинале жирным шрифтом, отсутствует в русском варианте; в скобках после предложения указан номер страницы источника).

*Only the young man took them. Julia gave them a wistful look before she shook her head in refusal. Michael stared at them gravely for a moment as though he could not quite tell what they were, and then with a little start, breaking out of a brown study, said No thank you. (8-9)*⁴ Но ел его только гость. Майкл уставился на блюдо с таким видом, словно не совсем понимал, что там лежит, затем, чуть заметно вздрогнув, очнулся от мрачной задумчивости и сказал: нет, благодарю. (207)⁵ В данном контексте речь идет о поведении главных героев – Тома, Джулии и Майкла – за столом. Кроме того, этот же контекст содержит эмотивное взаимодействие между тремя героями: из того факта, что для каждого из них автором выделено отдельное предложение, можно заключить, что в данной ситуации каждый из них отчужден от остальных, погружен в себя и поглощен предвкушением еды. В первом

предложении говорится о том, что Том взял жареный картофель, во втором (опущенном в русском варианте) показана задумчивость Джулии о жертвах, на которые ей приходится идти ради сохранения фигуры, а в третьем описаны муки Майкла в связи с отказом от блюда. Как легко заметить, от первого предложения к третьему эмотивность нарастает: эмоции Тома не показаны вовсе, об эмоциях Джулии (задумчивости) упоминается вскользь, а эмоции Майкла описаны очень подробным образом (непонимание, мрачная задумчивость, прозрение). Такое нарастание эмотивности наглядно демонстрирует отношение каждого из героев к еде: от холодного равнодушия Тома до страстной любви Майкла. Пропуск предложения в русском варианте, во-первых, лишает читателя фактической информации о Джулии и ее отношении к жареному картофелю и, во-вторых, не доносит до русскоязычного читателя эмотивного взаимодействия сидящих за столом героев, которым насквозь пропитана эта сцена. В связи с вышесказанным нам представляется абсолютно необходимым вернуть второе предложение контекста на его законное место: *Джулия проводила жареный картофель задумчивым взглядом, прежде чем покачать головой в знак отказа* (перевод наш – О. Ю.)

She insists on playing with him, and if he's in management he has to give her leading parts, and if he engages someone else there are most frightful scenes. And of course, for an actress it's insane. There's always the chance of her having a baby and she may have to refuse a damned good part. (32-33) Она хочет играть с ним, и, если у него своя труппа, он вынужден отдавать ей первые роли, а пригласи он кого-нибудь другого, она станет устраивать ему ужасные сцены. Всегда есть опасность, что у нее родится ребенок, и ей придется отказаться от превосходной роли. (226) Второй английский контекст – это реплика Майкла, состоящая из трех предложений, речь в которых идет о недостатках семейной жизни для актера (первое предложение) и для актрисы (второе и третье предложения). Майкл, как видно из расположения предложений контекста, не связывает в своем сознании актера и актрису: он говорит о них в разных предложениях. Об этом же свидетельствует и содержание его речи: он разводит актера и актрису по разным полюсам, смотрит на них как на отдельные личности, отрицая их слияние в одно целое – семью – и видя в браке между ними лишь недостатки. Пропуск второго предложения контекста в русском варианте лишает читателя упоминания об актрисе, заключенного в нем, и, таким образом, вынуждает его относить третье предложение тоже к актеру, а не к актрисе. Иными словами, пропуск приводит к тому, что русский читатель не только лишается второго предложения, но и воспринимает третье предложение, сказанное Майклом, в искаженном виде: неверный перевод заставляет его думать, что Майкл относит опас-

ность рождения ребенка и возможный отказ актрисы от роли к недостаткам брака для мужчины-актера. В английском же варианте Майкл, несомненно, говорит об этом как о недостатке брака для женщины-актрисы. Таким образом, пропуск второго предложения контекста ведет к значительно более глобальному нарушению смысла, чем это может показаться на первый взгляд. Английский читатель видит, что Майкл заботится не только об актере, т. е. о себе (он не хочет отдавать своей потенциальной жене все первые роли без разбора), но и об актрисе (он не хочет, чтобы из-за рождения ребенка она отказывалась от хороших ролей). Русский же читатель воспринимает Майкла как чрезвычайно эгоистичного человека, заботящегося только о своем благе (который не хочет отдавать жене первые роли), а также как человека, желающего, чтобы его жена работала на него (т. к. он боится, что рождение ребенка повлечет отказ жены от ролей, а, следовательно, и дохода). К мужчинам, живущим за счет своих жен, пусть даже частично, в русской культуре принято относиться очень негативно. Следовательно, подобное нарушение смысла, вызванное пропуском второго предложения, способствует очень низкому падению Майкла в глазах русского читателя. Вышесказанное позволяет нам утверждать, что второе предложение необходимо вернуть на его законное место: *И для актрисы это, конечно, тоже безумие* (перевод наш – О. Ю.)

It was a beautiful day, clear, warm and sunny. When they got out of the car Dolly stopped to give the chauffeur instructions about fetching them and Julia waited for her. (116) Когда они вышли из машины, Долли задержалась, чтобы дать шоферу указания, куда за ними заехать, и Джулия поджидала ее. (287) Третий контекст представляет собой эмотивное взаимодействие между героинями (в основном, Джулией, как становится ясно из дальнейшего повествования) и окружающей обстановкой. С. Моэм никогда не вводит в свое произведение описание природы и погоды, если это тем или иным образом не способствует раскрытию психологии персонажа или межличностных отношений. Вот как он сам пишет об этом в своей книге «Подводя итоги»: «описание природы, пусть очень поэтично увиденной и замечательно изображенной, – ни к чему, если в нем нет необходимости, то есть если оно не помогает автору продолжить рассказ или сообщить читателю нечто такое, что ему полагалось знать о людях, в нем участвующих»⁶. В английском контексте описанию хорошей погоды посвящено первое предложение, а описанию действий Долли и Джулии – второе. Сам этот факт уже подготавливает читателя к какому-то неприятному для главной героини событию (иначе автор сделал бы эмотивное взаимодействие между Джулией и ясным днем более тесным, проводя параллель между солнечной погодой и ее солнечным настроением) – так оно и оказывается: Джулия

встречает испанца. В переводе данного контекста описание погоды опущено вовсе, в результате чего русский читатель оказался неподготовленным к последовавшей неприятной встрече, не смог предугадать ее. А если события романа слишком часто идут вразрез с ожиданиями читателя, он может предположить, что между ним и автором не установилось необходимого взаимопонимания и потерять интерес к произведению. Чтобы этого избежать, нам представляется необходимым не допускать подобных пропусков, а в данном предложении восстановить утраченное предложение: *Был прекрасный день, ясный, теплый и солнечный* (перевод наш – О. Ю.)

Michael gave her a swift glance. He smiled a little. (173) *Майкл кинул на нее быстрый взгляд.* (330) В последнем из анализируемых нами контекстов пропуск второго предложения в русском варианте привел к тому, что читатель романа в переводе так и не узнал характер эмотивного взаимодействия между Майклом и Долли, а также что именно выражал его взгляд. Английскому читателю известно, что взгляд этот сочетался с легкой улыбкой, благодаря чему он может предположить, что Майклу в голову пришла какая-то умная, с его точки зрения, мысль (иначе он не стал бы улыбаться своему врагу). Чтобы донести эту идею и

до русского читателя, представляется необходимым восстановить пропущенное предложение: *Он еле заметно улыбнулся* (перевод наш – О.Ю.)

Итак, анализ контекстов эмотивного взаимодействия героев с пропущенными в русском переводе предложениями привел нас к закономерным выводам. Все без исключения пропуски предложений приводят к нарушению смысла на обоих уровнях: как на денотативном, так и на эмотивном.

¹ Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для ин-тов и фак-тов иностр. языков. Учеб. пособие. 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. С. 173.

² Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Дополнения и комментарии Д.И. Ермоловича. М.: «Р. Валент», 2004. С. 10.

³ См., напр., Грифцов Б.А. Заметки по технике перевода. // ВЯ. 1952. № 5, а также указ. соч. Федорова А.В. и Рецкера Я.И.

⁴ Здесь и далее Maugham W.S. Theatre. М.: Менеджер, 2001.

⁵ Здесь и далее Моэм С. Театр (Пер. с англ. Г. Островской) // Луна и грош. Театр. Рассказы. М.: Правда, 1983.

⁶ Моэм У.С. Подводя итоги: Эссе, очерки. / Сост., вступ. ст., коммент. Г.Э. Ионкис. М.: Высш. шк., 1991. С. 281.

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Н.М. НЕСТЕРОВОЙ «ТЕКСТ И ПЕРЕВОД В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ ФИЛОСОФСКИХ ПАРАДИГМ»¹

А.П. Чудинов, А.С. Назин

Современное состояние гуманитарного знания можно охарактеризовать как время перехода от системно-структурной парадигмы к парадигме антропоцентрической. В рамках этого преобразования создаются новые модели исследования, объединяются различные научные направления, появляются новые эвристики, происходит текстуализация мира интертекстуализация сознания. Понятия текста и интертекста приобретают максимально широкое толкование: как отмечает один из лидеров французского постмодернизма Мишель Фуко, природа и слово перекрещиваются, «как бы образуя для умеющего читать великий и единый текст». Понимание мира как текста, как книги уходит корнями в далекое прошлое. Метафора «книга жизни» – одна из наиболее древних и дискурсивно освоенных.

В последние годы заметно возрос интерес отечественных филологов к исследованию теории и практики перевода: появилось множество новых публикаций по этой проблеме, специалисты стремятся найти принципиально новые подходы к решению вечной проблемы несоответствия между потребностями в глубоком понимании иной культуры и реальными возможностями переводчиков. Не менее значимо и противоречие между тем, что есть в оригинальном тексте, и тем, что нужно читателю перевода. Эти актуальные проблемы оказались и в центре внимания автора, который сумел рассмотреть указанные противоречия в оригинальном ракурсе.

Можно заметить, что к проблемам теории перевода обращается всякое новое научное направление в лингвистике, и это вполне понятно, так как такое исследование позволяет выявить обоснованность претензий соответствующей научной школы на эффективность создаваемой парадигмы. Хорошо известны исследования, авторы которых обращаются к проблемам перевода с позиций социолингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, когнитивистики, генеративистики, гештальт-синергетики и других научных направлений. В рассматриваемой монографии впервые представлено исследование взаимодействия языков и культур в переводческом пространстве с позиций

современной теории текста – интенсивно развивающегося направления современной лингвистики. Автор стремится рассмотреть теорию и практику перевода с позиций современной лингвистики текста и интертекстуальности в рамках постмодернистской парадигмы.

В целом исследование Н.М.Нестеровой можно квалифицировать как теоретическое обоснование нового направления в изучении межкультурного, межъязыкового и межтекстового взаимодействия в процессе переводческой деятельности и при оценке ее результатов. Автор вводит в научный оборот новую понятийно-терминологическую парадигму, необходимую для изучения переводческой деятельности с позиций теории текста и интертекстуальности.

Практическая значимость рецензируемого исследования определяется возможностью использования его результатов на занятиях в вузах, при создании учебных пособий для будущих филологов по теории и практике перевода, по лингвокультурологии, по методике лингвостилистического анализа художественного текста, а также при подготовке популярных изданий, посвященных проблемам перевода и взаимодействия культур.

Судя по содержанию, автор детально знаком с историей развития научных идей в рассматриваемых областях, что позволило ему удачно выбрать теоретическую базу для своего исследования, сформулировать проблему и показать пути для ее решения. Эффективность предложенной модели подтверждается при конкретном анализе достаточно объемного массива разнообразных художественных текстов.

Важной заслугой автора является теоретическое обоснование своего подхода к взаимодействию языков и культур. Обращение к общему контексту рассматриваемой проблемы, к «научной биографии» идей в соответствующей области помогает автору обосновать специфику своего подхода к материалу, представить его как очередной этап в развитии научной мысли. Автор проявляет широкую эрудицию и вместе с тем решительность в формулировании специфики собственного подхода к тому или иному феномену.

Рецензии

Как и всякое серьезное исследование, монография Н.М. Нестеровой вызывает стремление продолжить обсуждение поднятых проблем, не все в работе принимается безоговорочно. Однако прежде чем формулировать замечания, подчеркнем следующее. Как известно, судить о новом научном направлении нужно по тем законам, которые оно признает для себя. Поэтому следует судить о результатах работы автора в рамках той научной парадигмы, к которой относится монография, но с учетом признанных общенаучных принципов. В этом случае необходимо выделить следующие дискуссионные аспекты рассматриваемого исследования.

1. Текст монографии отличает метафоричность стиля, автор нередко использует в своем изложении элементы постмодернистской парадигмы. Это украшает текст, но иногда воспринимается как не вполне соответствующее традициям отечественной науки. Особенно удивляет метафоричность выводов, поскольку далеко не каждый читатель сможет перевести авторские метафоры в строгие научные формулы.

2. Поставленные автором задачи воспринимаются как чрезмерно объемные. Едва ли все их можно решить в рамках одной монографии. Это, скорее, не столько задачи, сколько направления движения мысли исследователя.

Переходя к общей оценке исследования Н.М. Нестеровой, следует отметить, что высказанные замечания имеют дискуссионный характер (в науке возможно сосуществование различных точек зрения) и не влияют на общую высокую оценку монографии, в которой решены все поставленные задачи. Работа написана хорошим научным стилем, без излишнего усложнения, автор тщательно подбирает необходимый иллюстративный материал.

Теория и практика перевода – это точка пересечения, в которой сходятся едва ли не все проблемы языка и мышления, языка и культуры. Здесь особенно значимо соотношение национального и индивидуального в концептуальной и языковой картинах мира, не менее важны для переводоведения проблемы жанра и стиля, текстопорождения и текстовосприятия, текста и интертекста, первичности и вторичности текстовой деятельности, проблемы творческого и стереотипного в мышлении и речепорождении. И это, вероятно, еще не весь спектр проблем, которые можно увидеть в феномене перевода и к которым обращается Н.М. Нестерова в своей монографии.

¹ Нестерова Н.М. Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм. Пермь, ПГТУ, 2005. С. 204.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ А.П. ЧУДИНОВА И Э.В. БУДАЕВА «МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРДИСКУРСЕ»¹

Н.М. Нестерова, О.В. Соболева

В монографии¹ представлена попытка обобщения и классификации современных исследований в области политической метафоры. Актуальность заявленной темы сегодня вполне очевидна и не требует дополнительных доказательств не только для специалиста-филолога, но и для каждого, кто непосредственно связан с языком политики, методами и приемами речевого воздействия в политической сфере.

Отмечая значимость политической метафоры в современном обществе, авторы указывают на возрастающий интерес к ее изучению, ведь в ней зачастую отражаются политические процессы и личностные качества их участников. Совершенно справедливым представляется утверждение о том, что активизация метафор в социальной коммуникации может служить признаком приближающихся общественных потрясений и одновременно свидетельствовать о направлениях движения политического сознания.

В работе авторами создается своеобразная историография, точнее, эпистемология политической лингвистики и политической метафорологии. Используются как квалификативные, так и количественные приемы изучения научных публикаций, посвященных политической метафоре.

В зарубежной науке теория политической метафоры имеет давние и богатые традиции, российские же исследователи обратились к изучению этого феномена сравнительно недавно, поэтому, безусловно, монография Э.В. Будаева и А.П. Чудинова, систематизирующая обширный материал и содержащая глубокий анализ методологии современных исследований, послужит серьезным толчком для развития отечественных научных разработок в этой области.

В первой главе авторы обращаются к истокам современной теории политической метафоры. Несмотря на то, что традиционно принято отождествлять существующие сегодня представления о ней с теорией концептуальной метафоры, созданной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, авторы выделяют два значимых научных направления, на пересечении которых, по их мнению, и возникает теория политической метафоры. Таким образом, в поле зрения авторов попадают политическая лингвистика и метафорология, оба эти истока теории политической метафоры подробно рассматриваются как в концептуальном, так и в историко-научном ключе.

В монографии большое внимание уделяется «когнитивной революции», которая привела к бурному развитию в лингвистике в целом когнитивного направления, а в метафорологии – когнитивной теории метафоры, в основе которой лежит идея о том, что метафора – это феномен не лингвистический, а ментальный: языковой уровень лишь отражает мыслительные процессы. Метафорические значения слов – это не украшение мыслей, а лишь поверхностное отражение концептуальных метафор, заложенных в понятийной системе человека и структурирующих его восприятие, мышление и деятельность. Вербальная метафора – это языковое отображение крайне важных аналоговых процессов, она участвует в формировании личностной модели мира, играет важную роль в интеграции вербальной и чувственно-образной систем человека. Большинство современных трудов по политической метафоре и базируется на когнитивной теории метафоры. Как отмечают сами авторы, рассмотрению становления науки о политической метафоре и посвящена их книга.

Во второй главе «Методология исследования политической метафоры» авторы обобщают имеющиеся методологические подходы к исследованию политической метафоры, дают классификацию этих подходов, среди которых выделяют два направления: риторическое (оно же стилистико-семантическое) и когнитивное. В книге мы находим как диахронический, так и синхронический анализ исследований по политической метафоре (далее – ПМ). Отличительной чертой современных исследований ПМ, по мнению авторов, можно считать конвергенцию исследовательских методов, в связи с чем встает вопрос о реальной возможности совмещения в одном исследовании различных методов. Авторы отмечают, что одни методы вполне сочетаемы (например, контекстуальный анализ совместим с компонентным; когнитивное исследование – с критическим анализом дискурса), другие комбинации не представляются целесообразными (например, совмещение когнитивного и семантического исследований).

Бесспорно, удачной в структуре и логике монографии является используемая авторами для демонстрации структуры методов табличная форма, в которой представлены: 1) базисные методы исследования, к ним относятся риторическое и когнитивное направление; 2) критический vs деск-

риптивный анализ, первый из которых направлен на изучение способов, позволяющих власти добиваться господства в обществе и удерживать его, в то время как второй (дескриптивный) метод анализа ориентирован на описание и объяснение феноменов без их идеологической оценки (в России, как отмечают авторы, доминирует последний); 3) методы отбора материала для исследования, где разграничиваются качественный и количественный анализ; 4) используемые в исследовании ПМ параллельно с базисными методами смежных наук и направлений, среди которых авторы называют дискурсивную теорию демократизации, дискурсивный анализ социальных структур, комбинаторную теорию кризисной коммуникации и др. Рассматривается и нейрокогнитивный подход к изучению метафоры, который начинает развиваться только в конце 1990-х годов, а также психолингвистические методы изучения ПМ.

Особенностью работы Э.В. Будаева и А.П. Чудинова является ее «региональность»: выделив три мегарегиона – Северную Америку, Центральную и Западную Европу, а также постсоветские государства – как три направления в изучении политической метафоры (североамериканское, европейское и российское), авторы дают исчерпывающую информацию о специфике исследования в каждом из мегарегионов. В данной главе приводится диаграмма, где представлены данные (в процентном соотношении) о том, какие методы исследования ПМ используются в каждом мегарегионе. Так, в России превалирует когнитивный подход и дескриптивный анализ, в то время как критический полностью отсутствует.

Целью третьей главы «Дискурсивное исследование политической метафоры» является рассмотрение закономерностей использования метафоры в различных видах дискурса. Авторы характеризуют использование ПМ в национальном политическом дискурсе, институциональном/медийном дискурсе, историческом дискурсе, личном дискурсе и в отдельном тексте. Каждому дискурсу посвящен отдельный раздел. В конце каждого раздела имеется сводная таблица, где представлены количественные соотношения исследований использования ПМ в соответствующем дискурсе в каждом из трех мегарегионов.

Особый интерес, как нам кажется, представляет анализ ПМ в историческом дискурсе. Как отмечают авторы, исследования такого рода не очень многочисленны, большинство работ посвящено анализу современного дискурса, но именно анализ исторического дискурса позволяет проследить эволюцию политической метафоры, выявить ее архетипичность и вариативность. Первое свойство проявляется в том, что политическая метафора имеет устойчивое ядро, которое остается неизменным на протяжении веков, в такого рода метафорах можно увидеть «устойчивые детерминанты человеческого сознания или архетипы коллектив-

ного бессознательного» (исследования М. Осборна). Вариативность проявляется в динамике уровня метафоричности ПД и в изменении метафорических моделей в определенные исторические эпохи. Смена метафор становится особенно заметной во время общественно-политических преобразований, а это означает, что в метафорах можно увидеть картину происходящих процессов.

В особую группу авторы выделяют публикации, где исследуется использование метафор в отдельном тексте, где метафора оказывается включенной во внутритекстовые и межтекстовые связи. Анализ отдельного текста позволяет увидеть доминирование той или иной метафорической модели, развертывание фрейма сферы-источника в тексте. Авторы подчеркивают, что в настоящий момент таких исследований мало, но согласно логике развития изучения когнитивной метафоры, они должны появиться.

Последняя (четвертая) глава «Когнитивные и семантические аспекты исследования политической метафоры» посвящена собственно сравнительно-концептуальному анализу исследований ПМ. В начале главы обозначается набор тем, которые последовательно рассматриваются в главе. Такая структура, несомненно, «задает» логику всей главе, организуя ее так, чтобы читателю было легче включиться в рассматриваемую проблематику (аналогично построены вторая и третья главы). Тематика данной главы является: семантические и когнитивные сферы-источники метафорической экспансии; семантические и когнитивные сферы-мишени; базисные когнитивные структуры; вербальные и невербальные ПМ; гендерные характеристики политической метафоры.

Авторы, анализируя сферы-источники метафорической экспансии, предлагают читателю своего рода рейтинг наиболее популярных сфер. Согласно статистическим данным, сегодня лидирующей сферой-источником является «Война», причем это характерно для всех мегарегионов. Популярными же сферами-мишенями являются «Политика» и «Субъекты политической деятельности», но значимость данных сфер варьируется в регионах.

В параграфе, названном авторами «Метафора как проявление базисных когнитивных структур», речь идет о взгляде на метафору как на механизм, позволяющий выявить особенности национальной ментальности, национальной картины мира, образа мышления, свойственного тому или иному этносу. Бесспорно интересным для будущих исследований ПМ представляется раздел монографии, в котором рассматриваются работы, посвященные функционированию метафоры во всем семантическом пространстве политической коммуникации, включающей как вербальные, так и невербальные компоненты. Идет речь и о креолизованных текстах, примером которых являются политические плакаты, где сочетаются иконические и вербальные компоненты.

Последний раздел монографии посвящен актуальному в условиях современности гендерному аспекту политической метафоры. Авторы отмечают различие западной и восточной метафоры с точки зрения создания образа «чужого». Так, в западном дискурсе доминирует тактика метафорической маскулинизации «чужого», в то время как на Востоке, в исламских государствах – тактика метафорической феминизации «чужого».

Анализ изучения ПМ в различных мегарегионах позволяет авторам сделать выводы о глобальных и мегарегиональных закономерностях исследования политической метафоры. Глобальными закономерностями являются следующие: во всех мегарегионах ПМ изучается преимущественно с точки зрения выделения основных сфер-источников и сфер-мишеней метафорической экспансии, в региональных исследованиях совпадают основные исследуемые сферы-источники и сферы-мишени. Мегарегиональная специфика в основном проявляется в «приоритете» тех или иных сфер-источников и сфер-мишеней. Что касается гендерных характеристик ПМ, а также специфики использования метафоры в невербальной коммуникации, то тут авторы подчеркивают, что пока еще эти проблемы не попали в фокус исследования в отечественной политической лингвистике, но уже стали объектом анализа в американской и европейской теории политической метафоры.

В заключение авторы подчеркивают, что их исследование не является «подведением итогов», поскольку политическая метафорология «находится в своем апогее» и, следовательно, можно ожидать ее «дальнейшего плодотворного развития». Нам же представляется, что именно исследование

Э.В. Будаева и А.П. Чудинова может и должно послужить стимулом для такого развития.

Особую ценность для будущих исследований, несомненно, представляют библиографический список, включающий в себя 576 источников, из которых 379(!) иноязычных, и 4 приложения, где в табличной форме содержится информация об исследованиях политической метафоры в следующих мегарегионах: России и смежных государствах; в Центральной и Западной Европе; в Северной Америке; а также в Азии Африке, Океании и Южной Америке. Информация включает в себя следующие сведения: автор исследования, исследуемый национальный дискурс, методы исследования, сферы-источники и сферы-мишени метафоризации, источники, на базе которых проводились исследования.

Итак, перед нами небольшое по объему, но энциклопедическое по содержанию исследование феномена политической метафоры и ее функционирования в политическом дискурсе, которое, несомненно, является синтезирующим по своей сути и представляет интерес как для лингвистов любого профиля, так и для специалистов в области когнитивистики и политической метафорологии. Как образец анализа и структурирования материала, данная монография может быть рекомендована для аспирантов и молодых ученых, кроме того, ее материалы могут лечь в основу специальных учебных курсов по когнитивной и политической лингвистике.

¹ Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Монография. Екатеринбург, 2006. С. 208.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Биньковская Мария Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общей лингвистики ЮУрГУ. E-mail: vladimir-chel@yandex.ru.

Будаев Эдуард Владимирович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. E-mail: aedw@rambler.ru.

Власян Гаянэ Рубеновна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики английского языка Челябинского государственного университета. E-mail: vlasyanGR@yandex.ru.

Гашева Ольга Викторовна, аспирант кафедры французского языка Уральского государственного педагогического университета. E-mail: ai-lu-lu@yandex.ru

Голубева Светлана Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общей лингвистики ЮУрГУ. E-mail: golsvet2000@mail.ru.

Гуляева Галина Евгеньевна, аспирант кафедры современного русского языка Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Ю.В. Казарин. E-mail: astra310@mail.ru.

Дачко Елена Михайловна, аспирант, преподаватель кафедры общей лингвистики ЮУрГУ. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор, директор Института иностранных языков УрГПУ В.И. Томашпольский.

Давыдова Ольга Леонидовна, аспирант третьего года обучения (очная форма), аспирантура Уральского государственного педагогического университета, специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание».

Демидова Карелия Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка Уральского Государственного Педагогического университета (Екатеринбург).

Ермоленко С.И., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Уральского государственного педагогического университета.

Ерофеева Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой

рой французского языка Уральского государственного педагогического университета.

Завьялова Наталья Алексеевна, ассистент кафедры английского языка Института иностранных языков Уральского государственного педагогического университета. E-mail: znahi@r66.ru.

Зейферт Анна Дмитриевна, ассистент Института иностранных языков Уральского государственного педагогического университета, аспирант. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор В.И. Томашпольский. E-mail: seifert@inbox.ru.

Зенченко Мария Александровна, аспирант кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Уральского государственного педагогического университета. Научный руководитель – к.филол.н., профессор Н.А. Пирогов. E-mail: m.s@list.ru.

Злыденная Татьяна Александровна, старший преподаватель кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного Педагогического Университета (Екатеринбург).

Иванова Екатерина Анатольевна, ассистент кафедры немецкого языка и методики преподавания Института иностранных языков Уральского государственного педагогического университета. E-mail: slekan@ural.ru.

Кацюба Лариса Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры речи и профессионального общения ЮУрГУ.

Клочков Алексей Валерьевич, ассистент кафедры немецкого языка Орловского государственного университета. E-mail: klochkova@orel.ru.

Кошкина Наталия Владимировна, ассистент кафедры иностранных языков, аспирант кафедры немецкой филологии Уральского государственного педагогического университета. Научный руководитель – к.филол.н., профессор Н.А. Пирогов. E-mail: natalia@intera.ru.

Коурова Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики преподавания Шадринского государственного педагогического института.

Луппова Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Ураль-

ского государственного педагогического университета.

Назин Артем Сергеевич, старший преподаватель кафедры английского языка Сургутского государственного университета.

Олизько Наталья Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка. E-mail: starterchel@yandex.ru.

Передриенко Татьяна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ЮУрГУ. E-mail: tatiana-2012@mail.ru.

Пестова Наталья Васильевна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой немецкой филологии Уральского государственного педагогического университета.

Пирогов Николай Александрович, кандидат филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Уральского государственного педагогического университета.

Плещев Н.А., кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Уральского государственного педагогического университета.

Плотникова Анна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Уральского государственного университета. E-mail: annamp@yandex.ru

Попова Вера Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры речи и профессионального общения ЮУрГУ. E-mail: porova.vera@mail.ru.

Провоторов Валерий Иванович, кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и межкультурной коммуникации Регионального открытого социального института города Курска. E-mail: perevod@kursknet.ru

Пылайкина Вера Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Института иностранных языков Уральского государственного педагогического университета. E-mail: pylaikina@mail.ru

Радченко Елена Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры речи и профессионального общения ЮУрГУ.

Синельникова Анна Владимировна, аспирант, преподаватель кафедры общего и романского языкознания Челябинского государственного университета. Научный руководитель – доктор фило-

логических наук, профессор, декан факультета лингвистики и перевода ЧелГУ Л.А. Нефедова. E-mail: sinel-anna@mail.ru.

Скобелева М.Л., ассистент кафедры русской и зарубежной литературы, аспирант Уральского государственного педагогического университета. Научный руководитель – д. филол. н., профессор С.И. Ермоленко.

Соколова Елена Юрьевна, аспирантка Института языкознания Российской академии наук, старший преподаватель факультета иностранных языков НОУ «Институт гуманитарного образования». Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор заведующий сектором «Психолингвистика» Института языкознания РАН Е.Ф. Тарасов.

Становая Лидия Анатольевна, доктор филол. н., профессор, зав. кафедрой романской филологии РГПУ им. Герцена.

Сумина Екатерина Сергеевна, аспирант Уральского государственного педагогического университета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н.В. Пестова. E-mail: katharina3@mail.ru.

Сурина Анна Владимировна, аспирант, преподаватель кафедры русского языка Нижнетагильской социально-педагогической академии. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А.П. Чудинов. E-mail: surinaav2004@mail.ru.

Турбина Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей лингвистики ЮУрГУ, директор Лингвистического центра ЮУрГУ. E-mail: toa@susu.ac.ru.

Усанова Ольга Григорьевна, кандидат педагогических наук, зав.учебно-методическим отделом учебно-методического управления Челябинской государственной академии культуры и искусств. E-mail: ogu@mail.ru.

Федорова Валентина Павловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой древней литературы и фольклора Курганского государственного университета.

Фрост Светлана Геннадьевна, аспирант, преподаватель кафедры теории и практики перевода Челябинского государственного университета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка ЧелГУ Л.А. Шкатова. E-mail: mak-frost@yandex.ru

Сведения об авторах

Халяпина Людмила Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кемеровского государственного университета, докторант РГПУ им. А.И. Герцена.

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культуры речи и профессионального общения ЮУрГУ.

Хомутова Тамара Николаевна, кандидат филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ЮУрГУ. Декан факультета лингвистики ЮУрГУ. E-mail: tnh@susu.ac.ru.

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Уральского государственного педагогического университета, заведующий кафедрой риторики и межкультурной коммуникации. Председатель двух диссертационных советов в

УрГПУ. Профессор-совместитель кафедры общей лингвистики ЮУрГУ E-mail: ap_chudinov@mail.ru.

Шапкина Елена Валерьевна, старший преподаватель кафедры английского языка ЮУрГУ. E-mail: eshapkina@mail.ru.

Шеметов Владимир Борисович, д.филол.н., профессор, зав.кафедрой теории и практики перевода ЧелГУ. E-mail: schemet@csu.ru.

Шустрова Елизавета Владимировна, кандидат филологических наук, докторант кафедры английской филологии и сопоставительного языкознания Института иностранных языков Уральского государственного педагогического университета. E-mail: pribor@sky.ru.

Юрочкина Ольга Николаевна, ассистент кафедры Романо-германского языкознания Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Л.Г. Бабенко. E-mail: dobermann94@mail.ru.

**ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

№ 6 (61) 2006

Серия «ЛИНГВИСТИКА»

Выпуск 3

Издательство Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 24.10.2006. Формат 60×84 1/8. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 19,53. Уч.-изд. л. 23,71. Тираж 150 экз. Заказ 411/81.

Отпечатано в типографии издательства ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76